

А.П.СКЯТЫНОВ

ПОЭТИКА
И ГЕНЕЗИС
БЫЛИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

1994

ББК 823(2-Рус) — 443

С 42

Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. — Саратов. Изд-во Саратов. ун-та, 1994. 320 с.

Книга заслуженного деятеля науки профессора Александра Павловича Скафтымова «Поэтика и генезис былин» впервые была издана в 1924 году.

А. П. Скафтымов стоял у истоков советской фольклористики, и его книга обусловила крутой поворот в изучении эпоса от поисков исторических аналогий былинным сюжетам — к установлению их общей идейно-эстетической задачи, специфике эпического историзма.

Изложенные в монографии законы эпического стихосложения не только не устарели, но находят все большее признание в науке.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся национальным эпосом.

С 4602020000—31 141—94
176(02)—94

ISBN 5—292—01833—5

© А. П. Скафтымов, 1924
© Издательство Саратовского университета, 1994

КЛАССИЧЕСКИЙ ТРУД ПО РУССКОМУ ЭПОСУ

Профессор Саратовского университета заслуженный деятель науки Александр Павлович Скафтымов (1890—1968) вошел в историю филологической науки как исследователь творчества А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского. Но первым большим его трудом была книга «Поэтика и генезис былин», которая создала ему имя и в фольклористике.

«Поэтика и генезис былин»¹ А. П. Скафтымовым была задумана и осуществлена в условиях, когда наука пришла к определенному рубежу в изучении русского эпоса. За предшествующие ей четверть века учеными исторической школы много было сделано в историко-бытовом объяснении содержания былин, установлении их связей с событиями национальной жизни русского средневековья.

В то же время метод сопоставления эпической именной номенклатуры с летописной, былинных мотивов с наличествующими в памятниках письменности событиями не дал бесспорных результатов в идентификации былинных героев, мотивов и самого генезиса. Напротив, обнаружились расхождения в историческом осмыслении эпических произведений, в прикреплении их к определенному времени, лицу и событию. Не случайно уже в начале XX в., когда историческая школа была в расцвете, родилась теория «согласования»: А. М. Лобо-

¹ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин М.; Саратов, 1924. В дальнейшем. Скафтымов А. П. Поэтика.

да и Н. Н. Трубицын высказались за необходимость сочетания различных подходов — мифологического, сравнительного и исторического — к изучению эпоса. А. П. Скафтымов, критически обзоревав литературу о былинах, отнес теорию к эклектическим, усмотрев в ее появлении закономерность: «Скептицизм и эклектизм — братья близнецы. Они всегда приходят вместе, сменяя периоды надежд и увлечений. Шатание без веры их общая основа»². Однако историческое исследование былин направлялось их жанрово-тематической природой.

В конце жизни акад В. Ф. Миллер, подводя научные итоги изучения былин за последние два десятилетия, по-прежнему считал наиболее плодотворной «разработку былин с историко-бытовой стороны»³, с неизменной опорой на исторические источники и на «разыскания специалистов-историков русского народа»⁴. При этом он не льстил себя надеждой на то, что и при современном (1912) состоянии научной разработки эпоса его история «будет вполне разъяснена...» без оговорок⁵. Более того, предпринимая новый разбор самого обширного и значимого Владимирова цикла, ученый заявил, что попытка уяснить его сюжетный состав в древности пока что безнадежна⁶.

Еще более критичен относительно результатов изучения былин Б. М. Соколов, который через несколько лет после В. Ф. Миллера посвятил статью итогам и задачам изучения эпоса. Опубликованная недавно, она, как считает В. М. Гацак, в свое время была широко обнародована ученым как лекция⁷. Подведение итогов

² Там же С 34

³ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности М, Л, 1924 Т 3 С 3

⁴ Там же С 6

⁵ Там же С 3

⁶ Там же С 7.

⁷ Соколов Б. М. Ближайшие задачи изучения русских былин//Фольклор Поэтическая система М, 1977 Публикация В М Гацака Публикатор пишет, что статья Б М Соколова читалась как лекция в Московском и Саратовском университетах в машинописной ее копии сделаны добавления, касающиеся организации собрания фольклора в Саратовском крае (см Гацак В М Из разработок Б М Соколова по теории и поэтике фольклора//Там же. С 276) Действительно, Б М Соколов читал лекцию «О ближайших задачах изучения этнографии Саратовского края» в 1919

и критический обзор обширной научной литературы о былинном эпосе Б. М. Соколов считает необходимым условием продвижения в его изучении. Он констатирует не только блестящие результаты, но и разочарования «в прочности и плодотворности работ над русским эпосом»⁸ и связывает последние с существованием разнообразных, неустойчивых и противоречивых его объяснений исторической школой. Причину он видит «в неустановленности до сих пор самого метода изучения былин», в неустойчивости критериев, что и сказывается «на трудной работе по воссозданию основного вида, зерна былины и ее постепенной литературной эволюции»⁹. Он настаивает на изучении былинных имен в связи не только с летописными показателями, историко-бытовыми чертами сюжета, с местной историей и литературой¹⁰, но и с поэтикой былин, а также данными языка¹¹. В. М. Гацак пишет, что критические суждения Б. М. Соколова об исторической школе «значительно опередили, а может быть, и подготовили негативные оценки, которые будут даны позднее, например, в книге А. П. Скафтымова»¹². Возможно это так: ведь ученые общались. Но впервые критическое отношение к изучениям былин А. П. Скафтымовым было высказано раньше, в 1919 году, до знакомства с Б. М. Соколовым.

Что касается поэтики, то подходы к ней у Б. М. Соколова и А. П. Скафтымова были различными в принципе. Б. М. Соколов видел в ней поддержку историческим исследованиям поэтики, которая «ждет своего исследователя», должна помочь решению «вопросов заимствования» — происхождения эпоса и его слагате-

и 1920 гг. на заседаниях Саратовского общества истории, археологии и этнографии, членом которого был и А. П. Скафтымов (см. Журнал учета докладов, прочитанных в саратовском обществе «Истархет»//Гос. архив Саратовской области (далее — ГАСО) Ф 407 Е. хр. 328 Л. 2 и 3 о). Но, касался ли он задач изучения былин в лекции конкретно практического назначения, утверждать с определенностью трудно.

⁸ Там же С. 282—286.

⁹ Там же С. 290. Курсив автора.

¹⁰ См. Там же С. 291—292.

¹¹ См. Там же С. 297.

¹² Гацак В. М. Из разработок Б. М. Соколова по теории и поэтике фольклора С. 278.

лей. Во главу угла он ставил исторические изучения: «Прежде чем ввести то или другое словесное произведение в круг истории литературы, нужно иметь ответ на основные вопросы этого произведения: *когда, где и кто* сложил это произведение и, наконец, *что, собственно говоря, оно выражает*»¹³.

Через три года после Б. М. Соколова, в 1921 году, А. П. Скафтымов высказал иной взгляд на последовательность, которой следует придерживаться в историко-литературных исследованиях, явно выступив против перекосов в применении генетического метода как ограничивающего изучения. «Общей чертой историзма во всех его разновидностях,— писал он,— является скрытая в нем тенденция покрыть все запросы научной пытливости одной проблемой генезиса». Историко-генетическому подходу должно предшествовать познание самого явления, его признаков и свойств, «как они явлены в самом пребывании изучаемого факта»¹⁴. Он аргументирует первейшую необходимость понимания произведения как «эстетического феномена», приоритетность размышлений над самим текстом: «Цель теоретической науки об искусстве — постижение эстетической цельности художественных произведений»...¹⁵. Свое время он считал далеким от решения этой проблемы. Несомненно, что теоретические положения лекции (и статьи) А. П. Скафтымова 1921 года распространялись и на фольклористику, и на методы изучения былин, уже глубоко им осмысленные.

Б. М. Соколов отводил поэтике служебную роль в изучении былин. Предлагая пути совершенствования методов исторических исследований, которые должны стать обязательными для всех (в этом случае будет обеспечена объективность в истолковании былин «в исторической плоскости»), он утверждал: «Мне кажется, прокладывать совершенно новых путей не приходится. Они указаны в заветах виднейших наших исследователей»¹⁶. Таким образом, крупнейшие из ученых истори-

¹³ Там же. С. 290 Курсив автора

¹⁴ Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Учен. зап. Сарат. ун-та. 1923. Т. I. В. 3. С. 54—55.

¹⁵ Там же. С. 58.

¹⁶ Соколов Б. М. Ближайшие задачи изучения русских былин. С. 291.

ческой школы В. Ф. Миллер и Б. М. Соколов, критически оценивая приемы и результаты историко-бытовых разысканий в области эпоса, искали новые исследовательские подходы только в рамках принципов той же школы.

Эстетические принципы народного эпоса, конечно, не отрицались и не оставлялись без внимания, но, например, Б. М. Соколов, касаясь этой стороны работ В. Ф. Миллера, называет его наблюдения «спорадическими замечаниями»¹⁷.

В. Ф. Миллер писал о единстве художественных приемов былины, оттеняющих ее значение и серьезный тон (запевы, зачины, концовки). Он относил их к «искусственным», «артистическим» и вел либо от слагателей (профессиональных петарей), либо от носителей (скоморохов). Входящие в былины географические, исторические реалии служили ученому аргументами для прикрепления произведения к определенному времени, месту действия и к конкретному циклу. Но они рассматривались и как «могучий рычаг для памяти», т. е. как средство закрепления традиции¹⁸. Былины в современной записи — это «целая масса старых эпических материалов, годных для новой постройки», это «запас красок», используемых крестьянами при каждом удобном случае¹⁹. Уже при создании «исторические факты перерабатывались под влиянием фантазии»²⁰, — признает В. Ф. Миллер.

По оценке другого известного ученого, М. Н. Сперанского, в исследованиях начала века поэтика истолковывалась «в узком смысле слова», как «изобразительные средства, которыми достигается поэтичность и музыкальность стиля в связи с особенностями построе-

¹⁷ Соколов Б. М. К исследованию поэтики народных песен // Фольклор. Поэтическая система. С. 298. «Никто никогда не сомневался квалифицировать былинку как произведение художественное, — писал А. П. Скафтымов, — и исследователи не отрицали ее художественности, иногда касались и апеллировали к этой стороне ее свойств, но все это только случайно и эпизодически» (Скафтымов А. П. Поэтика. С. 40).

¹⁸ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. Т. I. С. 39.

¹⁹ Там же. С. 42, 48.

²⁰ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., Л., 1924. Т. 3. С. 29.

ния самого произведения и изложения сюжета»²¹. В исследование поэтики входило рассмотрение каждого из приемов и средств композиции и стиля: запева, зачина, исхода, видов повторений, эпитетов, сравнений, что делал и М. Н. Сперанский.

Ученый ставил качество образительности в историческом эпосе в прямую зависимость от соотношения факта и вымысла, а также от литературных вкусов эпохи, приверженных, например, либо былинне, либо исторической песне: «...Поэтичность в исторической песне окрашена более внимательным отношением к историческому факту, тогда как в былинне самая поэтичность образов, независимо от их исторической фактичности, выдвигается на первый план: время сложения былины, ее характер указывают на иные литературные вкусы, нежели исторические песни, может быть, стоящие в зависимости также от той среды, где был спрос на былинку или на историческую песню»²². Через изучение формальных особенностей эпического устно-поэтического произведения М. Н. Сперанский считал возможным «правильно подойти к его сюжету с исторической точки зрения, к восстановлению произведения в его наиболее близком к первоначальному виду»²³, т. е. изучение поэтики — путь к искомому исторической школой архаическому изводу былинного текста через сравнение образительных средств в разных вариантах. Идею наполнения текста, образной системы, стилистики остаются, таким образом, в стороне, исследуется только его литературная история. При этом М. Н. Сперанский видел, что единственно исторический анализ былин не привел к бесспорным результатам, он приблизителен: «Мы встречаем много колебаний, объясняющихся недостаточной устойчивостью материала... недостаточно еще изученной с исторической точки зрения поэтикой былинного творчества...»²⁴.

* * *

Все больше назревала потребность в изучении былин как произведений поэтических, художественно си-

²¹ Русская устная словесность. Т. 1. Былины//Под ред. вводными статьями и примечаниями М. Сперанского. М., 1916. С. XXXIX.

²² Сперанский М. Н. Там же. С. XVI—XVII.

²³ Там же С. XVIII.

²⁴ Там же. С. XIV.

стемных. Читательскую общественность, учителей-словесников, интересующихся проблемами художественности, не удовлетворяло изучение эпоса лишь в его исторических связях с действительностью, или истории развития текста. Например, статьи М. Н. Сперанского, сопровождавшие названное издание былин, вызывают укор Д. Болдырева: «Сопричислить былины к мировым памятникам, еще не значит показать миру их красоту»; выявить исторический факт как повод для создания былины — это «в сущности внешний подход к былинам», не уясняющий «самого главного в них — их художественного содержания». Между тем, вся суть былинной поэзии заключается в необычайной силе и величии ее образов, отнюдь не исторических в целом, даже отнюдь не реальных, а строго и вполне фантастических. И вся задача критики народной поэзии должна заключаться в том, чтобы найти то поле, на котором могла бы развернуться во всю свою мощь эта изумительная фантазия»²⁵. Д. Болдырев не сторонник мифологических объяснений, он не противник исторических изысканий, но он против того, чтобы ставилась точка после, например, сближения имени Ильи Муромца с именем варяжского князя Олега: оно ничего не дает для «выяснения фантастического образа» былинного героя²⁶, то есть интерпретации его как художественного создания народного гения.

С большей определенностью охарактеризовал состояние изучения былин как «запутанное» А. Н. Сиротинин, учитель одной из Варшавских гимназий. Для него былина, прежде всего, «поэтическая летопись народной души и жизни»²⁷. Он писал: «Разлагающая работа анализа здесь в полном ходу; не осталось камня

²⁵ Русская мысль 1917, № 7—8. С. 2. Курсив автора.

²⁶ Там же.

²⁷ Сиротинин А. Беседы о русской словесности. 3-е изд. СПб., 1913. Последние годы жизни работал в Саратовском ун-те. Его памяти было посвящено совместное заседание Общества «Ист.-Арх.Эт.» и Общества искусствоведения и истории литературы (21 октября 1923 г.), на котором А. Н. Сиротинин был представлен как переводчик с древних языков и как педагог. Б. М. Соколов выступил с докладом «Работа А. Н. Сиротинина по изучению былевого эпоса», А. П. Скафтымов — «Новая русская литература в трудах А. Н. Сиротинина» // ГАСО. Ф. 407. Е. хр. 328. Л. 10 об. (Журнал учета докладов, прочитанных в Саратовском обществе истории, археологии, этнографии в 1918—1925 гг.)

на камне не потревоженного, параллелей накопились целые груды, и за деревьями давно уже почти не видно леса. Чтобы возвыситься над всей этой массой разбросанных фактов, есть одно средство: взглянуть на былины с точки зрения *их художественной концепции*, их замысла и уклада, ибо каково бы ни было их происхождение, оно вне во всяком случае уже сами по себе, во-первых, факт народной жизни, отражение чувств, дум и надежд народа, а во-вторых, и самодовлеющее произведение искусства. Как таковые, *они подлежат прежде всего критике эстетической*²⁸. Подчеркивания в экземпляре этой книги, принадлежащем А. П. Скафтымову, сделаны им. И по последующим страницам можно увидеть, что сказанное А. Н. Сиротининым о необходимости эстетических подходов к тексту былины постоянно останавливает внимание А. П. Скафтымова. Читая, ученый подчеркивает: *«Рука об руку с изучением народной мысли и ее постепенного развития в истории словесности должна идти и так называемая теория словесности, вернее, та часть эстетики, которая обнимает собою искусство слова. В частности рядом с идейным содержанием былины должна быть раскрыта и их художественная красота»*. А. Н. Сиротинин — за уяснение *«общих художественных законов»*, чему он отводит третью часть своих «Бесед»²⁹.

А. Н. Сиротинин относился с сомнением к возможности установить архаический извод былины путем снятия поздних наслоений, а решение задачи «когда, где и как сложилась былина» считал невыполнимой. Для него был важен ясно просматриваемый в былине народный «общий уклон мыслей и сочувствий»³⁰. В «Бе-

²⁸ Сиротинин А. Беседы о русской словесности С VI

²⁹ Там же. С. VII

³⁰ Там же. С. 42. Конкретные рассуждения А. Н. Сиротинина, касающиеся «отблеска вечной и неизменной правды», «душевных движений», нравственных устремлений или проявлений еще не осознанных народом сил, в ряде случаев вызывают возражения А. П. Скафтымова на полях книги. Так, по поводу символического истолкования образа Святогора, который, подняв сумочку, якобы принял новый образ народа земледельческого, что знаменует переход русского народа от стилизованной и дикой жизни к земледельческому труду, он замечает: «Едва ли народ способен на такую далекую символику» (С. 49). Или, откликаясь на оценку А. Н. Сиротининым факта индивидуализации богатырей: «Это высочайшая поэзия», — А. П. Скафтымов дописывает: «Если это вымысел» (С. 276). И некоторые другие.

седах» отчетливо стремление перейти от историко-гё-
нетического к идейному и эстетическому познанию бы-
лин. Не случайно третья глава названа «Красота в бы-
линах». Так нарастает скептическое отношение к исто-
рическим изучениям русского эпоса.

В этом смысле любопытно и несколько отлично от
научно-традиционного осмысления А. Н. Сиротининым
факта трансформации исторической песни в былинку на
примере сюжета об отравлении М. В. Скопина-Шуй-
ского В. Ф. Миллер не раз обращался к истории этого
сюжета как примеру, дающему «яркое понятие о про-
цессах народного творчества» и обосновывающему важ-
нейшее в методике исторической школы «попытки ис-
кать в нынешних «фантастических» былинах отголоски
исторических данных»³¹.

А. Н. Сиротинину важно другое: показать на этом
примере эстетические преимущества эпической обра-
ботки сюжета. Существование ранней, начала XVII в.,
записи песни о Скопине, отделенной от события всего
девятью годами, для него, как и для других исследова-
телей, «счастливый случай», давший возможность уви-
деть текст до его поступления «в скоморошью мастер-
скую», до того, пока «фантазия народа не успела еще
расшить своих узоров по исторической канве». Касаясь
методов изображения событий в песне и в былине, ав-
тор в первой видит простую временную последователь-
ность в их фиксации и отсутствие изобразительности,
«округленности и законченности». «Это первобытная
фотография без ретуши», — заключает он по поводу тек-
ста только что возникшего произведения. Жизнь сюже-
та в устной памяти в течение почти полутора столетий
(запись К. Данилова) привета к эпизации сюжета, ска-
завшейся в отходе от факта и обобщении, — то есть к
появлению произведения высокой художественности.
«Самый беглый взгляд, — пишет А. Н. Сиротинин, — об-
наруживает в ней (записи — В. А.) следы артистиче-

³¹ Миллер В. Ф. Отголоски Смутного времени в былинах//
Известия ОРЯС АН 1906 Т. X Кн. 2 С. 181 «Яркий пример воз-
никновения былинны Киевского цикла из очень позднего материа-
ла, из московской песни XVII в.» дает история сюжета о Ско-
пине в устной традиции северных крестьян, — писал В. Ф. Миллер
(там же С. 182. См. также его комментарии к записям П. С. Гу-
ляева и В. Г. Тана Богораза (Исторические песни из Сибири//
Известия ОРЯС АН Т. IX Кн. 1 С. 31, 34, 35).

ской обработки Это настоящий образец былины ³² Достоинство былин — в отсутствии преднамеренности, лжи, рисовки ³³, в них схвачен «главный тон эпохи», их герои — «скорее идеальные образы, чем определенные исторические лица», в некоторых былинах сильна мифологическая стихия, «исторические песни ближе к будничной действительности, но и дальше от художественного творчества» ³⁴ А Н Сиротинина интересует не столько генезис и процесс развития исторического сюжета в устной памяти, сколько вопрос о соотношении вымысла и реальности, обобщенности и фактичности Поэтому он удовлетворяется сравнением всего двух записей, достаточных для выводов о трансформации исторического сюжета как ступени к его художественному совершенствованию ³⁵ Создание на основе исторической песни былины А Н Сиротининым связывается с многовковой народной традицией, а не с творчеством искушенных профессионалов

Эпизация — это отказ от всего случайного, злободневного в изображении эпохи и героев и традиционный путь к созданию идеальных былинных образов

А П Скафтымов для иллюстрации перестройки сюжетной схемы произведения в процессе отхода предания от фактических обстоятельств истории и быта изберет исторически объяснимую песню о Кострюке, рассматриваемую им как былинку Но его задача иная — выявить и показать на вариантах действие в сюжетосложении художественного и психологического факторов как формирующей силы, подчиняющей фактические обстоятельства (они меняются) главному и постоянному мотиву эпоса — мотиву единоборства и связанному с ним эмоционально-эстетическому эффекту.

* * *

С «Беседками» А Н Сиротинина А П. Скафтымов познакомился задолго до начала работы над «Поэти-

³² Сиротинин А Указ работа С 32

³³ Там же С 42

³⁴ Там же С 155

³⁵ Превращение в устной народной памяти песни о Скопине в былинку рассматривалось и как следствие забывания исторической основы и даже искажения песенного сюжета (см Миллер В Ф Очерки Т 3 С 331—332)

кой», возможно, еще во время учебы в Варшаве³⁶. Именно жанр былины приоритетно изучался студентами Варшавского университета в курсе русской устной словесности проф И И Замотина значительное место отводилось историографии, преобладали они и в семинаре Книги И И Замотина³⁷ были в личной библиотеке А П Скафтымова, на их страницах и на подплетенных чистых листах к этим литографированным изданиям множество его заметок

Русская устная словесность занимала в интересах А П Скафтымова далеко не последнее место во время его работы в средних учебных заведениях Саратова и Астрахани, когда ему были нужны «Беседы» А Н Сиротинина. Для него была глубоко органична концепция былины как художественных произведений.

Не случайно в 1919 г преподаватель Саратовского университета А П Скафтымов, автор первых статей о Достоевском и Лермонтове³⁸, выступает с развернутой рецензией на книги русских былин М Н Сперанского и Б М Соколова³⁹, которые рассматривает и с точки зрения учителя-словесника, отдавая им предпочтение перед «Беседами» А Сиротинина, еще недавно удовлетворявшими потребностям домашнего чтения учащихся.⁴⁰

³⁶ Годы его учебы в Варшавском университете (1909—1913) совпадают со временем работы А Н Сиротинина в мужской гимназии Варшавы (1903—1915) (см. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь М., 1979 С 306).

³⁷ Замотин И И Русская устная словесность (былевой эпос). Варшава, 1912. Замотин И И Семинарий по истории русской литературы по группе народной словесности. Варшава, 1911. См. Куликова Е И Становление методологии Скафтымова // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Ученые педагоги Саратовской филологической школы / Под ред. проф. Е П Никитиной. Саратов, 1984 С 86.

³⁸ Скафтымов А П (1890—1968). Библиография / Сост. П А Супоничкая // Коллекция книг и эпистолярный архив А П Скафтымова в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета. Саратов, 1981 С 81—86. Библиографический список нужно дополнить рецензией А П Скафтымова на XII и XIII т ПСС Достоевского (Родной язык в школе 1919 Кн 1 С 122—123).

³⁹ Сперанский М Памятники мировой литературы. Русская устная словесность. Былины М., 1916 Т 1, Соколов Б Былины. Исторический очерк. Тексты и комментарии М., 1918.

⁴⁰ Книгу А Н Сиротинина отмечал В Сиповский «как явление исключительное и желанное» именно за эстетическую точку зрения, а также воодушевленность (см. Сиповский В Андреев

Рецензия, напечатанная в журнале, который одной из своих задач считал знакомство учителей «со всеми новыми течениями научной мысли», отразила критический подход к состоянию науки о былинах. А. П. Скафтымов пишет об авторах изданий как о «представителях одной и той же научной школы», а сущность ее метода видит в отыскании исторических параллелей к былинам, «то есть тех фактов действительности, которые когда-то дали толчок к сложению соответствующего сказания и песни». Остановливаясь на разногласии в вопросах исторического приурочения (отмечалась М. Н. Сперанским — В. А.) и эволюции одного и того же сюжета, рецензент видит источник «противоречивых выводов» и порой «неодолимых трудностей» в их решении в опоре исследователей на разные источники, устные и письменные, т. е. в методике научных исследований.

А. П. Скафтымов не принимает безусловности авторитета утвердившейся в науке исторической школы. Он ощущает ненадежность ее методов, а может быть, и скованность авторитетами, когда высказывает недоумение, например, по поводу «непонятого пристрастия» к мнениям В. Ф. Миллера, М. Н. Сперанского и Б. М. Соколова, выразившегося в игнорировании ими иных взглядов, например Н. И. Коробки, на происхождение быliny о Вольге и Микуле⁴¹. Возможность исторического истолкования былин А. П. Скафтымовым не отрицается, напротив, согласно его оценке, те же М. Н. Сперанский и Б. М. Соколов, широко пользующиеся «своей богатой эрудицией... в разных местах внесли ценные результаты собственных изысканий»⁴².

Существенно и характерно для позиции А. П. Скафтымова-рецензента — его присоединение к мнению тех

Сиротинин. Беседы о русской словесности. СПб., 1909//ЖМНП. 1909. № 5. С. 106). К А. Н. Сиротинину как оппоненту обращаются современные исследователи былин (см.: Селиванов Ф. М. Поэтика былин: Учебное пособие по спецкурсу для студентов заочников. Изд-во МГУ, 1977. Его же. Русский эпос Учебное пособие для вузов. М., 1988).

⁴¹ Статьей Н. И. Коробки «Сказания об урочищах Овручского уезда и быliny о Вольге Святославиче» он воспользуется в «Поэтике».

⁴² Там же. В IV главе «Поэтики», характеризуя общие работы о былинах, А. П. Скафтымов повторит положительную оценку этих ученых почти в тех же словах (С. 199).

рецензентов, которые «указывали на отсутствие анализа художественного строя былины». Он пишет: «Правда, этот отдел представлен очень скудно и весь сводится к перечислению общих, чисто технических особенностей, давно уже вошедших во все наши учебники теории словесности и другие литературы. Но больше этого пока делать не приходится. Наша наука, как это ни странно, до сих пор мало проникала в художественную область изучаемых произведений, она ничего не может дать больше того, что дали обе книги»⁴³. Молодой ученый рассматривает книги как итоговые в эстетическом познании эпоса.

Состояние проблемы, это видно, прямо связывается с состоянием науки в целом, о чем А. П. Скафтымов напишет и в предисловии к «Поэтике», и в IV главе книги при оценке эстетического анализа былин А. Н. Сиротинина как традиционного по методам⁴⁴.

Сами формулировки «художественный строй былины», «художественная область изучаемых произведений» предполагают необходимость иного, чем существующий, методологического уровня идейно-эстетических размышлений в области формы.

Эта рецензия не учитывалась в работах о А. П. Скафтымове и его «Поэтике», не вошла в библиографические списки его работ, хотя и была им включена в «Алфавитный указатель» к «Материалам и исследованиям по изучению былин с 1896 г. по 1923 г. (Библиографический обзор)» — последний раздел «Поэтики». Между тем, она показательна для времени наметившегося в науке скептицизма по отношению к историческим исследованиям и поворота внимания к былинной поэтике, а для А. П. Скафтымова — как первый шаг к глубокому осмыслению проблем изучения эпоса и постижению его художественного феномена.

* * *

Книга А. П. Скафтымова «Поэтика и генезис былин» открывается предисловием, в котором «специфическая

⁴³ Родной язык в школе. 1919. Кн. 1. С. 122.

⁴⁴ А. Н. Сиротинин применяет к былине «общие эстетические положения, выработанные (на другом материале) проф. Потебней» (Скафтымов А. П. Поэтика. С. 199).

художественная природа» былины выделяется автором как «объект изучения». В свете критики А. П. Скафтымова, как якобы противника исторического изучения былин, важно подчеркнуть, что решение проблем художественности автор связывал с теми вопросами, «над которыми мыслили раньше»⁴⁵, т. е. научными результатами предшественников. Они высоко оцениваются и учитываются им в дальнейшем. Поначалу А. П. Скафтымов сходится в мыслях с В. Ф. Миллером и Б. М. Соколовым, когда пишет, что «естественно пожелать осмотреться вокруг себя, глубже войти внутрь создавшихся раньше традиций, пересмотреть накопленные сокровища, еще раз взвесить их ценность и выбрать подлинное богатство, при котором застанет нас день наш»⁴⁶. Он первым представляет исследователей историзма былин как подлинно научную школу.

Первая глава — «Современные методы изучения былин»⁴⁷ — посвящена критическому рассмотрению трудов ученых исторической школы прежде всего со стороны научных методов исследований. Общее впечатление от первого прослушивания этой главы «Поэтики» членами Саратовского Общества истории, археологии, этнографии было зафиксировано в «Отчете по Отделению этнографии» за 1923 год: «Докладчик сообщил методологию изучения былин в ее историческом развитии и, классифицируя методы по группам, а также анализируя каждый в отдельности, указал достоинства и недостатки научной разработки былин»⁴⁸.

Историко-генетические разыскания современников не удовлетворяют А. П. Скафтымова не направленностью, а прежде всего методами, не исключающими элементов произвольности и преднамеренности в по-

⁴⁵ Скафтымов А. П. Поэтика С. III

⁴⁶ Там же Б. М. Соколов писал о том же в 1918 году: «Накапуне новых усиленных работ над народным эпосом нам особенно важно оглядеться, бросить взгляд на пройденный путь, подвести сделанные итоги» (Соколов Б. М. Ближайшие задачи изучения былин М., 1977 С. 282)

⁴⁷ См. о труде А. П. Скафтымова статью Т. М. Акимовой «Поэтика и генезис былин» (Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Ученые-педагоги саратовской филологической школы Саратов, 1984 С. 100—112)

⁴⁸ ГАСО Ф. 407 Е. хр. 419 Л. 7 об. и 23. К сожалению, протокола обсуждения не сохранилось. Неизвестно, был ли в числе слушателей Б. М. Соколов

строениях, и уверенностью в правоте. Он не считает научно объективными способы конструирования так называемого архаического извода былины с целью решения одной из основных задач — происхождения сюжета. В них он обнаруживает отсутствие системности и субъективную волю исследователей. А. П. Скафтымов доказывает, что созданный по принципу «внутреннего вероятия» текст не может служить основой для историко-генетических приурочений.

Автор настаивает на том, что былина как произведение «специфической художественной природы» должна изучаться в целостности сюжетного повествования. Более того, каждый ее вариант значим, самостоятелен в содержании и в своей социально-бытовой функции как произведение талантливого рассказчика, среди других он «в некотором случае исключение, не сводимое под категорию каких-либо общих критериев и измерений»⁴⁹.

Подмечая то, как В. Ф. Миллер «часто оставляет сюжет в стороне, вне своих исследовательских интересов, стараясь уловить лишь тот голос истории, который слышался ему в повествовании былины»⁵⁰, или как Б. М. Соколов «в погоне за историческими параллелями раздробляет сюжет исследуемого произведения и по кусочкам сближает его по сходству то с одним, то с другим мотивом из житийной и летописной литературы...»⁵¹, возражая против обособления имени былинного героя от его носителя⁵², А. П. Скафтымов отстаивает сюжет как литературно-эстетическую категорию. Отсюда отрицание им возможности исторического приурочения былины на основе лишь собственных имен, географических наименований или показателей характера общественно-бытовой жизни той или иной местности. Недостаточна опора на сходство сюжетных эпизодов былины с событиями истории, когда остается без рассмотрения «ход событий в былине», «состав былинного повествования» в целом. Такая методика, показывает на примерах автор, ведет к субъективным выводам, лишенным полной доказательности.

⁴⁹ Скафтымов А. П. Поэтика. С. 36.

⁵⁰ Там же С. 5.

⁵¹ Там же С. 31.

⁵² Там же С. 11.

А. П. Скафтымов предложил положить в основу изучения былины эстетический фактор, связывая его с социологическим и общекультурным содержанием произведения. «Нельзя работать над эстетическим целым и его ингредиентами,— писал он,— не уяснив данного им здесь (только здесь) содержания»⁵³. В произведении часть и целое связаны, объясняя друг друга.

О художественном познании былины ученый писал и как о «необходимом выполнении научной традиции», т. е. исторических изучений.

А. П. Скафтымов не мог не считаться с былиной как с историческим преданием и потому, что о нем на протяжении веков проявлял заботу «хранитель предания» — сказитель. Но, вслед за собирателями и исследователями, он напишет о непостоянстве содержания былины, находящегося во власти сказителя, о сознательной обработке сюжета старины «для усиления интереса». На этом он особенно останавливается и впервые со всей определенностью отметит: «Только эстетическим обаянием обусловливается живой интерес простого народа к былине»⁵⁴.

Именно эстетическое отношение народа к былине указывает на существование внутренней формирующей силы, в зависимости от которой находится отбор «элементов жизни и фантазии». Она действовала уже при создании былины, столетия хранила ее в целости. Исследователи не принимали эту силу в расчет. Не уяснив центра былины, они «разносили ее по клочкам», конструируя ли древний извод, объясняя ли развитие сюжета. Между тем, считает А. П. Скафтымов, «чтобы понять эту силу, нужно ее изучить в настоящем»⁵⁵, т. е. изучить сюжет, идейный замысел. Действие этой силы, формирующей сюжеты богатырских былин, А. П. Скафтымов покажет на вариантах каждого сюжета, он вкроет подчиненность ей всякого рода замен, отступлений и посторонних включений.

* * *

«В художественном произведении,— писал В. Г. Белинский,— идея с формой должна быть органически

⁵³ Там же. С. 40.

⁵⁴ Там же. С. 42.

⁵⁵ Там же. С. 43.

спаяна, как душа с телом. Сущность искусства — уравнивание общего с особенным, идеи с формой»⁵⁶.

Такой взгляд на художественное произведение был в высшей степени свойствен А. П. Скафтымову-литературоведу и впервые нашел выражение в «Поэтике». Две ее главы дали возможность увидеть наконец в былинах произведения, созданные по своим, строго обусловленным идейным содержанием эстетическим законам. Он шел путем, еще не проторенным, отдавая отчет в его трудностях: «Признавая за объектом нашего изучения его специфическую художественную природу, мы часто еще не совсем ясно знаем, что с его художественностью делать, и суетливо хлопочем наудачу, ходим с краю и запеваем случайными и разрозненными голосами»⁵⁷.

Выработанный А. П. Скафтымовым метод целостного анализа былин дал возможность установить структурное единство всех составляющих былин (и ее вариантов) частей, увидеть и объяснить изменения реальности, входящей в ее сюжет.

Композиции посвящена вторая глава монографии — «Архитектоническое соотношение внутреннего состава былин о богатырских подвигах». Организующим моментом в изучении композиционного строения постоянно меняющихся эпических текстов в «Поэтике» автором назван замысел произведения, «авторское задание»⁵⁸.

В центр сюжетного повествования А. П. Скафтымов ставит богатыря и его подвиг: «Богатырь — единственное действующее и двигающее лицо»⁵⁹, он существует «только в своем богатырском подвиге. В былине нет никаких отхождений от этой главной темы»⁶⁰.

Исследование приемов сюжетостроения каждой из былин в совокупности ее вариантов позволяет исследователю установить, что к герою-богатырю направлено все внимание, что с прославлением его подвига связана расстановка действующих лиц и сил, все средства изобразительности

⁵⁶ Белинский В. Г. Статьи о народной поэзии. Статья первая // Белинский В. Г. Собр. соч. М., 1954. Т. V. С. 316.

⁵⁷ Скафтымов А. П. Поэтика. С. III.

⁵⁸ См. Акимов Т. М. «Поэтика и генезис былин» // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. С. 104.

⁵⁹ Скафтымов А. П. Поэтика. С. 60.

⁶⁰ Там же. С. 88.

В содержании каждого из архитектурных положений-мотивов («предварительная недооценка богатыря», «решительное преобладание врага», «грозные предвестия», «бой») сохраняются моменты, ведущие к обострению совершающегося действия. Их согласованность с общей идейно-эстетической задачей — «стремлением удивить, поразить слушателя неслыханным подвигом героя»⁶¹, «направленностью к прославлению героя»⁶² — показана на истории жизни каждого из богатырских сюжетов в устной памяти народа.

Автор углубляется в эмоционально-психологический настрой эпизодов как имеющий отношение к главному пафосу былины в целом, формулируя его следующим образом: «Главным выделяющим приемом является эффект неожиданности»⁶³. Эффекты занимательности, неожиданности, удивления, постоянно находящиеся в фокусе «творческих стремлений» авторов (сказителей), по мнению А. П. Скафтымова, «выносят на вершину внимания то, что произведение считает в себе наиболее значительным и основным»⁶⁴ — героя-богатыря в его ратной доблести.

Подвиг богатыря — освобождение страны от опасности, выполнение задачи национального значения. «Национальная тенденция сказывается уже в том обстоятельстве, что героем всегда является «русак», русский человек, ездит он по русской земле, защищает русскую землю; противник героя всегда чужанин, «басурманин», «злое татаровье» или «Литва поганая». Однако входящее в структуру сюжета национальное и классовое А. П. Скафтымов считает подчиненным главному: «Композиционный иерархический примат все же остается за мотивом богатырства», лишь в подвиге «находит классовая и национальная гордость свое исключительное оправдание и повод...»⁶⁵. И это наблюдение верно для эпоса средневековья с его героизацией «деяний индивидов».

Таким образом, в структурном соотношении внутреннего состава богатырского эпоса А. П. Скафтымов вы-

⁶¹ Там же. С. 63.

⁶² Там же. С. 100.

⁶³ Там же. С. 95.

⁶⁴ Там же. С. 50.

⁶⁵ Там же. С. 94—95.

двигает на первый план поэтический замысел как «главную художественную задачу». Именно поэтическому замыслу подчинена конкретно-образная оболочка, «в конечном задании былины» значения не имеющая.

Установление «основного типа построения и формоустремления» героических былин — важнейший литературно-теоретический результат второй главы «Поэтики».

* * *

Принципиальным историко-литературным и теоретическим положением 3-й главы «Поэтики» («К вопросу о соотношении вымысла и действительности в былинах») стало впервые предложенное А. П. Скафтымовым объяснение истоков сюжетной обособленности каждой из богатырских былин при их одинаковой эстетической направленности, они — в генетических корнях эпического произведения — в историческом факте: «Необходимо предположить, что в развитии былины был момент, когда фактическая конкретность, входящая в ее состав, в известной мере являлась для нее предметом непосредственного интереса. .

Нужно предположить какое-то сюжетное ядро, которое в былине когда-то дорого было самой фактичностью своею, как воспроизведение определенного события подлинной жизни, всем известного и имеющегося в виду. Оттуда, из того отдаленного момента, и идет кристаллизация сюжета, как некоторого, потом уже неразрывного, слитка конкретных представлений»⁶⁶.

Однако с течением времени меняется соотношение фактической конкретности и связанными с ней идеологической и морально-психологической «стихиями» в пользу последних. Фактическая действительность начинает даваться в общих чертах, «событие воспроизводится лишь в линиях главной канвы и лишь постольку, поскольку это нужно для воспроизведения главной психологической ситуации»⁶⁷. Она и оказывается дорогой, интересной и оберегаемой последующими поколениями сказителей и слушателей.

⁶⁶ Там же С. 100

⁶⁷ Там же. С. 101.

Право на утверждение столь необычного для того времени взгляда на эпический историзм дает автору предпринятое им исследование состояния и характера «фактической конкретности» в каждой былине и ее вариантах. В результате она предстает в непостоянстве географических наименований и собственных имен и в их подчиненности «основной эмоционально-эстетической задаче»⁶⁸

Если «реалистическая тенденция» отходит на задний план, и былина, распоряжаясь отдаленными «и с этой точки зрения второстепенными деталями», перестраивает сюжет, то попытки конкретно-исторического объяснения каждого сюжета в отдельности остаются мало убедительными. Эстетический фактор преобразует реальность. Однако автор считает историческое объяснение сюжета важным для установления его «реализма», хотя оно «вполне достоверно и обязательно» лишь в широкой формулировке⁶⁹

В соответствии с центральным заданием — возвеличиванием богатыря — находитесь и изображение князя Владимира А. П. Скафтымов находит «убедительное объяснение»⁷⁰ противоречивости этого персонажа в былинах. Не исторические прототипы, а ситуация, в которую он поставлен, место его в сюжете обуславливают его свойства. Владимир «не является в былинах предметом непосредственного повествования и изображения»⁷¹, в композиции целого ему отведена роль служебная. Такая роль обусловлена «потребностями только главного единственного эффекта»⁷², — пишет автор. При переиздании глав книги он уточняет «направленного к герою»⁷³. В то же время Владимир — собирательный образ народных представлений о князе, сложившийся «в связи с впечатлениями реальной жизни»⁷⁴. Основной причиной отсутствия сюжетов с Владимиром в качестве главного героя автор считает классовые симпатии «той среды, из которой вышли были-

⁶⁸ Там же С. 102

⁶⁹ Там же С. 38

⁷⁰ Акимов А. М. «Поэтика и генезис былины» С. 105

⁷¹ Скафтымов А. П. Поэтика С. 113

⁷² Там же С. 115

⁷³ Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе Саратов, 1958 С. 64

⁷⁴ Скафтымов А. П. Поэтика С. 116

ны...»⁷⁵. А. П. Скафтымов ограничивается этим указанием на демократические истоки эпоса, но они несомненны для автора, согласно концепции которого генезис каждого былинного сюжета связан с такими элементами формоустремления, которые идейно-эстетическим центром сделали национального героя и его подвиг.

А. П. Скафтымов обращается и к двоякой по позиционной и идейной сущности бытовой реальности. Она может быть устойчива (и объяснена исторически), если входит «в самый скелет сюжета». Однако, взятая как частность, она, как правило, служит поэтической выразительности.

Центральные главы «Поэтики» автор заключит словами, точно отразившими его метод: «Всякое генетическое рассмотрение былины требует предварительного раскрытия внутренне-конститутивного смысла его частей».

Исследованием поэтики и генезиса богатырские былины А. П. Скафтымовым были объединены в единый жанр. Книга определяла новые направления и возможности в изучении эпоса, в том числе историческом. Нужно сказать, они не сразу были подхвачены наукой.

* * *

Судьбу «Поэтики» в науке Т. М. Акимова характеризовала как трудную и сложную вследствие новаторского характера книги⁷⁶. Это не могло быть иначе и потому, что А. П. Скафтымов трудился в науке «всегда в благородных тонах, без всякого стремления угодить преходящим вкусам, без всякого отступления от серьезной, научной линии, без вульгаризаторства, легковесности...»⁷⁷. Л. И. Емельянов писал в 1976 г.: «Книга

⁷⁵ Там же С 118

⁷⁶ Акимова Т. М. «Поэтика и генезис былины» С 106—112. См также: Аникин В. П. А. П. Скафтымов — критик «исторической школы» и его теория эпоса в книге «Поэтика и генезис былины» // Очерки истории русской этнографии, фольклористики, антропологии М., 1974 В 6 С 96—118, Емельянов Л. И. Методологические принципы исторической школы и их критика в советской фольклористике // Русский фольклор. Л., 1976. Т. XVI. С 3—34

⁷⁷ Из письма А. И. Белецкого А. П. Скафтымову в связи с получением «Статей о русской литературе» (без даты) // Архив А. П. Скафтымова в НБ СГУ. № 13.

А. П. Скафтымова... не была оценена по-настоящему ни тогда, в 20-е годы, ни впоследствии...»⁷⁸. Действительно, положительные ее оценки сопровождались оговорками. И все-таки рецензентами «Поэтики» было схвачено в ней то главное, чего не хватало исследованиям о былинах. Ю. М. Соколов точно подметил, что критика исторической школы А. П. Скафтымовым ведется «во имя рассмотрения былин как целостных художественных произведений, в которых нельзя никак игнорировать телеологически оправданного соотношения элементов». Автор признавал верность и меткость многих замечаний А. П. Скафтымова, но вместе с тем писал о неизбежности «основ историко-сравнительного метода, доискивающегося исторического генезиса былин», одновременно высказываясь за необходимость уточнения исторических сближений и сравнений. Кажется, в этой статье впервые появилась квалификация метода А. П. Скафтымова как формально-поэтического, который «не может устранить законных исканий по вопросу о происхождении былин и их социально-исторических корней»⁷⁹. Такие упреки в адрес «Поэтики» делались и позже⁸⁰.

Между тем, А. П. Скафтымов не только не исключал выявления исторических источников былин, но и сам обращался к ним в случаях, когда считал эти источники надежными. При изучении эстетики былин, считал он, нельзя совершенно отстранять генетических данных, но ими «можно пользоваться только с величайшим выбором и осторожностью. ... Мы старались объединить эти две области убеждающих нас фактов, выбирая из них по возможности самые точные и непрерываемые»⁸¹.

На это методологическое положение труда А. П. Скафтымова важно обратить внимание и в связи с критическим выступлением Б. М. Соколова против предвзято-нигилистических выступлений по отношению к историческому методу немецкого слависта А. Брюкнера.

⁷⁸ Емельянов Л. И. Методологические принципы исторической школы и их критика в советской фольклористике // Русский фольклор. С. 31.

⁷⁹ Соколов Ю. М. Этнография. 1927. № 1—2. С. 168—169.

⁸⁰ Акимова Т. М. «Поэтика и генезис былин».

⁸¹ Скафтымов А. П. Поэтика. С. 99—100.

Б. М. Соколов выдвинул задачу историко-социологического изучения былин как средства преодоления разногласия в вопросе генезиса былин⁸². Выработку его принципов он связал с рассмотрением конкретных нападок на историческую школу «со стороны некоторых заграничных литературоведов и наших формалистов и полужурналистов»⁸³.

Обнаруженная в рукописном фонде Б. М. Соколова машинопись, представляющая вторую часть его статьи «Об историко-социологическом методе изучения былин», касается «Поэтики» А. П. Скафтымова⁸⁴. Автор воздержался от ее публикации, возможно, потому, что А. П. Скафтымов никак не мог быть поставлен рядом с А. Брюкнером, по характеристике Б. М. Соколова, направившим «острие своей критики не столько против научных направлений, сколько против русских исследователей вообще»⁸⁵.

Но главное, суждения Б. М. Соколова этого времени об исторических изучениях порой очень близки мыслям скафтымовским. Так, он осудительно пишет об исследователях, которые в погоне «...за соответствиями былинных фактов и фактов исторических» забывают о том, что «былина есть прежде всего художественное произведение, а не летописное свидетельство или архивно-исторический документ»⁸⁶. А. П. Скафтымов считал, что организующей основой разысканий должна быть эстетическая природа предмета. Между тем, былинку как таковую проглядели, «всегда хотели видеть в ней только музейные отголоски прошлого, оттого исследования о ней превращались в трактаты общей культурной и политической истории»⁸⁷.

⁸² Здесь нет необходимости углубляться в мысли автора по поводу этого метода.

⁸³ Соколов Б. Об историко-социологическом методе изучения былин (по поводу «критики» А. Брюкнера) // Памяти П. Н. Сакулина М., 1931. С. 269.

⁸⁴ Машинопись статьи Б. М. Соколова обнаружена в ЦГАЛИ с н.с. ИМЛИ В. А. Бахтиной. Ее начало: «Другой критический разбор исторического изучения былин, как мы сказали, принадлежит А. П. Скафтымову». Приношу благодарность В. А. Бахтиной за возможность познакомиться с машинописью.

⁸⁵ Соколов Б. Об историко-социологическом методе изучения былин. С. 268.

⁸⁶ Там же. С. 267.

⁸⁷ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. С. 40.

Заслуживает внимания сближение мыслей двух замечательных ученых о принципах осмысления исторических и бытовых реалий в контексте с другими сведениями. А. П. Скафтымов был убежден, что полную доказательность сближения бытовых черт былин с общим укладом жизни той или другой местности в известную эпоху (при определении времени и места сложения былин) «могут получить лишь при наличии указаний таких черт быта, которые свойственны *только* данному краю и времени»⁸⁸. Б. М. Соколов, много размышлявший о совершенствовании исторического метода, отмечал: «При социологическом разъяснении поэтического факта далекого прошлого, кактм является былина... нужно не только заглядывать для сверки и подтверждения в чисто исторический ряд, а наоборот — тщательно и пристально изучать социальную жизнь древней Руси *в строго определенных отрезках времени и пространства*»⁸⁹.

Здесь, несомненно, намечается сближение во взглядах ученых на методы изучения былин.

А. П. Скафтымов социологическое изучение былин рассматривает как один из элементов их целостного анализа: «Эстетические, социологические, общекультурные факторы в художественном произведении находятся не в простом рядоположенном соотношении, но во взаимной непрерывной проникнутости и обусловленности»⁹⁰.

Б. М. Соколов так формулирует задачу историко-социологического метода: «Мы же говорим о необходимости подведения социального базиса под самую былинную эстетику, былинную поэтику, включая сюда и тематику, и сюжет, и образ, и стиль»⁹¹.

Именно эта общность взглядов ученых на метод изучения былин сделали возможным для Б. М. Соколова рассмотрение «Поэтики» рядом с работами А. Брюкнера. Вторая половина статьи, посвященная критическому разбору «исторического метода изучения

⁸⁸ Там же С. 15. Подчеркнуто автором

⁸⁹ Соколов Б. Об историко-социологическом методе изучения былин С. 267 (Курсив мой — В. А.).

⁹⁰ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин С. 40

⁹¹ Соколов Б. Об историко-социологическом методе изучения былин. С. 279.

былин» А. П. Скафтымовым, не была напечатана. Она достаточно резка, несмотря на то, что Б. М. Соколовым отмечается прекрасная осведомленность автора в научной литературе о былинах, интересная постановка живых и новых вопросов. Глава «Материалы и исследования по изучению былин с 1896 по 1923 гг.», считает Б. Соколов, «делает эту книгу незаменимым и надежным справочником по изучению былин за последние десятилетия», без «Поэтики» «не обойдется ни один современный исследователь былин».

Если выкладки А. Брюкнера Б. М. Соколов называл «приемами эмоционального порядка», «априорными кабинетными домислами» и пр., то в споре с А. П. Скафтымовым он пользуется иными квалификациями: «ие всегда справедлив», «нам кажется». Для автора особенно важно, что признанием «сюжетного ядра» А. П. Скафтымов «целиком возвращает всю проблему на почву исторического толкования былин». И хотя это не так, ясно, что «Поэтика» не могла идти в одном ряду с нигилистическими работами А. Брюкнера. В то же время ее новаторский характер в должной мере не осознавался.

В 1964 году на конференции, посвященной историзму фольклора, в выступлениях фольклористов звучала мысль об обобщенном характере исторических впечатлений, нашедших место в эпосе, о раскрытии идеалов народа в нем. Но труд А. П. Скафтымова, утверждавшего, что фактическая действительность «воспроизводится лишь в линиях главной канвы», «в общих контурах», был упомянут лишь проф. П. Г. Богатыревым: «Надо найти законы изменения эпоса во времени. Они помогут провести сравнительное изучение. Это одна из важных проблем и, безусловно, то, что в этом смысле было сделано А. П. Скафтымовым, конечно, заслуживает внимания. Подобное изучение будет на пользу исследователям, которые изучают эпос в связи с историческими событиями, и тем исследователям, которые возводят эпос к далекому прошлому»⁹².

Слова П. Г. Богатырева оказались пророческими.

⁹² Подходы, сохраняющие актуальность: Из выступлений на конференции по историзму фольклора в 1964 г./Публикация А. И. Алиевой//Фольклор. Проблемы историзма. М., 1988. С. 250.

Современные исследователи, в том числе сторонники исторического изучения былины, видят в А. П. Скафтымове союзника. Так, С. Н. Азбелев, первостепенной важности задачей считающий конкретные выявления того, «как соотносится та или иная былина с историей»⁹³, пишет об А. П. Скафтымове как «первом и, пожалуй, наиболее тонком критике дореволюционных работ исторической школы. А. П. Скафтымов не сомневался, что былины восходят к факту. В сущности он выступил не против задач и общей методики исторического направления, а против ее конкретного применения В. Ф. Миллером и его последователями»⁹⁴.

Стремясь осуществить системную и гораздо более сложную, чем предшественники, методику исторических изучений, С. Н. Азбелев учитывает критику А. П. Скафтымова, его метод и результаты исследования поэтики. В сравнительном изучении былины и летописи, считает он, необходима опора на «совокупность реалий» этих источников. Исходя из взгляда на былинку как опосредованное отражение реальности, С. Н. Азбелев пишет: «Нет нужды непременно искать в былине прямой отзвук исторического факта». И далее: «Необходимо исследовать былины как произведения искусства, учитывая в достаточной степени закономерности эпического творчества, приводящие к неизбежным и порой весьма значительным отклонениям от исторической реальности ... жанровая природа былины налагает существенные ограничения на принципиальную возможность соответствий между содержанием эпического памятника и реальным ходом исторических событий»⁹⁵.

С. Н. Азбелев пишет о «правильности методологических позиций» А. П. Скафтымова, объяснившего причины обособленности былинных сюжетов существованием сюжетного ядра, воспроизведшего события подлинной жизни в прошлом⁹⁶. Наблюдения А. П. Скафтымова над общими закономерностями творческой жизни

⁹³ Азбелев С. Н. Историзм былины и специфика фольклора. Л., 1982. С. 39.

⁹⁴ Там же. С. 6—7.

⁹⁵ Там же. С. 38—39.

⁹⁶ Там же. С. 40.

эпического произведения в устной традиции (на примере Кострюка) подтверждаются С. Н. Азбелевым историей сюжета об отравлении М. В. Скопина-Шуйского. Он пишет, что «варианты былины о подвиге Скопина дают особенно наглядную иллюстрацию правильности общего наблюдения А. П. Скафтымова» о сохранении главного выдвинувшегося или поразившего эмоционально-психологического стержня, и его основной сюжетной ситуации, о вольном распоряжении второстепенными деталями в пользу главного и «сосредоточенности на основном эмоционально-эстетическом эффекте»⁹⁷.

В современных исследовательских подходах к эпическому творчеству как целостной поэтической системе налицо преемственные связи с наблюдениями А. П. Скафтымова. Эти связи сказываются в тенденции осмыслить историческую конкретику былины в ее органической принадлежности сюжету и структуре. Так, Ф. М. Селиванов подвергает аналитическому рассмотрению движение топонимов и гидронимов в текстах былины о Соловье Будимировиче в «эпическом контексте» и «по их композиционной принадлежности»⁹⁸. Такое осмысление пространственно-временных ориентиров позволяет автору соотнести сюжет и идейную суть былины с определенным временем. Если историческая реальность затемнялась, а пространственно-временные ориентиры исчезали, то заданная «широта художественного освоения пространства» сохранялась. Итоговые наблюдения над судьбой топонимов этой новеллистической былины оказываются близкими к наблюдениям о судьбе исторических реалий в богатырских былинах: их стабильность зависит от значения в эпическом событии, от места в композиции произведения.

В статье «Изображение человека в былинах» Ф. М. Селиванов отмечал, что, в отличие от исторической школы, «А. П. Скафтымов поставил и в одном из аспектов решил проблему «целостной согласованности замкнутого сюжета», единого «эмоционального потока» былины, главная и исключительная цель которой — выделение, прославление героя»⁹⁹.

⁹⁷ Там же С 68

⁹⁸ Селиванов Ф. М. Эволюция пространственно-временных характеристик эпического повествования. Былина о Соловье Будимировиче // Фольклор. Проблемы историзма / Отв ред В. М. Гацак М., 1988 С 175

⁹⁹ Фольклор. Поэтическая система С. 194—195.

Универсальность ряда принципиальных наблюдений и выводов А. П. Скафтымова над поэтикой былинного эпоса подтверждается исследованиями национально-исторических эпосов народов СССР. Так, У. Б. Далгат, изучая процесс историзации содержания и формы эпоса кавказских народов, особо выделяет «циклы песен о так называемых набегах», относимых ею к периоду феодальных отношений¹⁰⁰. Движение их историзма в соотношении с идейно-эстетическим пафосом автор характеризует словами «Поэтики»: «Темы и фабулы таких песен, хотя и отражают «степень захватываемой действительности», не всегда оказываются идейным центром песни. Тема набега в большинстве песен такого рода размывается «выдвинувшейся главной психологической ситуацией»¹⁰¹. В центре оказываются не события, а действующие лица, в кличе устрашения неповиновавшемуся «заклучен конкретно-исторический смысл песни», ее «главная психологическая ситуация», — снова цитирует «Поэтику» У. Б. Далгат. Она устанавливает постоянство и исключительную значимость для песен о набегах «психологической ситуации», происходит переакцентировка песен с «героического репортажа о событиях в сторону идейно-эстетических оценок», переключение внимания на человека, его поведение в условиях «реальной исторической обстановки»¹⁰².

Концепция поэтики и генезиса былин А. П. Скафтымова подтверждается и уточняется в трудах современных исследователей.

В. Архангельская

¹⁰⁰ Далгат У. Б. Эпический историзм в развитии // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988. С. 97.

¹⁰¹ Там же. С. 97—98.

¹⁰² Там же. С. 99.

Три мысли руководили автором при написании настоящих очерков.

Давно уже замечено, что подъемная линия в развитии всякой науки складывается уступами, поворотами и коленами, обозначающими ряд каких-то внутренних перемежающихся концов и начал. В изучении былин, как и во всей литературной науке, в настоящее время определенно осознано замыкание некоторого закончившегося периода и нарастание новой господствующей и оплодотворяющей мысли. И нам, современникам и ближайшим участникам этого сдвига, давно уже почувствовавшим его необходимость и законность, естественно пожелать осмотреться вокруг себя, глубже войти внутрь создавшихся раньше традиций, пересмотреть накопленные сокровища, еще раз взвесить их ценность и выбрать подлинное богатство, при котором застает нас день наш. Содействовать выполнению этой задачи имела в виду первая наша статья — о современных методах изучения былин, — считая за современность последние 25—30 лет.

Наше время еще не обладает полной ясностью в осознании и применении тех путей, которые открылись перед наукой о литературе через признание ее новых основополагающих принципов. Признавая за объектом нашего изучения его специфическую художественную природу, мы часто еще не совсем ясно знаем, что с его художественностью делать, и суетливо хлопочем наудачу, ходим с краю и запеваем случайными и разрозненными голосами. К чему обязывает художественность, какие проблемы выдвигает, в каком отношении ее проблемы стоят к вопросам, над которыми мыслили раньше, устраняет ли их или допускает, стоит ли от них особняком в простой рядоположности, или в какой-то степени связывает их собою, пронизывая и обусловли-

вая своими требованиями весь ход изучения и размышлений, дает ли художественный принцип подлинное объединяющее и охватывающее начало или должен оставаться на положении хотя важного, но все же одностороннего и фрагментарного добавления — все эти вопросы в настоящее время ищут разрешения в сознании всякого наблюдающего современное движение научной мысли. Посильный вклад в общее богатство этого рода фактов и соображений думали мы сделать в применении к былинам второй и третьей статей на стоящих очерков — Поставленным общим вопросом о соотношении проблем поэтики и генезиса былин определялось общее заглавие этой книги.

Всякому известно, как замедляется научный труд при отсутствии компактной собранности подлежащего изучению материала. Объем и полнота данных, намеченных к изучению, наличность высказанных мнений и раскрытых фактов, общая схема и выводы прочитанной раньше статьи, хронологические, номенклатурные и библиографические детали — все это такого рода сведения, которые оказываются необходимыми на ходу процесса исследовательских соображений, и при отсутствии соответствующих справочников ход работ, не говоря уже о возможности случайных досадных упущений, неизбежно гершит непредвиденные тормозящие заминки. Целям такого вспомогательного справочного пособия посвящена наша четвертая, библиографическая статья.

Все статьи, ближайшим образом отданные своим целям, сохраняя известную самостоятельность, тем не менее связаны между собою, взаимно опираясь и дополняя друг друга. Так, первая статья необходимо предполагает наличность информации четвертой, вторая продолжает и разъясняет выводы первой, третья опирается на вторую.

Считаем долгом принести глубокую благодарность академику М. Н. Сперанскому и проф. Б. М. Соколову за оказанные советы и авторитетную моральную поддержку, проф. Н. К. Пиксанову за доброе внимание и многочисленные библиографические указания¹, В. З. Яковлеву за издание этой книги, давно уже искавшей печатного приюта.

Саратов 1923 16 XII.

А. С.

¹ См. С. 286

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ БЫЛИН

1

В методах изучения былин за последние двадцать пять лет господствовала так называемая историческая школа. Хотя рядом и сохранялись традиции теории заимствования и еще продолжали здесь работать прежние деятели этой школы, как ак. А. Н. Веселовский, Г. Н. Потанин, И. П. Созонович, в отдельных работах этому пути следовали некоторые и из молодых ученых, как Б. И. Ярхо и отчасти С. К. Шамбинаго и др., однако теория заимствования теперь уже не занимала главного русла очередных научных увлечений, и основная масса исследований шла в области исторических приурочений.

Основные предпосылки новой школы можно представить в следующей схеме. В образовании былин участвовали две причины: первая историческая, а вторая — литературная. Историческая причина, это — некое событие реальной жизни, которое дает первый толчок к созданию основного зерна лироэпической песни, выражающей настроение, возбужденное новым фактом действительности. Литературная причина — это те воздействия, какие могла испытывать новая песня от имеющегося уже в обращении литературного материала — от всевозможных сказаний, легенд, лирических и эпических песен. Для похорон, для свадьбы, для битвы могли существовать готовые уже, ранее сложившиеся песни, тогда новые исторические элементы могли влиться в готовое содержание песен и таким образом дополнить

их чертами новой исторической действительности. В дальнейшем продолжавшиеся исторические, бытовые и литературные наслоения, видоизменяя древнейшее ядро, накладывают на первоначальную основу разнообразные пласты новообразований. Вскрыть эти пласты, проследить историю видоизменения песни,—это и является идеальной задачей исследования.

На исторический элемент в былинах внимание было обращено с первых моментов их научного изучения. Намечаемая уже в трудах старых историков и первых издателей и комментаторов былин историческая теория впервые была применена в широких размерах Л. Н. Майковым². И потом, параллельно с мифологическими увлечениями жила и историческая точка зрения в трудах Н. Д. Квашнина-Самарина, Н. И. Костомарова и др. И сами мифологи не отрицали позднейшего исторического слоя в составе былин и, возводя основу их к мифологическим построениям, не один раз попутно вскрывали отголоски русского прошлого в пределах исторической памяти. С появлением теории В. В. Стасова³ интерес к исторической стороне былин еще более увеличился. В отповедь идее о нерусском происхождении былин нужно было доказать наличие русской почвы в их содержании. Славянофил-мифолог Ор. Миллер в исследовании «Илья Муромец и богатырство Киевское» (1869 г.) усиленно выдвигает черты былин, открывавшие ему уголки и русского быта и русской истории и, главным образом, русского национального морального облика. Ф. Буслаев, тоже мифолог, всегда говорил о многих слоях, покрывавших древнейшую мифологическую основу позднейшим пластом реальных исторических событий. В исследовании Н. П. Дашкевича «К вопросу о происхождении русских былин» (1883 г.) историческая точка зрения получила окончательную формулировку и строгую аналитическую выдержанность.

Но, при всем том, историческая сторона в былинах еще не была главным руслом научных исследований. Сначала она подавлялась и терялась в грудах мифоло-

² Майков Л. Н. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863.

³ Стасов В. В. Происхождение русских былин//Вестник Европы. 1868. № 1—7.

гических догадок, потом, когда умы были покорены мыслью о возможности заимствований, исследования по русским былинам получили характер сборников всевозможных сказаний, легенд, песен, сказок, саг и поэм, объединенных хотя бы некоторым (иногда очень малым) сходством с сюжетами былин История привлекалась лишь в самых широких очертаниях для подтверждения возможности проникновения блуждающего захожего сюжета, да и то не всегда В отзыве о «Великорусских былинах» М Г Халанского⁴ А Н Веселовский весьма определенно высказывается за древнюю историческую основу былин и за их южно-русскую родину⁵ В других местах своих многочисленных исследований он неоднократно касается исторического элемента в былинах, вскрывает в последних имена, подробности и события русского прошлого Однако эта сторона в исследованиях Веселовского не получала широкого самостоятельного значения и распылялась среди соображений его главного интереса к литературным заимствованиям из Византии

К вопросам исторического приурочения былин весьма близко подходил И Н Жданов⁶ Но и он, однако, больше тяготел к мысли о литературных влияниях Запада, и в исследовании о Ваське Буслаеве, не оставив без внимания новгородских историко-культурных элементов, все же главный интерес сосредоточил на анализе легенд о врожденном демонизме, кающемся грешнике и мнимом шелудяке и, в конце концов, русского Ваську Буслаева свел на европейского Роберта Дьявола

Окончательное утверждение и наиболее широкое обоснование историческая точка зрения получила в трудах Вс Миллера В своей ранней работе о былинах⁷ Вс Ф Миллер отдал дань теории заимствования

Скоро, однако, Вс Миллер счел более необходимым и плодотворным направить изыскания по другому пу-

⁴ Халанский М Г Великорусские быliny киевского цикла Варшава, 1885

⁵ Вестник Европы 1888 VII С 152 и след

⁶ Жданов И Н Русский былевой эпос Исследования и материалы Спб, 1895

⁷ Миллер В Ф Экскурсы в область русского народного эпоса М, 1892 В дальнейшем Миллер В Ф. Экскурсы См также Русская Мысль 1891 № 1

ти. Может быть, под влиянием рецензии Н. П. Дашкевича на «Эккурсы»⁸, как думает А. С. Архангельский⁹, а скорее всего собственным процессом мысли, он склонился к убеждению, что «уловить пути распространения устной сказки за многие века ее блуждания — все равно, что ловить ветер в поле», и перешел к наблюдениям над «историей былин и отражением истории в былинах, начиная первую не от времен доисторических, не снизу, а сверху». «Эти верхние слои былин (по его мнению — А. С.), не представляя той загадочности, которую так привлекательна исследователю глубокая древность, интересны уже потому, что действительно могут быть уяснены и дать не гадательное, а более или менее точное представление о ближайшем к нам периоде жизни былины»¹⁰. Миллер часто оставляет сюжет в стороне, вне своих исследовательских интересов, стараясь уловить лишь тот голос истории, который слышался ему в повествовании былины. Сюжет мог быть и заходим, но передача его русскими певцами и сказателями необходимо воссала элементы живой русской действительности. Эти элементы и выслеживает Миллер. Приступая к анализу той или другой былины, он наперед ограничивает свою задачу и указывает ее ближайшую историческую цель. «...Не стану снова рассматривать эту былинку со стороны ее фабулы, — предупреждает он, начиная статью «К былинам о Вольге и Микуле», — так как смотрю в настоящее время на такую работу довольно безнадежно. Обращу внимание на другой вопрос... — вопрос об области сложения былины, предмет тем более благодарный, что для него, как увидим ниже, есть достаточно материалов в самом тексте ее»¹¹. И дальше следует анализ бытовых элементов былины, на основании которых он приурочивает ее сложение к Новгородской области.

Наличность русского элемента в тексте былины, как она представлена в записи, для Миллера несколько не устраняет возможности заимствования сюжета из какого-либо иностранного источника. К той же былине о

⁸ Отчет о 36-м присуждении наград гр. Уварова Спб., 1894.

⁹ Введение в историю русской литературы. Пг., 1916. I. С. 616.

¹⁰ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. Т. I. С. IV. В дальнейшем: Миллер В. Ф. Очерки. I. С.

¹¹ Там же, С. 166. Курсив мой. — А. С.

Вольге и Микуле он в другой заметке указывает параллель из персидской поэмы Низами о встрече Искандера с чудесным пахарем¹². Если былина о Соловье Будимировиче богата образами и символикой наших русских свадебных песен, то это — оговаривается Миллер — «не устраняет вопроса о происхождении самого сюжета, который в основе может оказаться заимствованным из какой-нибудь сказки»¹³.

Редко он обращается к отысканию происхождения сюжета. Если иногда он на этом и останавливается, то его такой интерес чаще всего обуславливается отношением сюжета былин к разъясняемым Миллером историческим отголоскам в ней. Если это отношение некоторыми исследователями толковалось вопреки взглядам Миллера, он попутно вступит в область сличений и параллелей и всегда даст блестящие страницы критики чужих соображений, с которыми он не согласен. Вот один из таких случаев. «В недавнее время попытка к указанию источника сюжета былины о Дунае была сделана проф. Халанским. Я не стал бы останавливаться на разборе его толкования былины... Но проф. Халанский дает объяснение самому имени Дунай и ищет его не в русской летописи, а в германских средневековых сказаниях, так что, если его предположение вероятно, все наши соображения об историчности имени богатыря Дуная теряют основания»¹⁴. И Миллер в дальнейшем дает критику построений М. Г. Халанского об источниках сюжета. Таким образом, вопрос о сюжете для Миллера здесь нужен был лишь постольку, поскольку взгляд М. Г. Халанского мешал его собственным соображениям «об историчности имени богатыря Дуная».

В таком же роде наблюдаем отступление в статье об Иване Гостинном, где В. Ф. Миллеру помешал А. Н. Веселовский, усматривавший за сюжетом с героем Иваном Гостинным французское происхождение¹⁵.

Иногда рассмотрение сюжета служит В. Ф. Миллеру, наоборот, доказательством в пользу его собственного исторического круга наблюдений, и тогда он тоже задерживается на сопоставлениях и, если действитель-

¹² Там же. С. 444—449.

¹³ Там же. С. 213.

¹⁴ Там же. С. 135.

¹⁵ Там же. С. 243.

но такие сопоставления ему обещают поддержку, он их очень ценит. Таковы, например, сопоставления былины о Дюке с Посланием пресвитера Иоанна¹⁶, Василия Окуловича с Василием Златовласым¹⁷, Соловья Будимировича с Василием Златовласым¹⁸, один из эпизодов былины о Добрыне и Марине с апокрифом о Давиде и жене Урия Вирсавии¹⁹.

Словом, сюжет для него имеет интерес только подсобный, только как аргумент. Если сюжет ничего не обещает на весах его сомнений, то вся статья, посвященная известной былине, ни одним словом не обмолвится о происхождении сюжета. Таковы статьи о Вольге и Микуле²⁰, о Чуриле²¹ и др.

Как и естественно для его исторических тенденций, В. Ф. Миллер преимущественный интерес имел к летописным сопоставлениям. К специальным, индивидуальным увлечениям Вс. Ф. Миллера нужно отнести то особое значение в формировании былин, которое он придавал Новгородскому краю и XVI веку.

Вс. Ф. Миллер образовал школу последователей (А. В. Марков, Б. М. Соколов, С. К. Шамбинаго и др.).

А. В. Марков, выясняя задачи исследования былин, наиболее важными вопросами считает: 1) вопрос «о происхождении нашего эпоса и его первоначальном составе, 2) о месте и времени его сложения и 3) о его литературной истории, т. е. о тех изменениях, которым подвергались его основы в течение вековой жизни в памяти певцов»... «Я пытаюсь,— говорит он о своих работах,— подтвердить историческую теорию образования русских былин: согласно с этой теорией, за их основу признаются короткие лиро-эпические песни, преимущественно величальные, появление которых вызывалось тем или другим историческим событием»²². И А. В. Марков весь целиком сосредоточивается на отыскании исторических соответствий к былинам.

¹⁶ Там же. С. 101 и сл.

¹⁷ Там же. С. 214 и сл.

¹⁸ Там же. С. 212 и сл.

¹⁹ Там же. С. 158.

²⁰ Там же. С. 166—186.

²¹ Там же. С. 187—200.

²² Марков А. В. Из истории бытового эпоса. Оттиск из XLI—LXI книги «Этиогр. обозр.» (1905. С. 1—2).

Есть некоторая особенность, которая отличает позднейших исследователей от В. Ф. Миллера. В. Ф. Миллер имел в виду преимущественно, если не исключительно, приурочение былины к определенному историческому лицу или событию. Его последователи, А. В. Марков и в особенности Б. М. Соколов, не забывают и литературной причины в образовании былины: они настаивают на литературном взаимодействии между былиной и другими литературными памятниками русской древности. А. В. Марков, соглашаясь с В. Ф. Миллером в толковании былины о Добрыне Змееборце, дополняет его соображения параллелями с агиографической русской литературой²³; Б. М. Соколов в исследовании об Илье и Идолище²⁴, о 40 каликах²⁵, в замечках об апокрифических и житийных мотивах в русском эпосе²⁶ сосредоточивает все внимание на выяснении взаимоотношения между былинами и житиями, апокрифической и легендарной литературой Руси.

Таковы задачи и главнейшие интересы в изучении былины у современных исследователей.

Каковы же средства осуществления? Помощью каких приемов оперируют исследователи в своих изысканиях? В чем их методологическая опора? Какова внутренняя логика их соображений? Каковы у них способы искания и приемы аргументации?

2

Сам В. Ф. Миллер метод своих изысканий формулирует следующим образом. «Для уяснения истории былины я старался из сопоставления вариантов вывести наиболее архаический ее извод и, исследуя историко-бытовые данные этого извода, определить по возможности период его сложения и район его происхождения. Иногда на основании письменных исторических свидетельств или, так сказать, внутреннего вероятия, не только можно, но и должно предполагать, что за этим древнейшим, реставрируемым из вариантов типом лежит еще более древний, но здесь мы опять уже входим

²³ Там же 1907. Вып. II. Добрыня Змееборец. С. 54—92.

²⁴ Журнал Министерства народного просвещения 1916. V. В дальнейшем ЖМНП. С.

²⁵ Русский филологический вестник 1913. № 1, 2.

²⁶ Там же 1916. № 3.

в область гаданий, вообще наполняющих древний период нашего эпоса ²⁷

Итак, исследование имеет в себе два момента: 1) установление архаического извода (основного варианта) и 2) сопоставление с историческими и литературными фактами прошлого. Сходство, очевидно, дает критерий к установлению генетической связи между явлениями.

Оба эти момента, в сущности, не являются новыми. Установление основного извода на основании сличения вариантов велось и мифологами. Орест Миллер некоторыми и до сих пор еще считается в этом отношении не превзойденным ²⁸. Что касается сопоставлений и сличений, то этим принципом всегда исчерпывалась вся логика генетических исследований народного словесного творчества. Менялись лишь объекты сличений.

Устанавливая архаический, основной текст былины, Вс. Миллер обычно пересказывает былинку, пользуясь при этом наиболее полным из вариантов и попутно отмечая по другим вариантам разнообразие в именах, географических названиях, а иногда и в самом разворачивании событий. Нередко после пересказа «основного» текста он дает особое место подведению различий в отдельных вариантах. Если сразу является затруднительным и невозможным установить единую схему в развитии сюжета, Вс. Ф. Миллер выделяет особые редакции, отмечая количество и качество принадлежащих к ним пересказов и географическое их распространение.

Иногда основную схему рассказа Вс. Ф. Миллер комбинирует из обрывков разных вариантов и даже из былин, хоть и сходных по сюжету, но прикрепленных к разным персонажам ²⁹.

Иногда на основании внутреннего анализа Вс. Миллер в одной былинке усматривает соединение двух обособленных раньше рассказов и только впоследствии объединившихся в силу единства героя или в силу каких-либо иных внутренних причин ³⁰.

²⁷ Миллер В. Ф. Очерки 1 С. V

²⁸ Лобода А. М. Русские былины о сватовстве. Киев, 1904. Гл. 1.

²⁹ Напр., былина о Сауре (Миллер В. Ф. Очерки. 1. С. 328 и сл.)

³⁰ См., напр., анализ былин о Добрыне свате и о Дунае (Миллер В. Ф. Очерки 1. С. 148); или былинку о первой поезд-

Придавая особое значение именам и географическим названиям как показателям первостепенной важности в определении места сложения былины (об этом особая речь ниже), Вс. Миллер, при обзоре вариантов, предусматривает свою последующую аргументацию и здесь же усиливает внимание к тем элементам былины, которые ему будут нужны.

Что касается критериев, которые применяются Вс. Миллером в установлении принадлежности тех или других элементов былины к древнейшей или позднейшей редакции, то здесь у него нет какого-либо объединяющего принципа, годного для всех случаев. Иногда показателем древности ему служит критерий большинства, иногда наоборот, он меньшинству оказывает предпочтение по тем или другим дополнительным мотивам, нередко прибегает к ссылке на древность записи, а подчас игнорирует эту древность. Большею частью единичные показатели считает случайностью, но бывает, что в подтверждение понравившейся ему мысли соблазняется ссылкой на свидетельство одного-двух вариантов.

Во всяком случае, статистика, по-видимому, для него имеет лишь относительное, безусловное значение. Она нема без дополнительного внутреннего логического или психологического обоснования. Эта сама по себе несомненно правильная точка зрения, однако, открывает дорогу исследовательскому произволу и тем самым в глазах беспокойной критики часто ставит домыслы автора на фундамент спорный и шаткий. Приведем примеры.

Анализируя былинку об Иване Гостинице, он ставит в основу вариант Кири Данилова именно ввиду *его полноты*: «до сих пор вариант Кири Данилова,— пишет он,— может считаться более полным и должен быть поставлен на первое место при восстановлении древнейшего вида былины»³¹.

ке Ильи Муромца, где Вс. Миллер рассматривает эпизод освобождения города, как особое когда то самостоятельно существовавшее предание — «К былинам об Илье Муромце и Соловье Разбойнике» (Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук 1912 № 4 В дальнейшем Изв. ОРЯС).

³¹ Миллер В. Ф. Очерки 1. С. 234.

В другом случае (былина о Ставре)³² в основу полагается редакция более сжатая и краткая, а распространенные редакции рассматриваются как развитие первоначально сжатой схемы (То же смотри о былинах Илья и Идолище³³; то же о былинах Илья Муромец и Себеж³⁴).

Невольно складывается впечатление, что в первом случае отдано особое предпочтение полному, хоть и *единичному* варианту Кирши потому, что детали, представленные этим вариантом, были нужны Вс. Ф. Миллеру для обоснования новгородского происхождения былины (Владыка Черниговский и пр.) В былинах же о Ставре подробности не давали ему поддержки.

При обычном предпочтении вариантов, представленных большинством записей, он в обоих этих случаях полагает в основу варианты, находящиеся в меньшинстве.

Признав известные варианты за основные и более архаичные, он их показаниям придает особое предпочтительное значение. Когда ему нужно было отыскать в былинах о Ставре следы новгородского сотского Ставра, он архаичность соответствующих вариантов особо подчеркивает «В пересказах Кирши Данилова и кн Кострова (*наиболее архаичных* — вставляет он в скобках) Ставер называется боярином, как новгородский сотский Ставр»³⁵. Когда же ему нужно было устранить из этих былин наличность богатырей, показанных как раз этими «архаичными» вариантами, он, устраняя эту помеху, на этот раз уже не отмечает их архаичности³⁶.

Случай, когда В. Ф. Миллер привлекает к обоснованию своего взгляда показания единичные, весьма не редки³⁷. И рядом с этим, иногда наиболее постоянное он считает случайным (см. о былинах о «Камском побоище», имя Самсона Колыванова)³⁸.

³² Там же С. 263 и сл.

³³ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности М., 1910 Т. II С. 90 В дальнейшем — Миллер В. Ф. Очерки II С.

³⁴ Миллер В. Ф. Очерки I С. 391.

³⁵ Там же С. 278 Курсив мой — А. С.

³⁶ Там же С. 279—280.

³⁷ См., напр. Миллер В. Ф. Очерки I С. 280—282; Его же Очерки II С. 5, 23.

³⁸ Миллер В. Ф. Очерки II С. 37, 50, 51.

Заметим еще, что прием реконструкции архаического извода через объединение былин с разными сюжетами и героями, применяемый самим В. Ф. Миллером, напр., в статье о Сауре³⁹, оспаривался им же в возражениях А. Н. Веселовскому по поводу былины об Иване Гостинином сыне (о подборе «схемы по разным сказкам о разных Иванах»⁴⁰).

Таким образом, какой-либо постоянной твердой системы в пользовании показаниями вариантов в методе В. Ф. Миллера не имеется. Да и возможна ли такая система?!

3

Переходим ко второму моменту, который намечал В. Ф. Миллер в ходе своих исследований⁴¹.

«Историко-бытовые данные», в которых В. Ф. Миллер видел опору своим хронологическим и территориальным прикреплению былин, заключались: 1) в географической, национальной и личной номенклатуре былины (имена), 2) в бытовых чертах былин, 3) в событиях, о которых рассказывает былина (сюжет). Исследуя эти данные и сличая их с историческим прошлым, В. Ф. Миллер, на основании сходства данных былин и исторической действительности, взаимно связывал их, как причину и следствие.

Не один раз в тексте статей В. Ф. Миллера попадают его жалобы на прихотливость и противоречивость былинной географической и личной номенклатуры. «Вообще география былины по отдельным пересказам крайне путаная...» — жалуется он в одном месте⁴². «Древние личные и географические имена в течение времени стали такой же принадлежностью эпического склада, как постоянные эпитеты, и расходовались поздними слагателями былин так же механически, как последние, не вызывая в северном великорусском слагателе тех хронологических и географических представлений, которые с ними невольно связываем мы, знающие

³⁹ Миллер В. Ф. Очерки. I. С. 328.

⁴⁰ Там же. С. 251 и сл.

⁴¹ Там же. С. V. «...Исследуя историко-бытовые данные этого (полученного «архаического» — А. С.) извода, определить по возможности период его сложения и район его происхождения».

⁴² Там же. С. 208.

историю и географию»⁴³ На этом основании былину об Иване Гостинном сыне он, вопреки всем показаниям имен, свидетельствующих за Киевщину, приурочивает к Новгородскому краю⁴⁴.

Но, несмотря на все это, мысль о былинных именах как подлинных отголосках древности, принадлежала к наиболее заветным и прочным убеждениям В. Ф. Миллера. Имена для него являются важнейшей опорой, главным якорем, которого он держится, от которого исходит и вокруг которого группирует дальнейшие соображения и догадки. Не раз они, как таковые, в голом отвлечении, совершенно независимо от прикрепленных к ним сюжетов и личностей, являлись для него убедительнейшей опорой для исторической интерпретации былинных мотивов. Он считал возможным игнорировать все, весь состав былинного повествования и все содержание исторического соответствия, и, основываясь только на совпадении имен, все же отождествлять и связывать. У него здесь была теория: «Имя былинное и вместе историческое, как многие другие исторические имена в наших былинах, указывают на то, что в основе современного, простонародного, сильно искаженного эпоса, лежали когда-то историко-эпические песни, создавшиеся в дружинной среде, делавшей военную историю Руси. Сюжеты этих прежних песен многократно переделывались и уже не лежат в содержании огромного большинства былин, но имена были прочнее сюжетов и переживали нередко дальнейшие переделки последних, служа таким образом свидетелями ранних ступеней истории эпических песен»⁴⁵. «В эпосе,— в другом месте пишет он,— нет необходимости искать непременно сходства былинного лица с историческим, носившим то же имя. Имя исторического лица могло стать эпическим в силу прежней широкой известности этого лица, хотя бы реальные черты исторической личности уже давно исчезли из народной памяти. Исторические имена держатся вообще гораздо прочнее, чем связанные с ними предания, подвергающиеся в течение времени радикальной переделке, смещению и полному забвению»⁴⁶.

⁴³ Там же С 97

⁴⁴ Там же. С 243 и сл.

⁴⁵ Там же С 351—352

⁴⁶ Миллер В Ф Очерки II С 361—362.

И В. Ф. Миллер много раз все обоснование к историческому соответствию сводит исключительно к совпадению имен (особенно см. этюды «Имя былинной киевской княгини»⁴⁷, «О некоторых былинных именах»⁴⁸).

Такой взгляд нельзя оправдать ни теоретически, ни практически. Теоретически трудно предположить полное обособление имени от его носителя. Ведь самая популярность имени создается известными представлениями, связанными с ним. Пусть эти представления в течение веков терпят изменения в частностях, деталях, но все же, при сохранении имен, не мыслится *совершенная потеря* этих представлений, хотя бы их общего тона, симпатичного, напр., или несимпатичного, смешного и великого, святого и отвратительного и т. п.

Сам В. Ф. Миллер, в замечаниях на статью А. В. Маркова о Камском побоище, сделал себе капитальнейшее возражение: «Трудно допустить такой процесс эпической обработки исторического новгородского похода в Югру, чтобы от всего события в эпический рассказ отложилось только *одно имя* предводителя новгородской дружины Самсона Колыванова и ничего другого, ни одной реальной черты события, притом настолько громкого, что оно было занесено в скудную словами Новгородскую летопись»⁴⁹.

И практически такую гипотезу нельзя оправдать, потому что она бесполезна. В самом деле, если «имя исторического лица могло стать эпическим» и сохраниться в песнях, хотя бы черты его прежнего носителя исторического лица «уже давно исчезли из народной памяти», если «сюжеты прежних песен с историческими именами теперь забыты» и «уж не лежат в содержании былин» и от них сохранились только одни имена, то непонятно, каким образом эти имена, принадлежащие когда-то неизвестно каким лицам, неизвестно каким сюжетам — могут служить «свидетелями ранних ступеней истории эпических песен». Имя, не прикрепленное ни к лицу, ни к сюжету, свободное от всяких исторических связей, само требует раскрытия и является для науки искомым иском.

⁴⁷ Там же. С. 359—367.

⁴⁸ Там же. С. 368—384.

⁴⁹ Там же. С. 50. Курсив мой. — А. С.

Можно ли раскрыть этот икс в уравнении со всеми неизвестными? А тем более могут ли эти иксы раскрывать другие члены такого порочного уравнения, «свидетельствовать о ранних ступенях истории эпических песен» (неизвестно, каких!)?

Другое дело, если имя является перед нами с поддержкой каких-либо прежних своих исторических связей, то есть или в соединении с известным сюжетом или лицом, тогда, может быть, найдется опора и для дальнейших рассуждений, но миллеровские эмансированные имена, немые странствующие незнакомцы, ни слова не скажут о том, где они были и что видели. Произвол и остроумие исследователя могут ими воспользоваться на любые услуги, и они будут на все очень податливы и послушны, но все же тайны своей ему не откроют, не запротестуют на его ошибку, но и не порадуют согласием на его правдивую догадку. Такое имя—«звук пустой», без поддержки иных связей и отголосков оно не имеет фактичности.

4

Обращаемся к примерам⁵⁰.

На основании одного сопоставления имен построены доводы В. Ф. Миллера о происхождении былины о Дунае.

Исторический прототип былинного Дуная В. Ф. Миллер видит в Дунае—воеводе Владимиро-Волынского князя Владимира Васильевича (Ип. лет. под 1281, 1282, 1287 гг.). В пользу связи между обоими Дунаями, по Миллеру, кроме совпадения в имени, говорит то, что оба служат князю Владимиру и оба находятся в ближайших отношениях «к польскому властителю»⁵¹.

«Оба служат князю Владимиру» — но много ли насчитается былинных героев, которые не служат князю Владимиру. Да и отношения «к польскому властителю» принадлежат не только Дунаю. Некоторые исследователи эту черту в применении к Дунаю рассматривают

⁵⁰ В критике статей и мнений, взятых здесь, в очерке о методах, мы не входим в фактическую сторону их содержания и направляем свои суждения исключительно на внутреннюю формально-логическую их структуру.

⁵¹ Миллер В. Ф. Очерки. I. С. 132.

как контаминацию песни о Молодце и Королевне (Лобода). Остается голое имя Дуная. Но одно оно ничего не говорит.

Такое же пристрастие к именам наблюдаем и в очерке к былине о Ставре. «Под 1118 годом 1-я Новгородская летопись занесла о нем (о каком-то Ставре) следующую заметку: «Приведе Володимер (Мономах) вся бояры новгородския Киеву и заводи я к честному кресту и пусти я домовъ, а иныя у себя остави; разгневался на ты, оже то грабили Даньслава и Наздрьчу и на Сочьского, на Ставра и затоци я все». Вот все, пишет Миллер, что исторически известно о Ставре — ни в одной другой летописи, кроме новгородской, не упоминается поступок с ним Владимира Мономаха. Но при всей скудости известий, между летописным и былинным Ставром трудно отрицать связь (!) В былинах основой рассказа также является гнев на Ставра Владимира и заточение в «погребѣ глубокиѣ». (Добавим: в одном случае за грабеж, в другом за обидное хвастовство.) «В пересказах Кириши Данилова и кн. Кострова (наиболее архаичных), продолжает Вс. Ф. Миллер, Ставр называется боярином, как новгородский сотский Ставр. Есть поэтому основание (?) думать, что в основе современной былины о Ставре, прошедшей через несколько фазисов переделок, лежит нечто очень древнее — рассказ или историческая песня о реальном лице и событии начала XII века»⁵²).

Странно читать у Вс. Миллера такие сопоставления. Блестящий критик чужих сопоставлений (Веселовского, Халанского, Созоновича), он подчас так наивен в собственных увлечениях. К голым именам подставлены две весьма хилые подпорки. Оба Ставра заточены были в погребѣ глубокиѣ — но в былинах в погребѣ отсиживает не один Ставр (Илья Муромец, Михайло Данилович, Вас. Казимиров). Другая подпорка еще слабее: в двух (из 19) пересказах былины Ставр называется боярином, а в летописи он сотский (сходство!).

Во всех этих случаях Вс. Миллер сопоставления имен старается оправдать сходством в некоторых других чертах. Но нередко он обходится и без этого. Таково его объяснение имени кн. Апраксии: «...Имя нашей бессменной эпической киевской княгини Опраксы,

⁵² Там же. С. 278.

Опраксевны — ведет свое происхождение от имени рязанской княгини, известной в преданиях о Батыге, причем имя совершенно отделилось от нравственных свойств исторической личности, носившей его <...> Имя — одно без всяких других черт, оторванное от исторической княгини, — прикрепило к жене князя Владимира, полной противоположности исторической Евпраксии по нравственным свойствам. Очевидно, это могло произойти значительно позже XIII века, когда имя Евпраксии уже было отделено от исторического события, связанного с ним, когда оно ничего уже не говорило народному воображению, кроме того, что это была какая-то известная княгиня, чем-то и когда-то прославившаяся. А так как в эпосе единственной княгиней является жена былинного князя Владимира..., то не мудрено, что какой-нибудь слагатель, а за ним другие, назвал эту княгиню именно Апраксией (Опраксой)»⁵³.

Других подтверждений это предположение В. Ф. Миллера не получило, но сам он в него очень уверовал и в дальнейших своих работах нередко ссылается на свой домысел как на окончательно установленное положение. В Никоновском своде под 1136 годом упоминается имя славного богатыря Ивана Даниловича. М. Г. Халанский в нем увидел былинного Ивана Даниловича. В. Ф. Миллер с ним охотно согласился и «подкрепляет» его соображение таким доводом: «Исторический Иван Данилович, говорит В. Ф. Миллер, бился с половцами, эпический бьется с татарами, — вот все, что, помимо имени, сближает их между собой. Конечно, этого очень мало. Но все же я не думаю, чтобы такое совпадение былинного имени с историческим было игрой случая. Что общего между добродетельной исторической рязанской княгиней Евпраксией и былинной сластолюбивой Опраксой Королевичной, но едва ли можно (?) сомневаться в том, что последняя получила свое имя от первой»⁵⁴.

В летописях под 1471—1481 гг. фигурирует имя Василия Казимира — этого, по Миллеру, достаточно, чтобы его считать историческим прототипом былинного

⁵³ Миллер В. Ф. Экскурсы С. 25—27; Очерки. I. С. 321. Курсив В. Ф. Миллера.

⁵⁴ Миллер В. Ф. Очерки. I. С. 351.

Василия Казимировича. Вот сходство между ними в формуле самого Миллера: «Как бы то ни было, былинный Василий Казимирович, как исполнитель дипломатических поручений, до некоторой степени напоминает исторического. Новгородский Василий Казимир пострадал от великого князя: был им посажен в тюрьму... Василий Казимирович, как мы узнаем из одного (!) из лучших вариантов (из 7 — А. С.), сидит у кн. Владимира в «погребѣ глубоком»⁵⁵.

Впрочем, опять едва ли верил сам Миллер в эти сходства. Выше он признается: «Мы не в состоянии уяснить себе мотивы, вызвавшие внесение имени Василия Казимира в былинку так называемого киевского цикла, кроме разве того, что это имя в свое время пользовалось широкой известностью»⁵⁶.

Окончательная убедительность опирается опять на собственный прежний весьма шаткий домысел: как будто это уже теперь само собою разумеется. «Имена, как всегда бывает, оказываются более прочными, чем обстоятельства, связанные с личностью их носителей». «Вспомним, например, что былинный Ставр — боярин, глупый муж умной жены, носит имя исторического лица, действительно одно время посаженного Владимиром Мономахом если не в «погребѣ глубокие», то в тюрьму...» и т. д.⁵⁷.

В одном книжном сказании упоминается князь Василий Константинович, взятый Батыем в плен в битве при Сити. В. Ф. Миллер находит возможным возводить от него имя Василия пьяницы. Никакого сходства между ними нет. Вот сопоставление В. Ф. Миллера: «Здесь (в «Сказании») Василий отказывается воевать в татарской рати, в былине Василий Игнатьевич обманно переходит на сторону татар, а затем избивает данную ему Батыгой силу»⁵⁸. Имя Василия сохранилось в современной былине «только как имя, независимо от исторического лица, его носившего»... И опять подтверждение — ссылка на свое толкование имени Апраксии:

⁵⁵ Миллер В. Ф. Очерки. II. С. 207. Курсив мой.— А. С.

⁵⁶ Там же. С. 206.

⁵⁷ Там же. С. 205. А. И. Соболевский указывает, что имя Казимир на Руси вообще нередко (См.: Материалы и исследования в области слав. филологии и археологии. Спб., 1910. С. 244).

⁵⁸ Миллер В. Ф. Очерки. I. С. 323.

«Аналогией этому процессу может служить эпическая судьба имени Евпраксии... Во всяком случае, между исторической княгиней Евпраксией, пострадавшей при нашествии Батыя, и былинной Опраксой не большее различие, чем между плененным и замученным Батыем князем Василием Константиновичем и былинным Василием Игнатьевичем, также находившимся в руках Батыя, но уничтожившим его несметную силу»⁵⁹. Последнее замечание совершенно справедливо, но в чем же оно убеждает?!

5

Другая область, где В. Ф. Миллер устанавливает исторические связи былины, это — черты бытовые, элементы прежней экономической, государственной, общественной и семейной жизни.

На этой основе построены его статьи о Вольге и Микуле, о Чуриле, об Иване Гостином, о Хотене. Совпадение бытовых черт былины с общим укладом жизни той или другой местности в известную эпоху указывает ему на время и место сложения былины.

Полную доказательность такие сближения, однако, могут получить лишь при наличии указаний таких черт быта, которые свойственны *только* данному краю и времени, к которому приурочивается сложение былины. Такого обособления, необходимого выяснения территориальной и хронологической специфичности аргументирующих бытовых явлений, при большом однообразии русской жизни на самых далеких концах территорий и времени, достичь чрезвычайно трудно. Поэтому многие очень меткие наблюдения Вс. Миллера в этой области не могут получить окончательного признания. Его обоснование новгородского происхождения былины о Вольге и Микуле, о Чуриле, об Иване Гостином,

⁵⁹ Миллер В. Ф. Очерки I С 324 Вот еще пример доверчивости В. Ф. Миллера к своим догадкам. Исторический Дунай связан с Владимиром, князем Владимиром Волынским. Былинный Дунай служит Владимиру Киевскому. Что ж? Такие перемещения имен бывают. «Аналогией этому процессу,— пишет Миллер,— может служить былинный Ставр. Исторический новгородский сотский Ставр был посажен в тюрьму Владимиром Мономахом в былинах Ставра сажает в погреб эпический Владимир Сеславьевич» (Там же. С. 133).

о Ставре, построенное почти исключительно на характеристике бытовой стороны этих былин, сильно поколеблено указанием параллельных черт помимо новгородской области (в Московской Руси, в Южной Руси).

Новгородское происхождение былин о *Вольге* обосновывается В. Ф. Миллером бытовыми чертами былины, которые он считает новгородскими: картина пашни с сохой и каменистой почвой, род хлеба — рожь, особая ценность соли, название денег — гроши, особенности флоры и фауны — соболи, медведи, куницы, осетрина и пр.

Оказывается, все эти черты не в меньшей мере были свойственны нашему Полесью⁶⁰.

Правда, Вс. Миллер, после статьи Н. Коробки, указывал еще два пункта, характеризующие эту былину как новгородскую: 1) идеализация крестьянства у Микулы имела реальную основу в особенно богатом землепользовании новгородцев, 2) выражение «выволочу рожь» он считает для новгородской области специфическим⁶¹. Но идеализации крестьянства у Микулы нет. На это в другом месте указывал сам Вс. Миллер: «Приладив какую-то заимствованную личность и фабулу к своему быту, создав образ чудесного пахаря, он (слагатель былины.— А. С.) вовсе не подумал об идеализации своего крестьянского тяжелого труда, не провел той идеи, что крестьянин должен прилепиться к матери сырой земле, что в этом его единственное благо, а допускает с легким сердцем своего «представителя» покинуть тяжелый земледельческий труд и поступить в дружину князя (следовательно, жить не сохой, а нахлестыванием мужиков), совершенно согласно с тем, как и теперь при удобном случае крестьянин не прочь сбросить тягло, выписаться из мира и перейти к более доходным и легким занятиям». Это Вс. Миллером написано в той же статье, где он защищал впервые новгородское происхождение былины⁶², теперь, в дополнительной заметке, симпатии Микулы к «нахлестыванию мужиков» оказались забытыми и на место их сно-

⁶⁰ Коробка Н. И. Сказания об урочищах Овручского уезда и былины о Вольге Свят. // Изв. ОРЯС АН. 1909. № 1.

⁶¹ К крестьянству Микулы Селяниновича // Этнографическое обозрение. 1911. № 3—4. С. 173—177.

⁶² Миллер В. Ф. Очерки. I. С. 179.

ва вернулась «идеализация» крестьянского труда «у матери сырой земли».

Таким образом, мысль о новгородском происхождении былины о Вольге не имеет устойчивости.

Путем наблюдений над бытовыми чертами былин В. Ф. Миллер пришел к убеждению в новгородском происхождении былины о *Чуриле*⁶³.

Но те черты, в которых В. Ф. Миллер усмотрел элементы новгородской жизни, проф. А. С. Архангельский указывает и на других территориальных пунктах Руси⁶⁴.

И около Москвы могли быть частные лица с большими дружинами, владеть большими богатствами, а равно могли при случае совершать насилия безнаказанно (с. 913). А. С. Архангельский приводит в пример «Повесть о Луке Колоднике» (Никон. Летопись, 1413). Богатые города были и кроме Новгорода. Таким был в начале XIII в. Владимир Галицкий. Там же можно было встретить богача-красавца типа Чурилы. Представления о личности князя в разных местностях иногда отличались не меньшей вольностью и свободой (см. в обзоре литературы главу о Чуриле).

6

Третий случай, который дает возможность В. Ф. Миллеру сближать былины с русским историческим прошлым, это — сходство сюжетных эпизодов былины и событий истории. К статьям этого типа относятся: 1) К былинам о Камском побоище⁶⁵, 2) Калин царь⁶⁶, 3) О Добрыне — змееборце⁶⁷.

В первой из этих статей В. Ф. Миллер сопоставляет былинку о Камском побоище с летописными известиями о битве на Калке и отмечает следующие черты сходства: 1) «При наступлении татарского царя к Киеву былина изображает созыв богатырей киевским князем на «сильное побоище». В описании Калкского погрома в

⁶³ Там же С 187 и сл.

⁶⁴ Изв. ОРЯС АН 1898 № 3. С 913 и сл.

⁶⁵ Миллер В. Ф. Очерки. II. С 32—59.

⁶⁶ Там же С 60—68.

⁶⁷ Миллер В. Ф. Экскурсы. Гл. II. С. 32—55; Миллер В. Ф. Очерки. I. С. 143 и сл.

Суздальской летописи сообщается, что, узнав о поражении половцев татарами, русские князья съехались в Киев на совещание об общем предприятии против нового неведомого врага. 2) «На совете (князей.— А. С.) было решено не ждать вторжения татар в русскую землю, но встретить их в поле половецком, и согласно этому решению русские дружины выступили в степь. В былине, как мы видели, богатыри, оставив Киев, выезжают в поле и там ставят свои шатры белополотняные». 3) «В летописных рассказах о Калкском погроме выражается мысль, что это несчастье было карой Господней за грехи, за гордость князей и за уверенность их в своих силах». «Эту княжескую похвальбу и самоуверенность, в которой видели причину Калкского погрома, вероятно, отметило и народное сказанье, легшее в основу позднейшей былины». (Похвальба богатырей, воскрешение и удвоение татар). 4) «Наконец, что особенно сближает нашу былинку со сказанием народным о Калкском побоище — это судьба Алеши (т. е. Александра) Поповича» (гибнут оба). «Вышеприведенные черты сходства между летописными известиями о Калкской битве и былинами о Камском побоище делают, на мой взгляд, весьма вероятным предположение, что в рассматриваемой былине мы имеем, вероятно, многократно переделанную эпическую обработку древних сказаний о Калкском побоище»⁶⁸.

Как видно из сопоставлений, сходство намечается самое общее. Былина «Камское побоище» является типичной обработкой вообще для всякого рода былинных баталий (Илья под Черниговом или Себежем, Калин царь, Батыга и пр.). Нет оснований к безусловному прикреплению ее к битве на Калке. Сложение ее могло быть вызвано и иным военным событием. Объяснение, предложенное А. В. Марковым⁶⁹, В. Ф. Миллером не опровергнуто, и собственные предположения В. Ф. Миллера не имеют предпочтительной убедительности. Предание, или первоначальная предполагаемая песня, из которой развилась былина, может мыслиться с одинаковым правом и по А. В. Маркову и по В. Ф. Миллеру. Собственно говоря, на те возражения, которые сделал

⁶⁸ Миллер В. Ф. Очерки. II. С. 53—57.

⁶⁹ Беломорская былина о походе новгородцев в Югру в XIV в.: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. 1909. С. 150—162.

В. Ф. Миллер А. В. Маркову, он даже и права не имел: то, что допускает Марков и в чем его упрекает В. Ф. Миллер, то сплошь и рядом по другим поводам делалось и В. Ф. Миллером. Одно из таких возражений мы выше отметили: как могло от славного события, «занесенного даже в Новгородскую скудную словами летопись», в эпической песне остаться одно имя (Самсон Колыванович) — сомневается В. Ф. Миллер. Но вспомним, что он сам не усумнился в былинном Дунае видеть исторического Галичьского Дуная, в Ставре — исторического новгородского Ставра, хотя в былинах (следовательно, в песнях) ничего нет похожего на события, связанные с этими историческими лицами и занесенными в летописи, в том числе и *Новгородскую* «скудную словами».

Далее В. Ф. Миллер отрицает предположение А. В. Маркова о героическом главенстве Самсона Колыванова в первоначальной песне и о дальнейшем его оттеснении Ильей Муромцем. Но здесь же, сейчас же сам делает такую же подстановку, произвольно заменив Самсона Колыванова Алешей Поповичем. «Илья Муромец, по его мнению, поживился на счет Алеши Поповича», но почему он не мог пожить так же на счет Самсона Колыванова?

Словом, впечатление от статьи остается такое, что, в сущности, былина, дающая общий эпический материал, не может быть определенно прикреплена ни к походу на Югру (по А. В. Маркову), ни к битве на Калже (по В. Ф. Миллеру). Имеющийся материал не дает убедительной аргументации априорным предположениям обоих исследователей.

При объяснении былины о Добрыне и Змее Горыныче В. Ф. Миллер понимает сюжет в смысле символического перетолкования исторического события — крещения Новгородцев. Припомнив роль исторического Добрыни в крещении Новгородцев и сопоставив ее с новгородскими преданиями о змийке Перюне, В. Ф. Миллер считает былинку обработкой первоначального сказания о Добрыне-крестителе, передавшем факт борьбы Добрыни за христианскую веру аллегорически, в виде борьбы его со змеем. Сама былина всем составом своего сюжета, однако, не дала никаких данных к такому сближению с историческими фактами о Добрыне, и В. Ф. Миллер, указав только на факт змеборчества, оставил ход событий в былине без всякого рассмотре-

ния. Впоследствии его мысль о символическом понимании змееборчества нашла поддержку в статье А. В. Маркова, который сделал попытку оправдать такое понимание целым рядом новых аргументов. Насколько в этом успел А. В. Марков, и насколько вообще приемлемо толкование сюжета этой былины как отголоска исторического события крещения новгородцев — будет речь ниже, здесь же, только по поводу сопоставлений В. Ф. Миллера, укажем, что самый факт змееборчества в былине несколько не обязывает связывать его с христианскими представлениями. В народном эпосе (в сказках, сказаниях, легендах) змееборчество присутствует совершенно независимо от христианской тенденции представлять в змее воплощение беса и дьявола (см. об этом ниже).

7

В рассмотрении былины о Дюке В. Ф. Миллеру служат опорой и имена, и элементы быта, и события. В. Ф. Миллер обращает внимание на имена Дюка Степановича, Чурилы Пленковича, Волынца Галичья или Галича Волынца. «Если бы нам удалось, — замечает он, — сделать вероятным, что эти имена связаны с известным местом и историческим периодом, то вопрос о месте и времени сложения первоначального эпического рассказа мог бы быть решен»⁷⁰.

И в дальнейшем Миллер, прикрепляя эти имена к Галицкой Руси к XII веку, приурочивает к этому месту и времени сложение всей былины.

Ход его рассуждения таков: источником первоначального русского рассказа о Дюке является Послание пресвитера Иоанна. Послание проникло на Русь в XII веке. Это доказывается наибольшей популярностью этого произведения и наличием наибольших живых связей Руси с Византией именно в эту эпоху. Дается обширная историческая справка об отношениях Ярослава Осмомысла, Галицкого князя, с Византийскими правителями. Благодаря этим живым отношениям сюда и именно в это время впервые и зашло Послание. Это служит подтверждением Галицкого сложения былины. Имя главного героя византийского происхожде-

⁷⁰ Миллер В. Ф. Очерки. I. С. 104 Курсив мой. — А. С.

ния (Дук). «Стефанович» указывает на ту же южную область. Стефаны были вообще популярны в Венгрии и у южных славян. В первоначальном рассказе Дюк приехал из Индии в Галич, а не из Галича, как говорит современная былина. Перестановка явилась результатом перевирания сказателей. Независимая роль боярина Дюка напоминает В. Ф. Миллеру соперничество южных бояр с князьями. Имени Владимира князя не было в древнейшей редакции быliny, оно было внесено позднее. Это доказывается указанием на ту жалкую роль, какую князь Владимир играет в этой быline. Присутствие имени Чурилы Пленковича тоже указывает на южное происхождение быliny, потому что имя Чурилы было особенно известно на юге Руси.

Но является целый ряд вопросов. Доказана ли зависимость нашей быliny от Послания пресвитера Иоанна? Миллер эту мысль принял без критики от А. Веселовского. Зависимость обосновывается на сближении того и другого произведения в их содержании. Описание дворца пресвитера сходно с описанием Дюкова богатства. Но М. Г. Халанский в этом же описании обнаружил «поразительное обилие русских бытовых черт»⁷¹.

В этом В. Ф. Миллер видит позднейшие бытовые наслоения на быlinу, в основе своей все же возникшую из иноземного источника. Для нас, однако, важно отметить черты русской жизни в описании Дюковых богатств. Как бы то ни было, наличие их делает возможным русское происхождение быliny, и зависимость ее от Епистолии при всем их сходстве ставится под большое сомнение. Да и сходство далеко не так велико. Среди черт указываемого сходства некоторые (и наиболее сильные) необходимо отвести. То место, где пресвитер советует продать землю, купить бумаги для описания его богатств, поразительно близкое к подобному же эпизоду быliny, принадлежит только редакциям русского сказания об Индийском царстве и, по-видимому, находится в зависимости от быliny.

В Епистолии (именно в ее греческом тексте, от которого, по мнению В. Ф. Миллера, исходит былина), нет и Индии. Местожительство пресвитера там остается неизвестным.

⁷¹ Великорусские быliny киевского цикла. Варшава, 1885. С. 187—207.

Остается фабула. Но фабулы нет и в Послании. Ее отводит Миллер к предполагаемому Византийскому памфлету, но следов такого памфлета он не мог указать, и его предположение остается без всяких доказательств.

Таким образом, мысль о зависимости былины от Послания далеко не обязательна.

Имя Дюк также нет необходимости возводить к Византии. Ак. А. И. Соболевский, отмечая возможность его образования на русской почве, указывает на его широкое распространение в древней Руси⁷².

Волынец Галич, по мнению того же А. И. Соболевского, мог явиться в былине, как эпический город, из которого лестно было выезжать Дюку⁷³. И сам В. Ф. Миллер признает его таковым⁷⁴. Таким эпическим городом Галич является в былинах о Михаиле Казаряине, о сорока каликах.

Что касается устранения из былины князя Владимира на том основании, что он играет здесь жалкую роль, то вспомним, что как раз на такую роль Владимира Миллер указывает как на признак Новгородского (а не Галицкого) района сложения целого ряда былин (о Чуриле, о Ставре, об Иване Гостином и Хотене).

Наконец, пусть бы даже имена Дюка, Чурилы, Волынца тянули к югу, это, однако, ни в малой степени не может служить доказательством южного происхождения всей былины. Ведь сам В. Ф. Миллер, возводя имя Чурилы к Южной Руси, былину о нем все же считает новгородской.

8

В ходе рассуждений В. Ф. Миллера часто играют большую роль предполагаемые предания, занимающие посредствующее место между былиной и событием или литературным источником, к которому он ее возводит. За всеми былинами, к историческому толкованию которых В. Ф. Миллеру дают повод имена, он, не находя в их содержании соответствия с предполагаемым источ-

⁷² Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Спб., 1910. С. 233—248.

⁷³ Там же С. 234—235.

⁷⁴ Миллер В. Ф. Очерки. I. С. 100.

ником, предполагает существование преданий, исторических песен, не дошедших до нас (см., напр., былин о Дунае, о Ставре, об Илье и др.). Здесь область чистых гаданий, на это В. Ф. Миллер и сам указывает, как мы уже видели выше. Между тем, В. Ф. Миллер склонен иногда и здесь преувеличивать значение своих предположений, и есть примеры, когда такие «гадания» (его слово) стоят *в основе* его крупных исследований. См., например, его статью «К былинам об Илье Муромце и Соловье Разбойнике»; двумя прототипами этой быliny он считает предполагаемые северо-западные и юго-восточные предания об Илье. Никаких свидетельств о существовании таких преданий нет, но только при их предположении может иметь интерес все сложное рассуждение В. Ф. Миллера, развиваемое в статье⁷⁵. Такие же предполагаемые предания аргументируют соображения В. Ф. Миллера к былине о Дюке (Византийский памфлет, будто бы давший фабулу былине), к былине о Дунае, к былине о Василии Казимировиче и др.

Все это позволяет нам сказать, что в области приемов разыскания и проверки теоретических построений у В. Ф. Миллера нельзя найти выработанной, прочной, обоснованной системы. Те приемы, которыми он пользуется и кладет в основу своих построений, по существу, не выдерживают основных критических требований. Его «архаические изводы» нередко произвольны, его сопоставления имен не фактичны и часто бесплодны, его бытовые сопоставления лишены территориальной и хронологической специфичности, его сюжетные сопоставления так же общи и отвлеченны, как и у предшественников, его предположения о существовании несохранившихся преданий выступают в голом виде, без всяких доказательств и даны лишь «к случаю».

Но все же В. Миллер, сравнительно со своими предшественниками, хотя бы такими, как ак. А. Н. Веселовский, И. Н. Жданов, М. Г. Халанский, не говоря о многих других, является наиболее спокойным, выдержанным и строгим исследователем. Говоря здесь лишь о его методе, я не считаю нужным сводить фактических итогов его научных заслуг. Недостатки его методов ха-

⁷⁵ На это указывал А. В. Марков (см.: Изв. ОРЯС АН, 1915, № 1. С. 315).

рактизируют не столько его самого, сколько самую былинку, но при установлении общей базы, на которой строится исследование былин, нельзя было не отметить, что и та база, на которую встал В. Миллер, то и дело рассыпается у него под ногами и шатает всю постройку.

9

Обратимся к последователям и продолжателям В. Ф. Миллера. В материальной стороне метода (выбор предмета исследования, задачи исследования) особенности учеников В. Ф. Миллера, в отличие от него самого, нами были указаны. Что касается формальной, логической стороны, то они ничем от него не отличаются: то же искание архаического извода, то же сличение имен, событий и сюжетов, те же предполагаемые предания, как исходные основы песен, и пр. Была попытка со стороны С. К. Шамбинаго ввести особую классификацию былинных текстов с точки зрения их совершенства и близости к исторической действительности, но из этого ничего не вышло: классификация не встретила поддержки, и сам С. К. Шамбинаго от нее отказался и своего деления вариантов былин на «канонические» и «неканонические» в другом издании своей книги не повторил ⁷⁶.

Перейдем к примерам.

А. В. Марков. *Историческая основа былины о кн. Романе и литовских королевичах* ⁷⁷. Историческим прототипом былинного князя Романа А. В. Марков считает Брянского князя Романа (XIII ст.). Сюжет былины возводится к столкновению этого князя с литовцами в 1263 году.

Литовцев он видит в тех названиях, которые даются королевичам различными пересказами былины: Ливики, Витники, Витвики. Марков возводит этимологию этих слов к форме «литовник» (с. 7), как именуются литовцы в I Псковской летописи. Город Брянск он раскрывает из формы «Сребрянск», как в одном пересказе имену-

⁷⁶ Ср. Шамбинаго С. К. *Песни-памфлеты XVI века*. М., 1913. Его же. *Песни времени царя Ивана Грозного*. Сергиев посад, 1914

⁷⁷ Из истории русского былевого эпоса. 1905. Вып. 1. С. 6—30.

ется город Романа. Марков думает, что сначала Сребрянск явился как «легкое искажение» (с. 12) старинной формы «Дыбрянск».

По летописи во время наезда литовцев князь Роман дома был занят празднованием свадьбы своей дочери. в былине Романа *нет дома*. А. В. Марков это отмечает как сходство.

Большие затруднения А. В. Марков преодолевает с отчеством Романа. Исторический Роман носит отчество *Михайлович*, в былине он *Дмитриевич*, кое-где *Васильевич*. В одном пересказе песни о том, «как князь Роман жену терял» (песне, ничего не имеющей общего с исследуемой былиной), Роман называется *Михайловичем*. Здесь Марков обретает свой якорь. Вот его аргументация: «В сборнике Кирши Данилова и в двух записях А. Д. Григорьева он (Роман.— А. С.) носит отчество *Васильевич*, но в пересказе, записанном мною на Терском берегу Белого моря, в с. Варзуге, это отчество носит его жена Марья, а сам Роман называется *Михайловичем*. Если отдать предпочтение в верности старине беломорскому пересказу и считать отчество Романа «Васильевич» перенесенным от имени его жены, то обратной заменой можно объяснить, почему в одном пересказе жена князя называется «Михайловной». Отчество Романа «Михайлович» могло перейти в эту песню из былины о королевичах, а впоследствии в былине оно заменилось другим отчеством» (с. 20).

Такой прием дает широкие возможности к оправданию всяких предположений. Нужно только, чтобы искомое имя было отмечено хотя бы *одним* пересказом (Марков отправляется от одного) и даже *в песне другого содержания*. Аргументация очень послушная исследователю, но, конечно, не убедительная.

На этом, однако, вопрос для Маркова не был кончен. Откуда же в былине отчество «Дмитриевич»? В *одном* пересказе былины в сборнике Тихонравова — Миллера имеется «Дмитриевич». Для объяснения «Дмитриевича» А. В. Марков предполагает, что былина из Брянска когда-то проделала путешествие через Москву на север к Пскову, по дороге былина потеряла князя Романа и заменила его сыном Дмитрием Донского *Константином Дмитриевичем*. Новый заместитель помог А. В. Маркову во многом таком, на что прежний исторический прототип кн. Роман совершенно был негоден. В

былине королевичи похищают сестру князя Романа (Романа — все же!) Настасью. Около исторического Романа Брянского сестры не находилось, а у Константина Дмитриевича «была сестра Анастасия», «о которой, — пишет А. В. Марков, — летописи говорят под 1397 годом, когда она вышла замуж в Торжок, за князя Ивана Всеволодовича Тверского, и под 1400 годом, когда супруги вместе с боярами ездили в Тверь». Похищения все-таки и здесь не оказалось. Эту параллель исследователь находит в биографии Константина Дмитриевича. Константин Дмитриевич совершил поход с псковичами против немцев (в 1407 г.). По летописи Константин «еще ун сый верстою, но совершен умом <...> И перевозишася Норову наутрия Петрова дни, и пойдоша в землю немецкую к Порху, и повоеваша много погостов и много добытка добыша» (с. 24). Это, по А. В. Маркову, сходно с былинной. «Для установления соотношения между рассказом о походе Константина и былинной в пересказе Касьянова обратим внимание на то, — пишет А. В. Марков, — что псковский летописец называет князя юным по годам, но взрослым по уму; затем князь идет в поход за реку. В былинной князь также называется молодым; нагоняет он королевичей также за рекой (Смородиной)». Вот все сходство! «На основании вышеизложенного, — заключает Марков, — можно думать, что личность младшего сына Дмитрия Донского (Константина Дмитриевича. — А. С.) отразилась на имени Константина Дмитриевича в пересказе Касьянова и на отчестве князя Романа в других пересказах» (С. 24).

Вот сколько нужно было хрупких хитросплетений для того, чтобы А. В. Маркову можно было свести какие-то выводы. Чтобы прикрепить былинку к Брянску, А. В. Марков довольствуется Сребрянском в *одном* пересказе. Свадебный пир исторического князя Романа нужно было отождествить с его отсутствием из дому. За былинным отечеством Дмитриевич (вместо исторического Михайловича, в былинной совершенно отсутствующего) нужно было привлечь другого князя с совершенно иной территории и все дальнейшее сопоставления провести уже с новым лицом (забыв былинного Романа). В новых сопоставлениях нужно было военный поход Константина отождествить с погоней былинного Романа за похитителями его сестры. И все это при совершенном отсутствии всякого внутреннего сходства.

А. В. Марков о Добрыне⁷⁸. В былине о Добрыне и Змее Горыныче Вс. Миллер увидел следы деятельности исторического Добрыни, победоносно «огнем и мечом» водворявшего христианство в Новгороде. Для этого ему нужно было и деятельность исторического Добрыни и сюжет былины связать с церковно-символическим пониманием победы над Змеем в смысле преодоления дьявола и язычества. В «Экскурсах» Миллер не располагал фактами, которые могли бы засвидетельствовать существование представлений об историческом Добрыне как о змееборце. Такие представления он допускал лишь теоретически, на основании распространенной христианской символики. В «Очерках» В. Миллер указывает на предание о змийке-Перюне, которое, по его мнению, дает звено, связывающее былинного змея с языческим божеством⁷⁹. Предание, действительно, отождествляет змияку с Перюном; таким образом, исторический Добрыня, повергавший языческих идолов и в том числе Перюна-змияку, тем самым становился змееборцем.

В былине змееборчество имеется налицо, нужно было только увидеть в нем церковно-символический смысл. Для этого привлечены были параллели из духовных стихов о Георгии Победоносце (Егории Храбром) и Федоре Тироне. В параллелях отмечены были некоторые сходные черты, указывающие, по мнению исследователя, на взаимное влияние всех этих произведений. Очевидно, для В. Ф. Миллера такое сопоставление былины с духовными стихами, выросшими на христианской почве, служило подтверждением христианского понимания змееборчества и в былине. Кроме того, и в самой былине В. Ф. Миллер отмечает некоторые черты, которые, как ему казалось, явились в ней отзвуками прежних символических преданий о Добрыне — христианском змееборце. Вот эти черты, как их указывает В. Ф. Миллер:

1. Добрыня от рождения был предназначен к борьбе с «поганой» силой — змеем. Сила эта «поганая», враждебная «роду христианскому» (см. начало былины — о скимне-звере и пр.). Змей Горыныч и есть эта сила. Добрыня побивает ее.

⁷⁸ Там же. Вып. II.

⁷⁹ Миллер В. Ф. Очерки. I. С. 147.

2. Нападение змея произошло во время купанья. Добрыня купающийся, это — Добрыня-креститель Купающий других уже потом превратился в купающегося.

3. Былинные реки Почай, Непра указывают на место исторического крещения Руси. Это реки святые (как Иордан), в которых можно купаться лишь не снимая рубашки

4. На Добрыне шляпа земли греческой, это — духовный костюм.

5 Забава Путятишна, которую освобождает Добрыня, указывает на историческую связь с Путятой.

А В Марков, принимая взгляд В Ф. Миллера, ставит своей задачей новым пересмотром сделать дополнительные разъяснения к такому пониманию былины. Статья о Добрыне-змееборце является самым крупным и кропотливым его трудом о былинах

Он дает былине несколько новых параллелей из произведений старинной русской литературы, ближайшим образом — по его мнению — связанных с сюжетом былины

Так же, как и В. Ф. Миллер параллелями с духовными стихами о Георгии и Федоре Тироне, А В Марков сближениями былины с житиями Тимофея, еп Прусийского, преподобн. Агапита, Федора Тирона и св. Никиты думает еще теснее связать былинку с христианскими представлениями о змее — символе дьявола и греха

Все сопоставления А В Маркова весьма отдаленного свойства Указаны факты сокрушения ими змия или дракона; в житии Тимофея указана пещера, где гнезился змей, как соответствие пещерам в былине, в апокрифе о св Георгии упомянут платок в параллель одному пересказу былины, где Добрыня пользуется платком

Особенное внимание А В Марковым обращено на апокрифическое житие св. Никиты, в котором он открывает «коренное» сходство с былинной Признаться, мы при чтении приведенного А В Марковым эпизода не сразу догадались, какое отношение это может иметь к былине, несмотря на предварительное предупреждение автора о сходстве Но потом он сам помогает читателю уловить это скрывающееся сходство Вот его разъяснение для непонятливого читателя

«Основная черта, сближающая легенду о Никите с былинной о Добрыне, та, что и тот, и другой являются

борцами против *злых духов*». Злым духом А. В. Марков именует и былинного змея Горыныча. «Как Добрыня,— замечает он сейчас же,— побеждает змия, так Никита — Вельзаула». Но в житии, заметим от себя, Вельзаул является не в образе змия, а в образе ангела, в лике человеческом. Дальше: «Никита,— продолжает Марков,— крестит город с 22 тысячами населения; Добрыня крестит также многолюдный город — Новгород». Но в былине нет крещения! — удивляемся мы. Но тут, оказывается, нужно думать о Добрыне Якимовской летописи и, кроме того, устранить, что летописный Добрыня крестил огнем, а Никита убеждал чудом. Дальше: «Никита — сын правителя; Добрыня — дядя великого князя». Опять пока еще речь не о былине. «В виду этого *коренного* сходства (!),— продолжает А. В. Марков,— деятельности Добрыни с деятельностью героя византийской легенды можно думать, что она оказала некоторое влияние на былинку, отразившую в себе память о крещении Новгорода». Кроме этого «коренного» сходства А. В. Марков далее указывает еще «несколько деталей», сближающих былинку с легендой. Вот эти детали в его собственной формулировке. «Никита одевается в суконное платье нищего. Добрыня носит шляпу земли Греческой — принадлежность нищего странника. Дьявол обманывает Никиту, являясь к нему в виде ангела; змей обманывает Добрыню, не исполняя данного ему обещания... Никита живет в темнице с дьяволом и приводит его на суд за руку, но потом отрекается от него. Добрыня вступает в договор со змеем, называет его крестовым братом, но потом его убивает. В легенде волхвы хвалятся, что могут Никиту предать смерти; в былине (в одном варианте.— А. С.) волхвы предсказывают Добрыне смерть от змея; и Никита и Добрыня избегают смерти». «Дьявол говорит Никите: «Я тот, который вводит людей в огонь и в водах потопляет»; змей говорит Добрыне:

Хочешь ли, Добрыня, я тебя огнем сожгу?

Хочешь ли, Добрыня, я тебя водой стоплю?

(Относительно последнего сопоставления вспомним указание Буслаева в Истор. оч.: в мифах змей всегда связан с огнем: Зигфрид, Фафнир и др.). Кроме последнего, все остальные пункты сличения А. В. Маркова скорее могут служить противопоставлением, чем сбли-

жением. Тем не менее А. В. Марков считает, что «столкновение Никиты с дьяволом легло в основу былинного сюжета» (С. 61). Былина подвергла агнографический материал особой обработке, но следы его остались и в образе самого Добрыни, и в образе князя Владимира, и в змее Горыныче.

Далее А. В. Марков сравнивает житийного царя Максимилиана с былинным князем Владимиром. Максимилиан в житии типичный языческий царь, окруженный представителями язычества — волхвами и жрецами. В одном варианте былины Владимир в своем обращении *упоминает* волхвов. «Князь Владимир,— замечает по этому поводу Марков,— с одной стороны,— христианский правитель, которому служит Добрыня; с другой, это — человек, являющийся с волхвами и волшебниками, подобно своему прототипу, царю Максимилиану. Последняя черта особенно характерна». Почему и для чего эта черта характерна — непонятно, и Марков этого не объясняет. Обращение князей и царей к волхвам и волшебникам тянется через всю историю Руси. «В виду значительного сходства (!) былины с легендой,— заканчивает А. В. Марков,— мне представляется весьма вероятным то, что Добрыня получил свое отчество от имени героя легенды» (С. 61).

Агнографические параллели должны были, по мысли А. В. Маркова, генетически связать былинку о Добрыне с христианской письменностью и тем самым осветить змеборчество Добрыни лучом символического толкования.

Сами по себе параллели А. В. Маркова настолько ничтожны в совпадениях, что возводить былинку к указанным Марковым памятникам не дают оснований. Но даже и в том случае, если бы генетическая связь между этими произведениями действительно существовала, то и тогда усвоение былинке символического применения змеборческого сюжета вовсе не было бы бесспорным.

В тех самых памятниках, к которым сторонники такого взгляда хотят прикрепить былинку, вовсе нет змея, как представителя дьявола, врага *христианства* и христиан. И там мотив змеборчества, по-видимому, возник независимо от церковных представлений о змее, а явился отголоском прежних дохристианских преданий.

Остановимся на примерах, стоящих ближе всего к

былине и указанных еще В. Ф. Миллером и одобряемых А. В. Марковым.

Если диавол враг христиан, то, наоборот, он — предполагалось бы — друг язычникам, попирающим христианство. Между тем змей в стихе о Егории Храбром обложил *языческое* царство Рахлейское и пожирает, так сказать, свою братию. Очередной жертвой ему на съедение должен был пойти сам неверный поганый царь Огапит, и лишь по совету своей хитрой жены он посылает нелюбимую дочь — христианку Лизавету Огапитовну. Следовательно, змей здесь не отвечает христианскому представлению о диаволе.

Обращаемся к параллелям, указанным А. В. Марковым. 1) *О житии Тимофея Прусийского*. За змием, которого убивает Тимофей, А. В. Марков видит диавола только путем особых рассуждений. Вот что он пишет: «В житии св. Тимофея дракон не символизирует язычества или греха, но в основе всех (?) подобных легенд лежит символика». Это еще вопрос. Даже в стихе о Егории Храбром, как мы сейчас заметили, такой символики нет. «Часто символический образ впоследствии искажается, теряет свое первоначальное (?) значение и делается чисто сказочным» (С. 57). Но последовательность может быть и обратная: сказочный мотив иногда приурочивается к христианскому символическому пониманию. Но и в этом случае такое приурочивание вовсе не обязательно: иногда образ змия остается свободным от этой символики. Для змееборческих мотивов даже в христианских легендах вовсе нет необходимости предполагать символику в качестве какой-то непреложной ступени в развитии легенды. 2) Далее А. В. Марков ссылается на змия в *житии преп. Агапита*: «Змия великого, близ монастыря являющаяся, губяща человеки и скоты, молитвою своею умори его». Здесь тоже нет никакой символикации: змей — страшилище, зверь, производит опустошения среди людей и скотов, — диавол тут ни при чем. А. В. Марков говорит, что русский переводчик жития «не понял символа» греческого текста, где под драконом разумелись греховные мысли. Это произвольное предположение. Но пусть даже так. Такое непонимание символа, уже бывшего налицо перед русским христианином-церковником, к которому несомненно принадлежал русский переводчик жития, тоже весьма знаменательно: оно, в свою очередь, свидетель-

ствуется, что символизация змея даже в церковной среде вовсе не была обычным оборотом мысли, и ассоциация между змеем и дьяволом не была привычной. 3) Ту же «реализацию» прежнего символа А. В. Марков усматривает в проложном *житии Федора Тирона*. Следовательно, сюда будет относиться то, что сказано об Агапите. 4) Что касается жития св. Никиты, то в нем змей совершенно отсутствует.

Таким образом, параллели, даваемые А. В. Марковым, ничего не достигают. Генетически связать былину с указанными памятниками никак нельзя вследствие отсутствия между ними какого-нибудь действительного, а не измышляемого А. В. Марковым сходства. Не дают они права и на символическое толкование былины, как того хотелось бы А. В. Маркову.

В дальнейшем А. В. Марков отмечает в былине черты, являющиеся в его глазах отголоском прежнего символического понимания событий, даваемых сюжетом. Добрыня, по некоторым пересказам, посылается Владимиром за «молодой» водой. Воду Добрыня привозит, а Владимир с Апраксией «умылился они да нарядились, помолодились». В этом А. В. Марков видит «смутное воспоминание о крещении Владимира» на том основании, что омовение по христианскому церковному представлению является знаком перехода из язычества в христианство.

Искусственность аргумента очевидна: следуя за А. В. Марковым, мы должны были бы все сказочные сюжеты с живой и молодой водой признать тоже символизацией крещения. Едва ли на это пошел бы и сам А. В. Марков. Между тем этот мотив в былине несомненно сказочного происхождения, никаких оснований к его особому толкованию, отличному от сказок, былина не дает.

Далее, само купанье Добрыни А. В. Марков считает воспроизведением предания «о переходе его из язычества в христианство». Утверждение это дается на том основании, что Добрыня, купаясь, побеждает змея, залегающего воду, а залегать воду — значит препятствовать принятию христианства. Предположительно А. В. Марков считает эпизод купанья Добрыни «предметом отдельной особой былины, рассказывающей о детстве героя» (С. 64). Прототипа такой былины он указать не мог и, неизвестно для чего, приводит содержание некото-

рого эпизода из Девгениева Деяния, где Девгений, после охоты, вместе с отцом, сталкивается с четырехглавым змеем у источника, где они хотели умыться. Непонятно, что хотел А. В. Марков доказать этой параллелью. По существу, она может служить только против него. Девгений, прежде чем умыться, убивает змея. Добрыня, во время купанья, сталкивается со змеем. Но ведь Девгений не крестится при этом, не переходит из язычества в христианство, этого и сам А. В. Марков не говорит. Почему же он в купаньи Добрыни пред сражением со змеем непременно хочет видеть символизацию крещения? Ведь, по его точке зрения, необходимо было бы утверждать мысль и о крещении Девгения: ведь и Девгений побеждает змея (а по А. В. Маркову змей всегда — диавол) у воды. Кстати вспомним, что и в сказках змеи обычно помещаются у воды. Но, очевидно, христианский символизм для А. В. Маркова обязателен только в применении к Добрыне.

А. В. Марков в обзоре трудов В. Ф. Миллера⁸⁰ оказался очень строгим судьей. Много в его указаниях справедливо. Но до такого произвола, каким сплошь проникнуты труды А. В. Маркова, его учитель В. Ф. Миллер никогда не доходил (кроме разве его специальной слабости к именам).

А. В. Рыстенко пересмотрел вопрос о зависимости былины о Добрыне-змееборце от легенд о св. Георгии Победоносце и снова подтвердил наличие влияния легенды на возникновение былины⁸¹. Что же, теперь этот факт может считаться установленным? Нисколько. Его, правда, нельзя опровергнуть, но нельзя и доказать. Кроме Георгиевской змееборческой легенды, существует Федоровская, и С. В. Шувалов находит столько же оснований к прикреплению былины к Федоровской легенде, сколько их имеется для приращения к Георгиевской. Но и это, как он указывает, было бы не бесспорно: «автор былины мог заимствовать змееборческий сюжет не только из христианской легенды, но также из дохристианских представлений народа»⁸². Б. М. Соколов на-

⁸⁰ Изв. ОРЯС АН. 1914. № 2, 1915 № 1.

⁸¹ Рыстенко А. В. Легенда о Георгии и драконе в византийской и славянской русской литературе. Одесса, 1909.

⁸² Беседы: 1914. Протоколы общественно-историч. лит-ры в Москве. 1914. С. 57—88.

ходит, что «на древнерусский мотив змееборчества могли оказать влияние скандинавские сказания: напр. о Сигурде...» и т. п.⁸³ С. К. Шамбинаго высказал мнение, что «былина о змееборчестве Добрыни возникла в XVII в. и представляет приурочение мотива о змееборчестве к Федору Никитичу Романову, причем змей — символ врага»⁸⁴. Итак, откуда же былина: из Георгиевской легенды, из Федоровской, из дохристианской или из исторического подлежащего о Федоре Никитиче Романове?

11

Бездоказательна проблематичность в построениях при объяснении происхождения того или другого былинного сюжета отнимает у исследований характер обязательности и в то же время делает их *неуязвимыми для оппонентов*.

Парадоксальное предположение С. К. Шамбинаго о том, что под Василием Буслаевым скрыт сам Иван Грозный, ни в ком из специалистов не нашло сочувствия⁸⁵, но у автора уверенность не поколебалась. Автору кажется, что такой памфлет на Грозного *мог* возникнуть, В. Ф. Миллеру кажется, что этот памфлет не имеет никакого психологического смысла и потому невероятен. Оба друг друга не уверили. Как убедить С. К. Шамбинаго, что его восприятие и понимание основного тона былины о Васье Буслаеве ошибочно, как его уверить, что такие события, которые произошли при Новгородском погроме 1570 года: гибель десятков тысяч людей, разграбление церквей и складов товаров, страшный голод и чума, издевательства над душой народа, — для города должны представляться страшным и ужасным бедствием, как его в этом уверить, когда ему это не кажется бедствием⁸⁶? По-видимому, в свое оправдание, С. К. Шамбинаго ссылается на свидетельство А. М. Гневушева, основанное на показаниях писцовой книги по Новгороду

⁸³ Там же. С. 58

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ См. отзыв В. Ф. Миллера (Вестник Европы 1913. V); см. мнение М. Н. Сперанского (Русская устная словесность. 1917. С. 318)

⁸⁶ См. его слова: «Особенного бедствия для города Новгородский разгром не оказал» (Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев посад, 1916. С. VI).

Великому 7090 года, о том, что «год разгрома Грозным Новгорода вовсе не является выделяющимся по убыли населения среди других годов»⁸⁷ Но, во первых, насколько точна регистрация писцово́й книги? Во-вторых, возможен пришлый приток населения, явившийся компенсацией погибшего. Как согласить свидетельство этой книги (единственное!) с показаниями других источников 1) заметка Псковской первой летописи под 7078 годом⁸⁸, 2) рассказ Новгородской третьей летописи⁸⁹; 3) рассказ князя А. Курбского⁹⁰, 4) рассказ Hoff'a⁹¹. Если рассказ А. Курбского можно отвести (как это делает С. К. Шамбинаго) соображением о его пристрастии, если рассказ Hoff'a можно заподозрить в неумеренном гиперболизме, создавшемся в результате преувеличенных разговоров за границей о сравнительно рядовом событии внутренней жизни Руси (предположим это!), то как же все-таки быть с показаниями летописей, которые, по словам самого С. К. Шамбинаго, «передают это событие глухо, будучи официальным органом Московского правительства» (стр. 158) и несмотря на это, говорят о запустении святых обителей божьих церквей и сел (Псковская первая летопись), о побиении множества людей (там же), о ежедневной гибели по 1000—1500 человек (Новгородская третья летопись) и пр.? Интересно, что сам С. К. Шамбинаго в своих построениях и сопоставлениях — Иван Грозный — Васы́а Буслаев — исходит именно от летописей и рассказа Hoff'a!

Работа С. К. Шамбинаго⁹² характерна еще в одном отношении. Вс. Ф. Миллером было указано, что былина о Васы́ии Буслаеве должна была сложиться раньше XVI века. И С. К. Шамбинаго вопрос об историческом событии, как об источнике, вызвавшем возникновение былины, сводит к вопросу о влиянии этого события на

⁸⁷ Гневущев А. М. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. VI. Новгород, 1912. С. 16 и сл. См. также Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. С. 169.

⁸⁸ Ср. Там же. С. 158.

⁸⁹ Там же. С. 158—165.

⁹⁰ Там же. С. 165.

⁹¹ Там же. С. 166—169.

⁹² Там же.

какую-то песню, сложенную когда-то раньше (неизвестно какую, предполагаемую). «По мнению исследователя (т. е. В. Ф. Миллера.— А. С.), песня о Василье Буслаеве в XVI веке могла переделаться на новый лад, на что *основная песня* (курсив С. К. Шамбинаго) была сложена ранее этого века. Допуская *возможность* этого объяснения, замечу, пишет С. К. Шамбинаго, — что для меня в таком случае новой композицией является эта переделанная в XVI веке песня, от нее я и отправлялся»⁹³. Такая позиция поистине неуязвима. Доказать действительно состоявшееся влияние трудно, доказать возможность влияния — нет ничего легче, *опровергнуть возможность влияния невозможно* за редкими исключениями тех случаев, когда сопоставления сделаны в явной хронологической безграмотности. Нужно только доказать возможность соприкосновения, и влияние, если автор пожелает его видеть, неопровержимо: оно могло быть! Найдутся сходства, совпадения, параллели: известно, насколько гибки бывают эти понятия.

Как доказать, что личность Ивана Грозного не повлияла на былинный образ Васьки Буслаева? А чтобы опровергнуть С. К. Шамбинаго, это необходимо *доказать*.

И С. К. Шамбинаго, после возражений Вс. Миллера, поправив некоторые частности в своей книге, выступает с теми же мыслями в другой раз.

12

В статье Б. М. Соколова о Сорока каликах⁹⁴ наталкиваемся тоже на очень характерные особенности в приемах генетических сопоставлений. Уважаемый автор, в других случаях убедительный и осторожный, здесь в погоне за историческими параллелями раздробляет сюжет исследуемого произведения и по кусочкам сближает его по сходству то с *одним*, то с другим мотивом из житийной и летописной литературы. Не напоминает ли это уже пережитый период увлечения теорией заимствования, когда исследователи, не считаясь с цельностью сюжета, устремляли все свое внимание на сходные ме-

⁹³ Там же С. VII Курсив мой — А. С.

⁹⁴ Русский филол. вестник. 1913. № 1. С. 84—95; № 2. С. 426—441.

ста самых разнообразных произведений. И у Б. М. Соколова: немного сходства с Новоторжской летописью, немного с записью в страннике Стефана Новгородца — отсюда вывод, что уже найдена древняя версия сказания о 40 каликах, послужившая для былины первоосновой. Сходство: и в былине и в летописных записях калики ходили в Иерусалим, целовали гроб Господень, прикладывались к мощам, купались в Иордане Это, по-видимому, общее стереотипное изображение всякого паломничества в Иерусалим⁹⁵ и нет необходимости связывать соответствующее место былины о Сорока каликах с летописным описанием Впрочем, *возможность* связи опять остается за автором

Общее между летописью и былинной имеется еще, по справедливому указанию автора, в упоминании о чаше, но роль чаши, очень важная в былине, остается без соответствия в летописях. В летописной легенде нет предводителя, а в былине на нем держится весь рассказ, — нужно найти соответствие предводителю Привлекается житие Касьяна Авнежского Былинный Касьян был убит (по некоторым вариантам) и Касьян Авнежский был убит Автора не останавливает то обстоятельство, что один понес наказание от своей братии, а другой был растерзан по внушению диавола какими-то буйными людьми, омраченными «пианством и несыгством и завистью» В летописной легенде найдена чаша (хотя и в другой роли), а в житии — смерть героя (хотя и герой и обстоятельства его смерти не имеют никакого сходства с былинной), — мост перекинут, исследователь отправляется дальше В житии нет ни слова, ни намек на чашу, на предводительство героя в паломничестве, на приключение былинного Касьяна с Евпраксией Впрочем, надругатели над Касьяном Авнежским были наказаны, наказана в былине и Евпраксия (сходство!) «Но все же у нас нет твердой опоры, — наконец признается сам автор, — так как в дошедших до нас сведениях об этом святом нет никаких намеков на существование такого эпизода в его истории, который бы соответство-

⁹⁵ Ср., напр., былинку о Васье Буслаеве или в былинах об Илье и Идолице эпизод встречи с каликой и рассказ калики (Гильфердинг В. Ф. Онежские былины. СПб., 1895—1898. Т. I. СПб., 1894, т. II. СПб., 1896, т. III. СПб., 1900. № 141 (в дальнейшем Гильфердинг, №)

вал главному мотиву старин» Привлекается библейский мотив об Иосифе и жене Пентефрия, но в нем нет чаши, чаша берется из мотива об Иосифе и Вениамине. Из житийной литературы мотив сластолюбия указывается в житиях св Дмитрия Прилуцкого, св Михаила Черноризца и Кирилла Новоозерского по тому же методу частичных сходств Хронологическими датами житий названных святых определяется хронология старины

Что же показал исследователь? Обязывают ли к чему-нибудь его сближения? Всякая другая параллель при малейшем сходстве с былинной может претендовать на такую же роль в образовании былины, какую усваивает Б М Соколов указанным источником Почему не выдвинуть в качестве источника былины житие Касьяна 2-й редакции «Слова о патриархе Феостирикте», св Христофора, Варвара⁹⁶, Кассиана Римлянина⁹⁷, Кассиана Преподобного, игумена Спасо Каменского монастыря⁹⁸ В житии каждого из этих святых уже указаны моменты, так или иначе сходные (весьма отдаленно) с былинной

Впрочем, сопоставления Б М Соколова выгодно отличаются от других указанных здесь, обстоятельной характеристикой возможных путей распространения былины

Подобные приемы сравнений по отдельным частям и кусочками обычны В рассмотренной раньше статье А В Маркова о кн Роме такие сопоставления велись лоскутками и обрывками прошлой исторической действительности, в статье о Добрыне-змееборце кусочки былины таким же путем сравнивались с житиями и легендами В статье Б И Ярхо о Сигурде Фафнисбана⁹⁹ или в статье К Ф Тиандера о Чурице¹⁰⁰ ведется такое же выкраивание из лоскутов песен и сказаний Раньше этот прием особенно культивировался «сравнительной» школой (по существу, все школы, как видим,

⁹⁶ См Мендельсон Н М Этнографическое обозрение 1897 XXXII С 16—21

⁹⁷ Миллер В Ф Очерки II С 236

⁹⁸ Мендельсон Н М Этнографическое обозрение 1900 Кн 3 С 126

⁹⁹ Русский филолог вестник 1914 № 3, 4, 1915 № 1—2

¹⁰⁰ ЖМНП 1898 № 12

сравнительные), В. В. Стасовым, А. Н. Веселовским; особенно много нагрешил в этом смысле Г. Н. Потанин¹⁰¹.

13

В конце концов, исследования оказываются построенными на «обманчивой индукции», ибо в данном случае одно предположение цепляется за другое, одна догадка за другую, и не один раз, а в продолжение всего хода исследования надо допускать справедливость догадок: «кажущаяся связь увлекает, но только до тех пор, пока мы читаем статью; излагая ее, всякий заметит множество прорех и маловероятных соображений»¹⁰²

Вот уж, поистине, как вода в бредне: тянешь — полно, вытащишь — ничего нет

Заметно, и сами исследователи, в конце концов, утомляются этой «игрой в аналогию и догадки». Самые крупнейшие из них обронили скептические признания и расхолаживающие обмолвки.

А. Н. Веселовский считал необходимым пересмотр «порешенных» вопросов затем, чтобы иметь право сказать себе, что мы многого не знаем¹⁰³. По собственному признанию М. Г. Халанского, он редко достигал совершенно убедительных даже для самого себя выводов и положений¹⁰⁴. Вс. Ф. Миллер попытки установления путей распространения былин приравнял к ловлению ветра в поле¹⁰⁵. У А. И. Кирпичникова иллюзия убедительности продолжалась только при чтении статьи; как только он приступал к изложению, сейчас же открывалось зияние всяческих прорех¹⁰⁶. В последнее время такие обмолвки дошли до открытых скептических признаний. Вот слова Н. И. Коробки: « более вниматель-

¹⁰¹ Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе М, 1899

¹⁰² Кирпичников А. И. Поэмы ломбардского цикла М, 1873 С 103—109

¹⁰³ Разыскания в области духовных стихов//Сб ОРЯС АН. Т XXXII С 353

¹⁰⁴ Халанский М. Г. Южно славянские сказания о крале-вике Марке III Варшава, 1893—1896 С 521

¹⁰⁵ Миллер В. Ф. Очерки I С IV

¹⁰⁶ Кирпичников А. И. Поэмы ломбардского цикла. С 108—109.

ное наблюдение над народно-поэтическим материалом вообще ослабило наше доверие к возможности сколько-нибудь плодотворного возведения нашего эпоса к историческим сюжетам и лицам. В конце концов историческими в эпосе оказываются только несколько, да и то по большей части трудно приурочиваемых к определенному лицу имен, играющих роль переменного подлежащего при постоянном сказуемом»¹⁰⁷.

А. М. Лобода жалуется на разнообразие, а иногда и противоречие взглядов в области одних и тех же вопросов¹⁰⁸. Н. Н. Трубицын очень озадачен одинаковой убедительностью противоречивых взглядов, заключений и решений¹⁰⁹.

Скептицизм и эклектизм — братья близнецы. Они всегда приходят вместе, сменяя периоды надежд и увлечений. Шатание без веры — их общая основа. Эклектик, как паяц, потерявший равновесие, откидывается в разные стороны: вот сейчас он окончательно прыгнет с каната.

А. М. Лобода и Н. Н. Трубицын, думая спастись в эклектизме, выдвигают теорию «согласования». Ошибка прежних исследователей состояла, по их мнению, в исключительном предпочтении какой-либо одной точки зрения, одного метода: «мифологи слишком преувеличили значение мифологического процесса и искали следов его даже там, где все говорило о своей принадлежности к новому времени»¹¹⁰, сторонники школы «заимствования» слишком увлеклись фактом заимствования самим по себе, не выясняя культурных «основ, содействующих передвижению эпических тем» (стр. 7—8); «анализ былевой поэзии со стороны исторической имеет некоторые опасные стороны, — при неправильном, особенно, пользовании историческим методом» (с. 10). В чем состояла неправильность в применении исторического метода, автор не выясняет, указывает только на бесконечные противоречия историков в указаниях «ис-

¹⁰⁷ Сказания об урочищах Овручского у и былины о Вольге // Изв. ОРЯС АН 1909 № 1 С 312

¹⁰⁸ Русские былины о сватовстве Киев, 1904 С 1 и сл.

¹⁰⁹ Несколько мыслей об итогах изучения русского эпоса // Русск. филол. вестник 1915 1 С 2

¹¹⁰ Трубицын Н. «Пересмотр» русской былины о сватовстве // ЖМНП. 1905. № 6. С 6.

торического прототипа» Ильи Муромца как на результат пользования этим методом (стр. 10—11). «Успешное изучение былевого творчества может быть, до некоторой степени, гарантировано лишь условием согласования — сочетания этих трех принципов» (стр. 11).

Исследование А. М. Лободы о былинах о сватовстве¹¹¹ целиком представляет собой образец такого «согласования» и почти целиком является механическим сложением того, что было сделано его предшественниками. И самая большая ценность этой работы определяется как сводка накопленного прежде материала для сравнений. Более самостоятельному почину автора принадлежит сопоставление былин со свадебными песнями. Метод здесь в основе остается сравнительным, хотя автор как будто и осуждает сравнительную школу, но, в сущности, он лишь «заменяет широкую область международных эпических влияний узкой областью свадебной лирики»¹¹².

Что же нового вносит принцип «согласования»? На открытие новых, неведомых критериев он и сам не претендует. Свою оригинальность он видит лишь в «согласовании» того, что было раньше. Но, как совершенно справедливо заметил А. В. Марков, и в этом случае А. М. Лобода и Н. Н. Трубицын идут по прежним следам. Упрек в прямолинейной узости в прежнем можно было бы сделать В. В. Стасову и Г. Н. Потанину. Другие крупнейшие исследователи, если и интересовались какой-либо одной стороной преимущественно, то теоретически никогда не отвергали возможности и даже необходимости дополнений к своим домыслам и иных соображений из той области, которой сами они касались мало. А. М. Лобода и Н. Н. Трубицын настаивают на изучении среды и местных условий, при которых осуществлялось влияние иноземных мотивов. Но об этом не раз говорил и А. Н. Веселовский. Вот его слова: «факт влияния... остается все еще вопросом, пока не раскрыты такие обстоятельства, при которых совершилось это влияние, и не одна только возможность, но и пути перехода»¹¹³. Не игнорирует А. Н. Веселовский и

¹¹¹ Русские былины о сватовстве. Киев, 1904.

¹¹² Марков А. В. К вопросу о методе исследования былин // Этнографическое обозрение. 1907. № 1—2.

¹¹³ Из истории литературного общения Востока и Запада // Славянские сказания о Соломоне и Китаевресе. Спб., 1872. С. III.

того предположения, что позднейшие русские сказания в своем составе имеют сложную прослойку и из западных, и из византийских, и из восточных, и из своих местных элементов, слившихся в течение веков в нераздельное целое¹¹⁴.

Вс. Ф. Миллер уже в «Экскурсах» выполнял требование об указании путей распространения восточного влияния на русский эпос. С другой стороны, впоследствии, когда он сосредоточился на исторической местной стороне былин, он неустанно повторял, что указание исторических элементов нисколько не устраняет факта заимствования и влияния чужой словесности. На отношении между заносными ходячими сюжетами и родными преданиями и событиями останавливался не раз и И. Н. Жданов¹¹⁵. Впрочем, и такой ветеран в изучении былин, как Ф. И. Буслаев, больше всего говорил о «слоях» в русском эпосе.

Не ново и частное указание А. М. Лободы и Н. Н. Трубицына на взаимодействие, которое могло быть между различными видами народной поэзии¹¹⁶.

Но в конце концов, что может означать эта картонажная работа «согласования»? Срезать углы, затереть трещины, согласить противоречия, выгладить, сшить вместе,— может ли это быть выходом из положения? От сложения многих неясностей не будет ясно. И сам Н. Н. Трубицын, по-видимому, сильно сомневался в практических результатах предложенного рецепта «согласования». «Впрочем,— откровенно замечает он,— как не сказать, что практически и в этом условии («согласования») много неопределенного»¹¹⁷.

14

Былина, это — корабль без якоря. Корабль имеет прекрасную оснастку, он послушен рулевому и легок в плавании, но, лишенный якоря, нигде остановиться не

¹¹⁴ Там же С IV.

¹¹⁵ Русский былевой эпос. 1895. С. V, VI, VII, X.

¹¹⁶ В трудах А. Н. Веселовского, М. Г. Халанского, В. Ф. Миллера эта мысль обычна. См., напр, их указания к былинам о Соловье Будимировиче.

¹¹⁷ Трубицын Н «Пересмотр» русской быliny о сватовстве//ЖМНП. 1905. № 6. С. 11.

может и осужден на вечное плавание. Много перебивало на нем кормчих, умелых, испытанных, подчас удивительно ловких в маневрировании и обходе подводных опасностей. Каждый из них садился на корабль с тем, чтоб в конце концов найти ему место остановки. И предпринимали большие и иногда весьма опасные плаванья. Приходилось терпеть трудные минуты. Но кормчий настойчиво пробивал путь к намеченной цели и часто, жертвуя целостью груза и самого корабля, все же приводил его (иногда в большей, иногда в меньшей сохранности, подчас и совсем в изуродованном виде) к вожделенному месту предполагаемой остановки. Но, лишенный якоря и причала, корабль пристать не может. Вот подул ветерок критики, и смотришь — опять корабль купается в лазурной безбрежности.

Многое в этом печальном положении объясняется необычайной трудностью генетической проблемы вообще и свойствами былины в особенности. Попытки к хронологическому и территориальному прикреплению былины во многом осуждены на бесплодность в силу внутренних причин.

В былине все течет. Она всегда пребывала и пребывает в творческом процессе, неизвестно где, неизвестно когда, неизвестно кем начатого и никогда не прекращавшегося. Это не есть нечто законченно созданное, но всегда создаваемое. Она всегда меняется. Исследователь не имеет стержней, которые служили бы ему базой. Факты былины непостоянны, изменчивы, многозначны и разнородны не только в пределах всего состава былинных сюжетов, но и в одном и том же сюжете и даже в одной и той же былине. В былине беспрерывно меняются имена, меняется сюжет, меняется психология и пр. Сплошь и рядом одни и те же имена употребляются для обозначения разных местностей, разных личностей и разных народностей. Кроме того, разные певцы в одинаковое по виду содержание вносили особенности собственного индивидуального понимания. Каждый вариант былины среди других всегда есть в некотором роде исключение, несводимое под категорию каких-либо общих критериев и измерений.

Гибкость материала исследования всегда отражается гибкостью и на результатах исследования. Материал былин дает широкие возможности к гипотетическим объяснениям, теориям и предположениям, но сейчас

же высказывает, как только возымеет намерение окончательно успокоить мысль на избранной гипотезе: рядом с одной гипотезой будут уживаться и иные построения. Теории происхождения былин всегда двулики: здесь неопровержимость и недоказуемость всегда друг друга сопровождают. Отсюда эта особенность таких теорий: они не поглощают друг друга, но, будучи только противоположными, но не противоречивыми, существуют рядом, часто при равной степени убедительности. Послушный на службе у гипотетических построений, материал былин имеет досадно малую долю подлинной принудительной фактичности.

«Народно-поэтические произведения такой скользкий и юркий материал, что при всем горячем желании быть как можно более умеренным в предположениях, строгим в доказательствах и осторожным в выводах, редко достигаешь совершенно убедительных даже для самого себя выводов и положений»¹¹⁸.

Вполне естественно смущение Н. Н. Трубицына, когда он столкнулся с задачей дать общую синтетическую сводку всех выработанных наукой знаний о былинах. «При первых попытках,— пишет он,— обнять, хотя бы слабым синтезом, конечные итоги нашей науки, придется сталкиваться с массой по одному и тому же вопросу выводов, заключений и решений, очень часто прекрасных, но нередко друг другу противоречащих и, главное, при таком противоречии, порой одинаково убедительных»¹¹⁹.

«Уловить пути распространения устной сказки за многие века ее блужданий все равно, что ловить ветер в поле»¹²⁰. Это было сказано Вс. Ф. Миллером в осуждение теории заимствования, но этими словами во многом он осудил и свои собственные статьи и статьи своих последователей и учеников. «Если, исследуя источник какой-нибудь быliny, содержащей либо *былинную* обработку странствующей фабулы, либо переработку старой исторической песни под воздействием такой фабулы, мы ставим вопрос, откуда странствующий сюжет явился на русскую почву, то этот вопрос равносителен

¹¹⁸ Халанский М. Г. Южно-славянские сказания о краве-вике Марке III. С. 521.

¹¹⁹ Трубицын Н. Н. Несколько мыслей об итогах изучения русского эпоса//Русск. филол. вестник 1915. № 1.

¹²⁰ Миллер В. Ф. Очерки. I. С. IV.

тому, где и от кого услышал эту сказку слагатель былины, какой-нибудь Никита-Воложита. Другими словами, вопрос сводится к биографии неизвестного слагателя, которая, как и он сам, представляет самое широкое поле для гаданий»¹²¹. Не то же ли самое делает историческая школа, лишь ограничивая свои поиски сходств иближений пределами Руси!

Изменение былины происходит в устах сказителя, и к этому неизвестному лицу (многим и многим лицам и все *неизвестным*) направляются исследования. Сказитель — живая человеческая личность, следовательно, вместе с общими влияниями среды и эпохи, вместе с превратностями его личной судьбы, сохраняет свободу своего произвола и вкуса, уже в силу одного этого, случайности устной переделки «неисчислимы и непредвидимы».

Иррациональность индивидуально-волевых факторов человеческой истории имеет особую роковую значительность в истории художественного творчества, где как раз индивидуальность является основным нервом созидания. Но произведения народного творчества к этой трудности прибавляют еще одну: они анонимны и не знают фиксированной колыбели ни в территории, ни в хронологии, ни в индивидуальности своих творцов. Как же разгадать скрещивающиеся лучи причин, когда неизвестен их фокус?! И если явление человеческого духа — вообще величина переменная, непостоянная, многопричинная, то где искать ключи этому явлению, когда в нем самом каждая сторона только одна беспредельная возможность?

Не удивительна эта шаткость и неустойчивость исследовательских разысканий в генезисе былин. Иначе быть не могло. И нужно быть благодарным уже за то, что генетические *возможности*, скрытые в формировании и существовании былин, получают свой научный учет. Все же так или иначе в этом летучем существе усмотрены пути, характеризующие отношение его к общей культуре человеческого духа. Здесь уже можно черпать некоторые выводы для существа той проблемы, которая, как берег, должна стоять перед историком литературы, именно — проблемы законов психологии художественно-литературного творчества.

¹²¹ Там же С. IV.

Так, выяснилось, что былина, питаясь жизнью, все же чрезвычайно далеко стоит от действительной реальности, вся она проникнута творческим искажением жизни, и всякие соответствия исторического прошлого, которые так настойчиво отыскивались, на нее, как на таковую, далеко не похожи, хотя и отвечают некоторым отдельным ее элементам.

Выяснилось, что былина в своей истории видоизменялась и переиначивалась в устах нового передатчика — певца или сказителя, накладывавшего на нее печать своих вкусов.

Выяснилось, что былина среди других видов словесного творчества не стояла обособленно, часто питалась образами и легенд, и сказок, и песен, и своих и чужеземных, как устных, так и письменных. Былина — член общей художественной жизни, и была в живом обмене художественными средствами с другими созданиями художественного творчества.

Такие выводы создаются за пределами каждого отдельного примера. За точность и необходимость той или другой связи в каждом отдельном случае нельзя поручиться, всегда останется место сомнениям и колебаниям, но общность наблюдений над подобного рода фактами в такой широкой формулировке делает вывод вполне достоверным и *обязательным*.

«Как для ботаника невозможно свести к причинам весь своеобразный склад какого-либо отдельного растения деталь за деталью, так для исследователя искусства немисливо проследить, почему то или другое художественное произведение вплоть до мелких подробностей сложилось так, а не иначе. И это вовсе не потому, чтобы индивидуальные черты были игрой неуловимого произвола, но потому, что наша восприимчивая способность не может охватить всю полноту закономерных действующих факторов, которые в каждом отдельном случае неисчислимы. Мы ни в какой вещи не можем дойти до ее конечной причины, потому что нет вещи, у которой была бы одна причина. Наука должна ограничиться исследованием закономерности явлений в их общих чертах и может этим удовлетвориться»¹²².

¹²² Гроссе Э. Происхождение искусства. М., 1899. С. 6—7.

Итак, за общим составом современных исследований былины нельзя отрицать наличия больших заслуг; их результаты, несомненно, увеличили богатство знаний о былинах. Нужно также признать и то, что огромная доля вины их все же значительной бесплодности коренится в свойствах самого материала исследования и вызывается общими границами, положенными человеческому знанию.

Но при всем этом, многое из той бесформенности, беспочвенности и произвола, которые мы встречали в трудах исследователей, лежит или прямо на их собственной совести или на определенных принципиальных методологических упущениях. То, что лежит на личной ответственности каждого исследователя, это — строгость научной дисциплины. Нельзя не указать, что в исследованиях по былинам нередко ослабевала эта сторона. Исследователи иногда очень легко отдавались произвольным сопоставлениям, легко доверялись своим предположениям и догадкам и слишком свободно оперировали недоказуемыми гипотезами.

Без догадок и гипотез в научном творчестве обойтись нельзя и, конечно, не об устранении их говорят наши слова, а лишь об ограничении не в меру развившихся увлечений. Нельзя злоупотреблять скептицизмом, превращать его в орудие непозволительного научного спорта, убивающего всякую волю к творчеству. Но одинаково нельзя не желать и не помогать установкам и соблюдениям внутренне обязывающих принципов, которые подчиняли бы и регулировали мысль исследователя. Всякая мысль, в конце концов, ценна лишь поскольку она имеет внутренне принуждающую силу. Гипотеза гипотезе рознь. Гипотеза не есть произвол. Для всякого предположения должна же существовать некоторая фактическая и логическая опорная база. Среди гипотетических построений о происхождении былины немало и таких, которые настойчиво и последовательно охраняют фактическую документальность и строгость однажды принятых критериев и приемов аргументации и тем самым соблюдают известную строгость и полноту объективности и убедительности. Таковы некоторые статьи Вс. Ф. Миллера, такова, например, статья С. К. Шамбинаго о Вольге, такова статья Б. М. Соколова об Илье

и Идолище Поганом и др. Но мы слишком часто имели и такие гипотезы, которые обнаруживают совершенную свободу от тех граней обязательности и необходимости, которые ставит себе всякое рациональное теоретическое построение.

Когда М. Г. Халанский, подгоняя Вольгу к Олегу, насилует былинну и на основании явной случайности, где Вольга заменяет Микулу, видит в пашущем Вольге идеализацию новгородского князя, или, по другому единичному варианту, где Вольга заменяет Ваську Буслаева, видит в его смерти от камня смерть Олега от коня; когда Вс. Ф. Миллер свои построения устанавливает на голом сопоставлении имен; когда С. К. Шамбинаго произвольно устраивает и из былин и из исторической действительности факты, не укладывающиеся в его схему, когда А. В. Марков и другие усматривают «коренное» сходство там, где его совсем нет, то все это очевидное игнорирование здравого смысла ничем нельзя объяснить, как только слепотой горячего увлечения и отсутствием достаточной самокритики. Для нас это служит зловещим признаком превращения интеллектуального творчества и бесполезную игру эрудиции и остроумия. Только поэтому мы и решились на это указать здесь, как на одну из причин, задерживающих развитие науки.

Другое, что мы позволяем себе указать, как необходимое восполнение существующей научной традиции, это — необходимость эстетической интерпретации былин для всякого исследования, какое бы ни предпринималось по ее поводу. Эстетические, социологические, общекультурные факторы в художественном произведении находятся не в простом рядоположном соотношении, но во взаимной непрерывной проникнутости и обусловленности. Нельзя работать над эстетическим целым и его ингредиентами, не уяснив специально данного им здесь (только здесь) содержания.

Никто никогда не сомневался квалифицировать былинну как произведение художественное, и исследователи не отрицали ее художественности, иногда в своих соображениях касались и апеллировали к этой стороне ее свойств, но все это только случайно и эпизодически, тогда как эстетическая природа предмета исследования должна была быть положена в самую организующую

основу их разысканий, с тем, чтобы она беспрерывно пронизывала мысль и приемы исследования.

Былину, как таковую, проглядели, всегда хотели видеть в ней только музейные отголоски прошлого, оттого исследования о ней превращались в трактаты общей культурной и политической истории.

Правда, имеются некоторые данные, позволяющие считаться с былинной как с историческим преданием. Прежде всего здесь останавливают внимание заботы сказителя во что бы то ни стало сохранить текст былины в том виде, в каком он дошел до него. Такие старания указывают на то, что ценность былины для сказителя заключается в ее значении как предания, независимо от занимательности. Былина несет в себе остатки старины, в ней скрываются завещания предков, священные для потомства именно своей фактической стороной,—ее и старается сберечь сказитель. В этом случае рассказчик выступает только как хранитель предания: вся его гордость — блюсти в чистоте заветы старины. Когда Гильфердинг замечал сказителям, что они пропустили что-нибудь или спели нескладно, то иные старались «выполнить» лучше это место, но «никому в голову не приходило сгладить пропуск или нескладницу собственным измышлением». Обыкновенно же, хотя бы указана была в былине *явная* нелепица, сказитель отвечал: «так поется», а про что сказано раз, что так поется, то свято; тут, значит, рассуждать нечего. Когда попадалось в былине какое-нибудь непонятное слово, и Гильфердинг спрашивал объяснения, то получал его только в таком случае, когда слово принадлежало к употребительным местным провинциализмам; если же слово не было в употреблении, то был всегда один ответ: «так поется» или «так певали старики, а что значит, мы не знаем»¹²³.

По свидетельству А. Маркова, сказительница А. М. Крюкова к возможности исказить былинку относилась буквально с религиозным страхом: «Перед тем, как «сказывать» старину, она заранее ее обдумывает, боясь, как бы не соврать, потому что, по ее словам, «убавишь или прибавишь (в содержании, а не в складе старин),—таковые прокляты...»¹²⁴. Здесь происходит почти то

¹²³ Гильфердинг В. Ф. Онежские былины 1-е изд. Спб., 1883. С. XXII.

¹²⁴ Марков А. Беломорские былины. М., 1901. С. 28—29.

же самое, что у сибирских кочевников, о которых рассказывает Г. Потанин. Для них сказывать сказки — священнодействие. Сказку невидимо слушает «дух местности». «Если рассказчик делал промах, невидимому духу было неприятно». Сказки слушает и небо, памятливому рассказчику оно может дать в награду ценные дары, коня, например¹²⁵.

Но рядом с такими свидетельствами мы имеем прямо противоположные. Тот же Гильфердинг говорит о склонности сказителей к импровизациям. Гильфердинг различает в былинах места переходные и типические. Типические, по его мнению, заучиваются сказителем наизусть, а переходные (в которых ведется ход действия) «всякий раз, как сказитель поет былинку, он тут же сочиняет, то прибавляя, то сокращая, то меняя порядок стихов и самые выражения». В варианты былины входят подробности, взятые из общего эпического запаса. «И этот подбор одной подробности к другой — не только «бессознателен»: часто он вытекает из стремления сказителя пропеть складно старину, которую он, в сущности, позабыл»¹²⁶. Рыбников, Гильфердинг, Марков, Ончуков — все свидетельствуют о непостоянстве содержания былины, зависящем от личности сказителя. Изменения носят иногда явные следы сознательности. Н. В. Васильев замечает о Щеголенке, что его переработка старин не была бессознательной, «он для усиления интереса вводит любопытные подробности»¹²⁷.

Сказитель, таким образом, сказывая былинку, помимо предания, руководствуется некоторым мотивом художественного порядка: он импровизирует, заботится об «усилении интереса». Былинку находят возможным прикрашивать, и интерес, связанный с нею, следовательно, переносить из области поучения и исторического знания в сферу забавы, эстетической игры. Нам известно, что содержание былины возбуждает в народе сомнения и очевидное недоверие, сам сказитель иногда

¹²⁵ Потанин Г. Н. Восточные могилы в европейском средневековом эпосе. М., 1899. С. 852.

¹²⁶ Ср. Шамбинаго С. К. Песни-памфлеты XVI века. М., 1913. С. 19.

¹²⁷ Васильев Н. В. Из наблюдений над отражением личности сказателя в былинах // Изв. ОРЯС АН. 1907. № 1. Курсив мой — А. С.

прямо осмеливается назвать некоторые былинные места «вракой»¹²⁸. Оказывается, народ, поддаваясь невольно увлекательности былинного рассказа, стыдится своего увлечения, когда подходит к этому же рассказу с рассудочной стороны. «Отношение к содержанию рассказа сказителей и других крестьян, слушателей,— пишет А. В. Марков,— двоякого рода: с одной стороны, они хотят показать вам, как образованному человеку, что не верят всему, что поется в старине, и самый процесс пения называют враньем: «он много тебе наврет!»! но с другой стороны, во время сказывания старин у них срываются с языка замечания, показывающие, с каким доверием они относятся к их содержанию. Когда один сказитель пел о том, что Соловей-разбойник глотает по целому богатырю с конем (№ 107), слушатели заметили: «кака пасть!»¹²⁹. Нам представляется такая двойственность в отношении народа к былине естественной. Двойственность здесь та же самая, какая бывает у культурных людей в отношении к искусству: мы не верим баснословным кругам Данте, однако это не мешает нам эстетически переживать их ужасы; мы, конечно, ни на минуту не допускаем мысли о возможности романа лермонтовского демона с Тамарой, тем не менее всякий раз, как перечитываем эту поэму, отдаемся чудесному вымыслу.

Только эстетическим обаянием обусловливается живой интерес простого народа к былине. Иначе давно уже было бы ему нечего делать с былиной. В самом деле: сам говорит, что поется «врака», а поет! Зачем же поет? Зачем запоминает? Зачем слушают его «враку»? Ответ может быть только один: затем поют и слушают, что эта «врака» *занимательная*, не ради правды ее слышат, а ради увлекательности.

Эстетическое отношение к былине со стороны ее создателей и слушателей указывает на ее главную внутреннюю формирующую силу. Следовательно, был же принцип, устанавливающий ее состав, выбирающий элементы жизни и фантазии и связывающий их в целое. Наряду с «непредвидимыми и неисчислимыми случайностями» прихотливой ассоциации и памяти все же всегда функционировала какая-то скрытая единая сила,

¹²⁸ Марков А. Беломорские былины. С. 28. (О Крюковой).

¹²⁹ Там же. С. 13—14.

отбирающая и откладывающая все многообразие влияний жизни и мысли по принципу какой-то целесообразности.

Следовательно, на всем протяжении векового существования былины эта целесообразная и формирующая сила во всяких превратностях их судьбы присутствовала, и при всех переработках, потерях и наслоениях участвовала. Как же ее игнорировать при изучении генетического процесса, пережитого былинами?! Между тем, исследователями, проектирующими состояние и стадии изменения былины в прошлом, как раз именно эта сторона никогда не принималась в расчет.

Если былина имеет внутренний организующий принцип, то, следовательно, она по этому принципу и создавалась, следовательно, в ней есть какие-то внутренние стержни, для которых не все равно, сохранить или выбросить тот или иной элемент, следовательно, в соотношении ее деталей есть какая-то внутренняя иерархия, и сказитель, пересказывая былинку, всякий раз художественным чутьем своим с этой иерархией считается и одни элементы отбрасывает, теряет и заменяет другими легко и незаметно, а за другие, наоборот, держится, потому что чувствует именно в них смысл своего рассказа.

Что же должно сделать, чтобы понять и выявить эту отбирающую и формирующую силу? Где она? Она везде, в каждой былинке, в каждом ее варианте. Это она донесла до нас сокровища былинных сборников. Она формировала и то, что до нас не дошло, и то, что дошло. И то, что до нас дошло, может раскрыть и позволить нам понять ее природу и свойства. Чтобы понять эту силу в прошлом, следовательно, нужно ее изучение в настоящем. Никакой попытки для этого до сих пор не было сделано. Мы подошли к былинке, обошли ее кругом, восприняли некоторые ее черты и, не уяснив их внутреннего существа и не видя центра, объясняем уже их рост и развитие, сличая периферические концы и сбывки, разносим былинку по клочкам и, вновь собирая и комбинируя их, думаем, что воссоздаем минувшие пережитые формы. Из живого организма мы сделали механику.

«Убедимся сначала в самой вещи, прежде чем доискиваться ее причины. Правда, такой метод слишком медлителен для тех, которые ищут причин и проходят мимо самой действительности; но этим мы избежим

возможности оказаться смешными, отыскав причину того, чего нет»¹³⁰. Мы поступили наоборот не узнав сил и свойств вещи, уже ищем их причин и проявлений в прошлом, ищем неизвестно что

Генетическому изучению предмета должно предшествовать изучение описательное, стационарное. Правда, и в области статического описательного изучения былины мы имеем некоторые труды и иногда труды прекрасные¹³¹, но все это было сделано не с теми целями, не под тем углом зрения, о художественной значимости изучаемых элементов никто не думал¹³²

Между тем многое такое, что неэстетическому критерию представится в былине искусственным, разорванным и несовместимым, с точки зрения эстетической целесообразности может получить естественное объяснение

«При сопоставлениях, при объяснениях заимствований, при указаниях общих источников исследователи ссылаются на то, что «особенности», отличающие одно произведение (например, былину), от другого (например, саги, повести, апокрифа и пр.), объясняются частью условиями бытового приурочения заимствуемого источника, частью литературными отношениями < > С этим согласиться необходимо, но мы не объясним ни состава, ни характера, ни духа произведения, если по двум-трем внешним, случайным признакам, составляющим часто *общие формы выражения* мысли, будем решать судьбу произведения < > Самое главное при

¹³⁰ «Assurons — nous bien du fait, avant que de nous inquieter de la cause Il est vrai que cette methode est bien lente pour la plupart des gens qui courent naturellement a la cause, et passent par dessus la verite du fait, mais enfin nous eviterons le ridicule d'avoir trouve la cause de ce qui nest point» (Fontenelle Histoire des Oracles Paris Bibliotheque nationale 1907 Chap IV P 22)

¹³¹ См работы В. Ф. Миллера «Русская былина, ее слагатели и исполнители» (Миллер В. Ф. Очерки I С 23—64), отчасти сюда же относится его статья «Наблюдения над географическим распространением былины» (Там же С 65—96), тщательно учтены и подведены в итоги бытовые черты в былинах, Марков А. Бытовые черты русских былин 1904 Шамбинаго С. Древнерусское жилище по былинам Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера 1909

¹³² Из упомянутых выше работ в этом последнем отношении имеет значение только статья В. Ф. Миллера о слагателях и исполнителях

переходе какого-либо мотива в другое произведение должно составлять то, как *применяется* и как *понимается* он на своем месте, в целом <...> Вполне тождественные мотивы могут выражать нечто совершенно раз-
личное в двух произведениях <...> При изменении поэ-
тических мотивов изменяется весь строй произведе-
ния...»¹³³.

Все это говорит о необходимости предварительного изучения былин в их настоящем, сохранившемся виде с тем, чтобы понять их состав как художественное це-
лое.

¹³³ М а н д е л ь ш т а м И. Садко-Вейнемейнен//ЖМНП. 1898.
2. С. 335—337.

АРХИТЕКТОНИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО СОСТАВА БЫЛИН О БОГАТЫРСКИХ ПОДВИГАХ

1

Можно ли говорить о цельности былины, когда она создавалась не одним творцом, не единой волей одного вдохновенного порыва и устремления, когда она, переходя из уст в уста и подвергаясь новым и новым способам восприятия, понимания и перетолкования, беспрерывно находилась в процессе становления и никогда не знала твердой замкнутости и определенности внутренних границ? Можно ли искать единства в этом мире беспрерывных наслоений, случайно прилипших кусков, неизбежных разрывов, потерь, забвений и искажений и других превращений, которые былина неустраимо несла на многовековом пути существования в неустойчивой памяти, среди капризных веренищ летучих ассоциаций и других многих превратностей устной передачи?

Конечно, в былине в этом смысле не может быть того строгого постоянства и согласованности частей, которых мы ожидаем от произведения единоличного созданного, законченного и письменно закрепленного. Среди вариантов былин имеется немало таких, которые в таких ожиданиях сильно разочаровали бы. И капризы памяти, и превратности общей исторической судьбы, различия вкусов и неодинаковость художественной ода-

ренности певцов положили на многие записанные былины печать хаоса.

По отдельным вариантам иногда окажутся механически и внешне ассоциированные наросы, прихотливые случайные единичные изменения, иногда целые провалы после утраты отвалившихся органических кусков когда-то единого и законченного тела. Все эти случаи можно предусматривать уже аргіогі и они, действительно, под анализом определенно заявляют себя.

Тем не менее, работа над установлением внутренне организующих стержней былины нам не представляется безнадежной. Если, предположительно, на время совершенно отбросить мысль о единстве былин по одному сюжету в разных вариантах, потому что каждый вариант принадлежит своему автору, индивидуально отличному от исполнителей других вариантов, то все же остается вполне естественная и законная возможность единства каждого данного варианта в отдельности. Каждый певец поет *свою* песню, каждый горит своим огнем пафоса и напряжения, каждый выливает былину под индивидуальным освещением своего воззрения и чувства, следовательно, если у каждого из них было не механическое отношение к составу и смыслу своего исполняемого номера, то в процессе усвоения, передачи и переработки (вольной или невольной) каждый из них свою-то песню, свой-то вариант пережил и переживает, и осмысливает, и чувствует в каком-то едином устремлении, которое сообщает и своему пересказу. Под горением единого направляющего чувства должны естественно само собой проникаться единством и предметы, и краски, и свет, и вся словесная организация целого в данном варианте. Под воздействием основного импульса, как центрального задания, все составные части рассказа должны были получить определенное, заданное им (мыслью или чувством) формоустремление, в результате чего должна была естественно получиться та иерархическая субординирующая взаимозависимость и неразрывность компонентов, та цельность и единство, без которых немыслимо никакое произведение искусства.

Тут остается возможное опорожнение варианта сомнением в художественной одаренности певца. Без достаточного художественного проникновения и внутренней подлинной пронизанности, конечно, в процессе передачи

у певца-передатчика останется только функция памяти, а это не может гарантировать ни сохранения прежнего вдохновляющего единства былины, в котором она была им воспринята от предыдущего сказителя, ни нового гармонического претворения. В этом случае целостность былины находится всецело во власти памяти, и лишь в том случае, если память достаточно точна, былина сохранит прежнее единство, когда-то сообщенное ей даровитым, более ранним певцом.

Предусмотрение самых различных и противоречивых возможностей в показаниях каждого отдельного варианта делает необходимым особое замкнутое исследование каждого варианта самого по себе, с тем, чтобы, устоявив внутреннюю художественную структуру каждого из них в отдельности, уже потом соотнести их свойства и качества, сходства и различия в трактовке и построении одного общего сюжета, и на основании их уже общих показаний судить о единстве художественной направленности былины на данный сюжет, хотя бы и переданный различными лицами и с разными индивидуальными изменениями.

Под анализом разные варианты былин, действительно, обнаружили центральную формирующую силу и единую связь и функциональную значимость всех частей. Рассмотрение всех вариантов первоначально избранной нами былины об Илье и Соловье Разбойнике открыло наличие единообразия заложенных в нее художественных стремлений. Оказалось, что даже в тех случаях, когда варианты отходят друг от друга в отдельных частностях и вставных, взятых из других былин, эпизодах, все же всегда эти новые детали и эпизоды несут одну и ту же художественную функцию, направленную к одному и тому же центральному заданию. Так оказалось возможным говорить об основной направленности былины об Илье и Соловье по всем вариантам сразу. Тогда нами предпринят был обзор по возможности всех былин с богатырскими сюжетами. Были рассмотрены по всем вариантам былины об Илье и Идолище, Илье и Калине, Мамае, Батыге, об Алеше и Тугарине, и Добрыне и Змее Горыныче и другие подобные им¹. Результат исследования и на этот раз

¹ Сюжеты о гибели богатырей и о столкновении двух русских героев по особым осложняющим мотивам нами выделены и не вошли в это рассмотрение.

позволил установить, во-первых, единообразие композиционной структуры каждой былины по всем вариантам (кроме отдельных и редких исключений), и, во-вторых, сходство всех былин о подвигах в основном типе их построения и формоустраения.

Таким образом, открылась возможность говорить о композиции всех таких былин вместе. Так оформились задачи и границы предлагаемой статьи.

Среди наших предварительных замечаний считаем необходимым остановиться на принятом нами порядке изложения. Обычно принято вести изложение с возможным приближением к индуктивному процессу развития исследования и мысли. В частности, в исследованиях по былинам установилась традиция предварять изложение рассмотрением отдельных вариантов, установлением их взаимного соотношения и общих сходных и наиболее заметных свойств. Таким путем исследователь проектирует так называемый «основной вариант», который он и кладет в основу своих наблюдений, как наиболее авторитетный и постоянный. Индуктивное изложение сообщает видимость живого роста исследовательской мысли, которая, шаг за шагом, обогащаясь новым и новым расширением круга наблюдений, как бы сама собою приводит к конечным результатам и выводам. В таком изложении как бы повторяется процесс исследования, получается картина чистой индукции и идеального исследования объективизма.

В русле той же традиции индуктивного построения требовали и искали своего выражения и наши наблюдения, и вероятно, в этом виде и получили бы свою форму, если бы не почувствовалась угроза больших повторений и других технических неудобств от излишнего дробления аргументации. Нам представился на этот раз более удобным обратный порядок изложения: от общего к частному. Сначала мы даем разъяснение создавшегося у нас представления о целостности общего движения и направленности исследуемых былин и только потом переходим к рассмотрению их по вариантам. Мы думали, что этим будет предоставлена также большая легкость и удобство к проверке наших наблюдений, так как такое изложение сразу дает читателю тот угол зрения, с которого производится пересмотр частных и деталей вариантов. Тем более, ни для кого не секрет, что всякие наблюдения и описания

и классификации конкретного множества и разнообразия фактов совершаются всегда по некоторому предварительному общему принципу, и, в частности, относительно былин не один раз отмечалось, что рассмотрение их по вариантам и выделение в них существенных и основных черт, хоть и давалось всегда в начале исследования, но фактически всегда направлялось его концом²

Как и всегда бывает, наши наблюдения и окончательные суждения происходили в процессе перемежающихся предположений и проверок и, вытягивая их в условно принятую логическую линию, мы ни в малейшей степени не имеем в виду характеризовать этим самые способы научной разработки

2

Редкое художественное повествование обходится без стремлений к эффектам неожиданности и удивления. На тревогах загадочности неопределенного колебания действующих сил строится занимательность огромного большинства эпических и драматических произведений, начиная с простонародного анекдота, бульварного романа и кончая высокими образцами классических трагедий. Загадочность, неожиданность и иные интригующие и удивляющие эффекты, сообщая рассказу и ходу действия увлекательность напряжения и подъема, содействуют художественному самозабвению читателя и зрителя и скорее всего достигают цели привлечения и закрепления интереса к рассказу

² См., напр., В. С. Миллер об А. Н. Веселовском (Миллер В. Ф. Очерки I С 251 и след.) Ср. слова Тэна «Je vois d'avance, mon Guillaume, j'aperçois la formule que j'aurai à trouver» (Gigaud Essai sur H. Taine Paris, 1909 Appendices, 343) Ср. «Чистых беспринципных описаний нет во всяком обзоре конкретной группы участвует организующая общая мысль, она сначала представляет постановку вопроса, его рубрики, она возвращается в конце в виде ответа, заполняющего конкретным материалом эти рубрики, подчиняющего конкретность предварительной постановке» (Виппер Ф. Р. Очерки теории исторического познания// Современный мир 1910 № 1 С 229—230) См. об этом Дюркгейм Э. Социология и социальные науки. Метод в науках. Спб., 1911 С 243 Ср. Евлахов А. М. Введение в философию художественного творчества Т. III Ростов-на-Дону, 1917 С. 140.

Но эффекты занимательности имеют и более глубокий смысл. Напряжение читателя и зрителя соответствует напряжению творческих стремлений автора. Всякий момент загадочности, тревоги и удивления бывает направлен к тому, что сам автор имеет в виду выделить и представить удивительным; следовательно, объектом направленности таких эффектов в сознании автора всегда является то, что ему самому представляется важным и значительным, волнующим. Сочетание и направленность таких эффектов неминуемо открывает творческие вдохновляющие импульсы авторского напряжения, картину волнующих его симпатий и антипатий, уровень его вкусов и свойство его воззрений на вещи. Направленность приема и здесь всегда вскроет направляющую тему. Эффекты неожиданности и удивления выносят на вершину внимания то, что произведение считает в себе наиболее значительным и основным³.

Это одинаково обнаруживается и на элементарных примитивах народного анекдота и на сложнейших созданиях словесного искусства, если в них так или иначе присутствует этот прием. Так, в «Царе Эдипе» Софокла эффекты загадок и напряжения ведут к ужасам преступлений Эдипа и сознанию роковой и страшной неодолимости судьбы; так в романах Достоевского моменты загадочности и неожиданности фиксируют важнейшие и самые глубокие, скрытые точки человеческой психики, на коих строится весь смысл целого; так Горюх в романе Бальзака («Père Goriot») загадочен до самых последних страниц как раз той стороной, которая была положена автором в основу всего существа этого персонажа и даже всего романа в целом. Так везде, в каждом случае тревожных загадок и неожиданных эффектов, путем задержки и подготовки внимания выделяется то, что руководит, направляет и регулирует авторскую творческую волю в ее основном вдохновляющем ядре.

Архитектоника былины в эмоциональном заострении отдельных эпизодов и всего целого построена на эффектах неожиданности, и, как везде и всегда, направ-

³ Везде, где в этой статье речь идет об авторе, имеется в виду лишь некоторая имманентно проектируемая творческая инстанция, без которой немислимо никакое организованное целое.

ленность эффекта и здесь обнажает целестремительные точки основных композиционных элементов и комплексов и таким образом указывает главный объект фиксации целого.

В начале былины разными способами, всегда очень коротко, дается экспозиция героя и установка драматической ситуации. Обычно свои подлинные представления о герое рассказчик до времени как бы скрывает. Предварительные представления о нем идут обыкновенно не от самого рассказчика, а от какого-нибудь персонажа былины, занимающего положение резонирующей стороны. Былина любит удивлять эту среду, но в начале былины богатырь не показывается в ее глазах во весь рост. Персонажи — зрители сначала явно недооценивают будущего героя: то он слишком молод, то на вид неказист, то по своему положению не внушал внимания и доверия, а иногда и без всяких причин (нередко вопреки его заслугам, несправедливо) ему не воздают должного, не ценят, даже обижают.

Разнообразная фактическая конкретность, в какой дается герой в начале былины, в своем внутреннем существе всегда осуществляет этот постоянный *мотив предварительной недооценки героя*. Одна из любимых былинных ситуаций, осуществляющих и мотивирующих недооценку, это — *молодость героя*. Так начинаются былины о Михайле Даниловиче, о Ермаке, о Добрыне, о Сауре⁴ и в некоторых вариантах о Василии Пьянице⁵. На молодецкий порыв молодого героя отвечают недоверием, его предупреждают, удерживают, предсказывают гибель неминуемую. Вызвавшемуся Михаилу Даниловичу Владимир отвечает:

«Ты смолода, глуздырь, не попурхивай,
А есть сильнее тебя и могутней»⁶
«Уш ты ой еси, юдалой да добрый молодец!
Ище ты, молодец, да нонь молодешенек
А не знаешь поески богатырскую,
А не знаешь ты посвисту лошадиного»⁷

⁴ Сын Саура на девятом году отправляется на подвиги (Ки-реевский П В Т III С 113—116, 116—124 и др.).

⁵ Гильфердинг, № 258 и др.

⁶ Рыбников П Н Песни, собранные П Н Рыбников. М., 1909 № 104. В дальнейшем: Рыбников, № 104. Гильфердинг, № 192.

⁷ Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. М., 1904—1911. № 385. В дальнейшем: Григорьев, №

То же самое отношение к Ермаку:

«Не дам тебе прощеньица-благословеньица,
Молодешенек Ермак, глупешенек.
На добром коне-то ты не ездывал,
В кованом седле ты не сиживал,
Тебя побьет Литва поганая»⁸.

Добрыню, только еще начинающего свою богатырскую карьеру, мать не решается отпустить от себя; она не подозревает, какую силу в себе носит ее сын, она боится за его молодость и неумелость:

«Ай же ты, Добрынюшка Никитич,
Поезжаешь ты молодешенек,
Умом-разумом глупешенек»⁹.

Иногда и Владимир тоже не надеется на Добрыню и отечески его предупреждает:

«Молодой воробей не вылетывай,
Молодой Добрыня не выскакивай»¹⁰.

Иногда сам рассказчик, начиная былин, подчеркивает молодость Добрыни, как бы опасаясь за его благополучие в дальнейшем:

«А молоды Добрынюшка Микитиць млад
Не в полном уми, не в полном разуми,
Не в великом Добрынюшка возрасти»¹¹.

Те же намерения подготовки удивления обнаруживаются иногда в той предварительной аттестации, которую получает герой в начале рассказа. Намерения контрастирующего и неожиданного эффекта совершенно очевидны, например, в следующей рекомендации Василия Игнатьева. Только что изобразив наседающую на Киев страшную силу Батыги Батыговича, былина продолжает:

«Да во славном во Киеви во городи
Сильных славных тех богатырей не лучилосье.
Самсон Святогор за синим за морём,
Славные Илья-то ведь Муромец
Тот далече, далече во чистом во полі,
А Добрыня с Олешкой у Макарья на желтых на песках».

⁸ Рыбников, № 7, 39 и др.

⁹ Рыбников, № 211.

¹⁰ Гильфердинг, № 313.

¹¹ Григорьев, № 114.

Только во Киеви осталосе во городи
Одна-то ведь голь-та кабацкая,
Молодые Василей Игнатьев сыи»¹².

Тот же *мотив предварительного опорочения* присутствует и в былинах о Козарине, хотя и в другой конкретной ситуации:

«На родинушках Козариных было пошущено,
На родинушках Козарушки попортили».

Казарин «чадо немилое», отец, мать его не взлюбили, родны братья его возненавидели, все хотели «конем стоптать», «копьем сколоть», отдали его на воспитание какой-то бабушке задворенке, не велели его кормить, поить, понесли его «свиньям отдать», и лишь случаем Козарин сохранился и вырос¹³.

Как захудалая голь кабацкая Васька Пьяница, как немилый сын, ненавидимый Козарин, так же мало обещал и Потанюшка «хроменькой», «невзрачный», «горбатенький», «на леву он ножку припадывает, по двору прихрамывает», «костыльком он подпирается», «он ведь бедненький, все сам нездоровенькой», «сам тоненькой, по животу он пережимистой», «на праву ножку он припадывает», «на леву подковыриват», «собой был худенькой», «на язык пришепetyвает», «с ноздри на ноздю присапывает»¹⁴. От таких лиц трудно было ждать силы и героизма,— тем удивительнее будут их подвиги.

Даже любимый герой — Илья Муромец, которого былина окружает особенным почетом, много раз перед подвигом оказывается несправедливо гонимым. Владимир ссорится с Ильей, закапывает его в погреб, изгоняет из Киева. Ссора Владимира с Ильей происходит по разным поводам. В былинне сборника Маркова (№ 2)¹⁵ Илья дарит Владимиру золото и серебро, отнятое у братьев Борисьевых. Владимир отдаривает его

¹² Гильфердинг, № 258.

¹³ Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901. № 102. В дальнейшем: Марков, № Григорьев, № 84, 89. Ончуков, Н. Е. Печорские былины. Спб., 1904. № 39. Далее Ончуков, №

¹⁴ Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа. Спб., 1915. С. 39, 58, 64, 72, 148, 189, 220 и др.

¹⁵ Ср. то же: Гильфердинг, № 296 (подарков Ильи Владимиру нет); ср. вообще былины «Илья и Калин».

«шубоцькой-кошулецькой». Бояре завидуют. Из зависти они клеветают на Илью, будто он, хмельной, «волочит ету шубку за един рукаф», приговаривая, что так же будет волочить Владимира «за желты кудри, а Опрак-сею за себя возьмет». Владимир закапывает Илью в погреб — глубокие. Княгиня его жалеет, тайно кормит, и только благодаря этому Илья остается жив и впоследствии прогоняет Калина от Киева. В былине того же сборника (№ 43)¹⁶ на Илью клеветают, будто он хочет выжить Владимира и сесть на его место. Владимир его прогоняет. Илья уходит в с. Карачарово. В другом варианте того же сюжета¹⁷ ссора происходит по другому поводу. Богатыри не приглашены на пир к Владимиру. Илья под именем Никиты Залешанина явился незванный. Его сажают вместе «с воронятами». Илья не ест, не пьет, обижается, громко выговаривает Владимиру свое недовольство. Князь его прогоняет. Илья уезжает вместе с другими богатырями. В нескольких вариантах¹⁸ ссоры нет, но Илья заключен, по приказанию Владимира, в погреб. Его кормит тайно дочь или жена Владимира. В былине сборника Маркова (№ 3)¹⁹, хотя ссора и не описывается, но из дальнейшего видно, что ссора (недооценка) была: в том месте, где Владимир просит у Ильи прощенья за прежнюю несправедливость, Илья ему отвечает упречком:

«Отказал ты, князь Владимир, нас от Киева
Шчо двенадцать-ту ведь лет нас поры времени».

В былине Гильфердинга (№ 304)²⁰, хотя ссоры нет, но Илья с приходом Калина упрекает Владимира за невнимание к богатырям²¹. При нашествии врага Владимир обычно теряется, иногда плачет, потом вспоми-

¹⁶ Марков, № 43 Илья Муромец в изгнании и Идолище.

¹⁷ Там же, № 44, Озаглавлено: Ссора Ильи Муромца с кн. Владимиром

¹⁸ Русские былины старой и новой записи/Под ред. акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера. М., 1894 II, № 11. (Далее: Тихонравов — Миллер); Рыбников, № 205; Гильфердинг, № 57, 75.

¹⁹ Илья Муромец и Бадан (Батый).

²⁰ Илья и Калин царь.

²¹ Ср. с этим обычный в былине о Калине момент отказа Самсона-Соломона, давно уже выехавшего из Киева, встать на защиту Киева. Отказ всегда мотивирован несправедливостью Владимира, когда-то неуважавшего богатырей.

нает об Илье, униженно просит прощения — этого и нужно былине. Недооценка Ильи вначале нужна для его большего торжества впоследствии.

Той же цели подготовки служит и другая, не менее постоянная особенность былинного сюжетосложения. До подвига видимое соотношение сил богатыря и его противника представляется всегда в *решительном преобладании врага*. Враг преувеличен, богатырь уменьшен. Враг всегда непомерно велик и силен, все от него в страхе, все подавлены его насилием, одоление его представляется решительно невозможным. Соловей разбойник «ие пропускает ни конного ни пешего», от свиста его «земля содрогається», в озерах «вода колыбается», от лесу листья сыплются, конь Ильи «окарач ползет», «что есть людишек — все мертвы лежат». Идолище поганое «ростом две сажени печатныя, в ширину сажень печатная, а глазища, что пивные чашища, а головища, что лоханище, а нос снаружи с локоть был»²². Ест Идолище по три коровы яловицы, по три пуда хлеба, пьет по три ведра пива. Пред появлением Ильи все покорно переносят его издевательства и насилия. Нет от него «четья, петья церковного, звону колокольного»²³. К царю Константину «сидит он хребтиником, а к царице лицинином»²⁴, царя Любова держит на кухне поваром²⁵. Сам он самодоволен, заносчив и хвастлив. Пред Ильей Идолище хвастает: «Экой богатырь, да еще славится, а я бы на руку клал, другой ударил бы, так только один бы блин да стал с него». Где Идолище в качестве наезжего насильника осажда-ет город, он шлет беспощадные угрозы:

«Я тебя же то князя да под мечь склоню,
А Апраксею кнегину да за себя возьму.
Христианскую веру да облатыню фсю.
Уш я Божьи — ти церкви да фсе под дым спушшу,
Я полоф — патриархоф да фсех под мечь склоню,
Как богатырей головушки повырублю
Да на копыща головушки повысажу»²⁶.

²² Рыбников, № 118; Гильфердинг, № 48.

²³ Киреевский П. В. Песни, собранные П. Киреевским. М., 1860—1874. Вып. IV. С. 22. Далее: Киреевский.

²⁴ Гильфердинг, № 196.

²⁵ Марков, № 43, 69.

²⁶ Григорьев, № 323.

Таков же противник Алеши Тугарин. Он велик ростом, обжорлив, надменен; несут Тугарина к столу Владимира — «под одним-те концом тридцать богатырей, под другим-те концом да других тридцать»²⁷. Гло-тает он целую лебедь, по целой ковриге за щеку мечет, пьет по ведру. На насмешки Алеши отвечает самонадеянными угрозами:

«Ишше хошь ле, Елѣшенька, я жыфком схвацю,
Ишше хошь ли, Елѣшенька, я конем стопцю,
Я конем-то стопцу, да я копьем сколю»²⁸.

Враг Добрыни — Змеище Горынчище велик, как туча, силен, как стихия:

«Ветра нет, тучу наднесло,
Тучи нет, а только дождь дождит,
Дождя-то нет, свищет молвия:

Летит Змеище Горынчище,
О двенадцать змея о хоботах»²⁹.

В отношении к Добрыне и у него встречаем обычные грубые, хвастливые угрозы:

«Теперечь Добрыня во моих руках;
Захочу — Добрыню теперь потоплю,
Захочу — Добрыню в хобота возьму,
В хобота возьму и в нору снесу»³⁰.

Те же угрожающие черты — необычайную силу и хвастливость — видим и у Шарка Великана — противника Дюка. Идет Шарк Великан, что не любо — раскрошит мечом, вытопчет железными ногами, сожжет огнем. Все бежит от него. Ополчившегося Дюка Шарк встречает насмешками и угрозой: «Почто ты к Шарку-Великану падрываешься? не сносить тебе твоя буйныя головы». У Дюка, действительно, при виде Шарка «сжалося его ретиво сердце», конь его пятится назад³¹.

Противник Потанюшки хроменького (или заменяющих его — Феденьки, Васеньки, Митеньки и проч.) — Кострюк-Мастрюк тридцать городов прошел, тридцать

²⁷ Тихонравов — Миллер, II, № 29.

²⁸ Григорьев, № 334.

²⁹ Рыбников, № 25; Гильфердинг, № 148; ср. Григорьев, № 342 и др.

³⁰ Рыбников, № 25.

³¹ Рыбников, № 214.

борцов поборол, «не мог силки отведати»³² Ходит Кострюк — под ним половицы гнутся, хлопнет дверью — петли разгибаются, дубовые листья сыплются³³ Махнул через стол, скамейку ногой зацепил — убил 40 богатырей, 30 татаров, «достальных раскарякало»³⁴ Кострюк «в глаза вижен был, его сила запримечена»³⁵ Потанюшку он встречает презрением

«Слушай царь государь, Грозен Иван Васильевич!

То ли дружишь, то ли смеешься надо мной?

С кем я это буду бороться?

Не с кем плечам расходиться,

Не с кем носком колотиться»³⁶

«Што это за гадина идет,

Уже што за перегадина идет?

На одну долонь положу другой придавлю!»³⁷

Кострюк грозит Москве всю «за себя взять»³⁸, вырубить, выпалить³⁹, все царство пройти и головней прокатить⁴⁰, самого царя в полон взять⁴¹, обложить всех пошлиной⁴² Кострюка боятся «Нет борцов уда-
лых молодцов сколько ни борцов пришли, все они при-
туляются»⁴³, «борцы испужалися, за Москву разбежа-
лися»⁴⁴, «Грозен царь Иван призадумалсэ приросту-
жилсэ»⁴⁵.

Там, где враждебная былинному богатырю сила представляется в виде рати, по началу былины дело обстоит еще более отчаянно

«Нагнало то силушки черным черно,

Черным черчо как черного ворона

И не может пропекать красное солнышко

Между паром лошадиным и человеческим,

Вешним долгим денечком

Серому зверю вокруг не обрыскати,

Межжоным и долгим денечком,

³² Миллер В. Ф. Исторические песни С 87

³³ Там же С 124

³⁴ Там же С 142

³⁵ Там же С 144

³⁶ Там же С 173

³⁷ Там же С 103

³⁸ Там же С 105

³⁹ Там же С 164

⁴⁰ Там же С 154

⁴¹ Там же С 105

⁴² Там же С 196

⁴³ Там же С 108

⁴⁴ Там же С 172

⁴⁵ Там же С 64

Черну ворону этой силы не обграяти,
Осенним долгим денечком
Серой птицы вокруг не облететь»⁴⁶

Обычно в таких сюжетах посылается в город посол — какой-нибудь страшный огромный татарин, с требованиями и угрозами. Поведение посла грубое, надменное, угрозы самые решительные

«А пиши ты на бархате не тасково,
С угрозами пиши со великими,
Пиши не давай сроку ни на время ни на малое»

«Не спущу из Киева ни старого ни малого,
А самого Владимира буду тянуть очи косицами
А язык то теменем, — с живого кожу драть буду»⁴⁷

Тут же обычно даются *loci communes* с угрозами сжечь церкви, полонить людей и пр. Осажденные, по обыкновению, в совершенном отчаянии звонит плакун колокол, попы поют «мешающиеся», дьячки «заекающиеся», мужики в слезах «захлебающиеся». Люди «каются, приобщаются»⁴⁸

⁴⁶ «Илья и Калин» — Рыбников, № 7. Ср. Из былин об Илье Муромце и Соловье Разбойнике эпизод «Освобождение го рода» — Рыбников, № 170. Ср. Гильфердинг, № 210, Рыбников, № 4, 61, 116, 139, 170. Тихонравов — Миллер, II, № 5, 7, Григорьев, № 38, 360, «Илья и Калин», Рыбников, № 7, ср. Рыбников, № 39 (арифметическая картинность «Собрал 40 царей, 40 королей у всякого у царя по 40 тысячей» и пр.) Рыбников, № 74, 120. 205. Гильфердинг, № 57, 296, Тихонравов — Миллер, II, № 9, 10, 11, 12, Григорьев, № 98, 111, Гильфердинг, № 304 — Рыбников, 141, Марков, № 2 — То же в былинах «Илья Муромец и Бадан (Батый)» — Марков, № 3, «Илья Муромец и Идолище» — Рыбников, № 6, Марков, № 43, 44, 69, «Василий Пьяница и Батыга» — Гильфердинг № 231, 258, Рыбников, № 161 — Гильфердинг, № 66, Рыбников, № 174 — Гильфердинг, № 60, Рыбников, № 194, 209, Рыбников, № 81 — Гильфердинг, № 116, Рыбников, № 209, Григорьев № 105, 314, 319, 337, 363, 369 «Мамаево побоище» — Григорьев, № 348, Ончуков, № 26, «Камское побоище» — Григорьев, № 415, Марков, № 81, 94, 104 — Такими же чертами описывается враг и в других сюжетах с нашествием враждебной силы. Примеры «О Даниле Игнатьевиче и Михайле Даниловиче» — Рыбников, № 104 — Гильфердинг, № 192, «Сулмантий» — Рыбников, № 148 — Гильфердинг, № 63, «Осада Пскова королем польским» — Григорьев, № 399, «О Добрыне при наезде Невежи» — Рыбников, № 193, «О братьях Дороговичах» — Гильфердинг, № 247.

⁴⁷ Тихонравов — Миллер, II № 8

⁴⁸ Григорьев, № 360, 210.

«А Владимир столько-киевский
Горючими слезами улиается;
Не поднимаются у него белы руки,
Не глядят у его очи ясные»⁴⁹

В противоположность открытой хвастливости врага, сам герой чаще сдержан и спокоен, а перед противником вначале любит прикрыться наивно-иронической скромностью; при встрече он лукаво себя унижит, прикинется покорной тихоней, потом, как бы невзначай скажет колкость, подразнит врага остроумной шуткой и потом уже окончательно развернет себя в решительной расправе. Таков Илья. Известное переодевание Ильи каликой сделалось любимым местом ради эффекта, даваемого этой подробностью, создающей контраст между скромной незаметной фигурой калики и страшным Идолищем. Илья, в качестве скромного странника, просит милостыню, намеренно рисует себя, как обыкновенного человека: ест, пьет он умеренно, ростом невелик и пр., вставляет в свои слова колкость, обидную для Идолища, навлекает на себя опасный выпад врага и погом уже разделяется с ним. Ради будущего эффекта внезапности былина очень ценит эту картину.

Почти то же самое происходит между Алешей и Тугарином. Алеша с Екимом выбирают себе незаметные места за печкой, «за пешным столбом». Оттуда Алеша иронизирует над обжорливостью Тугарина. Тугарин слышит. — «Что у те, князь, за пешным столбом? Что за сверчок пищит?» — спрашивает он. — «А маленьки ребятишки промеж себя говорят, сами бабки делят». От этих «маленьких ребятишек» былина готовит конец Тугарину.

Прием подобной же лукавой насмешливой скромности имеем в разговоре Ильи с разбойниками в «Трех поездках». Разбойники подступили к Илье, «становили старого в кружалочку, стали его выспрашивать», «с жонем, с животом разлучить хотят». Илья между тем сидит «не встряхнитце», «потихоньку приговаривает»:

«Уж вы гой еси, сорок разбойников, сорок станишников!
Как вам убить-то, братцы, вам не за што
Ише снеть то у мя старого нечего
У мя с собой ведь золотой казны не было,
Только у мя живота да един доброй конь,
Еще доброй мой конь да во петьсот рублев

⁴⁹ Тихонравов — Миллер, II. № 8.

Да как вся збруда моя в челу тысячу»
А как тут разбойничков призарило, прибавилось;
Да хотят-то старого убить-то, все ограбити».

А Илья сидит, «не встрехнуть», потихоньку «приговариват»: у него ничего нет, есть только шуба соболина «в петьсот рублей», на шубе три пугови: первая пуговка «в петьсот рублей», вторая «в тысячу», третьей цены нет. Разбойников опять «призарило», начали они старого «пошинывать, подергивать», а старый «все сидит да приговаривает» и т. д.⁵⁰ В конце концов, как известно, Илья быстро расправляется с разбойниками. Разговор нужен был только как обычный мотив подготовки внезапности.

Всевозможные *грозные предвестия, предсказания и предупреждения*, которыми так часто открываются былины, служат той же эстетической задаче подготовки неожиданности. Предупреждающие предсказания «о беде неминуемой» имеют всегда определенный категорический смысл неизбежности этой беды, и однако, несмотря на категоричность, герой оказывается в силах устранить беду и снова выйти победителем. К таким отчаянным предсказаниям относятся известные надписи на росстани: «по одной дороге поедешь — убиту быть, по другой поедешь — женату быть, по третьей — богату быть». Самое страшное, конечно, из этих указаний — быть убиту, но и два других былина тоже понимает, как известные опасности, которые нужно преодолеть. Обыкновенно герой выбирает ту дорогу, которая предсказывает ему быть убиту, — едет и никогда не погибает, наоборот, возвращается с новыми успехами.

Сюда же нужно отнести различные предостережения и угрожающие увещания богатырям со стороны лиц, заинтересованных в их судьбе. Илью предостерегали от прямоезжей дороги: он должен был там погибнуть от Соловья-Разбойника:

«От свисту его зменного, от крыку звериного
Помирают все удалы добры молодцы.
Ты не идь, удалый добрый молодец:
Падет твоя головка буйная под Соловьем!»⁵¹

Добрыню мать предостерегала не плавать за третью струйку Пучай-реки: «она, как огонь, сечет».

⁵⁰ Марков, № 69.

⁵¹ Рыбников, № 127.

«Добрынюшке-то матушка говаривала,
 Дай Микитичу-то матушка наказывала.
 Ты не ездь ко далече во чисто поле,
 На тую гору Сорочинскую,
 Не топчи-ко ты молодых змиенишев,
 Ты не выручай-ко полонов за русских,
 Не куплись, Добрыня, во Пучай реки,
 Но Пучай река очень свирепая.
 Но середняя-то струйка, как огонь сечёт»⁵².

Иногда для большей убедительности, мать ссыла-
 ется на пример отца Добрыни:

«Ишше был-то у тебя отец, родной батюшко
 Ай не смел-то он ведь ехать на Пучай-реку»⁵³.

Наконец, в таком же смысле предварительной подго-
 товki былиной осмысливается целый рассказ, пророче-
 ски предсказывающий неизбежную гибель Киева, ис-
 пользованный чаще всего былиной о Батыге и Василии
 Пьянице (так называемая легенда о турах и плачу-
 щей стене городской):

«Спод той ли березы кудреватая,
 Спод того ли креста Леванидова
 Выходило четыре тура да златорогних,
 Шли эти туры да мимо славной Киев град» .. и т. д.

«Ай не девица плачет, да стена плаче,
 Ай стена-та плаче городова,
 А она ведает невзгодушку над Киевом,
 Ай она ведает невзгодушку великую»⁵⁴.

В архитектурной цепи этой былины тяжелое
 предсказание легенды несет ту же функцию подготовки
 неожиданности успеха Васьки.

3

Следующее звено в композиции былины — описание
 самого подвига (*бой*). Здесь останавливает внимание
 легкость победы

Богатырям удается все удивительно легко. Сильней-
 шие противники одолеваются ими шутя, без напряже-
 ний. В описании боя нет элемента борьбы. Как будто

⁵² Рыбников, № 25 — Гильфердинг, № 148.

⁵³ Марков//Труды музыкально-этнографической комиссии
 Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.,
 1906 Т. I № 12

⁵⁴ Гильфердинг, № 41, 60, стр. 18, 66, 258 и мн. др.

противник не сопротивляется. Не будем говорить о Соловье-Разбойнике: у него особое оружие — свист, *внезапно* оглушающий и не допускающий борьбы, и это было применено к подъезжающему Илье, хотя и без обычных результатов. Может быть, также легкость победы над Идолищем объясняется внезапностью удара Ильи. Победа Алеши Поповича над Тугарином тоже обусловлена хитростью Алеши: пусть пока и он будет в стороне. Предположим, что кратковременность этих схваток объясняется случайно создавшейся ситуацией, исключателем упорную борьбу. Но вот уже в бою Добрыни Никитича со змеем нужно было бы ожидать некоторого упорства врага. Действительно, этот бой не относится к кратковременным: в некоторых былинах Добрыня бьется «трои суток». Но и тут мы не видим борьбы: что именно происходило в эти трое суток? Почему не мог Добрыня так долго одолеть змея? Где напряжение выпадов и обороны? — Ничего этого в былинах нет, — нет картины боя, нет движения.

Баталии богатырей с неприятельской ратью хотелось бы не так воображать, как они изображаются былиной.

«Поехал сударь Илья Муромец
В ту же силу да неверную,
Секет он старого и малого,
Не покидает ни единого на семена,
Присек-то всю силу невериую» ⁵⁵.

И расходились у его плечи могучие,
И размахнулись руки белые,
И засвистела у его палица боёвая,
И зачивкала его сабелька острая,
И наехали удалы добры молодцы,
Те же в поле быки кормленные,
Те же сильные могучие богатыри,
И начали силу рубить со краю на край,
Не оставляли они ни старого, ни малого.
И рубили они силу суток пятеро,
И не оставили они ни единого на семена.
И протекала тут кровь горячая,
И пар шел от трупья по облака» ⁵⁶.

Ну, а враги? — они-то проявляли себя как-нибудь в такой бане или послушно, беспомощно стояли и ждали, пока придет их очередь, пока и до их головы доберется

⁵⁵ Тихонравов — Миллер, II. № 5.

⁵⁶ Там же. № 8.

сабелька вострая расходившегося богатыря? Где же их сопротивление? — Богатырь, единственное действующее идвигающее лицо, косит безответные головы, и если бой затягивается на двое-трое-пятеро суток, так это только потому, что количеством сила велика (жонь не объедет, птица не облетит, заяц не obeжит); вся трудность превращается в длительность процесса, упорства борьбы нет, есть только механическое истребление.

В объяснение этой особенности, что нужно предположить: недостаток художественной изобретательности певца или наличность известной преднамеренности — особой художественной цели? Несомненно здесь сказалось желание показать героя наиболее выгодно для его силы: при всей видимой трудности дела, он справляется с ним играя, без усилий; былина как бы хочет указать, что враг, каким бы сильным он ни казался постороннему глазу, никакого серьезного соперничества с богатырем героем не мог иметь.

В тех случаях, когда былина изображает столкновение между двумя русскими богатырями, и певец как бы не знает, кому из них отдать предпочтение, ему нужно и того и другого выказать как бойцов необыкновенных, — тогда он имеет в своем распоряжении известную традиционную картину обоюдной упорной борьбы с ударами, от которых «вода колыбается, земля колыбается», с расщепанными копьями и саблями, взрытым песком и пр. Таковы схватки Ильи Муромца с сыном или племянником, Ильи с Добрыней, Добрыни с Дунаем.

Таким образом, победа легка над противником-чужанином, ненавистным певцу, и былина тогда умалчивает о сопротивлении, оно немыслимо. Когда же герой сходится с богатырем русского происхождения, симпатии былины раздваиваются, и она находит средство создать картину обоюдного упорства. Отсутствие разрабатанной баталии в первом случае, следовательно, идет в соответствии с общей тенденцией былины наибольшего выделения героя.

Иногда на стороне богатыря соединяется участие всяких подсобных сил: чудесной помощи, благоприятной случайности или недобросовестной хитрости. Змей Горыныч летает, неуязвимый для Добрыни, Добрыня просит бога послать дождь, дождь идет, Горыныч падает, Добрыня побеждает. То же самое бывает между Алешей и Тугарином. Ну, а если бы дождя не было? Ведь

посторонняя случайность, чудесное содействие, должны бы умалить заслугу богатыря. Часто Алеша побеждает Тугарина благодаря хитрости,— но ведь это даже не богатырство. Обмануть кого-нибудь,— заслуга не велика, да и к лицу ли она богатырю? Еще пример: Илья связанный (пойманный, благодаря коварным подкопам) стоит перед Калином беспомощный, хотя и дерзкий. Калин бьет его по лицу. Но вот Илья взмолился, явилась сила небесная, путы разрываются, поднимает Илья руки белые, берет за ноги подвернувшегося татарина и начинает охаживать проклятых басурманов, прокладывая обычные улицы с переулочками.

Элемент хитрости, случайности, чудесности должен был бы противоречить желанию певца показать славного героя: ведь у богатыря отнимается самое главное — личная заслуга. Но, очевидно, здесь сознание художника не делает разницы между подвигом личного совершенства и простой удачей по тем или другим случайным преимуществам (хитрость, божественная помощь). И в Илиаде Ахиллес не сам побеждает Гектора и не в открытом бою на равных условиях, а лишь благодаря коварному содействию богини Афины, и тем не менее это не уменьшает его ореола победителя.

4

Подвиг совершен. Былины на этом обычно оканчивают рассказ. Сейчас же вслед за решительным моментом движение сюжета прекращается,— рассказывать певцу нечего: несколько слов о всеобщей радости и благодарности герою только замыкают уже остановившийся рассказ. Былины об Идолище почти всегда кончаются последним ударом Ильи:

«Увалилось Издолишко проклятое
Да и прямо увалилось простенком вон
И тут же Издолишшу славы поют».

Иногда к этому прибавляется благодарность Илье от Владимира. Владимир устраивает пир в честь героя.

Таков же тип конца былин и об Алеше Поповиче и Тугарине, о Добрыне Никитиче и змеище Горынчище, (если не считать в первой былине особенных условий сюжета, благодаря которым Апраксия жалеет Тугарина и бранит Алешу).

Василий Пьяница, обыкновенно, отклоняя богатые посулы Владимира, удовлетворяется тремя винными погребками и позволением пить во всех кабаках безденежно. Впрочем, иногда и здесь встречаем обильный пир:

«И встречает тут Василья
Владимир князь у Злотых ворот,
Берет-то князь Василья за белы руки,
Ведет-то Василья во палаты белокаменны,
Во гридни во столовые
Садилсь за столы за дубовые:
Едят, пьют, кушают,
Белую лебедь рушают
Тут-то Василью слава и честь пошла»⁵⁷.

Враг обычно сознается в своем посрамлении и бессилии. Калин и Батыга, убегая, заявляют:

«Закажу я детям и внучатам
Ездить ко городу ко Киеву».

Побежденный Кострюк «сдет, слезно уливайтце»:

«Шьто не дай Бох бывать больше на святой Руси,
Как во святой-то матушки в камяной Москвы,
Да не дай Бох видать мне руських сильниих,
Руських сильниих, могущих мне богатырей!»⁵⁸

Только былины о Соловье-Разбойнике и о Сухмантии продолжают развитие событий и после подвига. Замечательно, что это продолжение не является простым нанизыванием фактов без внутренней связи, но проникнуто и объединено той же тенденцией эффекта удивления, как и весь рассказ. Там что-то готовилось, возбуждалось ожидание, наконец ожидаемое совершилось, впечатление достигнуто, теперь автор развивает резонанцию на происшедшее.

Илья привязывает раненого Соловья к седлу и продолжает свой путь. Как его встречают? Дети Соловья не узнают своего отца, они теряются в догадках: кто кого ведет? — их отец Илью, или Илья их отца? — такова невероятность того, что произошло. Конечно, первую их мыслью было: отец ведет Илью, — обратное для них немыслимо. Они всегда видели отца только победителем и теперь «глазам своим не верят». Но действительность их убеждает, и они бросаются на защиту отца. Между тем Соловей уже испытал неодолимость

⁵⁷ Рыбников, № 81 — Григорьев, № 166.

⁵⁸ Миллер В. Ф. Исторические песни. С. 67.

Илья и всякую попытку освободиться считает невозможной. «Не троньте вы удала добра молодца,— говорит он детям,— у меня силушки не с вашу есть, да старый казак в горсти зажал». (Ср. слова убегающего от Ильи Калина).

Некогда столь страшный, а теперь подавленный Соловей, это — фон величия и силы Ильи.

В Киеве Илью встречает новое недоверие. Владимир и бояре не хотят думать, чтобы кто-нибудь мог победить Соловья-Разбойника:

«Мужик ты, мужик деревенщина,
Хвастаешь небылей своей,
Чужим именем называешься.
Где тебе похитить Соловья, вора-разбойника. »

Оскорбленный недоверием, иногда Илья обижается, кутит в кабаке, резко заявляя свое торжество и независимость. Наконец Илья признан, его осыпают восторгами, и вот он перед всеми демонстрирует силу Соловья (тем самым и свою). По просьбе зрителей и по приказанию Ильи Соловей свищет. Валятся терема, рассыпаются окна, бояре, вельможи, купцы богатые, поляницы удалые, могучие богатыри,— все «на зени лежат», «сам князь плавает окаракою», а «старый казак смеется во всю голову: как вси порасплавались» и пр.⁵⁹

Еще только в былинах о Сухмантии рассказ имеет продолжение и развитие событий после совершения победоносного подвига, и опять и здесь, как и в былине об Илье и Соловье Разбойнике, встречаем мотив недоверия. После благополучного возвращения Сухмантия и сообщения о победе, «богатыри на Сухмантьюшом посмеелися», усумнился и Владимир:

«Да не пустым ле ты, Сухмантьюшко, фсе хвастаёшь
Да не пустым ли, Сухмантьюшко, похвалеиссе?»⁶⁰

И Сухмантия за обман сажают в «темны погребы».

Таким образом, былина от начала до конца сохраняет одно и то же стремление удивить, поразить слушателя неслыханным подвигом своего героя. Эту свою задачу она ведет с выдержкой и пониманием психологии настороженного слушателя. Былина умеет создать интерес, умеет взволновать слушателя тревогой ожида-

⁵⁹ Тихонравов — Миллер, II. № 1.

⁶⁰ Григорьев, III. С. 145.

ния, заразить восторгом удивления и захватить честолюбивым торжеством победителя. Художник знает, что нужно сказать, искусно ведет свою главную художественную задачу и умело распоряжается фактами, освещая и применяя их к наиболее яркому выражению общих вдохновляющих эмоций.

Сохраняют ли отдельные варианты эту композиционную тенденцию? Если сохраняют, то всегда ли с одинаковым постоянством? Какие изменения и отступления наиболее часты и характерны? Как осуществляет себя фактор эстетического приспособления при контаминации и перекрестном смешении подробностей?

5

Илья и Соловей-Разбойник. В настоящее время этот эпизод похождений Ильи известен в 47 вариантах⁶¹. В разработке каждого из эпизодов былины, варианты, в общем строении даже и сходные между собою, представляют значительное разнообразие; различия эти выражаются или в 1) разнообразии топологических обозначений, или 2) в непостоянстве элементов мелкой фактической конкретности, сопровождающей главную ситуацию и движение рассказа или 3) в стилистической разработке.

В большинстве вариантов приключению Ильи с Соловьем Разбойником предшествует освобождение им города от басурманской рати. Название города меняется: Чернигов, Чернягин, Себеж, Бекетовец, Бежегов, Смолягин, Кидош и др.⁶² Во всех таких вариантах победитель Илья въезжает в город; его благодарят, приглашают остаться у них или в качестве воеводы⁶³, иногда судьи, иногда просто просят откусать у их воеводы хлеба-соли⁶⁴. Илья, всегда отказываясь от таких предложений, иногда берет от них лишь чашу золота⁶⁵, а чаще всего отклоняет всякую благодарность и лишь

⁶¹ 6 «Сказаний», «Повестей», или «Историй» изданных по рукописям XVI и XVIII вв., и более 40 позднейших записей.

⁶² Названия городов тщательно отмечены Вс. Миллером в статье «К былинам об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике» (Изв. ОРЯС АН. 1912 4).

⁶³ Большинство вариантов.

⁶⁴ Тихонравов — Миллер, II. № 1.

⁶⁵ «Мне это заработано».

просит указать ему дорогу к Киеву. В ответ на это ему называют и описывают грозную дорогу, где засел Соловей-Разбойник.

Иногда былина опускает боевой подвиг под городом: Илья мирно проезжает через город и лишь спрашивает горожан о дороге в Киев и те дают ему обычный ответ с описанием ужасов дороги с Соловьем Разбойником⁶⁶. Есть вариант, где, вместо города, Илья мирно проезжает деревню Обалковщину и спрашивает о дороге у обалковских мужиков⁶⁷. В некоторых вариантах похождения Ильи осложняются в этом месте встречей с разбойниками⁶⁸, причем одни из таких вариантов совмещают эпизод с разбойниками с эпизодом освобождения города⁶⁹, в других при эпизоде с разбойниками освобождения города нет⁷⁰. Иногда разбойники отождествляются с басурманской ратью и называются татарами. Что для нас особенно интересно,— у разбойников, как у горожан, Илья спрашивает о дороге в Киев. Разбойники дают обычный ответ о трудной прямоезжей дороге⁷¹. Имеются варианты, где Илья вызывается проехать опасную дорогу по особому вызову на пари, на пиру, когда расхваставшимся богатырям король в качестве особо трудной задачи предложил очистить «заставу великую», «...дорожку прямоезжу из города из Муром до города до Киева»: здесь в словах короля дается и описание страшной дорожки. Илья принял вызов, бился «с королем о велик зало (о свою буйну голову) проехать дорожка, прямоезжая»⁷². Иногда об опасностях дороги Илья имеет предостережение непосредственно от родителей, у которых он пред поездкой просит благословения. Говорит ему батюшка:

«Потеряешь ты свою буйну голову
Вместо медных пуговки не за денежку.
Еще той дорогой никто не бывал»... и пр.

⁶⁶ Рыбников, № 191.

⁶⁷ Гильфердинг, № 104.

⁶⁸ Киреевский, I. С. 25—30, 30—34; Рыбников, № 103; Гильфердинг, № 171 и 274; Марков, № 1; Григорьев, № 312, 360, 393; Ончуков, № 19.

⁶⁹ Киреевский, I. С. 25—30; Григорьев, № 393, 360.

⁷⁰ Рыбников, № 103; Гильфердинг, № 171, 274; Марков, № 1; Григорьев, № 171, 274; Ончуков, № 19. № 1; 274; Ончуков, № 19.

⁷¹ Киреевский, I. С. 31—34; Григорьев, № 360.

⁷² Григорьев, № 38.

Далее обычное описание страшного Соловья⁷³. Есть и такие варианты, в которых опасности дороги предварительно описываются непосредственно самим рассказчиком без участия третьих лиц⁷⁴. Иногда соответствующие угрозы и предупреждения идут от надписей на росстанях⁷⁵. Иногда росстань дает обычные надписи с угрозами о трех дорогах, где или быть богату, или быть женату, или быть убиту, и Илья, поразмыслив, отправляется по дороге, предсказывающей смерть, и встречает там Соловья-Разбойника. Иногда сама надпись дает описание опасностей и трудностей дороги и страшного Соловья⁷⁶. Путь Ильи до Соловья и победа над ним рассказывается почти везде одинаково. Илья едет дремучими лесами, по дороге к Соловью мостит мосты⁷⁷. Соловей издалека чувствует приближение Ильи и вылетает к нему навстречу или встречает его свистом издали. Здесь обычно дается впечатление страшной силы Соловья: «трясется земля, дубы шатаются, конь Ильи спотыкается», падает «на колени» и пр. Свист иногда повторяется до 2-х до 3-х раз. Илья плетью и упреком подбадривает коня, подъезжает ближе, берет лук, вынимает стрелу, иногда наговаривает ее и пускает. Стрела попадает Соловью в глаз, и Соловей падает. Илья привязывает побежденного Соловья к стремяни и отправляется дальше⁷⁸. Далее следует эпизод проезда Ильи мимо терема Соловья. Эпизод обычно предваряется сценой узнавания Ильи и Соловья его детьми: они не сразу различают, кто кого ведет — Соловей мужика или мужик Соловья⁷⁹. В воротах терема одна из дочерей Соловья коварно так подстраивает подворотню, что она должна при проезде Ильи упасть и убить его. Илья

⁷³ Киреевский, I С 77—86.

⁷⁴ Рыбников, № 110, Гильфердинг, № 171, Григорьев, № 312.

⁷⁵ Рыбников, № 103, Киреевский, I С. 25—30. 31—34; Марков, № 1, Ончуков, № 19; Рыбников, № 116; Рыбников, № 110 и др.

⁷⁶ Рыбников, № 116.

⁷⁷ Иногда и в хороших вариантах не мостит Григорьев, № 393.

⁷⁸ В одной рукописной повести Илья подходит к упавшему уже Соловью, но тот вскакивает на коня и вступает в бой с Ильей. Илья его вышибает из седла (Былины новой и недавней записи. Приложение. С 285—288).

⁷⁹ Большинство вариантов.

предупреждает такое нападение и жестоко расправляется с вероломной. Иногда такого выпада нет⁸⁰, но и в таких случаях почти всегда удерживается сценка узнавания. Иногда здесь же, иногда уже в дальнейшем пути Ильи, на него бросаются сыновья Соловья⁸¹, хотят силой освободить отца, и всегда в этих случаях отец удерживает детей, считая борьбу с Ильей безнадежной⁸². Иногда предлагают за Соловья выкуп, но Илья «не зарится» и везет Соловья в Киев. В Киеве подвиг Ильи встречают недоверчиво. Недоверие исходит или прямо от Владимира⁸³, или от бояр толстобрюхих⁸⁴, или от богатырей⁸⁵. Гораздо реже недоверия нет⁸⁶. В четырех вариантах⁸⁷ Илья, обиженный недоверием или неостливым приемом, идет в кабак, кутит с голями и только после особых приглашений идет опять к Владимиру, принимает угощение и демонстрирует Соловья — Конец былины передается неодинаково: чаще всего Илья убивает Соловья, иногда Соловья отпускают, иногда судьба его остается недоговоренной и нераскрытой.

Все эти факты, нам кажется, несут собой логику к некоторым заключениям к нашему вопросу об основной направленности былины по отдельным вариантам: мы замечаем, что при большой неустойчивости конкретной оболочки, в ядре отдельных эпизодов и целой бы-

⁸⁰ Тихонравов — Миллер, II 1, 2, 3, 4; Рыбников, № 4, 82, Гильфердинг, № 212; Марков, № 69, 107.

⁸¹ Рыбников № 4 и др. Зятья

⁸² Рыбников, № 116, 127. С 155. Только в самых плохих вариантах, где содержание былины комкается, эпизод проезда Ильи мимо терема Соловья совершенно опускается, Рыбников, № 82 — Гильфердинг, № 104.

⁸³ Марков, № 107 и др.

⁸⁴ Большинство вариантов

⁸⁵ Вариант Кириши Данилова — Киреевский, I С 45 «говорят тут могучие богатыри «В очах детина замирается» и пр., ср. Григорьев, № 312 слова Олеси Поповича; ср. Григорьев, № 38 слова Чурилы

⁸⁶ Тихонравов — Миллер. Записи XVII и XVIII вв. № 1, 2, 3, Рыбников, № 61, 82, Марков, № 1. Гильфердинг, № 56, 212 и некоторых др., из них варианты Рыбников, № 61, 82 — Гильфердинг, № 104 — Рыбников, № 103 — принадлежат к совершенно упادочным и бледным, содержание их (несколько стихов) ограничивается очень сухим и сжатым пересказом самого остова былины с большими провалами

⁸⁷ Рыбников, № 127, Былины новой и недавней записи, № 1. Тихонравов — Миллер, II № 1, Киреевский, I С 77—86

лины всегда сохраняются одни и те же внутренние тенденции. Так мы заметили, что при большом разнообразии начала былины она всегда сохраняет подробность, несущую функцию напряжения и подготовки к главнейшему и центральному эффекту целого. Обстоятельства выезда Ильи, название города и народа, с которыми ему пришлось столкнуться на пути, безразличны, однозначны для художественного интереса былины,— и все это свободно меняется или забывается передатчиком: город — то Себеж, то Чернигов, то Смоленск и пр.; сила — то татарская, то басурманская, то литовская, то просто поганая, то рать каких-то трех королевичей или царевичей, а вот она совершенно устранена, и Илья мирно проезжает через город, или через деревню Обалковщину, вот и самый город затерялся и заменился разбойниками, в других случаях обошлось и без них,— но везде почти неизменно Илья так или иначе получает предостережения, слышит угрозы о страшном Соловье, о победном столкновении, с которым былина поведет речь в дальнейшем.

Далее, в эпизоде столкновения Ильи с детьми Соловья меняются обстоятельства столкновения (у берега или в пути, дочери или сыновья, или зятья, количество тех и других, имена, условия встречи и пр.), но внутренняя значимость этих вариаций остается одна и та же. Нужно было удивление пред Илей-победителем. Не все ли равно от дочерей, или сыновей, или зятьев оно будет исходить, раньше или немного позже, двое их или сорок сороков,— это не меняет внутреннего смысла эффекта. Но вот узнавание и неумение сразу отличить, кто кого ведет — Илья Соловья или Соловей Илью, недоумение резонирующей среды, якобы не ожидавшей успеха Ильи и теперь пораженной им, эта психологическая настроенность эпизода ближайшим образом относится к пафосу, которым дышит вся былина, и это в вариантах за всеми перемнами остается и живет в одном и том же тоне и смысле при всех переменах конкретности, дающей внешнее обнаружение.

В том же мотиве живут в былине знаки покорности побежденного Соловья, и они остаются и повторяются и даже не в одном месте. Удовлетворенный и упоенный победой Ильи, сказитель любит беспомощностью и подавленностью прежде страшного, а теперь в «горсти зажатого» Соловья. Соловей, при всех изменениях,

одинаково удерживает своих дочерей, сыновей, зятьев и пр. от нападения на Илью⁸⁸. Неизменно покорным Илье (и только ему одному! — иначе не было бы исключительности) Соловей остается и в Киеве: только ему подчиняется, к остальным всем дерзок и открыто враждебен. Приезд Ильи в Киев всегда скомпонован как демонстрация его победы. Здесь в особенном восторге выписывается впечатление приезда (недоверие, суетливость, испуг Соловья и пр.). Для всех, кроме Ильи, Соловей сохраняет весь ужас и силу, лишь сам Илья «смеется во всю голову».

В показаниях конечной судьбы Соловья былина непостоянна: то, придумывая новый предлог гнева Ильи (ослушание Соловья: вместо того, чтобы засвистать в полсвиста, засвистал в полный свист; жалость к Владимиру и просьба его оставить хоть на семена; гнев за вероломное хвастовство и пр.), она заставляет его убить Соловья, то отпускает его (плохо мотивируя это, очевидно, не зная, как с ним поступить), то просто не договаривает его судьбы. Что убийство Соловья не является органически вытекающим из художественной основы былины, ясно из той неуверенности и непостоянства, с которым дается мотивировка расправы Ильи. В одних вариантах как будто Соловей сам напрашивается на это: он сам называет себя разорителем-разбойником и тем самым навлекает на себя возмездие Ильи⁸⁹. В других Соловью приписывается вероломство: раньше он уже отказался от соперничества с Ильей, а теперь еще раз хочет его оглушить свистом⁹⁰, — Илья гневается и разрывает его на части. Третьи варианты заставляют Илью покончить с Соловьем из сожаления к Владимиру и к его гостям. В каждом из этих случаев *мотивы* убийства стоят вне связи с целым замыслом былины. Отсюда такое непостоянство.

⁸⁸ «Видно я попал да во крепки руки, теперь уйти да мне некуда» (Рыбников, № 127).

⁸⁹ Князь предлагает Соловью воеводство в Киеве, Соловей отвечает, что его сердце «разбойнишко» и киевляне будут от него «в'ояти» (взывают); князь посылает его «строителем» в Благовещенский монастырь Соловей чистосердечно признается «А не строитель я буду, монастырю разоритель ведь» (Гильфердинг, № 56); То же см.: Рыбников, № 116

⁹⁰ Тихонравов — Миллер, II. № 1 и др.

Бесчисленные стилистические вариации происходят в пределах единой общей направленности. Меняя конкретно образные детали, былина оставляет неизменным тот эстетико-психологический эквивалент, который они в себе несут в каждом данном случае. Соловей чаще всего поражает врага шипом змеиным, рявканьем звериным, свистом соловьиным, мызганьем собачьим⁹¹, покриком львиным⁹², иногда он, кроме этого, бьет к ладони⁹³, иногда глотает по богатырю с конем⁹⁴. Наглядная фиксация впечатления свиста по деталям разнообразна. От «крика звериного», «шипа змеиного», «свиста соловьиного», «мызганья собачьего», «покрика львиного» и пр. стонет мать сыра земля, река мутится песками⁹⁵, леса «рякуают»⁹⁶, с леса лист летит, у Ильи конь всегда или спотыкается или падает на колени. Когда Соловей свищет в Киеве, последствия этого бывают еще разнообразнее. В одних вариантах сказитель более лаконичен, в других менее, один более изобретателен в проявлениях страха и ужаса, другой довольствуется хоть немногими, но всегда сильными чертами. В былине Тупицына бояре оглушаются и падают «на кирпичат пол», «все окошечки повылетели, новая палата вскрылася»⁹⁷. Былина Никитина это заменяет иной и тоже очень короткой картинкой: «Все на пиру лежат без памяти, Владимир шатается», казак издивляется, усмехается⁹⁸. У Никифора Прохорова князья-бояре «все мертвы лежат», Владимир «заходил раскорякою», «ходит князь, ему (Илье) молится: «уйми» и пр. Былина талантливого Сорокина дает особо яркое и сильное нагнетание резонирующего эффекта в исключительном множестве конкретных деталей:

«Закрывал Соловей в полкрику,
По всему по городу по Киеву
Стары терема повалилися,
Новы терема пошаталися,
Околенки с окошечек посыпались;
У Солнышка князя у Владимира
Во палатах ни одна околица

⁹¹ Рыбников, № 116

⁹² Рыбников, № 110

⁹³ Киреевский, I С 78, 83

⁹⁴ Марков, С 532, № 107

⁹⁵ Рыбников, № 127, 139

⁹⁶ Былины новой и недавней записи, № 2.

⁹⁷ Тихонравов — Миллер, II. № 1.

⁹⁸ Рыбников, № 110.

В окошках не миинуется,—
 Все повывлетели на улицу,
 По всему еще по городу по Киеву
 Бережи кобыты жеребились,
 Поносны бабы разродились,
 На честном пиру князя бояра [сенаторы] думны,
 Вельможи, купцы богаты,
 Поляницы удалы,
 Россейски могучи богатыри,
 Все они на зени лежат,
 Сам князь плавает окаракою
 Старой козак смеется во всю голову
 Как вси поросплавались,
 Как все они да порозмалтались,
 Все по стульям, по скамейкам покарabalлись» ⁹⁹

В описании дорожки прямоезжей или грозного облика супротивника Ильи — Соловья Разбойника преимущественные колебания наблюдаются в цифрах арифметической выразительности прямоезжая дорожка, кроме тех неудобств, которые она представляла путнику (заколодела, замуравела, на ней грязи черные, леса дремучие, мосточки поломаны и пр.), меняет рассогнание ¹⁰⁰

Устрашающее впечатление Сотовья, очевидно, должно было заключаться в его огромных размерах. Конкретная неопределенность при полной внутренней однозначности сказалась в разнообразии и непостоянстве места сидения Соловья. Соловей сидит то на дубу ¹⁰¹, то на трех дубах ¹⁰², — на шести ¹⁰³, на семи ¹⁰⁴, одновременно на трех и семи дубах ¹⁰⁵, — на девяти ¹⁰⁶, на двенадцати ¹⁰⁷, на тридевяти ¹⁰⁸, на сорока ¹⁰⁹

⁹⁹ Рыбников, № 127

¹⁰⁰ Пятьсот верст, триста верст, тысяча верст и др., иногда счет ведется на дни «скоро гонцы гоняют через двенадцать дней, воловым шагом — два месяца» (Тихонравов — Миллер, II, № 2)

¹⁰¹ Рыбников, № 4, 191 Гильфердинг, № 74

¹⁰² Киреевский, I С 30, Гильфердинг, № 212, Рыбников, № 61, 127, 170

¹⁰³ Гильфердинг, № 171

¹⁰⁴ Киреевский, I С 41, Рыбников, № 110, 116, 139, Гильфердинг, № 56, 210, Тихонравов — Миллер, II № 5

¹⁰⁵ Рыбников, № 61

¹⁰⁶ Киреевский, I С 42, IV С 3

¹⁰⁷ Гильфердинг, № 3, 104, 120, 274, Киреевский, I Прилож С XIX

¹⁰⁸ Киреевский, I С 36

¹⁰⁹ Рыбников, № 82

В том же арифметическом разнообразии представляются сыновья Соловья. иногда их семь¹¹⁰, иногда девять¹¹¹, иногда двадцать семь¹¹², иногда «сорок сынов со единым»¹¹³ и пр

Былина иногда осложняется контаминированными эпизодами эпизод с голями, эпизод с Идолищем и др.

В эпизоде с голями имеем пример, когда былина втягивает в себя эпизод из общего эпического запаса и приурочивает ему функции, соответственные общей художественной задаче данного рассказа. Эпизод с голями в былине о Соловье превратился в апофеоз Ильи, только что явившегося с побежденным Соловьем в Киев. Эпизод ссоры Ильи с Владимиром былина здесь обработала в интересах того же эффекта недооценки, недоверия и последующего затем раскаяния, удивления, признания и преклонения

В былине Тупицына¹¹⁴ оказанное недоверие Илье «за беду стало, за великую досаду показалось, надевал он черну шляпу, вон пошел» Князь Владимир попытался было его вернуть, наливая уже ему «чару зелена вина», но Илья уже не принял его угощения. «На приходе ты гостя не употчивал, на походе ты гостя не учествуешь» И сейчас же «зашел старый на царев кабак, пил гулял трои суточки» Раскаившийся Владимир посылает за Ильей верного ключничка: «Позови ты его на почестный пир, позови ты его честнешенько, и кланяйся ему низешенько» «Старый вернулся»; далее былина дает обычную ситуацию демонстрации силы Соловья и этим кончается

Тот сравнительно небольшой каприз Ильи, который мы наблюдаем у Тупицына, в былине сказителя Сорокина¹¹⁵, вырастает в целый бунт и апогей независимости и славы. Нужно было заявить исключительность. Отсюда этот отказ сесть «на нижний конец» и хлеба кушать «с воронятами» Отсюда легкая расправа с богатырями, приступившими было к нему, чтобы вывести (махнул рукой — «все богатыри на земле лежат, кои

¹¹⁰ Киреевский, I С 80 Рыбников, № 170

¹¹¹ Киреевский, I С 43, прилож С XI и XXXIII.

¹¹² Тихонравов — Миллер, I № 1

¹¹³ Рыбников, № 139

¹¹⁴ Тихонравов — Миллер, II № 1

¹¹⁵ Рыбников, № 127.

мертвы, ины плавлют окаракою») Отсюда стрельба по окошечкам, по маковкам терема Владимира и дебоширство в кабаке. Его товарищи-голи тут «да сумлялися»: «Что-то нам от князя да будет, что-то нам от князя достанется, проживаем мы его до маковки!» Но Илье, конечно, не страшна князь «Пейте вы, голи, не сумляйтесь: я завтра буду в Кieve князем служить, а у меня вы будете предводителями» Между тем на дворе Владимира уже заметили «чудо чудное, диво дивное» «как стоит тут у правые стремяны, стоит проклятый Соловей» К Илье идут послы с приглашением на почестен пир После новых угроз и требований Ильи снова сидит у Владимира И потянулись к Владимиру князья, бояре, сенаторы думные, вельможи, купцы богатые, поляницы удалые, могучие богатыри — «все едут к солнышку князю Владимиру, а едут-то посмотреть удалого добра молодца, старого казака Илью Муромца» Илья сидит на пиру, ест, пьет, прохлаждается¹¹⁶

Не может быть сомнения, что и самое вовлечение этого мотива в былинну о Соловье и его развитие в новом нарастании деталей вызвано разворачиванием все той же тенденции былинны, которая составляет ее патетический центр во всех других раньше отмеченных деталях

Что касается сводных былин, в которых похождение Ильи с Соловьем Разбойником соединяется с его другими подвигами¹¹⁷, то напрасно искать в таком соединении художественно осмысленной спайки Каждый из этих эпизодов имеет свой центр (победный подвиг Ильи), и все они существуют в составе эпоса самостоятельно как особые былины¹¹⁸ Построение каждого из таких эпизо-

¹¹⁶ К этому варианту очень близок вариант, записанный Шайжиным (см. Былины новой и недавней записи, № 1 С 1—9, несколько иные детали см. Киреевский, 1 С 77—86)

¹¹⁷ Со встречею и расправою с разбойниками Киреевский, 1 С 25—30, 31—34, Рыбников, № 103, Гильфердинг, № 171, 274, Марков, № 1, Григорьев, № 360, 312, 393, Ончуков, № 19, Григорьев, № 171, 274 и 398 указаны Вс Миллером ошибочно (см. Миллер Вс Указ соч), Со встречею и расправою с коварной девицей Григорьев, № 360, Гильфердинг, № 171 — Рыбников, № 110, расправа с Идолищем Тихонравов — Миллер, 1 № 5, Былины новой и недавней записи, № 3 Гильфердинг, № 120, Тихонравов — Миллер, II № 7

¹¹⁸ Ср. Миллер Вс Указ соч С 170—176

дов собрано и осмыслено, замкнуто и независимо от других. По-видимому, у певца художественного замысления хватает только на разработку каждого подвига в отдельности, соединение же их совершается без всякой эстетической принципиальности по мотивам как бы биографической любознательности: ради желания что-либо знать и передать из жизни заинтересовавшего героя¹¹⁹. На биографические задачи такого соединения указывает обычай некоторых сказителей всякий подвиг Ильи (в том числе и похождение с Соловьем Разбойником) начинать с самого первого пункта его богатырской карьеры — исцеления его странником¹²⁰.

Нужно заметить, что таким же внутренне обособленным и лишь внешне прикрепленным к былине об Илье и Соловье Разбойнике, является эпизод освобождения Ильей города (Себежа, Кидоша, Чернигова и пр.) от басурманской рати. Правда, кидошцы (себежцы, черниговцы и пр.) говорят Илье о трудностях дороги их словами, следовательно, делается подготовка к подвигу, но это чисто внешняя связь: о трудности дороги предупреждение могло выйти от всякого встречного, для этого не нужно было биться с полчищами поганой силы (что, как мы видели, и опускается сплошь и рядом). Бой с вражьей силой здесь, несомненно, имеет самостоятельное значение, дальнейшее содержание былины без него ничего не теряет и сам этот эпизод ничего не приобретает от соединения с рассказом о Соловье Разбойнике¹²¹. И действительно, в своей внутренней архитектонике эпизод разработан в той же манере и приемах, как это и нужно было ждать от всякого самостоятельного построенного повествования о подвиге. Здесь так же, как и везде в таких случаях, центральному событию

¹¹⁹ Ср приемы биографической композиции авантурных повестей

¹²⁰ Былины новой и недавней записи Приложение № 2 С 285—288; Рыбников, № 139, 51, 190, Киреевский, IV, С 1—16, Гильфердинг, № 120 Григорьев, № 399; Ончуков, № 19, 53, Тихонравов—Миллер, II С 1, примечание 1

¹²¹ В одном из вариантов Киреевского (1, 77—86) эпизод освобождения города, действительно, оказался помещенным после рассказа о похождении с Соловьем Разбойником — О самостоятельности этого эпизода ср соображения Вс Миллера (Миллер В Ф. Очерки. Т 1. С. 369).

(бой и победа) предшествует подготовка, вызывающая опасение и дающая ситуацию опасности и напряженного ожидания; а после подвига дано признание и удивление пред героем. Подготовка присутствует в описании обступившей силы. Редко сказитель ограничивается одним голым указанием на эту силу¹²², в большинстве же случаев былина применяет все свои средства, чтобы создать впечатление угрозы и любимый эффект неожиданности и удивления. Трофим Рябинин картину грозной и густой массы вражьей силы сумел передать густым разлитием черноты вокруг Чернигова:

«Под Черниговом силушки черным черно
Черным черно, как черна ворона»¹²³.

Но он же в варианте, пропетом Гильфердингу, к этому прибавил резонанционные эффекты:

«Там пехотою никто тут не прохаживат,
На добром кони никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват»¹²⁴.

Другие сказители в том же задании пользуются иными рефлексам: «Во пару-дыму лошадином днем не видно красного солнышка, а ночью светлого месяца, около серому заюшку не обскакать, ясному соколу не облететь»¹²⁵. Впечатление ужаса, подавляющей безвыходности и неустрашимости упавшей беды передается состоянием горожан: «ходят они во слезах во великих, приходит на них кроволитье великое» и пр.¹²⁶, «они каются да причащаются, на смертную казнь снаряжаются»¹²⁷, «а ворота городовые кругом все заперты... заложены; а звонят только один да тут плакун-колокол; да попы-ти веть поют в церкви, мешающье, а дьещки-ти поют, тут заекающье, а мужики-ти во слезах тут да захлебающь-

¹²² Как это, например, в варианте Тихонравова — Миллера. II. № 1: «Подступила сила поганая. Бил, топтал он силу поганую, бил топтал трои сутки» и пр.

¹²³ Рыбников, № 4.

¹²⁴ Гильфердинг, № 74.

¹²⁵ Рыбников, Сорокин. № 127. Ср.: Савинов А.: «ворону в три году вокруг, серому не облететь, волку не обскакать» (Рыбников № 170).

¹²⁶ Рыбников, № 116.

¹²⁷ Рыбников, № 139, № 61; ср.: Гильфердинг, № 56.

се»¹²⁸. Иногда рисунок подавленных и ужасающихся горожан дается уже после того, как враждебная рать Ильей перебита. Перескочив с конем прямо через запертую стену города, Илья предстает перед плачущими и жающимися горожанами; иногда здесь они рассказывают ему о своем несчастье: обступила их сила великая и вот они теперь «со белым светом прощаются». Илья ведет их на городовую стену: «Ай посмотрите-тко на чисто поле, нынь на тую силу великую». Горожане поражены: видят они, «как народу тут прибито, приранено, да привалено, будто в лисях как нива присичена». «Ай оны вси ему как низким низко кланялись»¹²⁹.

В других случаях удивленные и обрадованные горожане отворяют ворота, торжественно выходят навстречу Илье, спрашивают, кто он, как его зовут по имени по изотчеству, и предлагают ему честные подарочки: чашу красна золота, другую чиста серебра, третью скатна жемчуга¹³⁰; выносят ему ключи на блюде, на золоте и предлагают ему остаться у них воеводою¹³¹, иногда «князем»¹³², «атаманом в городе управителем»¹³³, «царем царить», «седоком сидеть»¹³⁴, суды судить, ряды рядить¹³⁵, «хощь князем... хощь боярином, хощь купцом у нас слови, гостем торговыма»¹³⁶; князем, королем, барином, крестьянином¹³⁷, «полным хозяином: золота тебе казна незапрещенная, уже что тебе угодно, то и сотворяй»¹³⁸; обещают «понтъ до пьяна, кормить до сыта, денег давать до любви»¹³⁹, в варианте Калинина Илью принимает князь Черниговский и дарит ему «орудию да богатырскую... копье да ему вострое да... саблю ему вострую»¹⁴⁰, иногда выход горожан хоть и обстав-

¹²⁸ Григорьев, № 360.

¹²⁹ Гильфердинг, № 210; Рыбников, № 127; ср.: Былины новой и недавней записи. № 2.

¹³⁰ Гильфердинг, № 56; Григорьев, № 360; Рыбников, № 139 и другие.

¹³¹ Рыбников, № 116, 170, 139; Гильфердинг, № 74; Рыбников, № 4 и др.

¹³² Гильфердинг, № 66.

¹³³ Григорьев, № 360.

¹³⁴ Марков, № 107.

¹³⁵ Рыбников, № 61.

¹³⁶ Марков, № 68.

¹³⁷ Гильфердинг, № 210; Ср.: Тихонравов — Миллер.

II. № 5.

¹³⁸ Гильфердинг, № 212.

¹³⁹ Рыбников, № 116.

¹⁴⁰ Гильфердинг, № 3.

ляется особенно торжественно («И во том во городе во Кидоше выходили попы, отцы дьяконы, выносили образа и иконы святы, и служили они службу молебную: «То ли город наш Бог защитил, то ли ангел святой, и выбил, вытоптал силу поганую»), но предлагают ему только «хлеб-соль кушати»¹⁴¹. Очевидно, предложения воеводства, княжества и вообще те, а не иные формы удивленной и благодарной признательности никакого конкретного значения не имеют, для выражения нужного сказителю настроения важен лишь их эмоциональный вес.

6

В былине об *Илье и Идолище* большое непостоянство мы замечаем в следующих деталях а) меняется место действия Царьград¹⁴², Киев¹⁴³, Новгород¹⁴⁴, Любцов¹⁴⁵, Еросолим¹⁴⁶, Идольское царство¹⁴⁷, на Непре реке или в поле¹⁴⁸, без указания места¹⁴⁹, б) меняются имена действующих лиц Владимир — Константин Боголюбович, Константин Атаульевич¹⁵⁰, Василий Сурывленнин¹⁵¹, Василий Боголюбович¹⁵², царь Любцов¹⁵³, каличище Иванище — Игнатьище — Иван сын Игнатьев — Данило Игнатьевич — Василий упыансливый¹⁵⁴ или просто калика; Идолище (Едолищо, Одолищо), Издо-

¹⁴¹ Тихонравов — Миллер, II № 1

¹⁴² Рыбников, № 175, 118, 140, Гильфердинг, № 48, 196, 220, Тихонравов — Миллер, II № 13, Григорьев, № 112, Богораз В Г Изв II отд Ак Н Т VII С 45—46

¹⁴³ Киреевский, I С XXI, XXXIV, Рыбников, № 6, 62, Гильфердинг, № 4, 22, 106, 144, 178, 186, 245, Киреевский, IV С 18—21 Тихонравов — Миллер, I С 23, Григорьев, № 323, 418, 349, 355, Марков, № 43, 44, 92, Ончуков, № 20, Афанасьев, № 174

¹⁴⁴ Былины новой и недавней записи № 4, приложение, № 9

¹⁴⁵ Марков, № 69

¹⁴⁶ Киреевский, IV С 22, Тихонравов — Миллер, II. № 13

¹⁴⁷ Рыбников, № 87, Киреевский, IV С X

¹⁴⁸ Гильфердинг, № 63, 218, Рыбников, № 24, 130, 131

¹⁴⁹ Гильфердинг, № 245, Тихонравов — Миллер, II № 7 Рыбников № 24

¹⁵⁰ Григорьев, № 112

¹⁵¹ Тихонравов — Миллер, II № 13

¹⁵² Тихонравов — Миллер, II № 13.

¹⁵³ Марков, № 69

¹⁵⁴ Гильфердинг, № 186

лина, Чудищо Полканищо¹⁵⁵, Угарищо¹⁵⁶, Данидонищо¹⁵⁷, Обжорищо хлебоядная¹⁵⁸, Батыга Батыгович¹⁵⁹; с) Идолище представляется то в виде неизвестного диковинного чудища¹⁶⁰, то царища или татарина, владеющего военной ратью¹⁶¹; д) он оказывается или уже осуществляющим насилие¹⁶², или предварительно угрожающим¹⁶³; е) Идолище бывает богатырем-поединщиком, полякующим в поле¹⁶⁴, или богатырем, облагающим город и вызывающим себе поединщика через посла¹⁶⁵; ф) разнообразно объясняются причины отсутствия Ильи и других богатырей: Илья или на охоте¹⁶⁶, или просто гуляет в поле¹⁶⁷, блуждает в окрестностях Царьграда¹⁶⁸; поехал вместе с другими богатырями провожать царя Греции после женитьбы кн. Владимира¹⁶⁹; Илья едет оследовать правду о Сухмантии¹⁷⁰; Илья, поссорившись с Владимиром, посхал в «цюжу сторону», или в изгнании живет у себя на родине¹⁷¹; Илья является для расправы с Идолищем или случайно узнав от калики о его засилье¹⁷², или направляется в Киев сам по особому предчувствию¹⁷³; весть об Идолище из Царь-

¹⁵⁵ Киреевский, I. С. XXXIV.

¹⁵⁶ Ончуков, № 20.

¹⁵⁷ Былины новой и недавней записи, приложение № 9.

¹⁵⁸ Там же № 3

¹⁵⁹ Гильфердинг, № 245

¹⁶⁰ Киреевский, IV С 22, Рыбников, № 24, 87; Гильфердинг, № 48, 196, Марков, № 69 и др.

¹⁶¹ Гильфердинг, № 4, 22, 196; Рыбников, № 6; Марков, № 43, 44

¹⁶² Гильфердинг, № 48, 144, 178, 186; Киреевский, I. С. XXI, XXXIV; IV. С. 18, 22, Былины новой и недавней записи. № 4, Там же, приложение, № 9, Григорьев, № 90, 349, 355, 418; Марков, № 69, 92, Ончуков, № 20; Тихонравов—Миллер, II № 13; Афанасьев, 174

¹⁶³ Рыбников, № 6; Гильфердинг, № 4, 22, 196, Марков, № 43, 44, Григорьев, № 323.

¹⁶⁴ Гильфердинг, 218; Рыбников, № 24

¹⁶⁵ Рыбников, № 6; Марков, № 43, 44; Гильфердинг, № 4, 22, 196, 245

¹⁶⁶ Гильфердинг, № 144; Рыбников, № 62.

¹⁶⁷ Киреевский, IV С 18; Марков, № 92; Тихонравов—Миллер, I. С. 22, Киреевский, I, приложение. С. XXI,

¹⁶⁸ Гильфердинг, № 4

¹⁶⁹ Григорьев, № 349

¹⁷⁰ Гильфердинг, № 63.

¹⁷¹ Григорьев, № 355; Ср. Марков, № 43, 44.

¹⁷² В большинстве вариантов.

¹⁷³ Марков, № 43.

града или сама зашла «за реку Москву, в Киев град»¹⁷⁴, или князь посылает за Ильей, прося помощи¹⁷⁵, или сам идет за Ильей¹⁷⁶; иногда Илья сам, без всякого повода, без мотивов освобождения от засилья, направляется сам в дом, или царство, где живет Идолище¹⁷⁷; г) калика — вестник Ильи или сам непосредственно наблюдает засилье Идолища, или ему об этом сообщает какой-то татарин¹⁷⁸.

При всем разнообразии начала былины, всегда впереди ее помещено описание Идолища. Чаще всего это делается через калику, встречаемого Ильей, иногда описание делается непосредственно самим рассказчиком¹⁷⁹, и тогда калику Илья встречает только затем, чтобы переодеться; так бывает обычно в тех вариантах, где Идолище представлен наездником с басурманской ратью, вызывающим себе супротивника¹⁸⁰.

В описании Идолища все средства былинной поэтики направляются к тому, чтобы выдвинуть его образ в чертах наиболее подавляющих. Обычное его описание варьируется лишь или в цифрах арифметической картинности: «в долину две сажени печатных, а в ширину сажень была печатная»¹⁸¹, три сажени¹⁸², пять сажен¹⁸³, семь сажен¹⁸⁴; в длину шесть сажен и в ширину трех сажен, меж ушами сажень с локотью, меж глазами пядя мерная, меж ноздрями калена стрела¹⁸⁵; — или в предметах, с которыми сравнивается величина частей его тела: «а голова у татарина как пивной котел, а глазища у татарина как кислый пирог»¹⁸⁶, голова — лохань, нос с локоть¹⁸⁷, «голова — воротовой котел, сам похож на тучело»¹⁸⁸, «носище как палка дровокольная»¹⁸⁹, туловище «будто куча сена, несметная»¹⁹⁰, го-

¹⁷⁴ Григорьев, № 112.

¹⁷⁵ Григорьев, № 323.

¹⁷⁶ Григорьев, № 355.

¹⁷⁷ Рыбников, № 87; Тихонравов — Миллер, II. № 7.

¹⁷⁸ См., напр. Рыбников, № 118; Гильфердинг, № 48.

¹⁷⁹ См., напр. Гильфердинг, № 106.

¹⁸⁰ Марков, № 43, 44, 92; Рыбников, № 6 и др.

¹⁸¹ Гильфердинг, № 48.

¹⁸² Ончуков, № 20.

¹⁸³ Григорьев, № 90.

¹⁸⁴ Григорьев, № 323.

¹⁸⁵ Гильфердинг, № 186.

¹⁸⁶ Гильфердинг, № 144.

¹⁸⁷ Гильфердинг, № 48.

¹⁸⁸ Григорьев, № 349.

¹⁸⁹ Киреевский, IV. С. 22—38.

¹⁹⁰ Тихонравов — Миллер, Т. II. № 13.

дова с овин¹⁹¹; или в количестве, густоте и выразительности тех увеличительных форм имен существительных, которые обычно более всего нагромождаются именно около этого героя. «ножище как бы лыжища, ручище да как быть граблище»¹⁹², «ушища у его, как царски блюдища, ручища у его, как будто граблища, ножища у его словно кичинища»¹⁹³; «к царице сидит он лицинищом, а к царю сидит он хребтинищом»¹⁹⁴, — или в различных проявлениях и формах его засилья и в различных рефlekсах окружающей резонирующей среды: царя Константина Атаульевича «сковали железами немецкими, Опраксию в полон взяли»¹⁹⁵, «Владимира в полон, в тюрьму сажил»¹⁹⁶, к царю сидит хребтинищем, к царице лицинищем¹⁹⁷, князя Владимира «в замки сажил»¹⁹⁸; иногда «держит Владимира на кухне повором»¹⁹⁹, царицу оставляет при себе. «Анастасию королевишну при себе имел и сидел с ней в зале, зале хорошее»²⁰⁰; чаще наглость Идолища в этом случае выражается более грубо: «на коленях держит царицу-то Белолубиху, по локоть-то держит руки в пазухи»²⁰¹; Идолище запрещает просить милостыню, «нет от него четья-петья церковного, звону колокольного», «святый образа были поколоты, в черныи грязи были потоптаны, да в божьих церквах там коней кормят»²⁰². В резонанции обычны краски безнадежности и отчаяния: все

¹⁹¹ Былины новой и недавней записи, приложения № 9.

¹⁹² Григорьев, № 112

¹⁹³ Ончуков, № 20

¹⁹⁴ Гильфердинг, № 196 Эпитеты Идолища всегда с тенденцией устрашения великое (Гильфердинг № 186, Григорьев, № 90, Гильфердинг, № 4), страшное, проклятое (Киреевский IV. С 22), поганое (Ончуков № 20) и др

¹⁹⁵ Григорьев, № 112.

¹⁹⁶ Григорьев, № 349

¹⁹⁷ Гильфердинг, № 196.

¹⁹⁸ Григорьев, № 418

¹⁹⁹ Марков, № 69

²⁰⁰ Григорьев, № 349

²⁰¹ Марков, № 69 С 356, то же Киреевский, IV. С. 19; то же Григорьев, № 323, III С 111, № 418, III С. 620, еще грубее Ончуков, № 20 С. 89

²⁰² Гильфердинг, № 48, Киреевский, IV С. 22

от Идолища отступились, никто не смеет встать «в супор ему», Иванище, которого былина делает также не малым богатырем²⁰³, и тот не посмел ему «в супор слова молвити»²⁰⁴. Владимир беспомощно подчиняется, «слезами уливайтце»²⁰⁵, «неце говорить не смет»²⁰⁶. Там, где Идолище представляется наезжим насильником, он посылает обычные ярлыки с требованием и угрозами «под мечь склонить, под дым спустить, головушки повырубить»²⁰⁷. В Киеве в это время ужас и трепет. «Тут Владимир князь ужахнулся, приужахнулся да и закручинился»²⁰⁸.

В этой былине эффект неожиданности несомненно усиливается переодеванием Ильи каликой, и этот момент поведения Ильи почти никогда не опускается. Даже там, где, благодаря изменениям в других частях быliny, переодевание совершенно не подходит и даже противоречит создавшейся ситуации, все же оно сохраняется при всех иногда вытекающих отсюда натяжках и нелепостях. Естественна была такая предусмотрительность Ильи при встрече с каликой в поле, в целях наиболее удобного и незаметного проникновения в город, где засел насильник. Но былина в применении переодевания не ограничивается этим случаем. Илья переодевается иногда до встречи с каликой и уже потом на пути к Идолищу встречает Иванище и берет у него клюку в 90 пуд²⁰⁹; иногда, уже зная все об Идолище, Илья встречает калику только для переодевания²¹⁰; иногда уже в городе Илья ищет калику, чтобы взять у него клюку²¹¹; иногда Илья переодевается уже перед самым крыльцом терема:

²⁰³ Клюшка у него сорок пуд (Гильфердинг, № 48, 141; Тихонравов—Миллер, № 13; Григорьев, № 112); подорожная дубина девяносто пуд без единого (Тихонравов—Миллер, № 13); «гуня на нем в пять сот пуд, шляпа в тридцать пуд, костыль сорока сажен» (Тихонравов—Миллер, I. № 5).

²⁰⁴ Гильфердинг, № 232, 4; Тихонравов—Миллер, II. № 13.

²⁰⁵ Марков, № 43 С 216.

²⁰⁶ Ончуков, № 20 С 89.

²⁰⁷ Григорьев, № 323.

²⁰⁸ Рыбников, № 6.

²⁰⁹ Там же

²¹⁰ Гильфердинг, № 106.

²¹¹ Марков, № 43, 44.

«Тут вдруг приехал сильный-могучей Илья Муромец,
Приехал же, стал ко красну крыльцу;
Он оделся же сам да фсе каликою,
Он каликою оделся и прохожею»²¹².

Однажды в поле, повстречав Перегритмище, Илья сразу без всякой причины просит его платье и только потом «под облакой» завиднелось Идолище, с которым он и должен был сразиться и опять непременно в каличем платье²¹³. Иногда уже переодевшись, Илья еще ничего не знает об Идолище, и все же непременно в таком переодетом виде направляется в кабаки царские; там кутит с голями, закладывает свой крест и лишь потом, по просьбе Владимира²¹⁴, или без этого, сам, своей волею²¹⁵, приходит к княжескому терему, просит милостыню и совершает свою обычную расправу над Идолищем. Иронический разговор Ильи с Идолищем о еде почти во всех вариантах сохраняется неизменно, варьируясь лишь в стилистических частностях. Идолище кушает по семи пудов, пьет по целой кадке²¹⁶, хлеба есть по три печи печеных, «семь печей калачей до сорок мякушечек»; вина пьет по три ведра мерных²¹⁷, «по бочке выпиваю я пива пьяного, а по лебедю я сразу закусываю»²¹⁸, «по быку семилетнему»²¹⁹, «по быку сторублевому»²²⁰, «ел по три коровы вольно яловицы, да по три ведра пива я пью»²²¹, «по семи пудов хлеба ест, ест по три быка яловика»²²². Насмешка Ильи сохраняется почти неизменной, лишь изредка обжорливая корова батюшки, с которой сравнивается Идолище, заменяется крестьянской свиньей²²³, собакой²²⁴, кобылой²²⁵, лошадей²²⁶.

²¹² Григорьев, № 349. Т. III. С. 248.

²¹³ Рыбников, № 24.

²¹⁴ Григорьев, № 355.

²¹⁵ Ончуков, № 20.

²¹⁶ Гильфердинг, № 22.

²¹⁷ Там же № 48.

²¹⁸ Тихонравов—Миллер, № 13.

²¹⁹ Рыбников, № 130.

²²⁰ Григорьев, № 112.

²²¹ Гильфердинг, № 196.

²²² Рыбников, № 140; ср: Афанасьев, № 174.

²²³ Гильфердинг, № 106.

²²⁴ Там же. № 186; Ончуков. № 20.

²²⁵ Афанасьев, № 174; Киреевский, I. С. XXI; Тихонравов—Миллер, I. С. 24.

²²⁶ Гильфердинг, № 218.

Былина кончается расправой над Идолищем: Илья обычно убивает Идолище шляпой²²⁷, кивером²²⁸; иногда встряхивает его выше буйной головушки за желты кудри²²⁹; убивает клюкой²³⁰, колпаком²³¹, саблей²³², шапочкой и саблей²³³;

«Позывел татарина во чисто поле,
Ай тропнул его единой рукой,
Ай только татарин ведь жив бывал»²³⁴;

берет за ноги и «туловом» его перебивает татар²³⁵; голову вывозит за город и втыкает на железный прут²³⁶. В одном варианте в решительный момент, когда Илья уже кинул шляпу, его схватывают и заковывают «залезами немецкими»; Илья взмолился Спасу, и тогда уже «приломал все залеза немецкие», прибил всех и выкидывал тулова «окошецьком на улоцьку»²³⁷. Былины об Идолище поганом почти всегда кончаются последним ударом Ильи:

«Увалилосе Издолишшо проклятое
Да и прямо увалилосе простенком вон
И тут же Издолишшу славы поют»²³⁸.

Иногда к этому прибавляется несколько слов об очищении города и благодарность Илье от Владимира — Константина Боголюбевича и пр. Владимир устраивает пир в честь героя:

²²⁷ Там же. № 232; Григорьев, № 418; Рыбников, № 6; Марков, № 43. Тихонравов — Миллер, I. С. 22; Афанасьев, № 174; Киреевский, I. С. XXII; С. XXXIV; Киреевский, IV С. 32; Былины новой и недавней записи. № 3, 4. Приложенис, № 9

²²⁸ Гильфердинг, № 106.

²²⁹ Гильфердинг, № 144, 178, 218

²³⁰ Рыбников, № 24; Гильфердинг, № 4; Марков, № 44; Григорьев, № 355 (предварительно вытащив его из комнаты).

²³¹ Рыбников, № 87; Григорьев, № 138; Оичуков, № 20

²³² Марков, № 92.

²³³ Григорьев, № 349.

²³⁴ Гильфердинг, № 186.

²³⁵ Там же. № 196, 186, 48; Тихонравов — Миллер, II. № 13.

²³⁶ Григорьев, № 355

²³⁷ Там же № 112; осложнение произошло, очевидно, из путаной реминисценции из былин «Илья и Калин» и под.

²³⁸ Григорьев, № 323. Гильфердинг, № 120, 196, 245, 232; Рыбников, № 6, 62, 140 и др.

«Тут по три дия было пированье
Про старого казака Илью Муромца,
Что убил Идолище поганое»²³⁹

Очень редко вариант досказывает былину вторичной встречей с каликой и разменом платья²⁴⁰

Таким образом, и в этой былине, как и в предыдущей, мы наблюдаем ту же жизнь деталей. детали, безразличные или однозначные в смысле художественного эффекта, меняются и свободно заступают место друг друга, оставляя во внутреннем своем значении общую художественную потенцию Место действия, имена второстепенных лиц, частности в представлении образа Идолища чудище ли он, человек ли, один ли, или с военной силой, каковы проявления его засилья,— такие детали в конечном задании былины значения не имеют. Наоборот, места, благодарные и ценные для общего художественного эффекта, не только остаются, но усиленно и много разрабатываются в направлении все большего и большего нагнетания нужного напряжения и построения Предварительное описание Идолища и его засилья, переодевание Ильи, наконец, лукавость и ирония Ильи, все это, отдавая видимое превосходство врагу, ведет к задуманному эффекту внезапности и поэтому бережется художественной чуткостью сказителя и всегда получает свое выражение

Былина об Идолище иногда осложняется эпизодом ссоры Ильи с князем Владимиром Нетрудно заметить, что эта часть втянута былиной как новое выражение обычной предварительной недооценки героя, чтобы потом раскаянием резонирующей среды еще более обострить впечатление. Причины ссоры безразличны для заданного этому эпизоду смысла и в двух вариантах одной и той же сказительницы Крюковой они неодинаковы. В одном случае «бояре кособрюхие» насаждали на Илью, что он похвалялся выжить Владимира; это и вызывает гнев Владимира²⁴¹. В другом варианте Владимир, созывая пир, не пригласил богатырей Ильи, назвавшись Никитой Залешаином, пришел к Владимиру и, посаженный неочестливо, высказал свой упрек и удалился

²³⁹ Рыбников, № 24 В варианте, где дело происходит в Идольском царстве, Илью чествуют горожане (Рыбников, № 87)

²⁴⁰ Гильфердинг, № 48, Григорьев, № 112

²⁴¹ Марков, № 43.

«Ай спасибо князю все за приглашеньце!

У его есь-то там много бояр да есь всех;
Иише будут поправлятьце-то когда все при гори...»

Проходит год. Илья поехал проведать Киев. Тут как раз стоит «сила неверная, силушка татарская»: наехало Идолище. Илья разыскивает калику, берет у него клюку, идет в шатер к Идолищу и расправляется с ним. Калика рассказывает обо всем давно уже раскаивающемуся Владимиру. «Тут ведь скоро гонцы, скоры послы наехали: они звали Илью да ниско кланялись» и пр.²⁴².

В тех вариантах, где к былине присоединяется эпизод с голями²⁴³, очевидно, имелась в виду неожиданность появления Ильи, как раз когда его не ждут и как раз тогда, когда он более всего нужен. Эффект получается тот же, что при эпизоде ссоры с Владимиром. Переодетый в каличье платье, Илья заходит в кабаки царские, кутит с голями, закладывает свой крест в 500 рублей. Крест делается известным Владимиру. Тот узнает его обладателя — Илью: «А просветило тут веть ноньне красно солнышко, провешается добрый молодец». В большой радости и надежде Владимир бежит в кабаки, слезно рассказывает Илье о засилье Идолища: «на завтра-то мне да смерть назначона». Илья переодевается в худшее платье и идет к Идолищу²⁴⁴; иногда эпизод с голями, явно принимая смысл ссоры с Владимиром, опять подчеркивает беспомощность Владимира и значительность и надобность Ильи: обиженные Ильей чумаки-человальники идут с жалобой к Владимиру, но Владимир оказывается сам беспомощным и ждет Илью: «Уж я што же ноньце могу ищэ делати? У миня у самого да на дому беда»²⁴⁵.

У Гильфердинга (№ 22) былина об Идолище открывается пророческой легендой о турах и плачущей богородице, обычно начинающей былинку о Василии Пьянице и Батыге. Архитектоническое значение этой легенды было указано выше.

²⁴² Там же № 44

²⁴³ Гильфердинг, № 232; Рыбников, № 140; Гильфердинг, № 245; Григорьев, № 355; Ончуков, № 20.

²⁴⁴ Григорьев, № 355.

²⁴⁵ Ончуков, № 20.

Алеша Попович и Тугарин В этой былине меняется история появления Алеши у Владимира в одних вариантах Алеша с Екимом выезжают из Ростова, на дороге им попадается росстань с надписями, указывающими три пути в разные города Алеша и Еким выбирают Киев и едут туда в других былинах росстани нет В былине записи Богораза²⁴⁶ Алеша приезжает, потому что прослышал о беде над Киевом: «покорился Киев Тугарину». В другой былине Алеша во время угощения Тугарина уже оказывается сидящим на своем месте за печкой (приезда нет)²⁴⁷

В одной из былин Рыбникова²⁴⁸ Владимир просто заывает Тугарина к себе, как диковинного обжору Среди гостей Владимира находится и Алеша В большинстве былин росстань сохраняется, при чем она в этом сюжете иногда и не имеет обычного характера грозного предостережения На надписях указаны только названия городов, выбор между ними производят Алеша и Еким не по богатырским мотивам Однако, есть и такие варианты, где росстань сохраняет свой грозный смысл в былине Григорьева (№ 212) дается такая мотивировка решению ехать в Киев

«Нам то тут, ребята итти ехати,
Итти ехати, — да нам живым не быть,
Как живым не быть, так тут ехати»²⁴⁹

В былине Кириши Данилова²⁵⁰ дается двойной бой Алеши с Тугарином сначала в поле, потом в Киеве у Владимира Росстань предшествует первому бою У Маркова (№ 47) бой только в поле И в том и в другом случае — у Кириши и у Маркова — перед боем в поле Алеша переодевается каликой Тугарин принимает Алешу за калику, спрашивает, не видал ли тот Алешу и грозит при встрече заколоть его копьем, спалить огнем В одном варианте Григорьева²⁵¹ Тугарин представ-

²⁴⁶ Былины новой и недавней записи № 39

²⁴⁷ Григорьев, № 334

²⁴⁸ Рыбников, I № 27

²⁴⁹ Григорьев Т I С 618

²⁵⁰ Сборник Кириши Данилова/Под редакцией П Н Шеффера

лен в виде нахвальщика с угрозами. У Кирши есть еще одна очень интересная деталь. Перед боем с Тугарином Алеша бьет об заклад в том, что он одолеет Тугарина. Все гости Владимира кладут за Тугарина, один только Владыка черниговский подписывал за Алешу:

«Втапоры князи и бояра
Скочили на резвы ноги
И все за Тугарина поруки держат,
Князи кладут по сту рублей,
Бояра по пятидесяти, крестьяне по пяти рублей;
Тут же случилися гости купеческие,—
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всяки товары заморские,
Которы стоят на быстром Непре;
А за Алешу подписывал владыка Черниговской»

Таковы особенности разных вариантов этой былины. Как их осмыслить?

В тех былинах, в которых росстань не имеет обычного предостерегающего значения, конечно, эта частность только напрасно обременяет изложение. Поэтому некоторые варианты совершенно опускают ее, а в других она приобретает свое постоянное значение подготовки, как указание на «неминучую» гибель («убиту быть»). Прекрасная во всех отношениях запись Богораза²⁵² не имеет ростани, в цельной и законченной былине Григорьева (№ 334) тоже ее нет, в другой былине Григорьева (№ 212) ростани придан свойственный ей художественный смысл.

Наиболее прочно держатся в былинне: а) подробность, указывающая место, где садится Алеша во время пира (убогий уголок — за печкой), в) описание Тугарина (размеры его роста, чудовищная сила и пр.), с) иронические насмешки Алеши. На художественное значение этих подробностей мы указываем выше.

К деталям, втянутым в былинну из других сюжетов, относятся: а) представление Тугарина в виде нахвальщика, наезжающего на Киев с угрозами; в) эпизод с закладами перед боем. Замена традиционного образа Тугарина наезжим насильником имеет аналогию с подобным же превращением Идолища в былинне «Илья и Идолище поганое». Архитектонический смысл такой замены был указан выше.

²⁵² Былины новой и недавней записи. № 39.

В эпизоде с закладами видим новое развитие уже известного мотива предварительного видимого превосходства противника. Здесь со стороны резонирующей среды развертываются те же сомнения в герое, которые наблюдались и в других былинах. На Алешу не надеются, все предпочитают свой заклад положить на сторону Тугарина. В дальнейшем последует обычный эффект: вопреки всем видимостям, Алеша побеждает. Вс. Ф. Миллеру эти заклады перед боем Алеши с Тугариным представлялись «очевидной несообразностью». Но несообразности нет: эта, хотя и контаминированная деталь, применена здесь соответственно общей тенденции подобных былин и очень кстати.

«Все присутствующие на пиру — князья, бояре, купцы, — недоумевает Вс. Ф. Миллер, — на стороне чужого насильника, любовника их княгини, а не на стороне русского богатыря, за которого ручается только владыка черниговский»²⁵³ Так что же из этого? Они на стороне Тугарина не потому, что морально ему сочувствуют, а потому, что убеждены в превосходстве его силы: они сами подавлены этой силой и, конечно, думают, что она вообще неодолима. Старка за Тугарина говорит только о том, что победа Алеши казалась невероятной (хотя бы она и была желательна).

8

Добрыня и Змей. Былина о бое Добрыни со Змеем очень осложнена сказочными мотивами, имеющими свою специфическую эстетическую окраску и привлекаемость, и часто в своих деталях окрашивается направленною сказочной внебогатырской фантастики, тем не менее ее главная сосредоточенность около героя-богатыря и его богатырского победного подвига очевидна. При всем исключительном непостоянстве и невыдержанности отдельных ситуаций и картин, былина в архитектурном расположении и соотношении частей везде сохраняет основную заинтересованность интригующим столкновением Добрыни со Змеем и выдвигает это похождение Добрыни как главную магистраль рассказа, оставляя все остальное на положении второстепенных равнозначных аксессуарных деталей.

²⁵³ Миллер В. Ф. Очерки. 1. С. 437.

В своем общем составе былинная традиция в похождениях Добрыни со Змеем Горынчищем знает два приключения: 1) боевую встречу во время купанья Добрыни и 2) добывание Добрыню утащенной Змеем племянницы (сестры) Владимира (Забавы Путятичны). В очень немногих вариантах эти два эпизода живут раздельно и законченно²⁵⁴, в большинстве же случаев оба эпизода взаимно смешиваются и соединяются в один. В былинах, различающих оба эти эпизода, каждый из них организован замкнуто и обособленно, каждый со своим обострением и замыканием главного эффекта и первая и вторая схватки со Змеем предваряются моментами подготовки, и в первом и во втором случае Добрыне придется преодолевать своеобразные опасные моменты, и оба заканчиваются удовлетворением победителя. Мы не будем выяснять всех вариаций в сюжетном движении былины, ограничимся указанием архитектурного положения ее отдельных мотивов, безразлично, в каком сочетании они находятся, ибо при всех вариациях они сохраняют одно и то же внутреннее значение.

Напрягающей и интригующей подготовкой встречи Добрыни со Змеем в большинстве вариантов являются предостережения матери: «Ты не ездик-а на гору Сорочинскую.., не купись-ко ты во матушке Пучай-реке» и пр.²⁵⁵ В этих случаях былина или сразу непосредственно начинается со слов матери²⁵⁶, или слова матери предваряются несколькими стихами о возрасте Добрыни и потом, без всякого повода, дается предостерегающее обращение²⁵⁷, иногда Добрыня сам просится на Пучай-реку²⁵⁸. Есть варианты, где на Пучай-

²⁵⁴ Гильфердинг, № 5, 157, 148, Рыбников, № 25; Тихонравов—Миллер, № 21, Марков, № 73; Гильфердинг № 79, 64, 59, Григорьев, № 301

²⁵⁵ Такие предостережения в разных стилистических вариациях имеются во всех вариантах, где Добрыня едет на реку сам своей волею. Точные указания будут ниже

²⁵⁶ Гильфердинг, № 148, 157, 5 С 25, № 289, Рыбников, № 25 и 25 bis

²⁵⁷ Гильфердинг, № 79

²⁵⁸ Жарко, купаться (Гильфердинг, № 123), охотиться (Гильфердинг № 59, 64) В былинах (Марков А В Беломорские былины № 100) Добрыню от купанья остерегает Илья Муромец.

реку Добрыню посылает князь Владимир. Это всегда происходит на пиру и делается в форме особого вызова к опасному делу, от которого сторонятся другие богатыри и за которое берется один лишь молодой Добрыня²⁵⁹. Для усиления строгости момента, при этом делается особая запись на бумаге, чтобы Добрыня не отказался от своих слов:

«Говорил-то Владимир князь да таковы речи:

— Уж ты гой еси, Олешенька Попович!

Ты бери-ко всё чернил, бумаг,

Ты пиши-тко с Добрыней записи великия,

Во хмелинушки Добрыни захлыснулося²⁶⁰,

Чтобы завтра Добрыня не попетилсе»²⁶¹.

Во всех этих случаях угрожающие предвестия этим не ограничиваются. Добрыня, получив поручение, кручинится, жалуется матери на свою судьбу; та упрекает его в опрометчивом хвастовстве:

«Ты нималу себе шуточку напустил жо:

Там много дородных добрых молодцов приезживало,

А как руських-то сильных, могучих всё богатырей,

А назадь ни один не приезживал »

Далее угрозы о земле Сорочинской²⁶². Очень нередко в качестве повода недооценки подчеркивается молодость Добрыни. В варианте Тихонравова — Миллера (№ 21) отец Добрыни, Никита Романович, уходит в монастырь и оставляет за себя Добрыню²⁶³. На это Владимир недоверчиво замечает:

«Он малешенек нишо и глупешенек,

Глупешенек — только трех годов».

Тем не менее Никиту Романова отпускает, а Добрыня вырастает до 15 лет; сердце в нем «возъярилося»,

²⁵⁹ «Притулятся старший за среднего, средний за младшего» и пр. (Марков, № 73 Труды Музыкально-Этнографической комиссии. Материалы А. В. Маркова. № 12, Григорьев, № 52; Марков, № 112 и др.)

²⁶⁰ «Похвастал». Примечание Маркова.

²⁶¹ Марков А. В. Беломорские былины. № 73. С. 373. Сравнить еще труды Музыкально-Этнографической комиссии. 1. Материалы А. В. Маркова. № 12, «Записали они записи великия, закрепили они князем-то Владимиром». А. В. Марков усматривает здесь состоявшееся гари (См. Марков А. В. Из истории русского былевого эпоса Вып. II. С. 21)

²⁶² Марков А. В. Беломорские былины. № 73 и др.

²⁶³ Ср. былины о Михайле Даниловиче.

могучие плечи «расходились», и он просит себе коня богатырского «съездить далече во чисто поле, пострелять гусей, лебедей» Матушка опять его предостерегает: «Ты малешенек еще и глупешенек... Потерять тебе будет буйна голова», но все же после большой настойчивости Добрыни отпускает его, напутствуя новыми предостережениями об опасных струях на Днепре-реке. Чаше рассказ о молодости, отметив моменты удачества Добрыни-мальчика²⁶⁴, заканчивается его просьбой к матери (реже к отцу) отпустить его в поле поляковать. Мать говорит ему, что он молод и зелен, но после колебания отпускает Добрыню с уверениями и просьбами не купаться в реке²⁶⁵.

В описании змея обычная гиперболизация и утра-
щение

«А не темная туша да покатиласе,
Как не оболочко да навалилосе,—
Налетело змеищо да зло Горынищо»²⁶⁶

Змей бывает о 3 головах или хоботах²⁶⁷, о восьми²⁶⁸, о двенадцати²⁶⁹, о тридцати²⁷⁰. Иногда змей носит общие черты с Тугарином²⁷¹. Вопреки своим угрозам дымом задушить, искрой засыпать, огнем сжечь, водой залить, хоботами задавить, унести, сожрать и пр. Змей иногда бьется вооруженный саблями, копьями и пр.²⁷² Обычно название Змея дается в форме уве-

²⁶⁴ Руку, ногу вывернет и пр (ср былину о Ваське Буслаеве)

²⁶⁵ Киреевский, II С 23, Григорьев, № 19, Сборник Кириши Данилова, № 45 С 147, Былины новой и недавней записи № 21, Марков А В Из истории русского бытового эпоса, приложение, № 1, 3, 4, Григорьев, № 342, 408, 87, Ончуков, № 59, Марков, № 5, нескладно перепутаны мотивы пира-похвалы и мотивы детства, благословение матери повторяется два раза

²⁶⁶ Григорьев, III С 560 Ср обычные сравнения змея с тучей, с громом, с дождем

²⁶⁷ Гильфердинг, № 79, Григорьев № 370

²⁶⁸ Гильфердинг, № 123

²⁶⁹ Гильфердинг, № 5, 148, 157, Киреевский, II, С 24—28

²⁷⁰ Тихонравов—Миллер, II № 21 и др

²⁷¹ Бумажные крылья и пр Тихонравов—Миллер, № 21.

²⁷² Тихонравов—Миллер, № 21

личительной: змеинище, змеище, горынчище, горынище, иногда притугалище²⁷³, змея лютая Горынчата²⁷⁴.

Добрыня в момент нападения оказывается беззащитным. Мотив купанья, когда Добрыня находится посреди реки, радостный и безоружный, утилизируется былиной как новое обострение опасного момента и новое увеличение заслуги богатыря-победителя. Добрыня выезжает иногда вооруженным (лук, стрелы, палица, копье, сабля, латы²⁷⁵, иногда он, действительно, бьет змея палицей²⁷⁶, или саблём²⁷⁷), но гораздо чаще в нужный момент при нем оружия не оказывается. Добрыня, вышедши из воды, не находит ни коня, ни сабли; иногда причина такого отсутствия объясняется трусостью испугавшегося и ускокавшего парубка²⁷⁸ (резонанция), иногда объяснения отсутствуют²⁷⁹. Добрыня спасается шляпой греческой²⁸⁰, камнем²⁸¹, песком²⁸². В качестве оружия иногда применяется плетка, иногда согласно наказу матери предназначенная для коня и имеющая особое волшебное значение²⁸³, в других случаях утерявшая таинственное значение и применяющаяся как простое оружие, которым оказалось возможным «змея застегати до смерти»²⁸⁴.

Аксессуары детали былины чрезвычайно разнообразны. Охота и купанье Добрыни происходит то на

²⁷³ См например Киреевский, II С 24, 41 и др, Гильфердинг, № 148

²⁷⁴ Гильфердинг Т II № 185 Эпитет «лютый» (см Киреевский II С 41, 42, 43 и др; Григорьев, № 104).

²⁷⁵ Гильфердинг, № 59, 64, 79, 123, 93, о вооружении ничего нет, Кирша С 147

²⁷⁶ Гильфердинг, № 93

²⁷⁷ Марков А В Из истории русского былевого эпоса, предложение, № 3, 4

²⁷⁸ Гильфердинг, № 59, 64 и др

²⁷⁹ Былины новой и недавней записи № 21, Марков, № 73; Гильфердинг, № 79, 148, 157

²⁸⁰ Колпак с песком (Григорьев, № 114), колпак земли Греческой (Гильфердинг, № 5, 148, 157 и др), пуховый колпак (Григорьев, № 301, 408) Былины новой и недавней записи, 21.

²⁸¹ Марков, II № 4, Григорьев, № 87

²⁸² Григорьев, № 52, Кирша, № 45, Тихонравов — Миллер, № 21

²⁸³ Гильфердинг, № 5, 148, 157; Марков, № 1.

²⁸⁴ Гильфердинг, № 59, 64, Марков, № 5 Плетку заменяет шалыга (Тихонравов — Миллер, № 21), богатырская «плетка шелкова сорока пудов» (Гильфердинг, № 191)

Пучай-реке (большинство вариантов), то на Днепре-реке, то на море Змей живет у Сорочинских гор, у Тугих гор, Пещерских гор, Пещарымских гор, у камышка Алатыря, у камня самофира²⁸⁵, Саворских гор²⁸⁶, у реки Кострюхи, Сафат-реки, Израй-реки, Ердан-реки, Плакун-реки

Племянница (или сестра) князя Владимира называется Забава Путятишна, Марфа, Марфида Всеславьевна, Апраксия, Настасья Отец Добрыни или князь, или купец, жив он, или умер, мать носит различные имена²⁸⁷

Конь Добрыни то отцовский, то дедушкин, то его прежний хозяин совсем не упоминается Бой складывается в самых различных комбинациях различна его длительность, обстоятельства нападения и сопротивления и некоторые частности в перипетиях и в результатах, различны обещания змеи, подарки змеи, вероломство змеи, иногда вероломство Добрыни, помощь небесных сил, различная картина обиталища змеи, куда Добрыня проникает, выпуская плененную девицу, различны роль и место змеенышей, наличность или отсутствие выпускаемого Добрыней полона и пр

9

Кострюк Матрюк Одни варианты песни о Кострюке Матрюке в начале имеют рассказы о смерти жены Грозного и о женитьбе его на Марье Темрюковне²⁸⁸, другие рассказ о смерти жены теряют, а в рассказе о женитьбе часто сокращают подробности (выбрасывают сватовство Грозного, его путешествие в чужие земли, о приданом, о пышности его свадьбы)²⁸⁹, третьи не имеют ни-

²⁸⁵ Григорьев, № 408

²⁸⁶ Григорьев, № 228

²⁸⁷ Именные и топографические особенности обстоятельно отмечены в статье А В Маркова «Из истории русского былевого эпоса» (Вып II С 1—41)

²⁸⁸ Миллер В Исторические песни русского народа XVI—XVII вв № 27, 28, 29

²⁸⁹ Там же № 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44—48, 58 (Иван Грозный отдавал дочь Пир), 63 (проза), 64—68, 70, 72, 73 (женитьба есть, но борьба не на свадебном пиру, позднее), 74, 75, 76 (см 73, 77, 78, 80, 82, 84, 88—91 (упоминание о женитьбе есть, борьба позднее)

какого следа женитьбы: Кострюк является ко двору царя, как обычный нахвальщик, вызывает поединщика, угрожает за щитом пройти всю Москву²⁹⁰; четвертые окончательно путаются: в них есть указание на пир, как на свободное торжество, где присутствует и Кострюк, но Кострюк, однако, держит себя как насильник, хвастает, угрожает подчинить себе всю Москву²⁹¹; нятые говорят о враждебном наезде Кострюка вместе с купавой крымской: они раскидывают у Москвы шатры, шлют посла с угрозами и требованиями поединщика, царь пугается, приглашает их на пир, иногда они сами сразу являются к Ивану Грозному.

Обстоятельства появления русского богатыря — противника Кострюка тоже неодинаковы: иногда после похвалы и требований Кострюка Иван Грозный заставляет Никиту Романовича трубить в трубы, вызывать желающих²⁹², иногда это делает сам Грозный²⁹³, в нескольких вариантах «супротивничка» Кострюку выискивают неназванные послы, посланнички, слуги верные²⁹⁴; иногда это делает какой-то Федька дьяк²⁹⁵; есть вариант, где сам князь (Михайла, князь Московский) вызывает борцов письмами²⁹⁶, вдова Апраксия в качестве борцов называет своих сыновей²⁹⁷. Иногда поисков и вызова нет, борцы являются сами²⁹⁸, иногда Кострюк сам бежит на съезжий двор²⁹⁹; сам царь называет, выставляет борцов³⁰⁰. Противниками Кострюка бывают: Потанюшка Хроменький, Васенька Хроменький, Илеюшка, три брата Андреи Андреевичи, Андрей, Потаней, Абросимка, Федька, Федька и Михалка и др.,

²⁹⁰ Там же. № 50, 69 (нет Ивана Грозного), 87 (Грозного нет).

²⁹¹ Там же. № 71 (проза. Пир без женитьбы), 79 (свадебный пир, угрозы), 81 (на пиру угрозы), 83 (пир без женитьбы), 74 (угрозы при сватовстве), 75 (то же), 78 (на пиру угрозы).

²⁹² Там же. № 30—32, 35—38, 40, 44, 45, 48, 49, 66, 67, 84 и др.

²⁹³ Там же. № 33, 34, 83.

²⁹⁴ № 47, 60 (нашли их пьиними), № 62, 71, 80.

²⁹⁵ Там же. № 51.

²⁹⁶ Там же. № 50.

²⁹⁷ Там же. № 55.

²⁹⁸ Там же. № 43, 46, 52, 53, 54, 59, 63 и др. 69, 70, 73, 81—82, 88, 89.

²⁹⁹ Там же. № 57.

³⁰⁰ Там же. № 68.

иногда имени нет, называется просто крестьянский сын³⁰¹.

Во всех вариантах главная часть одна и та же — победа Потанюшки (или его заместителя) над зазнавшимся Кострюком. Все варианты разрабатывают то, что относится непосредственно к этому поединку. Гиперболическое описание силы врага³⁰², его дерзкое самохвальство, видимая невзрачность русского богатыря — действительного героя, — это такие черты, которые, как мы видели, превратились в эпический шаблон. Эти характерные для богатырского сюжета особенности сохранены во всех вариантах, тогда как подробности, далекие от темы поединка, легко или искажаются или выпадают совершенно.

Таким образом, все построение былины сконцентрировано вокруг ее главного героя, а он сам существует здесь только в своем богатырском подвиге. В былине нет никаких отходов за пределы этой главной темы³⁰³. Вся действующая среда и все эпизоды, весь пафос былины направляются в одну точку скрещения сил двух противников и на исход их непродолжительной борьбы. Герой в былине — единственный объект самостоятельного и самодовлеющего интереса и любования; все остальное приобретает смысл только в приложении к нему и через него, на его победоносном ударе фиксируется все напряжение, весь восторг и воодушевление всей былины от начала до конца.

Нить движений и действий героя иногда прерывается действиями других лиц, но последние всегда направлены к герою: они всегда даны или для мотивации его действий или для резонанции на его действия. Весь состав действующих лиц здесь всегда исчерпывается

³⁰¹ Там же № 82

³⁰² См., например № 68 «он триста скамей повалил, полтретьяста бояр подавил, кому руку, кому ногу изломал, и кому-то буйну голову сорвал», № 71 «триста скамей повалил, семьсот гостей задавил да двести удалых молодцов», № 72 «полтораста бояр задавил, пятьсот доискал казаков», № 69 «семьсот казаков забарол, восемьсот татариннов, девятьсот удалых-добрых молодцев» и т. д., в каждом варианте свои цифры. Под ногами Кострюка «переклады гиблются, переходы колыблются, ступеньки подгибаются» (51); «зашинел он по-змеинному, заревел он по-звериному», № 80 и др.

³⁰³ Категоричность наших суждений исключает явно дурные варианты

тремя сторонами: 1) герой, 2) его противник, 3) резонирующая среда. И сам герой и его противник даются былинной почти исключительно в интересе предстоящего их состязания. Все остальные лица, захваченные в повествование, дают лишь фон и рельеф доблести героя и, являясь то в роли потерпевших от врага, то нуждаясь в защите от его ожидаемого нападения, то бывая просто зрителями, расположены около главного события как будто для того только, чтобы отозваться удивлением и восторгом перед доблестью, ратной силой и славой героя. К этой третьей стороне направлены все эффекты богатырских походов, отсюда в тревожные моменты идут напряженные ожидания и сомнения, здесь же находят осуществление и реализацию вдохновляющие восторги побед.

10

Общая архитектурная устремленность обнаруживается и на свойствах речевого потока былинного повествования.

Исключительная сосредоточенность рассказа на действиях героя создает решительное преобладание динамики над элементами статики. Отсюда эта непрерывность и стремительность слитных предложений с множеством сказуемых при одном подлежащем и незначительном количестве самых необходимых второстепенных членов, вошедших в речевую ткань лишь для указания объекта и направления действий главного лица.

Но в общем потоке движения действия не все моменты равноценны для рассказчика. При общей схематичности повествовательного аппарата, былина все же иногда замедляет бегущую струю событий. Одни моменты рассказчиком фиксируются только голыми обозначениями без указания длительного наполнения: «...едет ко городу ко Кидошу... Над Кидошем подступала сила поганая» и т. д.³⁰⁴ (временной пропуск: едет к Кидошу и сразу оказывается уже у Кидоша); некоторые временные промежутки обозначаются только в их начале и конце.

³⁰⁴ Тихомиров — Миллер, II. № 1.

«Как поехал на тот на шум и гам на великий,
Во ту сторонку полуденную,
Приехал как под город Смолягин:
Как тут стоит-то силушка поганая»... и т. д.³⁰⁵

Третьи раскрыты и переданы в целом ряде промежуточных одновременных и рядоположных действий, близко слитых друг с другом и наполняющих и замыкающих собою какой-то один целостный акт или эпизод.

«Сам как спущался с добра коня,
Рвал левой рукой сырый дуб,
Сырый дуб крякновистый,
Привязывал ко левой к булатней ко стремени;
Тут опять рвал правой рукой
Сырый дуб крякновистый,
Брал как он да во праву руку;
Напустился на бурзов-поганых на тотаров,
Куда едет и машет,— туда улица,
Перевернет-перемахнет,— переулочок»... и т. д.³⁰⁶

В последнем случае иногда происходит особенное сгущение движения и состояний, глагольные стержни учащаются, сплетаются, образуют единую массу то рядоположных, то пересекающихся, то сливающихся пятен и линий, и повествование становится почти описанием, динамика оказывается на рубеже и частью как бы переходит в статику. Таковы картинки седлания коня и иногда стрельания из лука (последнее реже и слабее)³⁰⁷.

Описательный элемент в богатырских былинах совершенно отсутствует; жилища, утварь, костюмы пребывают вне интереса художника³⁰⁸. Если по ходу рассказа мелькает крыльцо княжеское, «околенки стекольчатые» или «маковки серебряны», то это лишь тогда, когда оказывается надобность отметить поступь богатырскую, под которой согнутся ступеньки крылечушка, или когда раздастся свист Соловья и от него рассыплется околенки, одним словом, когда предмет окажется вызванным по надобностям динамической выразительности.

³⁰⁵ Рыбников, № 127. II С. 149.

³⁰⁶ Рыбников, № 127. II. С. 150.

³⁰⁷ Именно эти места квалифицировались не раз как прием описания через повествование (см.: Сиротинин А. Н. Беседы о русской словесности. СПб, 1913. С. 223—235).

³⁰⁸ Ср. совершенно иное в былинах о Дюке, о Чуриле, о Соловье Будимировиче, где описательные элементы находятся в самом центральном задании сюжета.

Вообще былина описывает лишь тогда, когда описание вызвано прямой направленностью рассказа, когда описание нужно непосредственно по самому существу той конкретной задачи, которую ставит себе данный сюжет. Поэтому ее описания всегда относятся прямо к главным лицам рассказа и захватывают непременно только те черты, которые ближайшим образом ведут сюжет. Вот почему в былинах о Дюке описывается только его богатство, в былине о Чуриле его наружность и костюм, в былине о Микуле его соха, в былине о женитьбе Владимира краса его невесты и т. д. Поэтому же в былинах о богатырских подвигах описывается седлание коня и поездка богатырская. Здесь герой быliny является предметом любования исключительно с этой воинской стороны, и художественный свет даи только сюда.

Если при общей стремительности рассказа в былине все же находятся звенья замедленного темпа, то это является несомненным показателем наиболее близкой художественной заинтересованности именно данными моментами и положениями, а это, в свою очередь, очевидно, определяется общей главной направленностью сюжета. И в тех былинах, которые мы здесь имеем в виду, замедленные места как раз относятся только к обрисовке удалства и ратной силы героя. Таковыми являются, прежде всего, изображения «поездки» богатырей, седлание, посадка, быстрота коня. Былина любит и ласкает каждую принадлежность богатырского убранства, и каждую ниточку и бляшку, как и всего самого героя, представляет в отменно-идеальном свете. Отсюда ласкательные формы: «Кидал потички на потички, войлочки на войлочки», черкацкое седло³⁰⁹, седелышко³¹⁰, сивушко-бурушко, уздица тесмянная³¹¹, клал он стрелочку в подзолоточку³¹², пряжицы, шпенечики³¹³ и т. под.

Отсюда — отменно-идеальные черты каждой принадлежности богатырского убранства: подпруги — чистого

³⁰⁹ Сорокинское описание. Рыбников, II. С. 147—148, 174 (о Илье, Добрыне, Дюке и пр.) С. 187, 198—199, 235—236, ср. С. 453 и др. Рыбников, II. С. 56, 403.

³¹⁰ Там же С. 453.

³¹¹ Амосов о Добрыне (Рыбников, II. С. 376).

³¹² Антонов о Добрыне (Рыбников, II. С. 404).

³¹³ Там же. С. 453 и др.

серебра, пряжечки-шиньки — красного золота, стремя-на булата заморского, шелк шемаханский, «шелк-то не рвется и не трется, булат-то не ржавеет, красное золото не мидиет, чисто серебро не зелезиет»³¹⁴. Заметим, что и здесь, кроме задерживающего и выделяющего накопления мелких и дробных движений героя, былина в тех же целях, к полному эффекту очарования прерывает развертывание движений и событий, чтобы издать осветить героя любимым приемом эмоциональной резонанции со стороны специально вводимых для этой цели персонажей:

«У Ильи конь бежит, да как сокол летит,
Реки, озера промеж ног берет
Хвостом поля укрываются.
Старши богатыри дивуются
— Нет на поездку Ильи Муромца!
У его поездочка да молодецкая,
Вся поступочка да богатырская!»³¹⁵

Или:

«Видели молодца на коня да сядучись,
А не видели добра молодца поедучись,
Одна куревка прокурила,
Куда поехал удалый-добрый молодец»³¹⁶.

Кроме этого, места замедленного темпа падают на описание угрожающей силы и наружности противника. Наружностью действующих лиц богатырская былина вообще не интересуется³¹⁷, но здесь, в подготовке будущего эффекта победы, ради нагнетания интригующей тревоги, в повествование внедряются описательные угрожающие контуры Соловья, Идолища, Тугарина, Змея Горыныча или обложившей город рати. Здесь развитие сюжета чаще всего осложняется наибольшим количеством полуописательных пятен³¹⁸.

Другое, что перебивает основную повествовательную ткань былинного рассказа, это — *диалог*. Если, как было замечено, замедление рассказа фиксирует места, на-

³¹⁴ Там же С 147—148

³¹⁵ Киреевский, I С 80.

³¹⁶ Рыбников, II № 127. С. 148.

³¹⁷ Ср. иное в былинах о Чуриле, где наружность имеет ближайшее отношение к заданию.

³¹⁸ См. выше об изображении противника и о состоянии подавленной резонирующей среды.

ибо более связанные с обрисовкой главного эффекта, то тем более моменты диалога (когда рассказ переходит в сцену и событие представляется в лицах) должны обозначать наибольшее обострение творческой заинтересованности.

Соотношение диалога с повествовательно-монологической речью по разным вариантам не совпадает. Однако, диалогическая разработка распространяется преимущественно лишь на определенные места сюжета. В былине об Илье и Соловье-Разбойнике это бывает: 1) в эпизоде приключения Ильи под городом Черниговом³¹⁹ и других функционально заменяющих его картинах (встреча с разбойниками и пр. см. выше). В сценическом изображении дается встреча Ильи горожанами и переговоры с ним, выражающие признательность и удивление пред его подвигом; здесь же в устах горожан описываются опасности дороги; это дает возможность сопровождать описание соответствующими резонационными ламентациями. 2) Диалог входит в эпизод проезда Ильи у терема Соловья. Догадки дочерей Соловья, кто кого ведет: Соловей мужика или мужик Соловья — даются в раскрытой сцене, в живом обмене реплик. 3) Наконец, последняя заключительная часть быliny: недоверие в Киеве, протест Ильи, демонстрация силы Соловья и пр. почти всегда целиком развивается в непрерывной смене восклицаний, взаимного столкновения недоумевающих или негодующих реплик, всегда направленных к выделению героя.

В былине об Идолище в диалогической разработке находим: 1) встречу и разговор Ильи с каликой; разговор целиком наполнен ламентационным описанием засилья Идолища (см. выше); 2) разговор Ильи с Идолищем (об обжорстве Идолища, о корове и пр.; направленность сцены см. выше). В былине об Алеше и Тугарине этому аналогична сцена между Тугарином и Алешей. В былине о Добрыне и змее сценически разработаны ламентации³²⁰ пред поездкой Добрыни. Встреча Добрыни со змеем всегда сопровождается угрозами и сценкой надменного самохвальства змея. В песне о Кострюке особые диалогические сцены отданы самохвальству и задору Кострюка и заключительным

³¹⁹ Кидошем, Себежем и пр.

³²⁰ Матери Добрыни или других лиц.

словам удовлетворения за посрамление наказанного Кострюка (слова Марьи Темрюковны и ответ Грозного).

Во всяком случае, внутреннее наполнение диалога всегда сосредоточивается исключительно на темах выделений и прославления богатыря.

В выражении чувств, вызываемых действующими лицами и происходящими событиями, былина не знает непосредственного авторского субъективизма.

Эмоциональная настроенность, дающая тон рассказу и оценку происходящему, сказывается исключительно в наглядном обнаружении чувств резонирующих действующих лиц и иногда в стилистических способах обозначения и описания вовлекаемых в рассказ лиц и вещей. На это нами выше, в разных местах, по ходу общего изложения, обращалось внимание. Несимпатическое отношение к врагу вызывало такие эпитеты, как Идолище *«поганое»*, Идолище *«проклятое»* и пр. Увеличительные имена здесь применяются не только в оттенение увеличения, но и в оттенение пренебрежения и отвращения³²¹. И наоборот, ласкательные имена дают тон теплой ласки: бурушка, Илюшенька, Алеша и пр.

В таких общих объективных средствах (изменение стиля, наглядное изображение чувств в действиях, лентации резонирующей среды) происходит в былине выявление авторского эмоционального участия в рассказе, участия всегда ясного и в симпатиях своих определенных и прямого.

Печать общей симпатии к герою проявляется и в том, что ему, кроме богатырства, по ходу рассказа, в составе аксессуарных деталей, придаются всегда те черты, которые, очевидно, дороги самому рассказчику и вообще являются для него желанными. Религиозный и серьезный автор придает черты «вежества» и солидного благообразия, ухарски беспечный и разгульный дает черты вольной разухабистости. В отношении этих общих человеческих, не-богатырских качеств герои-богатыри дифференцировались между собой, к одним пристали, по преимуществу, одни черты, к другим иные, но в составе таких красок на каждом почти варианте всегда сказывается личный вкус сказителя.

³²¹ Идолище, притугалище, горынчище, хребтинище, лицинище, лоханище и др.

Даже одно и то же лицо принимает на себя различные и противоположные качества в зависимости от того, какими симпатиями и взглядами была охвачена та среда, в которой жил и передавался данный сюжет.

Присутствие таких, часто в одной былине разнообразных, идеологических элементов ни в малейшей мере не нарушает единства общей сюжетной направленности: богатырский подвиг героя все же всегда остается в главной фиксации рассказа. Общая идеологическая атмосфера просачивается в былину лишь на положении аксессуарных деталей: или в качестве особого выражения эмоциональной окрашенности данного рисунка или в качестве особой точки зрения оценочного отношения, направленного все к тому же подвигу. Симпатически расположенная к герою, былина наделяет его всеми качествами, которые в ее глазах служили бы для его большей привлекательности и похвалы, и, наоборот, враждебная к противнику героя, былина около него всячески сгущает поводы к отрицанию, пренебрежению и отвержению.

Несомненно, в этой общей эмоциональной функции дается, например, обычное противопоставление «очестливости» богатыря и неучтивости его врага басурманина. По принятому этикету былины, богатырь, входя в палаты, всегда «крест он кладет по писаному, поклон ведет по ученому, на все на три, на четыре на сторонки поклоняется»... Этому противопоставлено «басурманское» невежество «татарина»: «креста он не клал по писаному и не вел поклонов по ученому..., полагал он грамоту посыльную на золот стул, и пословечно он, собака, выговаривал...»³²² В этой же функции у героя являются общезитические черты доброты, бескорыстия, непритязательности и всяческого благонравия при противоположных отрицательных качествах противника.

Иногда противопоставление между героем и противником утилизируется целями национальной гордости. Национальная тенденция сказывается уже в том обстоятельстве, что героем былины всегда является «русак», русский человек, ездит он по русокой земле, защищает русскую землю; противник героя всегда чужанин, «басурманин», «злое татаровье» или «Литва поганая». Иногда националистические мотивы проникают в со-

³²² Рыбников, 1. № 7. С. 37.

став непосредственных текстуальных признаний и указаний. Так Илья, отпуская трех побежденных царевичей, завещает им:

«Вы поедьте по svým местам,
Вы чините везде такову славу,
Што святая Русь не пустá стоит,
На святой Руси есть сильны, могучи богатыри» ³²³.

В той же тенденции скомпонован ответ Грозного на заступничество Марьи Темрюковны за посрамленного Кострюка:

«Ты баба, ты бабье знай!
Не то-то нам дорого,
Что татарин похваляется,
А то-то нам дорого,
Что русак насмехается» ³²⁴.

Былине не чужды и классовые тенденции. Так по очень многим вариантам Илья «мужик», т. е. крестьянин, противопоставляется «боярам толстобрюхим», «голи кабацкие» — «богатым гостям княженецким» ³²⁵. К боярам в былине почти всегда отношение ироническое. Когда по требованиям сюжета герой оказывается обиженным, несправедливо обездоленным, то в роли исполнителей всякого вероломства, каушничества, клеветы и завистничества всегда оказываются князья, бояре (см. мотив ссоры Ильи с Владимиром) ³²⁶. Сам Илья нередко выступает героем-заступником «голей кабацких» и именно с этой стороны находит себе признательность ³²⁷.

Но и во всех этих случаях явно выраженной идеологической тенденции композиционный иерархический примат все же остается за мотивом богатырства, ибо оценочное отношение к герою направляется не к национальности его как таковой и не к его классовой принадлежности самой по себе, а опять лишь к его подвигу, в котором только и находит классовая и националь-

³²³ Киреевский, I. С. 35—36.

³²⁴ Миллер В. Исторические песни. С. 215

³²⁵ См. об этом у В. Ф. Миллера «Отголоски смутного времени в былинах» (Миллер В. Ф. Очерки. II. С. 265—358).

³²⁶ Гильфердинг, № 75; Марков, № 94, 43; Ончуков, № 2, 20

³²⁷ Гильфердинг, № 47, 76, 220; Рыбников, № 127 и др.

ная гордость свое исключительное оправдание и повод, так что сама идеологическая ценность (национальная, классовая и др.) получает здесь ореол и очарование лишь от подвига, и таким образом по отношению к нему архитектурно занимает вторичное, производное место.

В общих выводах нам представляется возможным свести наши наблюдения к следующим резюмирующим положениям:

1) В центре творческого напряжения былины о богатырских подвигах находится герой-богатырь, а в нем его ратная доблесть и сила.

2) Все действующие лица былины, кроме героя и его противника, занимают по отношению к главному заданию роль резонирующей среды, в поведении и ламентациях которой действенно актуализуется главная эмоциональная наполненность и направленность сюжета.

3) Все мотивы, входящие в состав сюжета, в своей внутренней направленности, занимают место, иерархически связанное и подчиненное главному заданию выделения героя.

4) Главным выделяющим приемом является эффект неожиданности и удивления.

5) Целям этого эффекта служит внутреннее построение сюжета — от предварительного недоверия и недооценки героя к общему признанию его богатырской исключительности и славы.

6) Изменения в речевой повествовательной ткани рассказа определяются целями фиксации наиболее ярких и важных моментов признания и выделения героя (замедленный темп повествования, диалоги).

7) Идеологический (этический, религиозный, классовый, национальный) элемент утилизируется былиной или в качестве аксессуарного эмоционально-окрашивающего средства или находится на положении особого оценочного повода, направленного опять к апофеозу богатырских успехов героя.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ВЫМЫСЛА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В БЫЛИНАХ

Может ли фактическая конкретность в былинах служить критерием в генетическом приурочении их к живой исторической реальности,— такой чисто методологический вопрос привел нас к общей проблеме о соотношении вымысла и действительности в былинах. Конечно, наш этюд ни в малейшей мере не может претендовать на охват этого вопроса во всей его широте. Мы имеем в виду не столько конкретные указания фактических соответствий или несоответствий, сколько принципиальную базу для обсуждения этого рода вопросов.

Нам казалось, что роль эстетического фактора в изменении реальности, входящей в состав художественного произведения, представляется в настоящее время недостаточно раздельно, что этот вопрос нуждается в большей внутренней дифференциации, что постановка проблемы о реализме вообще должна быть перенесена из сферы механических сличений в глубину анализа внутренней организации данного эстетического объекта, что только здесь, в уяснении внутренне-функциональных различий откроются дифференцированные узлы сложных эстетических превращений.

До сих пор вопрос о реализме обсуждался средствами сличения «действительности» с «изображениями» художественного произведения. Кроме этого пути, нам представляется возможным в этом вопросе опереться

на логику самого внутреннего состава художественного произведения без всяких сличений его с реальностью. Известная качественность наличного внутреннего состава художественного произведения и соотношение между собою входящих в него ингредиентов сами по себе уже имеют большую принуждающую и доказательную силу.

Тем более мы должны прибегнуть к этому пути, когда дело касается былин, где мы совершенно не располагаем документально точным материалом, где «действительность», с которой нужно было бы производить сличение, является только искомым. Нет никакого смысла, конечно, отстранять всякие генетические данные, но совершенно очевидно, что ими здесь можно пользоваться только с величайшим выбором и осторожностью. В нашей статье мы старались объединить эти две области убеждающих нас фактов, выбирая из них по возможности самые точные и непререкаемые. Указывая на те или иные особенности внутреннего состава былин, мы стараемся вскрыть нужную нам логику, какую былины имеют по нашему вопросу внутри себя, и затем, оставившись на наиболее документальных генетических данных, рассматриваем их свидетельства. В указаниях, касающихся внутреннего состава былин, естественно, мы будем пользоваться преимущественно примерами былин о богатырских подвигах, внутреннюю архитектуру которых мы исследовали в предыдущей статье.

1

При одинаковой общей эстетической направленности былины о богатырских подвигах сильно разнятся и обособляются друг от друга по своим сюжетам. Объяснить происхождение этого разнообразия одними целями эстетического воздействия не представляется возможным. В самом деле, почему Соловей Разбойник должен быть непременно лесным жителем, почему его орудием должен был быть свист, почему Добрыня непременно должен иметь состязание с Змеем Горынычем, а Алеша с Тугарином, почему в каждой из этих былин встреча противников должна состояться именно при данных там обстоятельствах, а не иных, почему и откуда такое постоянство в сохранении каждого сюжета, когда по общей направленности к прославлению героя отдель-

ные элементы и ситуации легко могли бы заменяться взаимно, или бесконечно варьироваться в новых положениях, нисколько не меняя и не теряя главной цели общего задания. Этого, однако, нет

Каждая былина, при всех изменениях, твердо держит какую-то основу сюжета, и если бывают такие искажения и перестановки, которые делают былинку неузнаваемой, то такие случаи всегда резко выделяются из общей массы односюжетных вариантов и представляются среди них исключением. Каждый сюжет сохраняет свой особый костяк с неизменной установкой основной ситуации и главных линий внутреннего движения. Уже по одному этому нужно предположить у каждого сказителя стремление сберечь в своей передаче представления о каждом своем герое не только в сохранении общей атмосферы восторженного удивления перед ним, но и во всей той предметной конкретности, с которой связан его изумляющий подвиг.

Необходимо предположить, что в развитии былин был момент, когда фактическая конкретность, входящая в ее состав, в известной мере являлась для нее предметом непосредственного интереса, как прямое оформляемое его задание, и в этом случае в каждой отдельной песне она для автора была незаменима, иначе терялся бы самый предмет его возбуждения и творческих усилий. Нужно предположить какое-то сюжетное ядро, которое в былинке когда-то дорого было самой фактичностью своею, как воспроизведение определенного события подлинной жизни, всем известного и имеющегося в виду. Оттуда, из того отдаленного момента, и идет основная кристаллизация сюжета, как некоторого потом уже неразрывного слика конкретных представлений.

Такую, причиняющую сюжет, прямую реалистическую направленность нужно предполагать лишь в самом начале возникновения песни; потом, очевидно, происходит ее деформация в постепенном отходе от реалистических интересов и в сосредоточении своего смысла и ценности на идеологической, морально-психологической или эстетической сторонах самих по себе. Иначе, при внутренней психологически и эстетически единообразной направленности, нельзя было бы объяснить фактического разнообразия по вариантам. Идеологические, морально-психологические или чисто эстетиче-

бкие стихи в песне-былине, конечно, не отсутствуют и при ее прямой реалистической установке, т. е. и тогда, когда песня имеет в виду воспроизведение, отображение и освещение живой действительности, потому что воспроизводимая действительность только в этих стихиях и через них получает смысл и авторский толк. Уже и при прямой установке на реальность область захватываемой действительности даже в пределах одного факта имеет и свои границы и свой фокус, в которых она и получает свою организацию. Здесь уже выдвигается ядро значимости совершившегося события, подхватывается пробиравшийся в нем и увлекший элемент скорби, радости, смеха, гнева или восхищения на почве общеморальных или национальных или классовых оценок. Фактическая действительность дается в общих чертах, событие воспроизводится лишь в линиях главной кавы и лишь постольку, поскольку это нужно для воспроизведения выдвинувшейся главной психологической ситуации. Но все же, так как здесь фактическая действительность, взятая хотя бы и в общих контурах, является все-таки непосредственным прямым объектом художественного интереса, предметом выражения, воспроизведения и освещения — то сознание певца не свободно в отношении к ней, замены сюжетной конкретности для него не безразличны, так как, помимо общей эмоциональной выразительности, они регулируются требованиями объекта песни, т. е. критериями воспроизведения и подобию¹.

Непостоянство фактической конкретности по вариантам, композиционные перестановки, замены и пр. свидетельствуют о том, что в дальнейшем, с утратой интереса к факту самому по себе, фактическая действительность сама по себе для былины становится безразличной, она утилизируется былиной не преимуществу со стороны ее функционально-эстетического веса, какой она может иметь в данном сюжетном применении; ценность песни тогда сосредоточивается почти исключительно на эстетико-психологическом стержне ее, и реалистическая тенденция (верность данному факту) отходит на задний план и, наконец, совершенно забывает-

¹ Затронутые здесь мысли об элементах реальности в художественном творчестве подробнее раскрываются в особой статье «Реальное в художественном реализме».

ся. Фактическая конкретность произведения теперь ценится лишь со стороны того эстетико-эмоционального потока, который она собою несет, и в этом случае, наряду с другими подобными ситуациями, она теряет прежнее положение единственности и незаменимости. Открывается свобода изменений, пропусков и равнозначных замен.

Теперь нет нужды неприкосновенного соблюдения всей фактической картины, произведение уже не применяется к событию, на которое оно раньше было направлено: событие теперь или забыто или у новых слушателей и исполнителей само по себе потеряло значение и интерес. Сохраняя главный выдвинувшийся или поразивший эмоционально-психологический стержень и выражающую его основную сюжетную ситуацию, былина вольнее распоряжается более отдаленными и, с этой точки зрения, второстепенными деталями, или совершенно опускает их или пользуясь ими как подсобным материалом к построению главного духовного эффекта и по мере надобности и пригодности одинаково применяя разные, но равнозначные положения то в качестве опричинивающей мотивировки главного поступка, то в качестве предварительного, настраивающего и интригующего средства, то в виде резонирующего фона и рельефа. Так происходит перестройка сюжетной схемы в сторону наибольшей и исключительной сосредоточенности на основном эмоционально-эстетическом эффекте.

2

Обратимся к примерам

Былина о Кострюке представляет для нас наиболее счастливый случай фактической иллюстрации раскрываемого процесса сюжетных изменений. Правда, и здесь мы не располагаем необходимой полнотой и документальностью восстанавливаемой исторической картины, давшей фактическую основу песенному сюжету. Кроме того, и здесь так же, как и в других случаях, возникновение отдельных вариантов песни не имеет хронологической документации, и наша хронологическая линия, в конце концов, будет доказательна лишь по мере внутренней логической очевидности. Тем не менее, из всех былин о богатырских состязаниях (подвигах) былина о Кострюке в своем генетическом зерне представляется

наиболее открытой. Имена действующих лиц: Кострюк-Мастрюк, Марья Темрюковна, Иван Грозный — находят себе ясные бесспорные исторические соответствия. События, рассказанные песней, женитьба Грозного и сопровождающие ее обстоятельства, в наиболее значительной части покрываются известными историческими фактами. Можно с наибольшей уверенностью признать поводом для песни какое-то посрамление приезжего черкашанина на состязании с русским борцом².

Сохранившиеся варианты дают ряд последовательных изменений песни, какие должны были в ней происходить с отходом исторического эпизода в далекое прошлое и с утратой интереса к фактической стороне самой по себе. Сначала предание отчетливо сохраняло память об обстоятельствах времени и места, при которых совершилось состязание, и ряд вариантов повествует о смерти прежней жены Грозного, о его женитьбе на чужеземке Марье Темрюковне, о взятом за нею приданом, о приезде чужеземных гостей и родственников, о богатом свадебном пире и, наконец, о происшедшем состязании, на котором и были посрамлены чужеземцы в лице Кострюка³. Следующий ряд вариантов, опуская эпизод смерти прежней жены и начиная повествование с рассказа о женитьбе, оставляет в рассказе лишь то, что находится в более близкой и непосредственной связи с главным конечным эпизодом. Здесь пока еще о женитьбе рассказывается все же с большой полнотой и обстоятельностью. Песня повествует о сватовстве Грозного или через посольство или путем личной поездки в чужую сторону к королю Небрюку Небрюковичу, обстоятельно рассказывает о количестве приданого, об обратной поездке в Москву, упоминает о крещении Марьи Темрюковны и потом уже, в связи с хвастовством Кострюка на свадебном пиру, развертывает картину состязания⁴.

Некоторые варианты, связав мотив о женитьбе Грозного с мотивом смерти его прежней жены и ее пред-

² Какой это был из братьев новой царицы Марии Темрюковны: Мамстрюк ли, как это думает Вс Миллер и Б. М. Соколов, или Сакунтал, как это думает С. Шамбинаго, — для нас здесь пока безразлично.

³ См.: Миллер В. Исторические песни, № 27, 28, 29.

⁴ Там же, № 33, 34, 35, 41, 67.

смертным завещанием не жениться на чужой стороне, раздвигаются в центральном интересе и впадают в неясности и неувязки. Песня, оберегая смысл и значение предсмертных предостережений и желая сохранить выдержанность общей концепции, ставит в центре рассказа судьбу и поведение Марьи Темрюковны и неуклюже овязывает с нею и эпизод единоборства с Кострюком. Таков вариант Миллера, № 27 — Киреевский (VI. С. 114). Желая оправдать предсказания умершей благоверной царицы, песня, очевидно, ради этого, сохраняет на Марье Темрюковне тень каких-то подозрений и, вместе с поражением Кострюка, заставляет царя расправиться и с самой царицей:

«Бра! царь свою Марью Темрюковну,
И вел он в далече-чисто поле,
Стрелял он ей в ретиво сердце
Тут ей и славу поют»⁵

В большем количестве вариантов мотив сватовства, приданого и женитьбы присутствует уже только в виде краткого упоминания. Певец эти эпизоды не развивает в особый сказ, он кидает эти факты лишь в качестве предварительной экспозиции и быстро переходит к главному эпизоду борьбы:

«Как наш царь холост был,
Васильевич неженатый был,
Он брал из чужой земли
Молоду младу черкасьевну,
Ах и свет Марью Темрюзьевну
Он и много приданого взял —
Городов с пригородками,
Что и селки с приселками,
Он много гостей зазывал
Как все-то гости съехались» и т. д.⁶

Этот тип песни по вариантам бесконечно меняется в разных мелких деталях. Одни скажут о женитьбе, опустят о приданом, другие упомянут о посольстве или поездке на чужбину за невестой, иные представят Кострюка взятым в качестве приданого, иные, наоборот, представляют его отсутствующим и долгожданным гостем у давно уже повенчанных царствующих супругов.

⁵ Там же, № 27, Киреевский, VI С. 119.

⁶ Там же № 90, ср. № 37, 38, 40, 44, 45, 46, 47, 48, 63, 64, 65, 66, 68, 70, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 84, 88, 89 и 91.

Есть вариант, где Кострюк присутствует как жених, за которого Грозный отдает «дочь большую»⁷.

В дальнейшем этапе художественной концентрации песня забывает мотив женитьбы, и подходит к состязанию удальцов с самого начала, дав лишь обычную подготовку неожиданности и эффекта в мотивах самохвальства и надменности Кострюка, пользуясь для этого обычной обстановкой княжеского пира:

«Заводился тут пир пированьице,
Собирались гости честные почестные.
Приезжал Кострюк Кострюканович,
.....

Еще тут Кострюк напивается,
Еще тут молодой наедается,
Еще тут Кострюк прирасхвастался,
Еще тут молодой разбахвалился
Да своей ли то силой богатырскою» и т. д.⁸

С утратой мотива о женитьбе были забыты родственные связи между Кострюком и Иваном Грозным, и из дружески пирующего гостя Кострюк превратился в наезжего враждебного нахвальщика. Царица Марья Темрюковна превращается в «купаву» крымскую, «упалу» татарскую и пр. Интригующая подготовка к состязанию дается мотивами насильнических угроз и бахвальства наезжающего врага-нахвальщика: Купава крымская, «поленица удалая» с Кострюком наезжают на землю русскую к царю Ивану Грозному «отведать сила богатырская, плечо молодецкое», останавливаются под Москвой, пишут ярлыки окорописчатые с угрозами и просят себе поединщика⁹. Далее рассказ идет в обычной схеме: описываются борцы, происходит состязание, и Купава с Кострюком отправляются назад с посрамлением.

Очевидно, фактические обстоятельства эпизода с Кострюком со временем утратили значение, интерес сосредоточился исключительно на состязании, причинная мотивировка возникшего единоборства стала безразличной, открылся путь перестановки функционально однозначных мотивов. Рожденная историческим обстоятельством и некоторое время существовавшая как исто-

⁷ Миллер, № 58.

⁸ Там же. № 49; ср. 71, 83, 85.

⁹ Ср. былины о Мамае, Батыге и под.

рическое воспоминание песня со временем сохранила сосредоточенный интерес только к мотиву единоборства и дальнейшее существование и внутреннюю концентрацию продолжала исключительно в интересах этого главного мотива. Прежние, может быть, раньше интересные для ближайших поколений и осведомленной среды, фактические исторические детали теперь потеряли цену и были или совсем выброшены, или, если оказались пригодными для целей связности и занимательности рассказа, нашли функциональное применение в аксессуарно-обстановочной периферии его. С другой стороны, забывая исторические подробности, песня пополнялась иными приемами художественной техники слагателя, всасывая в себя ходячие формулы его искусства. Так произошла путаница, потом окончательное забвение женитьбы Грозного: невеста превратилась в поленицу-купаву, а иногда и совершенно исчезала из песни; Кострюк, прежде шурин Грозного, оказался наезжим наильником.

Вопреки мнению С. К. Шамбинаго (усматривающего в той редакции песен о Кострюке, которая начинается с наезда этого борца вместе с поленицей-купавой, след когда-то самостоятельной песни об отбитом наезде, впоследствии контаминировавшейся с песней о женитьбе Грозного на Марье Темрюковне)¹⁰, Всеволод Миллер считал все варианты этой песни лишь особой редакцией одного и того же сюжета¹¹; с Вс. Миллером в понимании этого места вполне соглашается Б. М. Соколов¹². Их предположения идут в полное соответствие с нашей аргументацией.

Не столь обязательно, но при общей проблематичности всяких генетических построений достаточно убедительно выступает связь былины об Илье и Идолище поганом с «Житием Авраамия Ростовского». Если былина и «Житие» есть, действительно, «отзвук одного и того же местного ростовского религиозного сказания о борьбе с Идолом», как это предполагает статья Б. М. Соколова¹³, то в таком случае, мы имели бы еще один

¹⁰ Шамбинаго С. К. Песни-памфлеты Песни времени Ивана Грозного

¹¹ О некоторых песенных отголосках//ЖМНП 1913 VII С. 4.

¹² Шурия Грозного, удалой борец Мамстрюк Темрюкович//ЖМНП 1913 VII С. 22

¹³ Былины об Идолище Поганом//ЖМНП. 1916. V.

весьма показательный пример процесса былинного сюжетосложения в его характерных композиционных тенденциях.

Нарращение одних деталей и устранение других, усиление и сгущение красок, их ослабление, изменение и перестановка действующих фигур, своеобразная интерпретация общей схемы событий — все это направляется к усилению выразительности одного и того же скрытого центрального и вдохновляющего эффекта победы героя над противником.

1. Былина усиливает и по-своему преобразует героический облик героя. Герой «Жития» лишен физической силы, главной славы былинного богатыря. Герой «Жития» сокрушает Идола не сразу и не собственной силою. При первой попытке «разорити сего многокозненного идола» Авраамий этого сделать «не возможе». Такая ситуация не была бы к выгоде былинного богатыря, и в былине бессилие перед страшным и подавляющим идолом перенесено на резонирующую среду и оставлено только за ней. Сам же Илья при первом же столкновении, к удивлению всех, а больше всего самого Идолища, расправляется с ним легко и просто. Герой «Жития» в своей способности сокрушить Идола поставлен в зависимое положение от Иоанна Богослова, которому в былине должен был бы соответствовать калика, встреченный Ильей. В былине герой один и всегда независим. В нем нет принижения перед каликой, над которым он безусловно господствует и нуждается в нем только для того, чтобы за его костюмом до времени скрыть себя, но и эту услугу он берет, а не просит.

2. Калика в былине низведен до положения резонирующей среды, своим бессилием и беспомощностью перед одолевающим врагом, дающей лишь фон и рельеф подвигу героя. Даже в тех случаях, когда калика рисуется как богатырь¹⁴, его сила использована в функции оттенения наибольшей необычайности и непревзойденности самого Ильи. На вопрос Ильи, почему Иванище при своей силе не расправился с Идолищем, Ива-

¹⁴ Сильный, великий «Иваиншшо» (Марков, № 69; ср. Киреевский, IV С 18, Тихонравов — Миллер, № 13; Рыбников, № 6; Гильфердинг, № 48, 4 и др.).

нище признается, что он не смеет идти к татарину¹⁵, не смеет «в супор слова молвити»¹⁶, «думушкой подумати и мыслями помыслити»¹⁷. Иногда каличище неохотно и не сразу отдает Илье калицкое платье и клюку, но все же здесь ни на минуту он не выходит из покорного признания преобладания Ильи:

«И думывал-подумывал калика переходя: —

Не дать Илье платьице, силой возьмет,

— Силой возьмет да мне-ка бок набьет.

И втыкиул он клюшку волжанку

Во матушку сыру землю,—

И уходила та клюшка до коковочки»¹⁸ и пр.

3. Орудие, каким Илья расправляется с Идолищем, лишено таинственной силы, какая придана трости Авраамия в житии. Калицкая клюка или греческая шляпа бывает представлена в былине двояко: или как нечто очень тяжелое, или как нечто совершенно незначительное, в других руках пустое и безобидное.

И в том и другом случае такое качество богатырского орудия служит к усилению его исключительности: клюка (шляпа) в 90 пудов — следовательно, велик и силен Илья, владевший ею; клюка (шляпа) легка и незначаша, следовательно, сильна рука Ильи, при таком пустом орудии справившаяся с таким непомерно огромным противником.

4. Образ Идола в «Житии» не получил развития. Описание внешности Идолища, его огромных размеров и его необычайного обжорства не находит прямого соответствия в «Житии» Б. М. Соколов полагает, что обжорство Идолища, пожирание целого быка, коровы, птиц и огромного количества питья являются «поэтическим отголоском языческих жертвоприношений»¹⁹. Это вполне правдоподобно. Но здесь для нас замечательно это внимание и интерес к устрашающему и подавляющему облику противника, в то время как другой памятник на этот же сюжет, но иного назначения, каса-

¹⁵ Гильфердинг, № 4.

¹⁶ Там же № 232

¹⁷ Тихонравов — Миллер, № 13

¹⁸ Рыбников, № 62; ср.: Гильфердинг, № 144 и др.

¹⁹ ЖМНП. 1916. V. С. 31.

ется этого лишь мимоходом, усиливая лишь религиозную сторону создавшейся ситуации (религиозное засилье Идола) и не замечая остального. Былина, имеющая в виду прежде всего *богатырский* подвиг героя, в заботе о выгодах конечного эффекта, задерживает движение то угрозой видимой непреодолимости, то оценкой надменного бахвальства и издевательств самонадеянного противника, и для этого утилизирует все возможности, какими располагает имеющийся в ее распоряжении материал.

В результате всех передержек, перестановок, дополнений и сокращений, из случайной и разнообразной вереницы эпизодов и деталей получается выдержанная и целостная согласованность замкнутого сюжета.

В качестве показательного примера применяющейся деформации сюжетного отдельного эпизода считаем возможным остановиться на мотиве недоверия в былине о Сухмане. Этот эпизод уже не раз останавливал внимание исследователей, искавших генетических связей былин с историческими или легендарными фактами. М. Г. Халанский, А. С. Якуб и П. П. Миндалев, сближавшие былинку с летописной легендой о Демьяне Куденевиче, считают недоверие Владимира к ратному подвигу Сухмана результатом позднейшего наслоения и стилизации. С. К. Шамбинаго эпизод недоверия к Сухману считает отголоском вероломства Ивана Грозного по отношению к военным вождям своим, например, к Михаилу Воротынскому, отразившему перекопского царя, а потом замученному пытками и казненному Иваном Грозным²⁰.

Может быть, действительно, эпизод неожиданной опалы Сухмана отражает какие-то факты вероломных отношений между царями, князьями, воеводами и полководцами, но совершенно невероятно, чтобы опала мотивировалась недоверием к совершившейся уже победе над врагом лишь потому, что эта победа показалась бы сама по себе невероятной и невозможной. Совершенно также невероятно, чтобы герой победитель был уличаем во лжи лишь потому, что его подвиг оказался совершенно исключительным и неожиданным, и за эту кажущуюся ложь был бы отвергнут и наказан. Траги-

²⁰ Исторические переживания в старинах о Сухмане//Сборник, посвящ. В. О. Ключевскому. 1909. С. 503—513.

ческий конец былины, вероятно, подсказан тем историческим или легендарным зерном, из которого она вышла, но мотивировка опалы Сухмантия (недоверием к поразительному ратному подвигу) никакой исторической действительности соответствовать не может. Моральной тенденции тоже здесь никакой нет. Остается только эстетическая целесообразность, только она осмысляет и оправдывает происхождение этой картины. Эффект кажущейся лжи пред резонирующей средой, сам по себе, здесь возник и живет в той же функции, как и недоверие в былине об Илье и Соловье Разбойнике, т. е. в качестве выражения удивления и восхищения подвигом героя.

Только в свете эстетического понимания получает ясность композиционная спайка известного былинного зачина о турах и плачущей богородице с былиной о Батыге и Василии Пьянице. Вс. Ф. Миллер полагает, что эта легенда о Богородице, скорбящей о судьбе Киева, «должна была сложиться вслед за разгромом города Батыем в 1240 г., и открывала собой какую-то древнюю историческую песню о нашествии Батыя на Киев, которая, по его мнению, должна была иметь печальный конец — действительную гибель Киева», — «иначе, говорит он, начало песни соответствовало бы ее концу, как это и наблюдается в былине о Василии Пьянице и Батыге». «Такое знамение не может не исполниться. (По легенде — А. С.). Пресвятая Богородица не может ошибиться. Город должен пасть, и, действительно, после погрома Батыева Киев лежал в развалинах. И что же? Вместо описания ужасной судьбы Киева, предвещающей вступительной печальной легендой, мы в былине находим нечто совсем несообразное со вступлением. Предчувствие Богородицы не оправдалось: Киев остался цел, даже несмотря на отсутствие его главных защитников — богатырей. Огромные силы Батыги, его сына, зятя и дьяка (от 120 до 130 тысяч) шутя искрошил кабацкий заседатель Василий Пьяница. Ожидавшаяся драма разрешилась фарсом»²¹. Окончательный вывод Миллера такой: запев с богородицей, плачущей о судьбе Киева, в былине о Батыге и Василии Пьянице принадлежит старинному наследию в нашем эпосе. Не

²¹ Миллер В. Очерки. I. С. 313.

соответствуя содержанию быliny, «этот запове́д был безотчетно сохранен ее слагателем»²².

Существование древнейшей песни о падении Киева с трагическим концом вполне допустимо, возможно также видеть в современной быline о Батыге и Василии Пьянице переработку этого же сюжета, переделавшую историю падения Киева в победный подвиг Василия Пьяницы. Однако едва ли прав Миллер, считающий запове́д о плачущей богородице *несоответствующим* благополучному исходу быliny и лишь *безотчетно* сохраненным слагателем. Отчаянное и видимо безвыходное положение дела в начале рассказа, как мы видели, свойственно не одной только этой быline, — это общий прием в былинах этого типа. В данном случае легенда с тяжелым предсказанием несет ту же известную функцию подготовки неожиданности успеха. С победой Василия Пьяницы не стоит в противоречии и огромная сила Батыги (от 120 до 130 тысяч). Непонятно, почему эта цифра смущает Вс. Миллера: конечно, ему было известно, что в былинах бывают еще большие несообразности в гиперболическом описании вражьей силы, почему же здесь эта обычная особенность былинного рассказа возбуждает в нем особые сомнения. Вообще, если справедливо предположение Миллера о соответствии этой быliny историческому разгрому Киева Батыем, в этом случае былина явилась бы типичным примером былинной поэтизации исторического сюжета: забывается историческое содержание, и построение рассказа создается мотивами художественного эффекта.

3

От особенностей в построении сюжета обратимся к концепции персонажей. Уже ранними исследователями в облике былинного Владимира было замечено загадочное непостоянство, неопределенность и внутренняя противоречивость. Считая преобладающим положением Владимира в былинах положение стольного князя Киевского и преобладающим его качеством ласковость и доброжелательность, Ор. Миллер замечал в нем и нной

²² Там же, С. 326 (курсив мой. — А. С.).

нрав²³. Владимиру придаются эпитеты «светлый», «пре-светлый», «славный», «ласковый»; он отличается нена-платною красотой, именуется «красным солнышком», «великим князем», но вместе с этим былина иногда рисует его корыстолюбивым, завистливым, праздным, вероломным, неблагодарным, коварным и жестоким. Некоторые черты, как, например, корыстолюбие Вла-димира Ор. Миллер считает отголоском «германской дружинности во Владимире, как князе-варяге», другие отрицательные черты, думает он, «уцелели от времен от-даленнейших, от так называемой патриархальности, т. е. поры грубейшего кровного деспотизма». «Наконец, допускает он, на то же лицо налег во многих былинах и позднейший государственный деспотизм в духе Ива-на Грозного»²⁴.

Для объяснения такой, как выражается Ор. Миллер, «несочувственной стороны» князя при господстве ми-фологической школы напрашивались мифологические аналогии: «солнышко могло представляться не только ласковым, ясным, но и жгучим, палящим, злобным»..., «при позднейшем бытовом наслоении»²⁵ на солнышко киевское «враждебная сторона» в нем сказалась «во вспышках произвола», самоуправства²⁶. Для объясне-ния праздности Владимира припоминались свойства древнеславянского, в покое пребывающего Сварога²⁷. Припоминая мнение Добролюбова, объясняющее без-деятельность Владимира влиянием византийской го-сударственной важности, Ор. Миллер, не соглашаясь с ним, указывал на «простоту отношений между князем и богатырем», как на черту весьма далекую от византий-ской атмосферы. Заимствование этой княжеской черты от восточного эпоса (по теории Стасова) Ор. Миллер тоже считал невозможным: «ханы-родоначальники ока-зываются несравненно деятельнее нашего Владимира: они воюют, они охотятся и добычею кормят народ, наш же князь никогда ничего не делает»²⁸. В конце концов,

²³ Миллер Ор. Илья Муромец и богатырство киевское. Спб., 1869. С. 329.

²⁴ Там же. С. 329.

²⁵ Там же. С. 647.

²⁶ Миллер Ор., по толкованиям Шеппнига (Там же. С. 329).

²⁷ Там же. С. 330.

²⁸ Там же.

Ор Миллер вычеркивает этот образ из состава народных идеалов и отказывается от всяких иных толкований

На тусклость и бесцветность былинного Владимира обращал внимание и Ф. Буслаев и тоже затруднялся найти этому объяснение²⁹ «Потому ли, что государственное начало, скрепленное пришлыми варягами, охватывало русскую жизнь только снаружи, одними внешними формами покорения и налогов; потому ли что князь и дружина, набранная из чужаков, авантюристов, стали особняком от низменного, коренного населения Руси,—как бы то ни было, только исторический идеал самого князя Владимира в народном эпосе мало выработался, не развился разнообразием подвигов и очертаний характера. Ласковый князь только пирует со своими богатырями, да посылает их на разные подвиги, а сам не принимает участия ни в какой опасности и сидит дома с супругой Апраксеевной»³⁰

Всеволод Миллер в пору писания «Экскурсов» генетически объяснить Владимира из исторических национальных наслоений считал невозможным. Припоминая весь круг сведений, оставшихся около имени исторического князя Владимира, Вс. Миллер указывал на те глубокие исторические следы, кои оставил после себя этот, по его словам, «один из энергичнейших деятелей далекого прошлого» и находил, что «такая личность должна была на долгие времена отложиться в народной памяти, стать центром эпических сказаний, и центром не только «географическим», не таким, каким является Владимир в нашем богатырском эпосе, только как бессменный князь киевский, вечно заводящий в гриднице «пированье почестен пир», а действительным «красным

²⁹ Русский вестник 1862 Сентябрь С 52 Перепечатано Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной поэзии и искусства Спб, 1861 Т II С 28 О праздности князя см. еще Майков Л. Былины Владимирова цикла С 96

³⁰ «Если мы рассмотрим былинного Владимира, то найдем в нем во всех главных чертах полную бесцветность, полное несоответствие с летописным идеальным князем, и, естественно, впадаем в недоумение, почему эта низменная, нередко комическая и презренная фигура носит на себе славное историческое имя и притянула к себе такое множество эпических сказаний?» (Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского эпоса // Русская Мысль 1891 № 1, С 72).

солнышком» Русской земли, широко разливающим свои лучи во всей области эпических сказаний»³¹. Единственно возможным объяснением этому Вс Миллер в эту пору считал восточное влияние на русский эпос Черты самодурства, подозрительности, гневливости, жестокости, и рядом с этим космический облик труса, бесславного и вероломного интригана, над которым иногда издевается герой-богатырь, угрожая убить его и сесть на его место, — «все эти черты, — говорил Вс Миллер, — должны быть навешаны извне, должны быть занесены с Востока, из области сказочных царей — деспотов и трусов, и не могли органически возникнуть на русской почве, как эпические отголоски личностей каких-нибудь исторических русских властителей»³².

Впоследствии, когда Вс Миллер отошел от восточной теории, ему черты Владимира не казались столь чуждыми национально-русскому бытовому и государственному складу. Не считая возможным видеть во Владимире изображение и отражение одной личности Владимира «Красного Солнышка», он в очерках, посвященных рассмотрению отдельных былинных сюжетов, указывал в нем то черты Владимира Васильевича Волинского (XIII в. «К былине о Дунае»), то Владимира Мономаха («К былине о Ставре»), или какого-либо другого князя, замененного бессменным Владимиром уже впоследствии. Бесхарактерность, бесцветность и трусость князя Владимира Миллер чаще всего объяснял отражением новгородского положения княжеской власти (см. «К былине о Чуриле», «О Хотене» и др.).

А В. Марков противопоставляет эпического былинного Владимира князьям былин, не принадлежащих к Киевскому циклу (Роман в былине о Ливиках, Глеб Володьевич). В последних «рисуются герон, своими подвигами затмевающие доблесть дружины, бесстрашные и сильные, непобедимые и энергичные»... Князь же Владимир³³ — это «тип скорее отрицательный, соединяющий в себе черты деспота и труса, допускающего не-

³¹ Там же С 71

³² Там же С 78

³³ В нем А В Марков, как и В Ф Миллер, видит отражение нескольких князей с этим именем Владимира Святославича, Мономаха, Владимира Васильевича Волинского и некоторых других князей Суздальских, Новгородских.

позволительные промахи, сшибки и несправедливости, часто играющего жалкую роль (иногда повара!) и умеющего только пировать»³⁴. Причина этой разницы, по его мнению, лежит в различных среды слагателей эпоса богатырского (с князем Владимиром) и княжеского (с иными князьями).

Богатырский эпос, возникший, по мнению А. В. Маркова, в среде княжеских дружин, должен был носить черты антагонизма между властелином и подчиненными: отрицательные черты князя Владимира и являются выражением неприязни дружинника демократа к враждебному аристократическому кругу. В княжеских же былинах (о Романе, о Глебе Володьевиче) «отношения между князем и дружиной выставляются в идеальном свете». «Зависит это, по мнению Маркова, конечно, от того, что в тех былинах дружина остается на втором плане: княжескому придворному певцу нечего заботиться о настроении ее, когда он прославляет своего патрона, и ее интересы не могут возбудить к себе в нем сочувствия и расположения»³⁵.

В вопросе о связях былинного Владимира с исторической действительностью нам кажется необходимым различать две стороны: 1) о частном историческом приурочении Владимира, как персонажа отдельной былины, к определенному историческому лицу и 2) об общем соотношении былинных представлений о князе с историческим укладом и нравами княжеского быта вообще.

1) В специальных исследованиях нередко в качестве аргументации к историческому приурочению той или иной былины можно встретить указание на соответствие известных качеств Владимира данной былины с имеющимися представлениями об определенном историческом лице или о многих лицах данного территориального и хронологического круга. Так обычно поступал Всеволод Миллер. Для доказательства, например, новгородского происхождения былины о Чуриле он ссылаясь на бесцветность и неприглядность облика Владимира «Очевидно, — писал он, — что князь Владимир, внесенный в былину (о Чуриле — А. С.) очень далек от того эпического князя, которого поручения беспрекословно справ-

³⁴ Марков А. В. Бытовые черты русских былин. С. 42. Скобки А. В. Маркова

³⁵ Там же. С. 52.

ляют могучие богатыри (Добрыня, Дунай, Илья Муромец), который при случае засаживает богатырей в погреб глубокие. В нем не видно ни ласкового Красного Солнышка стольно-киевского, ни деспота с чертами московских царей или восточных сказочных. Это князь, лишенный всякого значения, как бы взятый напрокат, чтоб быть свидетелем богатства и могущества частного лица. В создании такого князя сказывается не южно-русский взгляд дружинника, не суздальско-московский — на князя вотчинника и деспота, а всего скорее новгородское представление о княжеском достоинстве, — о князе, который княжит, но не управляет»³⁶. Признаки слабости княжеского достоинства у Владимира для Вс. Миллера всегда были аргументом к отнесению сложения былины к новгородской области³⁷.

С другой стороны, черты деспотизма и жестокости во Владимире не один раз служили поводом к отождествлению его с московскими царями и, главным образом, с Иваном Грозным. Это было, например, в статье С. К. Шамбинаго о Сухмане, в статье Б. М. Соколова о Даниле Ловчанине и др.

Нам кажется, путь таких рассуждений должен быть ограничен следующими соображениями. Владимир никогда не является в былине предметом непосредственного повествования и изображения. Он всегда там на вторых и третьих ролях. Его образ затенен главным героем, на коем сосредоточен весь рассказ. В композиции целого ему дана роль подсобная, служебная, предназначенная лишь к созданию необходимой ситуации, при которой должны проявиться качества и поступки героя, составляющие непосредственный предмет художественных усилий певца. Подчиняясь этой роли, Владимир является то в чертах могущественного единодержавного деспота, то в чертах сломленного, приниженого, испуганного просителя, то в виде жадного и жестокого корыстолюбца, то в виде щедрого и бесконечно радушного гостеприимца. Все эти качества берутся на случай, смотря по надобностям момента и общим требованиям данного сюжета. Нужно изображение всеобщего ужаса пред наступающим или уже одолевающим

³⁶ Миллер В. Ф. Очерки 1. С. 191—192.

³⁷ Ср. о Хотене, о Ставре, об Иване Гостином. См. об этом в первом разделе настоящего сборника

насильником, и князь Владимир, в общей роли резонирующей среды, должен обнаружить всю силу безвыходности положения, беспомощности и нуждаемости в богатых, герое данной былины.

«Тут Владимир князь да стольнѣ-киевской
Он по горенки да стал похаживать,
С ясных очушок он ронит слезы ведь горючин,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир князь да таковы слова:
— Нет жива-то старого казѣка Ильи Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять за церкви ведь за божии,
Некому стоять-то ведь за Киев-град,
Да ведь некому сберечь князя Владимира
Да и той Опраксы королевичной»³⁸.

Эти сцены унижения Владимира пред богатырями являются общим местом в тех случаях, когда былина готовит впечатление важности и значительности подвига героя. Мы видели, что в подготовке конечного эффекта нашествие и угрозы противника в начале былины всегда представляются как «беда неминуемая», краски отчаяния и безнадежности в устах резонирующей среды являются всеобщими, и Владимир в своих слезах и поклонах выражает тот же плач и стон.

«Князь Владимир порасплакался,
Собирает могучих богатырей,

И могучим богатырям раскланялся»³⁹.
— «Ах ты старый казак Илья Муромец!
Да как то не кричать, не треложить мне?
Да на стольнѣ-от город, как на Киев град..
А наезжает из-за славна за синѣ мора
Молодой младой сюды Соловников»⁴⁰.

Но вот для большего контраста в переходе от унижения и непризнания к поклонению и восторгам певцу нужно дать героя в предварительной обстановке недооценивающего пренебрежения, тогда в фигуре того же князя Владимира он находит источник деспотической несправедливости и обиды. Здесь будет и жесткая неблагодарность и грубость, и недоверчивость, ссылки и опалы вплоть до заключения в погреба глубокие.

³⁸ Гильфердинг, № 75 Илья и Калин царь.

³⁹ Рыбников, 1. 39 Илья и Калин.

⁴⁰ Гильфердинг, № 46.

Жалуется Илья:

«Служил то я у князя Владимира,
Служил я ровно тридцать лет,
А не выслужил слова сладкого, уветливого,
Уветливого слова, приветливого,
А хлеба соли мягкия»⁴¹.

Перед нашествием Калина царя Илья отсиживает в «погребях глубоких» «ровно три года» и спасается от смерти лишь тайной помощью княжеской дочки малешеньки-молодешеньки. Каково же было раскаяние и тоска-печаль у Владимира, когда подошел Калин⁴². И в этих случаях Владимир оказывается достаточно сильным, чтобы привести в страх и послушание всех своих богатырей. Грозное приказание посадить Илью в погреб глубокие, богатыри хоть с большим смущением, но все же выполняют, иначе не состоялась бы конструкция целого. «Да выведи из неволи из великия, победит нас солнышко Владимир князь», — обращаются они к Илье, и Илья сам сходит с коня доброго и спускается в погреб глубокие, чтобы потом, при нашествии Калина получить удовлетворение в унижениях просящего и раскаивающегося Владимира⁴³: «Упадал Владимир князь Илье во праву ногу»⁴⁴, бьет челом «до сырой земли»⁴⁵.

Другие качества Владимира: жадность, сластолюбие, вероломство и пр. усваиваются ему тоже лишь по мере нужды. В былине о Чуриле, о Дюке Владимир завистлив к чужому богатству, в былине о Даниле Ловчанине сластолюбив, в былине о Ставре корыстолюбив, в разных былинах он то глуповат и недогадлив (о Ставре и его жене), то сметлив и рассудителен: («а князь Владимир, он догадлив был» и пр.). Называемые сейчас былины выходят за пределы материала, взятого в этой статье, но архитектурный анализ каждой из них легко бы обнаружил и в них зависимую и иерархически подчиненную роль Владимира, обслуживающего своими словами и поведением рельеф главного персонажа.

И в других, более сложно и высоко развитых литературных произведениях, действующие лица в своих ролях

⁴¹ Рыбников, I. № 118. С. 100.

⁴² Гильфердинг, № 57; ср. № 75 и др.

⁴³ Гильфердинг, № 296.

⁴⁴ Рыбников. II. С. 670.

⁴⁵ Киреевский, IV. С. 42.

и характерах подчинены условиям взаимного фона и рельефа, но там, при установке художественного задания на цели внутреннего соотношения характеров, каждый персонаж, являясь резонирующим фоном и разъяснением для другого, в то же самое время и в себе самом заключает самостоятельное задание и собственный смысл, поэтому, живя для других, он внутри собственного состава всегда сохраняет известную целостность и постоянство. В былине иначе. Здесь фиксация художественного сознания более элементарна. Выдвигая героя, а в нем только какую-либо одну черту или один поступок, былина обо всем остальном имеет заботу лишь постольку, поскольку это необходимо для главного прямого и ближайшего задания. Ея мелодия проста, она не знает контрапункта. В этом состоит примитивная рудиментарность ее архитектоники. К цели своей она идет по прямой линии, и Владимир, пребывающий всегда на вторых и служебных ролях, бывает всецело обусловлен потребностями только главного и единственного эффекта. Каков выйдет Владимир, в сущности, былине совершенно безразлично, лишь было бы достигнуто нужное положение главного героя, — отсюда такое непостоянство и противоречивость облика Владимира.

Такая полная внутренняя архитектурная зависимость и обусловленность роли Владимира делает совершенно невозможным сближение его образа (данной былины) с каким-либо историческим лицом, хотя бы и оказывались совпадения в их чертах, ибо очевидно, что качества былинного Владимира по отдельным сюжетам являются искусственно подобранными соответственно целям каждого отдельного рассказа.

2) Но всякий подбор, как бы ни был он причудлив и мозаичен, все же предполагает известную наличность имеющегося у автора состава представлений. Являются ли эти представления результатом собственных реальных наблюдений или зашли из чужих захожих рассказов, во всяком случае, всякое творческое измышление представляет собою лишь своеобразную комбинацию каких-то уже имевшихся частей. Пусть образ князя свободно комбинируется в каждом новом былинном сюжете, все же каждый штрих его поведения и общей повадки, взятый сам по себе, вошел в былинку из какого-то общего фонда имеющих у сказителя сведений и понятий о князьях, о княжеской власти, о княжеском придворном

укладе жизни, о повадке княжеского обхождения пр.

И вопрос, откуда проникли эти представления в обиход былинного певца, конечно, неминуемо должен привести к справкам о реальных бытовых впечатлениях художника-автора, из которых он, как из общего запаса, брал краски и деспотического самоуправства и расположенного благоволения, и хищной алчности и мягкой тароватости, и гостеприимства и жадности, и вспышек крутого гнева и заискивающей трусливости, и барской милости и грозной расправы, и безответной покорности подчиненных и ропота их недовольства, бунта и открытого мятежа,— все, смотря по тому, что ему нужно для данного момента в движении сюжета. В этом смысле Владимир являет собою собирательный образ, не скажем русского князя, а тех представлений, какие имел русский певец о князе; а так как эти представления возникли в связи с впечатлениями реальной жизни, то, в известной мере, они сами по себе уже свидетельствуют и о самом князе и о той реальной точке зрения, какая была у певца на князя. Мы говорим: в известной мере, ибо и здесь нельзя упускать из виду эстетического фактора, полагающего ограничения на круг захваченных и примененных представлений, так как и весь состав былин, конечно, не покрывает всей полноты имевшихся жизненных впечатлений в этой области. Так что суждения по былинам о реальных представлениях о князе должны всегда иметь в виду тот круг применения, который определял собою границы надобности и отбора реальных элементов.

Взять хотя бы это бесконечное столованье, почестен пир. Здесь останавливают внимание два обстоятельства:

1) Во всех сюжетах, где появляется Владимир, былина всегда и неизменно застаёт его на пиру. Кто-то приезжает, кто-то уезжает, а у Владимира всегда пир во полупиरे, стол во полустоле. Даже в моменты грозных и тяжких обстоятельств, когда Киев одолевает враг и насильник, в гридне Владимира идет столованье с тою лишь разницей, что среди пирующих помещается насильник Идол или Тугарин. Должно создаваться впечатление, что слагатели былин не знали и не мыслили князя иначе, как только на пиру. Но такое суждение было бы опрометчивым, ибо рядом с этим нельзя не заметить и другой стороны.

2) Везде с таким же неизменным постоянством пир оказывается архитектурно направленным и целесообразным не для обрисовки Владимира, а для героя. Герой получает на пиру или задание на подвиг, или признание за подвиг. И для того и для другого пир дает удобную ситуацию для выделения героя, т. е. для главной исключительной задачи всей былины. Как выше было обнаружено, начало былины всегда озабочено созданием такой обстановки, которая давала бы впечатление угрозы и исключительности в готовящемся предприятии героя. И положение вызова на опасность в публичной обстановке пира, где в момент общей уклончивости и опасливости герой сразу выделяется из общей массы, несомненно, в силу именно этих архитектурных удобств, сделалось одним из наиболее развитых общих мест былинной техники. Пир, открывающий былинную, несомненно, существует в ряду других и в одинаковой функции с другими средствами и приемами интригующей и обособляющей подготовки (недоверие, молодость героя, расстань, тяжелое предсказание и пр.). Когда в былинах об Илье и Калине отсутствует наиболее часто применяемый здесь момент недооценки через заключение Ильи в погреба глубокие, эффект выделения героя находит себе выражение в обстановке пира. Испуганному Владимиру Илья советует отпустить угрожающего грубияна татарина и созвать пир:

Отпущай татарина во чсто поле,
К собаке к вору к царю Канну
После этого собирай князей-бояр на почестен пир,
Станем выбирать мы посланника»

Пир созван.

«Тут большой хоронится за среднего,
А середний хоронится за меньшого
И ходит старая собака матерая,
Старый казак Илья Муромец,
По той по гради по столовая
— Видно, некому мне заменитися,
Некому мне защититися»⁴⁶

Былина всегда ценит зрителя и ценителя. На пиру славятся заклады великие, судят и предсказывают, отговаривают и опасаются, хвастаются и соревнуются.

⁴⁶ Рыбников, № 141.

Помещая исход главного эпизода в обстановку пира, былина тем самым вводит его в атмосферу заинтересованности и взволнованных суждений и признаний. На пиру же найдет себе заслуженный восторг и удивление совершившееся героическое дело, и Илья, приехавший в Киев с пленным Соловьем, конечно, встретит у Владимира большую публику за честным столом: было бы кого удивить, было бы кому падать и окарач ползти. Таким образом, если былина в известный момент движения сюжета берет Владимира в одной и той же обстановке, то это не потому, что иных представлений о Владимире не было, но потому, что по условиям сюжета, по выгодам главного героя, Владимир нужен был только в этой обстановке.

Владимир всегда на втором плане, он никогда не заслонит героя, иначе героем был бы он, а не богатырь, а былина своим непосредственным предметом имеет только славу богатыря. Конечно, можно продолжить вопрос: почему же былина не знает Владимира в качестве первого лица своего повествования, почему нет ни одного сюжета с подвигом самого Владимира? Это обстоятельство тоже имеет свои основания, из которых, главные, очевидно, коренятся в классовых симпатиях той среды, из которой вышли былины, но в имеющемся составе былин, в роли резонатора и рефлектора на подвиги других лиц, Владимир по условиям общей композиционной былинной манеры должен был быть таким, каков он есть, независимо от иных тенденций. Известно, что когда герой-богатырь попадает в другой былине на положение резонатора, он значительно теряет свой ореол и вместе с общей фонирующей средой блекнет и уничтожается в этом новом сюжете, где блещет и удивляет иной герой.

4

Исследователи, в поисках за отголосками исторического прошлого в былине, давио уже обратили внимание на аксессуарно-обстановочную часть рассказа, предполагая, что мелкие бытовые черты, облекающие главный скелет повествования, в той или иной степени неминуемо должны были давать обстановку соответствующего исторического момента и среды. В последнее время бытовые сличения с исторической конкретностью или с ли-

тературной традицией давали особенно обильный материал для генетических приурочений⁴⁷

Несомненно, к такому приурочению имеются действительные и весьма серьезные основания. Всякое название какого-нибудь предмета свидетельствует, во первых, о наличии этого предмета в прошлом и, во вторых, о том, что он, в какой-то степени, как очевидно или по слухам, был известен какому-то составителю или исполнителю былины. Когда говорится, что Соловей Разбойник, подбитый стрелой Ильи, упал «как овсяной сноп», конечно, отсюда явствует, что какому-то слагателю или исполнителю овсяной сноп был известен, следовательно, былина прошла через такую среду, где производился посев овса. Дальнейший вопрос будет состоять только в том, когда именно сравнение с овсяным снопом проникло в былинку при самом сложении или уже в один из моментов дальнейшей передачи из уст в уста.

В данном примере конкретное бытовое представление проскакивает в стилистическом обороте (сравнение) и в собственном смысле никакого приложения в сюжетном действии и в обстановочном описании не имеет. Тем скорее напрашиваются исторические домыслы, когда предмет фигурирует в составе самого сюжета, как, например, дорога в былине об Илье и Соловье Разбойнике, клюка в былине об Идолище, или соха в былине о Микуле Селяниновиче. Эти предметы живут в сюжете, как неотъемлемые звенья, около которых происходит какая-то завязка и концентрация какой-то группы действий героя. Напрашивается предположение об исконной, первичной принадлежности этих предметов данному сюжету.

Может быть, с большей проблематичностью и осложнением, но тоже не без оснований, историческое прошлое былины проектируется на осознание чисто описательных деталей: костюм действующих лиц, пища, жилище, убранство, военные снаряжения, общий уклад бытового обихода и пр. Всякие сличения в этой области, конечно, в известной степени служат подспорьем к разъяснению загадок прошлого⁴⁸

⁴⁷ См. об этом раздел первый. Имеются в виду работы В. Ф. Миллера, А. В. Маркова и др.

⁴⁸ О логике бытовых сличений см. наши замечания в первом разделе.

Но и здесь эстетический фактор должен еще более осложнить дело. Бытовые черты былины нельзя брать и выносить в голем виде. Они тоже нуждаются в предварительном установлении их функционального значения в данном месте внутри целого. В зависимости от их архитектурного назначения, несомненно, меняется их конкретная содержательность и показательная документальность. Нам представляется необходимым учитывать здесь, по крайней мере, три обстоятельства: 1) архитектурную сюжетную направленность данной частности; 2) степень функциональной равнозначности возможных замен; 3) общий эмоционально-эстетический тон стиля, в каком ведется рассказ.

1. Сюжетная действенность данной бытовой предметной конкретности удерживает ее в большем постоянстве и прочности в процессе передачи, ибо в этом случае конкретность входит в самый скелет сюжета. Такой случай заставляет предполагать наибольшую архаичность и изначальную связь с какими-то реальными истоками сюжета. В этом заключается несомненная выгода подобной документации. Однако, взятая сама по себе, данная частности, хотя бы самая постоянная и органически присущая сюжету, но вынутая из его общего движения и направленности, в своем качественном наполнении часто теряет всякий смысл, ибо ее качественное содержание в составе былины часто бывает обусловлено лишь служебными целями выразительности к общей данной теме.

Такое положение, например, в былине об Илье и Соловье Разбойнике занимает дорога. Находясь в функции наибольшего усиления преодолеваемых Ильей трудностей и опасностей, дорога через рску Смородинку, естественно, получает исключительные черты, соответствующие исключительности самого героя. Отсюда эта бесконечная гиперболизация в изображении ее непроходимости и в силу огромного расстояния, и в силу внутренних неудобств (заколодела, замуравела и пр.), и в силу внешних опасностей от Соловья Разбойника. И конечно, брать ее качества как буквальное изображение прошлой действительности, как это делал, например, В. О. Ключевский⁴⁹, не представляется возможным.

⁴⁹ Курс русской истории Ч. 1. С. 355. Ср. Миллер В. К. былинам об Илье Муромце и Соловье Разбойнике // Изв. ОРЯС АН. 1912 4. С. 197—198.

В О Ключевский говорил на основании былинных показаний о направлении дороги и об ее трудностях в самом общем смысле, еще большая несообразность ощущается у А В Маркова, когда в качестве исторической документации принимаются былинные цифры о расстоянии, которое проехал Илья⁵⁰

То же самое нужно сказать о клюке Ильи в былине об Идолище Припадажа, очевидно, к исконному составу сюжета, клюка, однако, получила свои свойства исключительно в зависимости от главного направления былины к прославлению силы Ильи Кюка, очевидно, лишь потому получила свойства непомерной тяжести, чтобы лишний раз свидетельствовать о силе богатыря. Совершенно было бы невозможно считать такое свойство клюки принадлежащим реальному быту, из обстановки которого вышла былаина⁵¹.

Отметим здесь очевидные несообразности, допущенные по игнорированию того же эстетического фактора при бытовой интерпретации былин других сюжетов В былине о Микуле Селяниновиче в целях выделения героя имеется в виду особенная обширность поля, на котором он работал А В Марков пользуется этим указанием, как свидетельством о реальном быте «Места, годные для обработки земли под пашни,— пишет Марков,— составляли собственность первого пахаря, расчистившего их, и земледельцы, конечно, не стеснялись размерами полей У Микулы было такое обширное поле, что «в край он уедет—другого не видать»⁵² «Вольга мог догнать его только на третий день после того, как услышал его понукивания»⁵³ Микула по бы-

⁵⁰ См « Вследствие дурного состояния дорог езда производилась неизмеримо медленно Гонцы князя Владимира гоняли от Киева до Муром 1—2 месяца» (ссылка автора на былины — Тихонравов — Миллер, I № 1 и 2) Еще «Ехать прямым путем часто бывало настолько затруднительно, что предпочитали ездить в обход, делая громадный крюк проезжали вместо 300 и 500 верст — 700 (Рыбников, I С 47 Гильфердинг, № 112 С 15), вместо 500—1000 (там же, № 74 С 49) вместо одной тысячи — две тысячи (там же № 210, Рыбников, II 328—29, ср IV 21 — Гильфердинг, № 171, С 870), сообразно с этим увеличивая и время езды, часто — вдвое» (Рыбников № 127 и др) Марков А В Бытовые черты русских былин С 33—34

⁵¹ О клюке см выше

⁵² Рыбников I № 3

⁵³ Там же 18, 20, 25, Марков А В Бытовые черты русских былин С 20

лине должен быть пахарем необыкновенным, он богатырь, и поражающая картина его поля не имеет предметно-реального смысла, она должна была лишь дать впечатление чрезвычайного, гиперболизация здесь имеет цели безобразного впечатления громады. Вынудое из общего окружения и смысла былины, это место у Маркова получило буквально реальный смысл. Это, конечно, не может быть оправдано.

Такая ошибка у А. В. Маркова встречается не раз. Богатство и торговый успех Садко в былине имеется как задание, в этом один из стержневых ее эффектов. А. В. Марков не учитывает эту специальную направленность и преднамеренность рисунка и берет его в прямом и голом виде: «Скупщики,— пишет он,— очевидно, получали громадные барыши. Так, Садко, отдавая рыболовам по 100 рублей за каждые три невода и продавая скупленную рыбу в гостиню ряду, получал сам груды червонцев»⁵⁴. В былине о Соловье Будимировиче Владимир оказывает Соловью исключительное гостеприимство; так должно было быть по ходу былины, по общему порыву признательности Владимира к главному герою. А. В. Марков опять, не учитывая специальных целей и связей сюжета, сводит отношения Владимира к Соловью к буквальному реализму: «Даже места для поселения в городе,— пишет он,— ценились невысоко: на просьбу Соловья Будимировича дать ему место в городе для постройки дома, князь предлагает ему строиться, где угодно»⁵⁵.

2. Что касается тех аксессуарно-обстановочных деталей, которые не имеют ближайшего участия в строении сюжета и находятся в описательно-стилистическом применении, здесь труднее всего было сохраниться элементам первоначальной действительности.

В статье об архитектурном соотношении внутреннего состава былин мы имели возможность установить по отношению к *единому* заданию эстетически функциональную равнозначность *различных* по составу ингредиентов. Так, в функции подготовки неожиданно-

⁵⁴ Киреевский, V 49—50; ср. Гильфердинг, № 70. С 148 и сл. Марков А. В. Указ соч. С. 14.

⁵⁵ Рыбников, II 190; III 195, IV 58, Гильфердинг, № 208, 53 С 136, Марков А. В. Указ соч. С. 20. Ссылки из текста при этих цитатах принадлежат А. В. Маркову.

сти и удивления отмечалось несколько различных эпизодов и моментов былины, однозначно заменяющих друг друга в былине на один и тот же сюжет. Если такая заменимость существует между целыми эпизодами, то еще больший простор открывается для аксессуарных и стилистических замен. Конечно, здесь речь идет о равнозначности не в каком-либо абсолютном смысле: нет двух слов и двух звуков одинакового внутреннего веяния, и не только взятые безотносительно, но и в отношении к данному функциональному назначению две, хотя бы и очень близкие разновидности, всегда обнаружат пределы большей или меньшей применимости, но в то же время нельзя не заметить, что в пределах данной надобности (в данный момент, в той или иной мере, но в известной степени) одинаково могут удовлетворять две, хотя бы во многом различные, единицы.

Отсюда непрерывная свободная текучесть деталей, заступающих одна другую в непринужденной замене при всяком новом пересказе в устах хотя бы одного и того же исполнителя: меняются слова, меняются краски и с ними вместе меняется в некоторых пределах и колорит рассказа, хотя общая концепция и направленность остается нерушимой, так как всякий новый размах изменений одинаково захватывает в свое поле предназначенную главную функцию. Особенно очевидным это становится при сличении текстов одного и того же сказителя, но в разные моменты исполнения. Для примера выписываем по нескольку стихов из былины об Илье и Соловье Разбойнике в двукратном исполнении А. Сорокина:

А. Сорокин пел П. Н. Рыбникову:

Как там солнышко князь
 стольно-Киевский
 Видит беду неминучую,
 онучею
 Не знает, кто приехал ко
 городу ко Киеву
 — Ежели невежа поганая,—
 Русскому богу не молился бы
 475 И нам он не клонился бы,
 Какой-нибудь Русский
 богатырь!
 Как тут говорил молодой
 Добрыня Никитинич:

Он же пел А. Ф. Гильфердингу:

А как солнышко князь
 как вышел на улушку на широкую
 А на свой он да на широк двор,
 А со своим как с русейским
 как богатырьми,
 Ай увидел среди двора чудо
 чудное,
 Ай увидел дивушко дивное,
 Ай как стоит осередь двора
 уж как добрый конь
 Ни к чему конь да непривы-
 зыван
 Ай у коня как у стремени

«Ай же, солнышко Влади-
мер князь!
Всех я знаю Русских мо-
гучих богатырен,
480 Одного не знаю,— старого

казака Илью Муромца
Я слышал наслышкой че-
ловеческой,
Что у него на бою смерть
не писана!
— Делать нам нечего всем
городом Киевом!
Видишь, у нас на широком
дворе
485 Стоит добрый конь бога-
тырский,

Ни к чему конь не привяза-
ный,
У коня стоит чудо чудное,
диво дивное
Как стоит тут у правых у
стремены,
Стоит проклятый Соловей,
Он прикован к богатырским
булатным ко стременам⁵⁶
и т д

Ай у стремени у правой у
булатней,
Ай как стоит чудошко чудное,
диво дивное,
Ай как стоит проклятой Соло-
вей
Ай привязан желтыма кудер-
камы он ко стремены,
Ай как тут он пораздумался,
начал советывать
Ай с любезныма как с русей-
скими богатырями
Ай как кто приехал к нам во
город во Киев от?
Ай как ежели приехала как
невежда поганая
Ай погано Идолищо,
Там русскому Богу ён не кла-
нялся б,
Солнышку князю челом не
бил»⁵⁷ и т д

Здесь, при одних и тех же намерениях, произошли летучие вставки и замены 1) при одинаковом смысле все же изменились слова Владимира; 2) у Рыбникова нет упоминания о сопровождающих богатырях, 3) различно описана картинка привязанного Соловья у Рыбникова «прикован к богатырским булатным ко стременам», у Гильфердинга «привязан желтыми кудерками»; 4) в оттенке изменилось отношение к Владимиру у Гильфердинга совершенно нет налета той фривольности, которая чувствуется у Рыбникова⁵⁸, 5) изменен временной порядок. Очевидно, все эти замены существенного значения в общем задании и направленности сюжета не имеют и в этом смысле являются равнозначными. Ср в других местах той же былины у Рыбникова «Вставали вси на стену городовую»; у Гильфердинга. «скакали », у Рыбникова «волчья сыть травяной ме-

⁵⁶ Рыбников, II С 160 № 127

⁵⁷ Гильфердинг, I С 590

⁵⁸ См опущенный нами стих 471 онучею

шок»; у Гильфердинга: «пеляной мешок»; у Рыбникова: «на зени» или «иа земли лежат»; у Гильфердинга: «мертвы лежат» и пр. В других былинах того же Сорокина (О Дюке. № 131, стих 307): «из той Корелы богатая»; у Гильфердинга: «корети богатые» (стих 381); Рыбников: «мостов каленых», Гильфердинг: «мостов калиновых»; Рыбников, № 132 (стих 109): «отмыкайте кованы лачи»; Гильфердинг: «отмыкайте сундуки око- ванные» и под.

В вопросе об отношении былины к действительности это обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение. В состав таких изменяемых частей былины входит по преимуществу то, что называется бытовыми чертами. Если у исполнителя имеется чистое эстетическое, а не историческое отношение к фактическому составу его рассказа, если аксессуарно-обстановочные детали им привлекаются лишь в целях эстетической картинности и выразительности общего движения и направления сюжета, то при свободной замене и изобретении этих деталей на ходу и в процессе рассказа, отголоски первоначального бытового окружения сюжетного действия скорее всего подвергнутся вытеснению и замене более близкими сознанию исполнителя представлениями. Меняясь, как снег на ветру, такие детали принадлежат всем временам, всем эпохам и группам, через какие прошла былина в своем существовании.

3. Третье, что обуславливает и направляет былинные изменения и поэтизацию реальности, это — задачи принятого былинным рассказом общего стилистического тона. Давно уже была замечена тенденция былины к воспарению над действительностью. мир былины проходит непрерывно в представлениях о том, что должно быть, вместо того, что есть. Былины и в сюжетах своих почти целиком охвачены восторгом и мечтой об идеальных качествах героя (сила и богатырская ратная доблесть, богатство, роскошь жилища и убранства, красота наружности и костюма и пр.). Общей приподнятостью в некий воображаемый мир лучшего всегда пронизан и аксессуарно-обстановочный слой былины (декоративная идеализация). Коротко брошенными чертами идеального убранства, обстановки, всяких принадлежностей костюма, жилища, утвари и т. п. былина всегда создает колорит идеально украшенного мира. На коне богатырском «узда в целу тысячу», «и во той ли уздечки да во тес-

мяной как зашито есть по камешку по яфону»⁵⁹, «седельшко черкасское в целу тысячу»⁶⁰, подпруги «чистого серебра, пряжечки-шпильки были красного золота», стремена «булата заморского», — и все это не вянет, не блекнет, не стареет:

«Шелк-то не рвется и не трется,
Булат-то не ржавит,
Красное золото не мидиет,
Чисто серебро не зелизнет»⁶¹.

И в других случаях: — столб на дворе так точеный⁶², кольцо так золоченое⁶³, сени новые⁶⁴, деревцо кипарисное⁶⁵, платок или тетивочка шелковые⁶⁶, подворотенка серебряная⁶⁷, крыльцо золоченое⁶⁸, ества так всегда сахарная, питьеце медвяное⁶⁹, шубка соболей сибирских⁷⁰, или кунья⁷¹ потянута хрущатой камкой⁷², пуговицы вольячные⁷³, околени хрустальные⁷⁴, лавочка (торговое помещение) серебряная⁷⁵, петелки на дверях серебряны, защелочки позолочены⁷⁶, скамейки из рыба зуба⁷⁷. Эти украшения наполняют все былины по всем сюжетам и вариантам и являются принадлежностью общего принятого былинной эстетического тона и колорита. Поэтому в бытовой исторической документации подобные черты могут служить аргументами территориальных и хронологических приурочений лишь при соответствующем устранении идеализирующей тенденции.

⁵⁹ Гильфердинг, № 171.

⁶⁰ Рыбников, № 103.

⁶¹ Рыбников, № 127.

⁶² Рыбников, № 116.

⁶³ Рыбников, № 116.

⁶⁴ Рыбников, № 116.

⁶⁵ Рыбников, № 139.

⁶⁶ Рыбников, № 170; Гильфердинг, № 3.

⁶⁷ Гильфердинг, № 3.

⁶⁸ Гильфердинг, № 3, 274.

⁶⁹ Рыбников, № 4.

⁷⁰ Григорьев, № 312.

⁷¹ Рыбников, № 4.

⁷² Григорьев, № 312.

⁷³ Григорьев, № 312.

⁷⁴ Рыбников, № 4.

⁷⁵ Григорьев, № 355.

⁷⁶ Григорьев, № 355.

⁷⁷ Гильфердинг, № 245.

Конечно, идеальные представления откуда-то тоже должны были возникнуть, и самая наличность таких, а не иных представлений свидетельствует часто об определенных реальных сторонах жизни, поэтому раскрытие источников таких представлений способно во многом осветить бытовую реальную почву, на которой создавалась былина⁷⁸, но все же ни на минуту нельзя забывать, что в былинах все-таки это лишь идеальные представления, а не реальные бытовые явления, и прямые приурочения на их основании едва ли возможны.

Вс. Миллер замечает в Микуле Селяниновиче черты новгородского мужика: орет сохою, черкающею о камни, выворачивает коренья на селъс, ездит за солью в Ореховец на Неве, бьется с русскими мужиками, и наряду с этими, по его мнению, новгородскими чертами, он усматривает другие: «Сошка Микулы,— пишет он,— дивно изукрашена дорогим рыбьим зубом⁷⁹, красным золотом и серебром⁸⁰, а сам он представлен иногда записным франтом не плоше Чурилы». Далее, выписав описание сошки Микулы и его наружности⁸¹, Миллер прибавляет: «В таком роскошном наряде Микула представляется не мужиком-пахарем по профессии, а скорее каким-нибудь царевичем или барином, взявшимся для виду за игрушечную соху и разыгрывающим из себя земледельца»⁸². Удивляясь, почему былинный Микула облечен в такой неподходящий для его положения парад, Миллер предполагает в этом обстоятельстве механическое отражение захожего сюжета⁸³. Такая аргументация, конечно, не может быть убедительной: где же в былинах нет этой парадности, когда весь ее стиль — непрерывная идеализация.

Другой пример Исследователи интересовались, почему в былинах везде фигурирует в качестве любимой

⁷⁸ В этом отношении некоторые разыскания А. В. Маркова, Вс. Миллера, С. К. Шамбинаго имеют большую ценность.

⁷⁹ Гильфердинг, № 32.

⁸⁰ Гильфердинг, № 131, 45, Рыбников 1 № 3, Гильфердинг, № 156.

⁸¹ «Гужики шелковые, сошка кленовая, омешики на сошки булатни, присошечек серебряный, рогачик красна золота, кудри у оратая как жемчуг рассыпаются, глаза ясна сокола, брови черна соболя, сапожки зелен сафьян» и пр. (См. Гильфердинг, № 156).

⁸² Миллер В. Очерки 1 С. 178.

⁸³ Там же. С. 179, 443—449.

рыбины семжинка-белужинка и для исторически бытового приурочения былины ищут эту рыбу в быте новгородском или киевском. Но семжинки-белужинки, оказывается, нет ни в новгородских водах, ни в киевских⁸⁴. Здесь опять недоумение, которого не было бы, если бы помнить, что былине по ее стилю нужна не реальная рыба, которую кушает сам сказитель, а идеальная, о которой он только мечтает и фантазирует⁸⁵.

В такой же общей идеализирующей тенденции дан костюм калики в былине об Илье и Идолище

«У его лапотцы на ножках семи шелков,
Клюша то у его ведь сорок пуд
Как ино тут промеж то лапотцы поллетены
Каменья-то были самоцветныи»⁸⁶

Подсумок у калики рыжого (или черна) бархата⁸⁷. Иногда проще, без разработки, но все же платье калики идеально выделяется⁸⁸.

Но на описании костюма калики, очевидно, столкнулись две стихии: общая идеализирующая тенденция стиля и композиционные интересы сюжета. По сюжету нет надобности в исключительных качествах каличьего костюма, в который должен облечься Илья, чтобы скрыть себя, тогда как общее симпатическое отношение былины к каличищу Иванищу побуждало к принятым в таких случаях идеализующим краскам. В результате эти две тенденции по вариантам взаимно перебивают друг друга. Чаще всего былина не дает никакого описания⁸⁹, но иногда в сопоставлении калицкого платья с

⁸⁴ См. Коробка Н. И. Сказания об урочищах Овручского уезда и былины о Вольге Святосл. // Изв. ОРЯС АН. 1909. № 1.

⁸⁵ Такое же объяснение получает иначе непонятный в былинах фантастический тур, как идеальный, облагороженный зверь. Имеющиеся предположения о первоначальных источниках этих идеальных представлений такому объяснению, конечно, ни в малейшей степени не противоречат. См. Сумцов Н. Ф. Тур в народной словесности. Киев, 1887. Его же. Былины о Добрыне и Марине и родственные им сказки о жене волшебнице. // Этногр. Обзорение. Кн. XIII, 1892. С. 168. Миллер В. Ф. Добрыня и Марина. // Миллер В. Ф. Очерки. I. С. 154.

⁸⁶ Гильфердинг, № 48, 144, 196, Рыбников, № 118, 6, 62 и др.

⁸⁷ Рыбников, № 62, Тихонравов — Миллер, II. № 13.

⁸⁸ Киреевский, IV. С. 19. «платье цветное».

⁸⁹ Лапти «старчески», шляпа «старческая», «клюха сорока пудов» (Гильфердинг, № 4), одежда «стариковская», «шляпонька пуховая», «клюха горбатая» (Гильфердинг, № 22), «платье

богатырским сказывается пренебрежение к калицкому платью, за которым предполагается его неприглядность, как оно и должно быть по требованиям сюжета.

«Уж ты ой еси калика перехожая!
Уж омменимсе с тобой мы платьем цветным»
Уж на то ноньце калика соглашаласе,
Скиныват он с себя платье калическо,
Молодечь-от скидыват платье хорошее,
Он ростегиват у ся все ноньце панзыри,
Скинываг он с себя платье хорошее,
Отдават свое платьицо калики-же
Он берет у калики платье калическо,

А калика надел платье молодецкое»⁹⁰

Как бы то ни было, и в том и в другом случае качественное наполнение рисунка определялось намерениями внутренне конструктивного эстетического характера, и в дело исторической документации былины это должно вносить новые осложняющие ограничения.

Все эти соображения и факты позволяют нам сделать следующие выводы:

1) Реалистическая показательность разных ингредиентов былины различна в зависимости от условий функ-

каличье» (Гильфердинг, № 186), «платье скоморошное», «шляпа сорочинская» (Гильфердинг, № 245), «надел Илья Муромец латы железные, а по них накрутился каликою перехожею» (Рыбников, № 87), «муница (гуница, гуня) на калице сорочинская, шляпа на калике земли греческие» (Рыбников, № 140); «платье каличье», «каликино», «лапотки обтопочки» (Киреевский Кн IV С 23), «платье калицкое» (Былины новой и недавней записи № 4), «платье каличье» (Марков, № 43); «платье каличье», «клюка девяносто пуд» (Марков, № 44), «платье калическо, шляпа сорока пуд, а клюка-та была его подорожная сорок пуд» (Марков, № 69), «встретил калику Иванишша и переоделся в его платье калическое» (Марков, № 92), «платье каличькое» (Григорьев, № 112), «оделся каликою» (Григорьев, № 349)

⁹⁰ Ончук, № 20 С 90, Ср «Скоро скидывает с себя платье цветное, надеват платья каличьи» (Рыбников, № 118), «скинывай ты свое платье калицкое, надевай ты мое платье богатырское». (Былины новой и недавней записи № 4), такие эпитеты, как платье — скоморошное, (Гильфердинг, № 245), лапотки обтопочки (Киреевский, Т IV. С 23) указывают тоже на неприглядность, в варианте Григорьева (№ 355) мена платьем только и мотивируется тем, что оно дурное

Говорил молодец таковы слова

«А и вы ой еси, голи фсе кабадки!»

А скинуйте тко платье, которо хуже фсех,

А одевайте моё платье хорошее »

ционального применения их в общей организации целого;

2) Вопрос о генетическом приурочении данной художественно-реалистической конкретности может иметь место лишь в том случае, когда установлена функция ее применения в концепции целого;

3) Историческая действительность в *сюжетном* былинном применении меняется в направлении наибольшей концентрации вокруг главного эстетико-психологического задания данного сюжета;

4) Соотношение *персонажей* былины с своими историческими прототипами определяется той ролью, какую данное лицо займет в общей концепции рассказа;

5) Степень исторической документальности бытовых элементов былины находится в связи с тем, имеют ли они действительную роль в построении сюжета или находятся в составе периферических средств поэтической выразительности, как принадлежность *стиля*;

6) Всякое генетическое рассмотрение былины требует предварительного раскрытия внутренне-конститутивного смысла ее частей.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ БЫЛИН С 1896 г. ПО 1923 г. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Настоящий обзор материалов по былинам имеет своею ближайшей целью послужить справочником для лиц, интересующихся их изучением. Исходной датой нам послужил год, на котором заканчивается обзор А. М. Лободы («Русский богатырский эпос Опыт критико-библиографического обзора». Киев, 1896. Первоначально в Киевских «Университетских Известиях» за 1896 год). Имея в виду исключительно описательные и справочные цели, наш очерк заботился лишь о наиболее полной и точной регистрации и передаче фактов и сознательно уклонялся от всяких оценочных суждений. Наши мнения и заключения о пройденном этапе научных изысканий читатель найдет в первой статье этой книги.

1. Тексты

Из старинных записей в последнее двадцатипятилетие получили известность несколько новых текстов. Вс. Ф. Миллер в приложении к сборнику «Былины новой и недавней записи» (см. № 215)¹ впервые напеча-

¹ Цифра указывает номер «Алфавитного указателя», помещенного в конце этой статьи.

тал 1) «Повесть о сильнем могучем богатыри Илие Муромце и Соловье Разбойнике» и 2) «Начало неизвестной былины» (по рукописи конца XVII в.). Здесь же напечатано «Сказание о киевских богатырех», изданное раньше (в 1881 году) Е. В. Барсовым под заглавием «Богатырское слово». — А. И. Соболевский напечатал былинку о Ставре Годиновиче по списку половины XVII века (см. № 290) (текст сходен с Буслаевской рукописью, напечатанной в «Былинах старой и новой записи», стр. 54—58).

А. В. Марков (см. № 162) указывает старинный текст, напечатанный в «Очерке литературной истории старинных повестей и сказок русских» А. Н. Пыпина, где он приведен в качестве интересного отрывка из неизвестной сказки. А. В. Марков предполагает, что этот отрывок является началом былины о Дюке Степановиче, «в которой обычно описывается его конь, конская упряжь, лук со стрелами из трости» и пр. Рукопись этого отрывка, по его мнению, ведет свое происхождение от Донских казаков и относится к XVII веку².

Б. М. Соколовым давно уже были начаты печатанием «Сказания и истории о богатырях» (шесть неизданных текстов) (см. № 302). Здесь должны были появиться в печати пять старинных историй и сказаний на сюжет об Илье Муромце и Соловье Разбойнике и одна на сюжет «о трех богатырях Илье Муромце, Михаиле Потоке Ивановиче и Алеше Поновиче».

Важным событием в истории изучения былины является новое издание сборника Кирши Данилова (№ 359). До этого времени «Древние Российские Стихотворения, собранные Киршею Даниловым», в издании 1818 года имели значение первоисточника: их оригинал считался утраченным. В 1894 году в библиотеке Михаила Ростиславовича Долгорукова, в его имени был найден Н. В. Чеховым считавшийся утраченным рукописный оригинал «Стихотворений» Кирши. В 1896 году была

² Нам кажется, что к сближению содержания этого текста с былинкой о Дюке не имеется действительных оснований. Сходство между тем и другим весьма отдаленное в отрывке почти ничего нет из былины, но много такого, чего былина не знает. Выезд героя, о котором говорится в отрывке, скорее напоминает выезд Дигениса в «Повести о Дигенисе». конь, очи, как чаша и пр.

напечатана (№ 358) заметка *П. Н. Шеффера* об этой рукописи. Вскоре рукопись М. Р. Долгоруковым была пожертвована в Публичную Библиотеку, и заботами Библиотеки была издана в 1901 году под ред. *П. Н. Шеффера* (№ 359).

В новом издании текст «Стихотворений» дается полностью: «Имея в виду научный характер издания и уступая желанию специалистов, А. Ф. Бычков (директор Публичной Библиотеки.— А. С.), решил не заменять точками наивно грубых местами выражений оригинала; но так как две песни оказалось все-таки совершенно невозможным напечатать целиком, страницы 23 и 183—187 напечатаны в двух видах: с большим количеством пропусков — для общедоступных экземпляров и с меньшим — для ста нумерованных экземпляров, которые не поступят в продажу» (из Предисловия издателей. с. I—II).

Тексту «Стихотворений» предпослано обширное предисловие редактора, в котором он выясняет, что нового дает это издание по сравнению с прежними (1804 г. и 1818 г.).

В рукописи предстали такие черты текста, «которых не могла бы восстановить самая пытливая и остроумная критика текста двух первых печатных изданий сборника, не вполне точно передававших текст оригинала» (с. IX). Редактор отмечает ряд фонетических и морфологических особенностей языка рукописи, исчезнувших в издании Калайдовича, который напечатал текст сборника, придерживаясь обычной орфографии. Обнаружилось также, что ранее неточно были изданы ноты. Открылись новые данные для истории сборника. Эти данные по преимуществу касаются времени, к которому относится оригинал рукописи, местности, в которой производилась запись текста, времени составления сборника и личности Кирши.— О времени, к какому должна относиться рукопись «Стихотворений», раньше имели представление на основании показаний Калайдовича, указывавшего приблизительно половину XVIII столетия. Теперь палеографический анализ позволяет установить, что большая часть рукописи писана на бумаге восьмидесятых годов XVIII столетия. Относительно местности, в которой происходила запись текста, П. Н. Шеффер, на основании языка, отдельных выражений и географических названий, приходит к выводу, что песни

и былины были «записаны или в Сибири, или от певца, усвоившего их в Сибири». Составление сборника Калайдович относил к первым десятилетиям XVIII в. Список в этом отношении не обогащает исследователя новыми более точными соображениями, однако позволяет заметить, что дата, указываемая Калайдовичем, устанавливает лишь время, не ранее которого могло произойти образование сборника, но не дает никаких границ моменту наибольшего отдаления этого срока в глубину XVIII века.

К истории сборника Кирши Данилова см. обстоятельную статью акад. М. Н. Сперанского (№ 312).

Об издании П. И. Шеффера см. рецензии проф. Е. Буссе (№ 33), проф. Е. Ф. Карского (№ 97), А. В. Маркова (№ 163), А. Маслова (№ 182).

Рецензенты отмечают высокие научные достоинства нового издания: полнота, точность текста, обстоятельность редакторских пояснений и примечаний, прекрасный указатель имен и названий к тексту сборника и пр. В числе немногих «погрешностей» А. В. Марков отмечал неправильно понятое слово «прозритель»: по Маркову, это искажение слова «прозвирер» (пресвитер); «пропасть» редактор объясняет как «пададь, мертвечина», но из контекста видно, указывает А. В. Марков, что это «скверный дух, дурной запах»; «разиться», по Маркову, значит не «броситься, кинуться», а «удариться, убиться»; слово «Аздел» («татарин Аздел утешает ее») А. В. Марков читает — «А с делу», с разделу, на «долю»: «дел» — дележ добычи» (с. 119).

В 1909—1910 году были переизданы «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», под редакцией А. Е. Грузинского (№ 280).

Сравнительно с прежним изданием (под ред. Бессонова) новое издание более всего отличается своим планом: материал здесь расположен не по сюжетам, как это было у Бессонова, а по сказителям и губерниям. Это изменение, между прочим, одним из рецензентов изданию было поставлено в упрек (см. № 275). Текст былин в новом издании совершенно освобожден от комментариев и рассуждений Бессонова. Дана биография П. Н. Рыбникова, а в приложениях и его письма. Дана статья «Об особенностях олонечского поднаречия», словарь непонятных и областных слов и указатели. Об издании см. рецензии проф. И. А. Шляпкина (см.

№ 364); А. Р. (№ 275) и неизвестных авторов (№№ 391 392, 393).

Из прежних былинных текстуальных собраний нужно отметить издание III тома *Гильфердинга* «Онежские былины» (№ 61). В 1909 г. *Н. В. Васильевым* был дан указатель к «Онежским былинам» *Гильфердинга* (№ 40).

Последним крупным сборником былины за период до 1896 года был сборник «Русские былины старой и новой записи» под редакц. *Н. С. Тихонравова* и *Вс. Ф. Миллера*. После этого записи продолжали непрерывно развиваться, сначала частично и случайно, новый материал былин поступал мелкими единицами в специальные этнографические журналы, но потом вдруг вырос до полноты и обилия времен *Рыбникова* и *Гильфердинга*.

В 1899 году *М. Е. Соколовым* (№ 306) в Петровском уезде Саратовской губернии были записаны три былины: 1) о Суровце-Суздальце, который назван здесь Суханом Ивановичем (ср. у *Рыбникова*, II, 158—164, назван Дюком, у *Киреевского*, II, 80 — *Алешей Поповичем*), 2) два варианта былины о столкновении *Добрыни* и *Алеши* из-за жены (ср. вар. *Киреевского*, II, 17) и былина *Иван Гостинный сын* (начало — стихом, конец — рассказом).

В 1897 г. *Н. Мендельсон* (№ 185) напечатал в «Этнограф. Обозрении» взятую из бумаг *Зензинова* былинку о *Ставре Годиновиче*.

В этом же году в «Живой старине» были напечатаны тексты былин (об *Илье Муромце*), записанные и сообщенные *Александровым* (№ 4).

Тогда же *Вс. Ф. Миллером* опубликованы былины, записанные *В. Богоразом* в Якутской области (см. *Вс. Миллер*, № 196, стр. 417, 426, 429 — первоначально было напечатано в *Этногр. Об.* XXIX кн.). Еще былины *Богораза* из Якутской области (см. *Вс. Миллер*, № 200, ср. № 26).

В 1899 году *Е. И. Косвинцевым* (№ 110) были записаны три былины в Кунгурском уезде Пермской губернии (*Буян-богатырь*, *Чурило Пленкович*, *Дюк Степанович*).

В 1900 году *М. Карпинским* (№ 93) в его «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказских» были напечатаны: былина о *Данилушке Бесчастном*, былина о женитьбе *Алеши Поповича* на жене

Добрыни Никитича, былина о борьбе Иванушки Гордеевича с поганим царем (вариант былины об Иване Гоудиновиче) и отрывок былины об Илье Муромце.

Г. Н. Потанин в «Живой Старине» 1901 года № 266) напечатал тексты былины из Енисейской губернии (Здунай Иванович и др.).

П. Шереметев в кн. «Зимняя поездка в Белозерский край» (№ 357) напечатал былинку о Тюхмене Адихмантьевиче (прозой).

В «Памятной Книжке Воронежской губернии на 1906 год» Дм. Зелениным (№ 85) была напечатана «Воронежская былина о богатыре Мишуте Даниловиче». Былина записана А. И. Селивановым в 1861 году и была напечатана раньше в Воронежских губернских ведомостях, 1861 г., № 30. Мишута Данилович, это — то же, что Михайло (Иван) Данилович. Дм. Зеленин к тексту дает свои замечания по вопросам, какими путями проникли былины в Воронежский край, в какой среде хранилась напечатанная им былина и пр.

В 1902 году Вс. Ф. Миллер (№ 203) опубликовал былины, записанные Харламовым и Листопадовым в Донской Области (былина о Добрыне Никитиче, былина об Иване Гоудиновиче о Дюке Степановиче).

Несколько былин были напечатаны в сборнике А. и В. Железновых «Песни уральских казаков» (№ 79), А. Н. Мякутина «Песни оренбургских казаков» (№ 239), в сборнике С. Шайжина «Олонецкий Фольклор» (№ 344) дается критико-библиографический обзор былин и 14 новых записей); в сб. Истомина и Ляпунова «Песни русского народа» (№ 89) одна былина об Илье Муромце.

Отдельные записи еще поступали от М. Малинина (№ 144), от И. Вологодского (№ 55), от Пивоварова (печ. Вс. Миллером, Этн. Об., 1902, см. ук. № 203), А. Лескова (№ 177).

Все рассыпанные в повременных изданиях тексты, появившиеся позже 1894 года (год издания «Былин старой и новой записи»), с прибавлением новых, еще нигде не напечатанных 28 былин, были объединены в сборник «Былины новой и недавней записи», изданный в 1908 году под редакцией Вс. Миллера (№ 215). Рец. об этом сборнике см. № 390 и 361.

Особенно богатое приобретение былинные тексты за

последнее двадцатипятилетие получили в сборниках А. В. Маркова, А. Д. Григорьева и Н. Е. Ончукова.

В 1899 году А. В. Марков обследовал Зимний берег Белого моря. Записи вел в течение 24 дней, собрал 109 старин, среди которых около 75 собственно былин, за вычетом испорченных и так называемых низших эпических песен.

Одновременно с ним А. Д. Григорьев обследовал Поморье, берега реки Пинеги и Мезени, впадающей в Мезенский залив. Так же, как и А. В. Марков, А. Д. Григорьев в своем районе нашел богатую жатву и констатировал «прочность былинной традиции» (см. их отчет о поездке «Былинная традиция на Белом море», № 148).

В 1901 году вышел сборник А. В. Маркова «Беломорские былины» (№ 150). Сборнику предпосланы предисловия, одно от Вс. Миллера, другое от собирателя, дана статья собирателя «Былинная традиция на Белом море», список сказителей и роспись дней, в которые записывались старины. После текстов былин и песен помещен словарь местных и старинных слов, указатели, список былин по содержанию, с указанием параллелей и ноты напевов. В сборнике А. В. Маркова имеется целый ряд былин ранее неизвестного состава: «Идолище сватается за племянницу князя Владимира, Марфу Митревну», «Глеб Володьевич», «Камское побоище», «Женитьба Добрыни», «Иван Додорович и Софья царевна», «Ждан-царевич», «Бой Добрыни с Дунаем». Некоторые, ранее известные былины получили в сборнике своеобразные варианты. Рец. на «Беломорские былины» см. № 241.

А. В. Марков и после продолжал печатание былин. В Трудах Музыкально-Этногр. комиссии, в первом томе (№ 149), дается описание поездки на Белое море членов Этногр. Отд. Общ. Л. Ест. А. В. Маркова, А. Л. Маслова, Б. А. Богословского. В числе других материалов, собранных на Зимнем берегу Белого моря, напечатаны здесь 32 былины, из них 17 перепечатаны из «Беломорских былин».

Во втором томе «Трудов Музыкально-Этногр. комиссии» напечатаны материалы, собранные этими лицами в ту же поездку на Терском берегу Белого моря. Здесь имеются 37 былин, из них одна былина о Добрыне Никитиче представляет собою начало напечатанной у А. В.

Маркова в «Из истории русского былевого эпоса» II. (№ 152, с. 45—48); былина «Бой Добрыни с Невежей» была записана раньше Истоминым и А. Марковым и дает большой сводный текст; былина «Оксенышко» является соединением в переработанном виде трех сюжетов: Добрыня и Змея, Аксенко, Гибель оклеветанной жены; первая половина быliny была напечатана в кн. А. Маркова «Из истории русского былевого эпоса», II. (№ 152, с. 49—51).

А. В. Марков, как в «Беломорских былинах», так и в Трудах Музыкально-Этногр. комиссии, при текстах сообщает биографические сведения об исполнителях.

А. Д. Григорьев издал свое собрание в двух томах, I и III (см. № 65; II том не вышел). Сборнику предпослано предисловие, статья «Поморье и былинная традиция на нем» и «Краткий дневник первой поездки». Сборник дает текст в точных записях его диалектных особенностей, с обстоятельно мотивированной пунктуацией, с нотами, воспроизводящими запись былинных напевов, сделанную при помощи фонографа (в I томе 36 напевов, в третьем — 55). По содержанию текстов сборник дает несколько неизвестных ранее сюжетов: «Илья Муромец покупает коня, воюет с Полубелым, ловит и казнит Соловья разбойника», «Двенадцать братьев, их сестра и отец», «Путешествие Вавилы со скоморохами» и др. — Рецензии см. № 127 и 179.

Третий крупнейший собиратель былин за наш период Н. Е. Ончуков. Н. Е. Ончуков обследовал среднее и верхнее течение Печоры. Его первые опубликования явились в 1902 году (№ 245), потом продолжались в 1903 году (№ 247) и, наконец, в 1904 г. вышел его полный и законченный сборник «Печорские былины» (№ 248). Сборник снабжен предисловием от собирателя, его же статьей «Былинная поэзия на Печоре», статьей Н. Чернышова «Замечки о языке Печорских былин» и в конце словарем местных слов и указателем имен. К новым оригинальным именам сборника относятся: «Лука Данилович, Змея и Настасья Салтановна», «Данило Борисович», «Бутман Колыбанович и царь» — Рец. о сборнике №№ 127 и 154.

Между тем мелкие текстуральные приобретения продолжали поступать. С. И. Гуляевым были записаны в Сибири две былины, которые с комментариями опубликовал В. Ф. Миллер в «Живой Старине» в 1911 г. (см.

№ 220). Текст дает былины про Алешу Поповича и про Илью Муромца (Сокол корабль)

В 1911 году была издана книжка *А Брянчанинова* «Старины и былины Печорского края» (см № 31)

В «Известиях Архангельского Общества изучения Русского Севера» была напечатана былина о Василисте Микулишне (№ 91) Былина давно была записана в дер Климовой, Пудожского уезда Олонецкой губернии, но не входила ни в один сборник По сюжету сходна с былинной о Даниле Несчастном

В книжке *Холмского* «Казачьи думы» (№ 338) между другими материалами имеются былины о Ермаке

Былины, сохранившиеся у донских казаков и собранные *А М Листопадковым* и *С Я Арефиным*, изданы с нотами в кн «Песни Донских казаков» (№ 121) Всего былин здесь дается двенадцать номеров (Илья Муромец, бой Алеши Поповича со змеем, про Дончака (Добрыня Никитич), спор Ивана Гардиновича с кн Владимиром, Дюк Степанович, про Кузютушку, про Александра Македонского и дочь кн Владимира, про молодого наездника и про Аннушку, дочь княжескую, Индей-земля и Индрик зверь, Спор сокола с конем (2 номера))

Имеется казацкий былинный материал и в книге *Н И Голубинцева* «Песни Донских казаков» (№ 62)

В статье *С В Фарфоровского* «Из фольклора терских казаков» (№ 328) напечатана былина «о Федотушке» (по сюжету сходная с былинной о Даниле Несчастном) и отрывок былины об Илье Муромце (Мурвич) Указаны отголоски других былин

В отношении «казацких» былин представляет материал кн *Ф Н Баранова* «Песни оренбургских казаков» (№ 16) — К этой же группе «казацких» былин относятся сборники *А А Догадина* (изд 1911, 1913 и 1914 гг; см № 71) — В сборнике *М Е Пятницкого* (№ 274) имеется отрывок былины «Про Илью Муровича», запись в Воронежской губернии — В трудах Музыкально-Этногр комиссии, т IV, 1913 г напечатана впервые былина, записанная *А Л Масловым* в 1908 году в Смоленской губернии, о трех богатырях (Илье, Алеше и Добрыне, № 183) — В книге *А Макаренко* «Сибирский народный календарь в Этнографическом отношении» (№ 140) напечатана былина «Илья на Соколе корабле». — В «Сборнике материалов по этнографии»

А. Е. Бурцева (№ 35) имеется сказка «Илья Муромец», записанная Шустиковым.

Об отголосках былин в Енисейской губернии писал *И. А. Чеканинский*. В 1913 году им была записана в с. Вознесенском, Красноярского уезда сказка «Об Илье Муромце». Сказка рассказывает об исцелении Ильи и о его поездках (быличные мотивы переплетаются со сказочными. См. № 340). — В 1915 году *И. А. Чеканинский* издал записанные в д. Выдриной, Енисейской губернии две былины о Добрыне (женидьба Алеши) и одну об Илье Муромце («Как воевал Илья Муромец с Удачей-богатырем». Ср. бой с сыном). Стих всех былин очень стройный, размер узкий, скомороший. Илья называется «Муровец» (см. № 341).

Большой материал по былинам имеется в сборнике *Б. и Ю. Соколовых* «Сказки и песни Белозерского края» (№ 310). В сборнике двенадцать былин: Алеша Попович (проза), Добрыня Микитиц (неудавшаяся женидьба Алеши), о Добрыне Никитиче (соединены четыре сюжета: купанье Добрыни, избавление от змия племянницы Владимира, встреча с поленицей и женидьба на ней, неудавшаяся женидьба Алеши), былина о Дунае, былина об Илье Муромце (два сюжета: исцеление Ильи и встреча с Соловьем Разбойником), былина о Михайле Даниловиче, былина Василий и Софьюшка (оба влюбленные отравлены матерью Софьи), мать князя Михайла губит его жену (два варианта, Роман губит свою жену, былина о Миките Романовиче (новый былинный сюжет, печатных вариантов этой былины нет), былина о Кострюке. В сборнике помещена статья «Остатки былин и исторических песен в Новгородской губ.», напечатанная раньше в Известиях Отд. русск яз и слов. *А. Н.* (см. № 309).

А. Пруссак записал былину и бывальщину в Иркутской губернии (№ 271). Сюжет былины — «Добрыня и Марина». Побывальщина рассказывает об отправлении Ильи и встрече его с Соловьем Разбойником. Пересказ очень скомкан. Соловей Разбойник задумал Илью «ограбиль», Илья стреляет в него из ружья.

Новым, до сих пор неизвестным текстом, является записанная *Н. Янчуком* в 1912 г у старика малоросса, рыбака из р. Суле, под Лубчами малорусская переделка былины о Кострюке или Темрюке, переименованном здесь в Севрюка. Напечатано проф. *М. Н. Сперанским*

в его сборнике «Былины», изд. М. и С. Сабашниковых, том. II, с. 551—554; см. № 315.

Частичное отношение к былинам имеет сборник *В. Ф. Миллера* «Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.» (№ 234). Песни взяты из сборников Кирши Данилова, Киреевского, Рыбникова, Гильфердинга, Маркова, Григорьева, Ончукова и других изданий столичных и провинциальных. Есть записи, впервые напечатанные (записи А. В. Маркова, В. Ф. Хотьковского, В. И. Чернышева).

В 1916 году вышла книга *О. Э. Озаровской* «Бабушкины старины». Книга дает репертуар Кривополеновой, известной из других сборников (Григорьев). Вводная статья дает сведения о Северном крае и о Кривополеновой.

Опуская многочисленные школьные и популярные сборники былин, мы здесь сделаем исключение для изданий акад. *М. Н. Сперанского* (№ 315) и *Б. М. Соколова* (№ 301), в виду их особенной ценности. В издании М. Н. Сперанского текстам былин предшествуют два очерка составителя: один об устной народной словесности вообще, другой — о былинах. В первом изложена история изучения устной словесности, указаны способы классификации произведений этого рода, даны сведения об их посителях и исполнителях, обрисованы общие особенности их изобразительных средств. Второй очерк выясняет те же вопросы в приложении к былинам. В заключении представлена сущность новейшего историко-бытового толкования былин, указаны в общих чертах цели, которые ставит себе эта школа, и результаты, какие ею достигнуты. Печатаемые тексты былин сопровождаются особыми комментариями по каждому былинному персонажу, сюжету и району сложения. Обильно даются сведения об отдельных носителях былин («сказители»). В конце второго тома помещена статья *Н. Я. Янчука* «О музыке былин». Приложены обстоятельные указатели и словарь.

Книга *Б. М. Соколова* «Былины», вышедшая в 1918 году, тоже имеет цели популяризации и в этом смысле составлена очень умело. Вводная статья дает картину эволюции былинного эпоса (в понимании исторической школы). Как и в сборнике проф. М. Н. Сперанского, тексты, кроме вводной статьи, снабжены комментария-

ми по персонажам и сюжетам отдельно. Кроме того, Б. М. Соколов дает обильные указания литературы и общего характера и по каждой былине в отдельности.

2. География и условия современного существования былин

О территориальном распространении и условиях современного существования былин больше всего сведений дают те предисловия и вступительные очерки, которыми издатели текстов сопровождают свои сборники. Каждый из собирателей всегда справедливо считал своею обязанностью указывать точно местность, в которой была произведена запись, и лицо, от которого было записано; к этому часто еще присоединяются сведения, характеризующие общее состояние былинной традиции в данном территориальном районе. Не только большие сборники былин, но и одиночные записи опубликовывались всегда в окружении различных данных подобного рода.

подавляющее большинство записей за этот период было произведено в Архангельской губернии. Отсюда вышли наиболее крупные и ценные сборники А. В. Маркова, А. Д. Григорьева и Н. Е. Ончукова. О состоянии былин в этом крае говорит каждый из этих собирателей в своих отчетах и предисловиях к сборникам.

А. В. Марков в первую поездку на Белое море записывал в Верхней и Нижней Зимних Золотицах в течение 24 дней, собрал 109 старин, среди которых около 75 собственно былин, за вычетом испорченных и так называемых низших эпических песен. Записывал не у всех и у прослушанных певцов не исчерпывал всего материала. Прослушал 11 сказителей и 13 сказительниц в обоих селах. Самый обширный репертуар дала Аграфена Крюкова (60 старин, 10 300 стихов, № 148). Другая поездка А. В. Маркова (совместно с А. Л. Масловым и Б. А. Богословским) в другое место на Терской берег уже не дала таких результатов. На этот раз было обследовано южное побережье Кольского полуострова. Были сделаны остановки в западной части Терского берега, в с. Кандалакшах, в деревне Федосеев и двух селах, расположенных по реке Варгузе: Кузомени и Варзуге. Прослушано было 11 сказительниц и записано 38

старин. Самое большое количество дала П. Ф. Конева — 9 старин. Обследователи побывали, кроме этого, в Поморье в деревне Княжей, на Терском берегу в селе Умбе, на Северной Двине в с. Верхней Тайме, — «но ничего не сумели заметить». На Терском берегу, по сравнению с Озерным краем, Олонецкой губернии, Зимним берегом, Мезенью и Печорой, ими констатируется определенный упадок былин. Былины здесь известны только женщинам, поются не до конца, термин «старина» смешивается с термином «стих», а некоторым и совсем неизвестен, былина иногда идет под названием «псалмы», чаще встречаются старины, носящие характер баллады или фавль (№ 149, т. II, с. 15). Упадок былин А. В. Марковым ставится в связь с близостью Мурманского берега, как живого промышленного центра. — По напевам и по содержанию здешние былины отличаются от былин Зимнего берега и Олонецких. По содержанию стоят ближе к Поморским.

А. Д. Григорьев обследованную им территорию делит на: 1) местности, где знание старин падает (Поморье, Пинежский край) и 2) где процветает (Кулойский и Мезенский край). В Поморье и Пинежском крае былинну смешивают с духовными стихами и песнями. Былины здесь кратки, сжаты, имеют немного мотивов, репертуар исполнители имеют незначительный — одну две былины, исполнение былин почти исключительно сохранилось у женщин (№ 65, Предисл., стр. XIV). — Кулойский и Мезенский края знают названия старин, былины отличаются сравнительной обширностью (200—400—500 ст.), сложностью сюжетов, многообразием напевов, исполнители знают по десятку и по несколько десятков пьес, стараются располагать вокруг одного героя несколько его подвигов, число певцов превышает число певиц, вообще исполнение старин считается мужским делом (см. там же). А. Д. Григорьев указывает местности, где можно рассчитывать на запись былин: Шенкурский уезд Арх. губ., Вельский и Сольвычегодский уезды Вологодской губернии и др. — К сборнику приложена географическая карта русокого крайнего севера, по которой можно проследить записи прежних собирателей — А. Д. Григорьев дает индивидуальную характеристику каждой обследованной им местности со стороны особенностей былинного репертуара. В каждом районе репертуар имеет свои постоянные отличия. В

Кулойско-Мезенском районе преобладают рассказы о богатырях, фавльо мало известны. В Поморье сильно представлены фавльо и исторические песни. Исследователь дает некоторые сопоставления своего репертуара с сюжетами былин, взятыми раньше из других местностей. Разные географические районы разнятся сюжетами, деталями или способом «сказа». Каждый сюжет имеет свой район распространения. Причинами сохранения былин А. Д. Григорьев считает 1) удаленность и отрешенность населения от остальной России и 2) невольный досуг.

Н. Е. Ончуков свидетельствует, что у населения Нивозой Печоры былины известны исключительно у русских. Самоеды русских былин совсем не знают. Зыряне — ижемцы старин тоже почти не знают, большинство даже не понимает, что значит старина или былина. — Записанные им старины он делит на Пижемские и Припечорские. У тех и у других не одинаков репертуар, имеется разница и в пересказах, разнятся они также и по характеру идеалов нравственных и политических. По словам Н. Е. Ончукова, былина на Печоре сохраняет пока довольно живую традицию. Печорская речь пропитана старинами, население пересыпает разговор выражениями из былин (№ 248. Предисл, с. XXXI). Пижемцы знают былины почти в каждой деревне, и старики и молодые. Но все же и здесь былина падает. О падении говорят сами старинщики, сравнивая бывшее и настоящее. Хорошие старинщики, не встречая прежнего спроса на свое искусство, многое забыли, путают, перевирают, извращают (с. XXXII). А. Д. Григорьев (ср. тоже А. Л. Маслов, № 181) считает признаком падения былин исполнение их только женщинами. Н. Е. Ончуков свидетельствует, что «усть-цыемки — женщины уже не знают старин». Он объясняет это особыми условиями жизни в их местности: общественные игры, развлечения и пр. на тонях рыбных не бывают. В маленьких и глухих деревнях по Пижме есть и сказительницы. Женщины не знают былин и в Пустозерской волости. Причиной этого Н. Е. Ончуков считает обособленность их от мужского общества (XXVIII—XXIX) — «Печора до самого последнего времени жила укладом жизни и духовными интересами, по крайней мере, конца XVII века» (XXI). Теперь, если былина падает, то это объясняется сильным ростом промышленности и культуры

(заводы, фабрики и пр. см. с. XXXIII). Сохранению былины содействует глушь и отдаленность местности, но не одно это, не во всяком глухом месте можно найти былины, важно, чтобы традиция былин имела корни в старине самого данного местечка: «все зависит от того, как старо каждое отдельное маленькое глухое местечко, и живут ли в нем старики» (с. XVII). Усть-Цыльма весьма живое место: две церкви, две школы, казначейство, почта, телеграф, больница, всегда бывает много приезжих, часто устраиваются общественные игры — и все же здесь много старин.

Что касается географического распределения былин по другим районам, в этом отношении данные до 1908 года сведены Вс. Миллером в предисловии к сборнику «Былины новой и недавней записи» (№ 215): в Колымском округе Якутской области было записано 11 былин, в казачьих станицах Терской и Донской области — 28 былин, в Енисейской губернии — 3 былины, в Оренбургской губ. — 8 былин, в Пермской губ. — 4 былины, в Уральской области — 1 былина, несколько номеров дали Поволжье (Нижегородск. губ. 1 и Саратовск. губ. 3) и губернии Московская, Владимирская, Воронежская и Смоленская.

К этому нужно прибавить: позднейшие записи С. И. Гуляева в Сибири (2 был.; см. № 220), И. Чеканинского в Енисейской губернии (№ 340 и 341 — былина, побывальщина и сказка), запись А. Пруссак в Иркутской губернии (№ 271), записи Б. и Ю. Соколовых в Новгородской губ. — 13 былин (см. № 310), запись П. Шереметева там же (№ 357); одна былина прозой, записи былин в Саратовской губернии (см. Б. М. Соколов. О былинах, записанных в Саратовской губ., указат. № 303) и многочисленные записи казачьих былин (записи А. М. Листопадова и С. Я. Арефина — № 121; записи Холмского — № 338; Н. Н. Голубинцева № 62; С. В. Фарфоровского — № 328; А. Макаренко — № 140; Ф. Н. Баранова — № 16; А. Догадина — № 71). Всего казачьих былин А. М. Листопадов записанных только им самим, насчитывает до 50 и на этом основании старается разрушить установившееся мнение о сохранении былевого эпоса только на Севере России. А. Л. Маслов это оспаривает (см. № 180).

Ак. Вс. Ф. Миллер дал обозрение казачьих эпических песен XVI и XVII вв. в особой статье (№ 233).

Вот его выводы: «Обнаходившиеся остатки былин переходили вместе с беглыми из Московского государства к казакам или уносились ими самими из их брожений в московских пределах или, наконец, переносились на Дон и Волгу бродячими «веселыми людьми», находившими приют в казацких станицах». — «...В среду крестьянского населения, не только близкого к казакам (например, поволжск. и придонск. губ.), но и более удаленного (напр., в Олонецк. и Арханг. губ.) попадали песни казацкого происхождения, воспевавшие казацких героев — Ермака, Разина, и казацкий дух наложил свою печать кое-где на старый былинный эпос. Главный народный богатырь стал *старым* казаком, является иногда донским атаманом, бьется вместе с Ермаком, ставшим его племянником, и т. д.». (VI, с. 258). — В составе репертуара казацких старин сохранилось не более 20 былинных сюжетов, причем главное место среди них занимают былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче. Казацкие песни твердо помнят Алешу как славного богатыря, победителя Тугарина (Олонецкие это забыли). Запас сюжетов былин и исторических песен, занесенный к казакам из центральных и южных областей Московского государства в XVI и XVII веках, был беднее северно-великорусского. Этот запас старин подвергся в казацкой традиции существенным изменениям. Что особенно сильно влияло на тексты в устах казаков, это — приспособление их к хорошему пению. «Но зато у казаков, в противоположность северно-русским крестьянам, не иссякла производительность в области новых исторических сюжетов» (260 с.).

Об отголосках былинного эпоса, когда-то существовавшего в южных губерниях России, говорит статья А. Зачиняева (№ 82). Автор указывает некоторые следы былин об Илье Муромце и Соловье Разбойнике, о бое Ильи Муромца с сыном, о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, сохранившиеся в Елецком уезде Орловской губ., в Задонском и Землянском уездах Воронежской губернии и в Дмитровском уезде Курской губернии. — См. еще сборник М. Е. Пятницкого (№ 274): отрывок былины об Илье, запись в Вороне. губ.

Сведения к установлению былинной традиции в Южной России имеются в работах, касающихся украинского фольклора. — От отношении дум об Алексее По-

повиче к былинам об Алеше Поповиче имеются данные в статье *Н. П. Дашкевича* «Олексий Попович, думы про бурю на Черному морі» (№ 69).— *А. М. Лобода* дает текст и анализ песни о Соловье Разбойнике, певшейся в Васильевском уезде Киевской губернии (№ 124). Исследователь видит в ней «темничную песню с образом-символом «соловей в клетке». Когда-то произошло смешение образа с самим узником, потому что «соловей» напомнил известного былинного Соловья Разбойника. Соловьишек в клетке превратился в сильного храброго богатыря— узника. Потом песня потеряла память о богатырстве Соловья. Имя Соловья Разбойника в Малороссию проникло из Великороссии или через Белоруссию или непосредственно. Слияние песни и былевого предания произошло не на малорусской почве.— В статье *В. В. Данилова* (№ 67) собраны отзвуки былины о змееборстве Добрыни Никитича в украинском фольклоре.— Новые украинские отголоски былинного Ильи Муромца указаны в статье *И. Прохоренко* (№ 270).— Касается общего вопроса о судьбе былин на Украине статья *Л. Добровольского* «Михайло и Золоти ворота» (№ 70). Автор пересматривает научную литературу об этом памятнике и в связи с этим отмечает отзвуки великорусских былин на юге.— К этому же вопросу имеется материал в статье *Ів. Каманіна* «Українські богатирі козацької доби» (№ 95). В статье имеются сопоставления Ильи Муромца с героем казацкого богатырства «атаманом Матяшем Старым» (с. 61), указывается некий «Муровец», упоминаемый в украинской летописи под 1507 г., как прототип Ильи Муромца (с. 61), устанавливается сходство героев малорусских дум: Хведора Безродного, Голота с богатырями великорусских былин (с. 70 и след.).— В статье *Ів. Ерофеева* (№ 73) «Українські думи і їх редакції» имеется пересмотр редакции думы «про Олексія Поповича и про бурю на Черном морі» (16 редакций; к этому же сюжету ср. более раннюю статью *Н. Ф. Сумцова* «Дума об Алексіе Поповиче». Киевск. Ст., 1894, Т. 1, с. 1—20; II, с. 324—326 и ст. *Н. Дашкевича* см. указатель № 69). Южный отголосок былины о Кострюке см. в отмеченной выше записи *Н. Янчука*, напечатанной проф. *М. Н. Сперанским* (№ 315, т. II, с. 551—554).

Следы былин у белоруссов выясняются в книге *Е. Ф. Карского* «Белорусы», т. III, в главе «Следы бога-

тырского эпоса» (№ 100, с. 485—495; статья эта охватывает и ранее напечатанные им очерки — см. №№ 98 и 99). Автор приводит свидетельства из старинных памятников (с. 485), из обрядовой поэзии и сказок (с. 487), отмечает отдельные сюжеты, изображающие подвиги Ильи Муромца (с. 488), угадывает отголоски других былинных сюжетов (с. 490), выясняет связь старин с другими народными песнями (с. 494).— См. еще белорусскую былинку, запис. А. Л. Масловым (№ 183).

К вопросу о следах существования русского эпоса у инородцев см. указание В. П. Мансикка об отголосках былин об Алеше Поповиче и Иване Годиновиче в Финляндии (см. № 146).

3. Исполнение былин и их словесный и музыкальный строй

О современном исполнении былин свидетельствуют, главным образом, их собиратели в предисловиях и вступительных очерках к сборникам. Собиратели дают сведения и о времени исполнения и об обстановке, которая располагает и вызывает пение старины и о самих исполнителях. Обычно былины поются на рыбных промыслах, в перерывах между работой. Ко времени рыбной ловли старинщика «всеми мерами стараются залучить в артель... В артели старинщики пользуются преимуществами в работе и вознаграждении (Н. Ончуков, № 248. Предисловие, с. XXIV). Поют былины и при подготовительных работах к рыболовству (плетение сетей и пр.). Поют их и при особых «праздничных» обстоятельствах, на беседах, на вечеринках, в храмовые праздники и пр. (А. Д. Григорьев. № 65. Предисловие)

Пение происходит одиночное, былины знают лишь немногие, и исполнение их происходит одним голосом «старинщика». Старинщик не является профессионалом, это — рядовой крестьянин или крестьянка, по своим склонностям и способностям и внешним благоприятным обстоятельствам, сумевшие воспринять былинку от старых людей. Обычно заучивание происходит в детском возрасте, но есть и исключения. Старинщик Поздеев (65 лет) перенял былинку у Дуркина на глазах Н. Е. Ончукова, прослушав лишь один раз. Ageев (45

лет), после двукратного прослушивания чтения по книжке Лермонтовской песни о купце Калашникове, повторил ее «слово в слово» (*Н. Е. Ончуков*, № 248, с. XXX). Учатся обычно только от лучших сказителей. Традиция былин преимущественно сохраняется в родах от предков к потомкам. Старинщик никогда не считает себя профессионалом и от своего искусства несколько не рассчитывает на доход. Плата за пение от приезжих собирателей для сказителей является неожиданностью. *А. Григорьев* свидетельствует об отказе взять деньги за пение (№ 65, 1, С. 558). При повторных посещениях к плате отношение может меняться (см. *Н. Е. Ончуков*, с. 3—4, с. 69).

Установлено, что личность сказителя сильно сказывается на составе и характере исполнения былин. *А. Д. Григорьев* поражается, сколько непредвиденных условий меняют былинку: «некоторые певцы, не подготовившись, поют сначала кратко и несладко, а потом разойдутся, припомнят разные детали и поют длиннее и складнее, вследствие чего последующие их номера могут быть лучше и длиннее, чем первые; другие певцы поют раньше то, что тверже знают, а потом... то, что знают не так твердо» (№ 65, Предисл. с. XXXII). *А. В. Марков* о Крюковой говорил: «казалось, что в данный момент она сочиняет старину и укладывает ее в первый попавшийся напев (№ 149, 1, с. 16). Былина всегда носит на себе отпечатки всего мировоззрения и духовного уклада сказителя и его среды, и собиратели всегда дают по возможности точные сведения о жизни и среде каждого певца, от которого они производили записи. Кроме предисловий и вступительных очерков к текстам записанных былин (см. «Тексты»), о сказителях см. *Н. В. Васильев* «Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах» (№ 39); *Г. Белорецкий* «Сказитель-гуслиар в Уральском крае» (№ 19); *М. Пришвин* «Очерки» (№ 268, есть певец былин); в Энцикл. сл. Брокгауз и Эфрон см. «Сказители».

У казаков исполнение былин совершенно иное. Здесь былина приспособляется к хоровому пению (см. сборники и отдельные тексты казацких былин и предисловия к ним *А. М. Листопадова*, № 121; *Н. Н. Голубинцева*, № 62; *А. А. Догадина*, № 71; *А. и В. Железновых*, № 79; *Ф. Н. Баранова*, № 16 и др.; ср. статью *Вс. Ф. Миллера* № 233).

Иногда былина имеет применение в качестве обрядовой песни. Случаи такого применения собрал и исследовал *Вс. Миллер* в специальной статье «Былины и исторические песни в качестве обрядовых» (№ 225). Чаще всего такие применения имеют: 1) старинка о Соколе корабле; 2) о выкупе из Литвы царем Михайлом Федоровичем отца Филарета и 3) о Кострюке. Исполнение их в указанных *Вс. Миллером* местностях (Енисейская губ., Вятск. губ., Вологодск. губ., Уфимская губ. и др.) сохраняет следы применения как колядок (ср. *И. А. Шляпкин* «Былины на братчинах», № 363).

В качестве рядовой популярной полупростонародной песни былина почти неизвестна. *А. Якуб* в статье «Современные народные песенники» (№ 371) свидетельствует, что в большинстве песенников былины вовсе не встречаются (79). Только в сборнике *Шарапова* «Голова ль ты моя удалая» — М., 1914, в отд. II напечатаны былины о Садке, о Василии Буслаеве в литературной обработке, об Илье Муромце, о Святогоре и о том, как перевелись витязи на Руси — в народном или близком к народному пересказе.

В вопросе о сложении былины и исполнении ее в прошлом выдвинута мысль о профессиональной скоморошеской группе певцов-исполнителей, как о среде, через которую былина когда-то прошла и которая оставила на ней свой отпечаток. Наиболее решительно эта мысль была выдвинута *Вс. Ф. Миллером* в ст. «Русская былина, ее слагатели и исполнители» (№ 196, стр. 22—64; ранее было напечатано в «Русской Мысли», 1895, IX и X). *Вс. Миллер*, анализируя техническую сторону былины, находит в ней наличность определенной поэтической школы. Такие элементы, как прибаутки, исход, зачин своими внутренними элементами свидетельствуют ему, что эта школа была скоморошеская. Рассмотрев исторические данные о старинных русских скоморохах, он приходит к выводу, что когда-то скоморохи были хранителями эпических песен. С переходом былины от профессиональных певцов в народную среду происходит затухание былевой поэзии.

А. Д. Григорьев (№ 65. Предисловие, с. XX) в записанном им репертуаре указывает «скоморошьи старины», характеризующиеся шутливым содержанием, быстрым и веселым складом и напевом. Иногда при шутли-

вом содержании такие старины по складу и напеву сходны с серьезными старинами (Небылица, Илья Муромец и Издолишшо и др.); такое сочетание дает веселое настроение. Одна из записанных им старин «Путешествие Вавилы со скоморохами», по его мнению, имеет назначение внушить уважение к скоморохам (скоморохи — святые люди, могут творить чудеса, употребляют силу по справедливости и проч.). Из всего записанного им в Кулойско-Мезенском районе он указывает 11 скоморошских сюжетов. Вообще в этой местности он находит большое влияние скоморохов (из населения указывает фамилию Скомороховых).

Б. М. Соколов (№ 299, с. 17—22) сопоставляет былин о Вавиле-Скоморохе с древне-русской книжной легендой о воскрешении человеком вареного кура, с эпизодами апокрифического Евангелия Фомы (мотив превращения «холщевых» холстов в шолковые, мотив сеяния пшеницы и превращение ржаных хлебов в пшеничные) с рассказом из Патерикиа Иоанна Мосха «Луч Духовный» (имя — скоморох-Вавила), — и на этом основании думает, что былина находится в ближайшей связи с легендарной и апокрифической литературой. — О скоморохах в отношении к былинам см. еще Е. В. Аничков «Язычество и древняя Русь» (№ 9, гл. 7—9; о скоморохах, певцах, сказителях); *Гальковский*, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. 1 (№ 58); *Ф. А. Мартинсон* Указатель к каталогу собрания П. Д. Богданова. II. 1916, с. 128 указано: «Повесть о скоморохе, именем Вавила, спасшемся с двумя женами».

Другой средой, из которой выходили носители и создатели былины в древности, исследователи считают среду книжных церковных людей — калик переходящих. Основанием к такому убеждению служит наличность в составе былины книжного элемента (былина Сорок калик со каликою, былина о Василии Окуловиче и др.). Наиболее настойчиво мысль о калическом элементе в былинах высказывалась *А. В. Марковым*. См. его «Бытовые черты русских былин», № 151, с. 90—95; и потом, в других исследованиях он всегда приводил эту тенденцию: см. № 152, к былине о Добрыне; № 172 — к былине о Садко. Ранее его эта мысль высказывалась *Леон. Майковым* «О былинах Владимирова цикла», с. 92; *Н. Тихонравовым*, Сочинения, I, с. 133—138;

А. Н. Веселовским «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе» с 185. Еще о каликах см. А. Маслов «Калики персехожие и их напевы» (№ 177). О связи былин с церковной книжностью — Б. М. Соколов «О житийных и апскрифических мотивах в былинах» (№ 299).

По изучению словесного поэтического строя былины имеются работы о языке былин Л. Васильев «Язык Беломорских былин» (№ 38); В. Чернышов «Заметка о языке Печорских былин» (см. № 248, с. XXXVI); о стиле и приемах Вс. Миллер «Русская былина, ее слагатели и исполнители» (№ 196, с. 22—61); П. Д. Первов «Эпитеты в русских былинах» (№ 249); А. И. Зачиняев «Об эпических приемах былины «Взята Казань» (№ 83); А. Н. Веселовский Собрание сочинений, т. 1. Историческая поэтика, эпитет, эпические повторения, психологический параллелизм. Т. II Поэтика сюжетов, 1913 г. (№ 49), А. А. Потебня. Из записок по теории словесности Поэзия и проза Тропы и фигуры Мышление поэтическое и мифическое Приложение 1905 г.; Андрей Сиротинин. Беседы о русской словесности, (№ 286, с. 213—288. «Красота в былинах»); Е. Кагаров «Мифологические очерки» (№№ 92 и 93) материальная сторона мифа, формальная сторона мифа, форма мифотворческого процесса — иллюстрации былинным творчеством; В. Водарский «Символика великорусских народных песен» (№ 53); о стихе былин Акад. Ф. Е. Корш «О русском народном стихосложении, I «Былины» (№ 108). В основе былинного стиха Ф. Корш открывает элементы индо-европейского метра и еще какого-то иного, с наличием чередования ударений, определяющегося не только принципом тоническим, но и силлабическим. А. Л. Маслов «Былины, их происхождение и мелодический склад» (№ 181). Маслов метрику былин ставит в связь с их музыкальными напевами. Крупнейшими формами былинных напевов являются сложные двух- и трехстрочные, затем более мелкие — однострочные напевы. Величина строчного напева зависит от характера напева, его образования и древности как склада напева, так и текста. По этому принципу он делит былины на: 1) имеющие свой полный размер строки, 2) имеющие сокращенный эпический размер, 3) имеющие скомороший размер, 4) имеющие склад духовного стиха, 5) имеющие позднейший одномерный размер. Преобладающая форма былинной метрики —

первая. На последний период строки приходится большею частию три слога текста, которые и составляют собою типичное эпическое окончание, в отличие от окончания духовных стихов, на которое приходится всего два слога.—Сокращенный эпический размер отличается от первого во втором ритмическом периоде, который короче, чем в полном размере. Общая торопливость изложения — отличие третьей формы. Характерным здесь является пропуск второго ритмического периода.—Размер духовного стиха имеет три или два ритмических периода с двухсложным последним периодом (пример — про князя Михайла и его жену). Трехдольное строение преобладает в старинах Терского берега и двухдольное в старинах Зимнего берега.—О рифме в былинах см. в исследовании В. М. Жирмунского «Рифма, ее история и теория» (№ 80).

По изучению былинных напевов имеются материалы и наблюдения: 1) В «Былинах старой и новой записи» дан на потах 1 напев; 2) В 1893 году при приезде сказителя Рябинина — сына в Москву Этнографическим отделом был впервые применен фонограф. Записи с голоса Рябинина изданы в журнале Этногр. Обзор., 1894, № 4, кн XXIII (один из напевов был переиздан Ляцким в его книге «Былины», 1911); 3) В 1896 году вышел музыкальный сборник *Терция Филиппова*. Среди других номеров есть былины; 4) Музыкальные приложения, имеющие отношение к былинам, даны в сборниках Истомина и Дютша, 1894 и Истомина и Ляпунова, 1899 г. (№ 89); 5) В 1897 г. в «Русском Обозрении» дана заметка Ш. Е. по поводу музыкальной стороны сборника Кирши Данилова (№ 343); Ш. Е. решительно отказывается признать данные сборником мотивы мотивами русских былин. Можно полагать, что значительная часть этих мотивов — малорусские песни и танцы и при том сравнительно позднего периода Ср. Шеффер (№ 359), с. XXXIV); 6) В 1899 году изданы «Песни уральских казаков», собрания А. и В. Железновых (см. № 79), с напевами и фортепьянным сопровождением; 7) При «Беломорских былинах» А. Маркова (№ 150) приложено 2 напева; 8) При сборнике А. Д. Григорьева (№ 65) вместе с историческими песнями дано напевов до 200 (фонограф); 8а) В новом издании сборника Кирши Данилова (№ 359) восстановлена подлинная запись его напевов; см. об этом ст. А. Маслова «Кирша Дани-

лов и его напевы» (№ 182); 9) В сборниках Спб. песенной комиссии (см. №№ 386 и 399) *Лядовым* гармонизована былина об Илье Муромце по записи И. Некрасова; 10) В 1904 г. А. А. *Маслов* издал «Стихи, старины и песни для одного голоса с фортепьяно» (№ 178); 11) В Трудах Музыкально-Этногр. комиссии (№ 149) в т. I и II дано 70 напевов одних былин; в т. IV дано 3 напева былин; одной из былин А. А. *Масловым* дана художественная музыкальная обработка; 12) *Е. Линева* «Великорусские песни в народной гармонизации». 1909 г. (№ 118); 13) *Н. А. Римский-Корсаков* в кн. «Летопись моей музыкальной жизни» (№ 276) пишет об особенностях «былинного речитатива» по поводу своей оперы «Садко»; 14) Сборник А. *Листопада* «Песни донских казаков» (№ 121); 15) Сборник *Н. Н. Голубинцева* (см. № 62); 16) Сборник А. *Догадина* (№ 71); 17) Сборник *Ф. Н. Баранова* (№ 16; 18) Сборник «Старинные песни Воронежской губернии в народной гармонизации, записанные *М. Е. Пятницким*»; ноты и тексты; (№ 274); 19) Историко-библиографическая статья *Н. А. Янчука* «О музыке былин» (см. № 376); очень обстоятельная и компетентная сводка всего, что сделано к настоящему времени по изучению музыки былин; 20) Ноты напевов былин имеются еще в сборн. *О. Е. Озаровской*. «Бабушкины старины» (№ 243) и *М. Н. Сперанского* «Былины», т. II (№ 315); 21) Общий очерк о музыке в русском песнетворчестве см. в кн. А. *Финагина* «Русская песня» (указ. № 331а).

4. Литература по отдельным персонажам и сюжетам былин

В пределах этой главы мы распределили, по возможности, все, что в составе исследований касалось тех или иных былинных героев, хотя бы это находилось в монографиях, имеющих внутреннее объединение по иным заданиям исследователя. Состав каждой такой монографии мы сочли удобным разнести в обзоре по отдельным темам. Здесь, в качестве предварительного вступления, считаем необходимым перечислить исследования, подвергнувшиеся такому раздроблению и указать на их главные мысли в целом.

Такие книги, как «Очерки» Всеволода Миллера (№ 196, 219 и 235) или как «Из истории русского былевого эпоса» А. В. Маркова (№ 152), сами собою распадаются на отдельные, друг от друга обособленные статьи к отдельным сюжетам, и наше распределение их состава по разным частям «Обзора» нисколько не нарушает их системы. Книга А. М. Лободы (№ 128) имеет следующие главы: I) Современные методы изучения былин (о ней речь в главе о методах); II) Женитьба богатыря как одно из наслоений или новообразований в цикле сказаний о нем; III) Сватовство Соловья Будимировича (в обзоре см. главу «Соловей Будимирович»); IV) Сватовство Хотена (Гордена) Блудовича (см. «Хотен»); V) Сватовство Ивана Годиновича (см. «Иван Годинович»); VI) Сватовство Владимира-князя (и женитьба Дуная) (см. «Дунай»). Исследователь приходит к заключению, что русские былины о сватовстве — в основе своей исторические, как «в тесном смысле отправления первоначальных песен от того или иного исторического лица и события», так и «в широком смысле изображения бытовой картины, имеющей связь... с жизнью той среды, в которой слагается и развивается эпос» (с. 285). — Рядом с этим в былинах о сватовстве имеются налицо и элементы заимствования из захожих поэтических произведений (с. 286). Кроме того, «былины о сватовстве в весьма значительной степени представляют переработку русских свадебных обрядовых песен или отдельных их мотивов, что, между прочим, значительно ослабляет распространенное представление о нашем эпосе, как об эпосе «международном» по своему составу»... (с. 287). Рец. см. № 250, 325 и отчасти № 168. А. М. Лобода дал «Ответ критикам» — № 129). О женитьбе Владимира см. еще недавно напечатанную работу Б. М. Соколова (№ 305). Изучение историй сказаний о женитьбе Владимира определяет для автора XIII век, как время, раньше которого не могло произойти сложение былин в современном их виде. Замена Полоцкой земли Литвой, по его мнению, могла произойти не раньше XIV—XV в., а титул «король» говорит за более позднее время. Изучение бытовой стороны старин, идеологии, проявившейся в переработке древней версии сказания в былинку, характер и роль кн. Владимира, его вкусы, слишком резкое противопоставление князя-властителя его подданных богатырям и

боярам, грозность и своеволие князя, принижение и страх слуг, частые указания на проявленные князем самовластие, казни, ссылки, тюрьмы, боязнь бояр княжеской опалы, отголоски местничества и т. п.— все это говорит автору о позднейшей эпохе, о московском периоде русской истории и приближает былин к временам Ивана Грозного. На это же указывает автору и некоторое смещение былин о женитьбе князя Владимира с песнями об Иване Грозном. В общем выводе автор заключает, что переработка древнего типа сказаний о женитьбе князя Владимира в форму дошедших до нас былин произошла в московский период русской истории, точнее, в XVI веке. Внешним поводом для такой обработки прежнего эпического сказания о полоцких событиях могли послужить те войны с Литвой, какие велись московским правительством в XVI—XVII вв., в частности же поход на Полоцк Ивана Грозного (№ 305, с. 121—122).

Книги С. К. Шамбинаго «Песни — памфлеты XVI в» (№ 350) и «Песни времени царя Ивана Грозного» (повторение первой с небольшими изменениями; № 351) рассматривают былины о Ваське Буслаеве и о Кострюке. В нашем «Обзоре» см. о них в соответствующих местах, посвященных этим персонажам.

Брошюра А. В. Маркова «Поэзия Великого Новгорода» .. (№ 172) говорит о влиянии новгородской жизни на переработку южнорусского эпоса, рассматривает былины о Ставре, о Садке, о Василии Буслаевиче. В основном здесь отражаются взгляды Вс. Миллера на роль Новгорода в истории сложения былин. Элементы новых соображений А. В. Маркова будут нами отмечены в соответствующих местах. О Новгородском слое в составе былин говорит ст. В. В. Филатова «Новгородцы-путешественники» (см. № 330). Ср. об этом еще Н. Мендельсон (№ 189) «Новгородские былины».

Книга И. Созоновича «К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию» (№ 292) посвящает былинам и их соответствию западноевропейскому эпосу главу XX второй части (с. 511—538). Г. Н. Потанин в кн. «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (№ 265) сближает былины с восточным эпосом, преимущественно со сказаниями цикла о Гесэре (имеются сближения былин об Илье Муромце, об Иване Годиновиче, о Потоке и др.).

1. К былинам об Алеше Поповиче имеет отношение книга *И. П. Созиновича* (см. № 292). Созинович дает обширный материал сказаний, песен и легенд эпоса разных народов для сравнения с былинным сюжетом о неудавшейся женитьбе Алеши. Созинович отмечает обилие архаических подробностей в содержании русских былин на этот сюжет (архаическими Созинович считает те, которыми русские обработки исследуемого им сказания, «роднятся с соответствующими воспроизведениями той же темы в поэзии западно-европейской и в поэзии славянских народов»); указывает на первичность имени Добрыни в былинах данного круга (не Соловья Будимировича со щупом Давыдом Поповым); отмечает влияние польских песен про Домброву на былинах о Добрыне и Алеше (имя, музыкант, прыжок через стол); устанавливает принадлежность юго-западной Руси имен таких былинных героев, как Василий Казимирович, Иван Дубрович (?), Чурило Пленкович (о Чуриле дается интересное свидетельство сатиры польского писателя Рея 16 века); наконец, устанавливает связь этих былин с южнославянскими песнями и, в более отдаленной степени, с западными романтическими сказаниями, восходящими к классическому рассказу о возвращении Одиссея в Итаку, где ждала его верная Пенелопа (о книге *И. П. Созиновича* смотри отзыв *И. Н. Жданова*, № 77).

2. К былинам об Алеше и Тугарине см. соображения *Вс. Миллера* в ст. «Илья Муромец и Алеша Попович» (см. об Илье Муромце № 211 и 219). Загадочное известие об Алеше в Никоновском своде, прикрепляющее его, в разрез с другими летописными данными об этой личности, к Киеву ко времени 1000 года, обставлено Миллером некоторыми новыми догадками. Предание Никоновской летописи о нападении Володаря на Владимира, при отбитии которого Алеша Попович убил Володаря, Миллер прикрепляет к историческим фактам похода Володаря и Василька Ростиславичей вместе с Боняком в 1097 году на угров и к разгрому Боняком окрестностей Киева в 1096 году. Владимир былин здесь соответствует Владимиру Мономаху. Предание, связы-

³ Персонажи и сюжеты располагаются по алфавиту.

вающее имя Алеши Поповича с борьбой против половцев, относится к тому периоду нашего эпоса, когда половцы еще не были бесследно вытеснены татарами. Этому Миллер находит подтверждение в собственных именах: Тугарин соответствует Тугоркану: Тугоркан при Владимире (Мономахе), Тугарин тоже при Владимире (Красное Солнышко), близость Тугарина к Апраксии отражает родственные отношения Тугоркана к князю Святославу Изяславичу (тесть), Тугарин, как враг Киева, отражает враждебные набеги Тугоркана на Переславль и др., которые и закончились его убийством. В истории переработки древнего предания В.с. Миллер отмечает такие моменты:

1) «Связь имени Алеши с именем Александра, быть может, повела к тому, что в описание боя Алеши с Тугарином внесена подробность из боя другого героя Александра, известная из книжного сказания, именно хитрость Александра Македонского, употребленная им в единоборстве с царем Пором» (115; ср. А. Н. Веселовский. Из ист. ром. и пов., I, с. 388).

2) Исходя от прозвища «Попович» придумали ему родословную от отца ростовского попа Леонтия (имя ростовского святителя Леонтия).

3) Летописный Тороп чаще заменяется Екимом.

4) «Дальнейшая переработка сюжета — Алеша и Тугарин — стоит в связи с эволюцией былинного типа князя Владимира и княгини Апраксии» (обесцвечивание и понижение княжеского и морального достоинства) (с. 115—118). (Кроме этих, соображения Миллера об эволюции былин об Алеше см. ниже; об Илье Муромце; там же см. статью Б. М. Соколова «Илья и Идолище поганое»).

Бутман Колыбанович

В.с. Ф. Миллер (№ 219, стр. 385—405) ставит былину в связь с преданиями о Петре Великом. Выяснив традиционные эпические элементы, вошедшие в состав старины (отчество богатыря Колыбанович, пьянство с Васькой Пьяницей, черты Бутмана, проникшие из быliny об Илье Муромце и готях кабацких), остальное содержание быliny приурочивается к услуге, которую когда-то Бутман оказал Петру (выручил Петра, когда тот подвергался опасности в чужой земле). Исследова-

тель привлекает к этому предания о тех опасностях, которым будто бы подвергался Петр В. в Стокгольме. Имя Бутмана нашлось, кроме былины, еще в предании о посещении Петром завода Бутмана на Онежском озере. Бутман этого предания — реальное лицо: это Бутенант фон Розебуш, построивший в 70-х годах XVII века железные заводы в Кижском погосте, на Онежском озере. У царя были с Бутенантом весьма дружеские отношения. Петр допускал Бутмана в свою компанию потому, что ценил его услуги: Бутман доставлял из Дании оружие и разных мастеров для пушечного и корабельного дела, а также сообщал политические известия из Европы.

Василий Буслаев

Былинам о Ваське Буслаеве посвящена большая половина исследования С. К. Шамбинаго «Песни-памфлеты XVI века» (№ 350). Автор здесь различает два сюжета: «Песню о разгроме Новгорода» и «Песню о нераскаянной кончине». — Останавливаясь на отчестве «Буслаевич», автор объясняет его из Буеслаевич, предполагая, что имя отца отвлечено от прозвища сына, отличавшегося буйством. Указывая на сопоставление И. Н. Ждановым начала былины (о рождении Васьки) с рассказом кн. Курбского о разводе Вел. кн. Василия Ивановича с Соломонией и о втором браке с Еленой Глинской, продолжает это сравнение дальше: Васька Буслаев, это маска на лице царя Ивана Грозного; былина — памфлет на разгром Новгорода в 1570 году. Даются параллели былины с историческими свидетельствами летописей, кн. Курбского, Герберштейна, Хоффа. — Слова бабищи в былине: «не подождал» и пр. обозначают преждевременный развод Василия Ивановича: мать, это «символ сдерживающей силы», которую в себе ощущает Васька; девка-Чернавка, это — символ «злого гения Ивана», или Марья Темрюковна; псевдоним «памфлета» — Васька вышел из отчества царя — Васильевич. С историческим новгородским разгромом 1570 года в былине указываются следующие соответствия: 1) царь отправляется в Новгород, распаленный гневом, Васька — тоже; 2) гнев царя на духовенство соответствует гневу Васьки на пилигримище; 3) сигнал к историческому разгрому дан на пиру у архиеписко-

па — на пиру же происходит завязка буйства Васьки; 4) избиение новгородцев происходило в два приема: опричнина без Ивана и потом в его присутствии, — в былине тоже два приема буйства Васьки; 5) при историческом погроме, по показанию источников, «вода с кровию смешалася», — в былине в центре стоит Волховский мост; 6) погром сопровождался грабежом — у Васьки «с молоду много бито, много граблено»; 7) обращение царя после погрома неожиданно, в погроме видели кару небесную — укрощение Васьки в двух вариантах приписывается богородице; 8) царь объявляет волю посадить среди них старейшего — в песне «мужики покорились», заплатили дань. Кроме того: выходки молодого Ивана со сверстниками соответствуют выходкам Васьки Буслаева; набор опричников в сообществе с Малютой соответствует набору дружины в сообществе с Потаней Маленьким.

С. К. Шамбинаго отклоняет мнение И. Н. Жданова об ушкуйничестве Васьки. Василий не выезжал из Новгорода. Смерть Василия — смерть Ивана Грозного. «Поэт, желая выразить впечатление, произведенное внезапной смертью Ивана Грозного, имел в виду представить в поэтическом отвлечении назидательную укоризну по поводу достойным образом завершившейся грешной жизни. Формой для своего повествования он воспользовался синодичной, начав рассказом о поучающем черепе. Смерть царя была изображена иносказательно введением мотива камня преткновения. Если возникновение Синодика, как народной книги, «следует относить не ранее как к самому концу XVI века...», то и Песня о нераскаянной кончине получает довольно точное хронологическое определение, как отражающая модные и популярные мотивы литературы конца XVI и самого начала XVII века» (с. 263). Что касается формул покаянного хождения, то она «является риторическим приемом, и вся песня очень далека от описания какой бы то ни было паломнической поездки. Эпизод купанья введен позже, с целью представить Василия действительным паломником, нарушившим установленный обычай купанья в Иордане в рубашках» (с. 65).

С. К. Шамбинаго возражал *Вс. Ф. Миллеру* (№ 228). С толкованием отчества Васьки «Буеслаевич» он несогласен: имя Буеслав неизвестно в славянском именослове; скорее прав А. Соболевский, производящий это имя

от Богуслав. Слова былинной «бабищи матерой»: «не мог дотерпеть» Шамбинаго понимает, что у Буслая раньше была жена, с которой он, не дождавшись детища, поступил так, что вызвал укоризны бабищи матерой. Это «чтение между строк», оно непрочно. Мать Васьки С. К. Шамбинаго понимает как «символ сдерживающей силы», девуку Чернавку — как символ «злого гения Ивана» или как Марью Темрюковну. Это «рискованно», а Чернавка упоминается и в других былинных сюжетах. С. К. Шамбинаго игнорирует историческое имя Василия Буслаева в Никоновской летописи (по времени гораздо раньше погрома, в 1171 году). Основная мысль С. К. Шамбинаго не убедительна: юмористическое шутливое изображение ужасного погрома невероятно. «Если автор памфлета хотел заклеить Ивана Грозного, то потерпел полное фиаско: от личности буяна Васьки Буслаева получается впечатление, совершенно не соответствующее личности Грозного, царя-мучителя» (с. 379). «Какой смысл в настолько замаскированном памфлете, что в нем нельзя узнать главного лица, против которого он направлен?... Для чего было автору памфлета затемнять его внесением матери Васьки, девки Чернавки, запираания буяна в погреб и т. п.»? (с. 379). — Однако в былинне, действительно, следы XVI века есть. Но это, конечно, не значит, что ранее редакции XVI века не было другой. «Думаем по-прежнему, что тип Васьки Буслаева и песни о нем существовали еще в периоде политической независимости Новгорода» (с. 379). Возможно, что погром Новгорода мог отложиться на некоторых былинных картинах. Исследование производит общее впечатление поспешности. Не использованы некоторые печатные варианты, иногда неверна хронология.

В 1914 году С. К. Шамбинаго выпустил свою книгу новым изданием с иным уже заглавием: «Песни времени царя Ивана Грозного» (№ 351). Отличия от прежнего издания состоят в следующем: 1) Выброшено разделение былинных текстов на «канонические» и «неканонические»; 2) На указание Миллера о том, что большое бедствие Новгорода не могло составить предмета шутливой песни, С. К. Шамбинаго отвечает: «особенного бедствия для города Новгородский разгром не оказал»; «юмористический рассказ не есть шутливый». Упрек Миллера в произвольном реставрировании текстов прие-

мами «устранения неудобных лиц и эпизодов» С. К. Шамбинаго отводит замечанием: «Реставрация текстов необходима для уяснения основной идеи». На указание В. Ф. Миллера на отсутствие всякого смысла внесения в памфлет лиц, затемняющих осмеиваемое и порицаемое памфлетом лицо, С. К. Шамбинаго отвечает: «внесение побочных персонажей принадлежит логике песни и не всегда, конечно, может быть объяснено удовлетворительно». Теперь С. К. Шамбинаго не настаивает на символичности матери и выражается двусмысленнее: к слову символ прибавляет осторожное «как бы» («являясь как бы символом», с. 121). Предположение: девка Чернавка — злой гений Ивана Грозного — не повторяется, в новом издании остается лишь Чернавка — Марья Темрюковна (173). Допуская возможность существования более ранних и иных редакций песен о Ваське Буслаеве, С. К. Шамбинаго замечает: «для меня, в таком случае, новой композицией является эта переделанная в XVI веке песня, от нее я и отправлялся» (с. VII).

Отметим сближение *Г. Потанина* мотива с Ерданью у Васьки Буслаева и с Пучай-рекой у Добрыни с легендой об Орхоне: Орхон разливается, топит Галдана (см. № 265, с. 658—659).

Василий Пьяница

Былину о Батыге и Василии Пьянице рассматривал *Вс. Ф. Милер* (№ 196, с. 305—327). В общем составе былины *Вс. Миллер* отмечает бедность содержания основного рассказа. Подвиг Василия Пьяницы описан кратко, больше внимания отдано его пребыванию в кабаке и многократным опохмелениям. Смакование кабацких сцен является признаком скоморошеской обработки былины. На скоморошество указывает и конец былины в виде шутливой прибаутки. *Вс. Миллера* останавливает несоответствие вступления былины (Мать божия, плачущая на стенах города) с ее содержанием: начато скорбно, закончено шуткой. Из грозного завоевателя Батыя сделан шутовской царь, это — тоже признак позднейшей переработки. — Крупницей старины в былине являются плач богородицы за Киев. Это — старинная легенда об охране города Киева богородицей (как Константинополь). Ср. подобную легенду в повести о победе новгородцев над суждальцами. Былина носит на себе

отражение и другого старинного источника: «Повесть о приходе Батываевой рати на Рязань». На былине отразились мотивы и песни о Евпатии Коловрате, существовавшей когда-то и нашедшей себе закрепление в летописной повести об этом герое. В основе былины лежат древнейшие песни о Батыевом походе. Из старины же сюда зашел запев о плачущей богородице. Имя Василия Пьяницы несет собою память князя Василия Константиновича, взятого в плен Батыем. В XVI—XVII ст. былина подвергалась скоморошье́й обработке.

Вольга и Микула

Былины о Вольге и Микуле вызвали довольно большую литературу.

М. Г. Халанский (№ 333; вторая половина 3-ей главы посвящена отношению былин о Вольге-Волхе к летописным сказаниям об Олеге Вещем) по вариантам конструирует связную биографию Вольги. Вольгу и Олега он сопоставляет в следующих пунктах: 1) Чародейство Вольги соответствует мудрости Олега, пример которой он обнаружил в походе на Царьград, поставив судна на колеса; 2) Поездка Вольги с Микулой в города соответствует государственной устроительной деятельности Олега; 3) Вольга в роли пахаря, призываемого Микулой на воеводство (вариант Прохорова, Рыби. 1, 4; Гильф. 45) обозначает идеализацию устроительной деятельности Олега и призвание варягов. 4) Поход в Индийское царство — поход Олега на Царьград. 5) Гибель Вольги от прыжка через камень (один вариант) соответствует гибели Олега от трупa коня.

Обстоятельное рассмотрение эти былины получили в ст. В. Ф. Миллера (№ 196, с. 166—186). Связь Волха былин с новгородским преданием о городе Волхе говорит В. Ф. Миллеру за новгородское происхождение былины. Свидетельства новгородского происхождения былины Миллер указывает в деталях былины: 1) описание пахоты Микулы носит следы новгородской территории (каменистая почва, соха и др.); 2) рожь — новгородский северный злак; 3) поездка за солью — отражение соляного вопроса, который для новгородцев всегда имел существенное значение; 4) плата грошами — соответствует переходу от купной системы к денежной, происшедшему в начале XV века; 5) город Ореховец — исторический

город Шлиссельбург-Орешек; 6) город Гурчевец — исторический Гюрчев (Юрьевец); 7) упоминание реки Волхова, это новгородские мосты на Волхов; 8) богатыри бьются с мужиками, своими, русскими, — это указывает на новгородские междоусобия; 9) былина иногда смешивается с былинами о Васке Буслаеве, которые явно новгородского происхождения; 10) имя Селянинович из Селягинович, — от «сельга» — запущенная нива. — Наличие бытовой новгородской окраски не разрешает вопроса об оригинальности фабулы былины. В былине есть элемент, чуждый быту: 1) описание роскошной сошки и костюма Микулы; 2) невыдержанность поведения Микулы (он быстро бросает свое дело). Эти черты указывают на какое-то механическое заимствование из захожего сюжета. В походе Вольги на Индийское царство. Вс. Ф. Миллер тоже усматривает новгородские черты: 1) в былине отсутствует Владимир — это указывает на разрыв последней связи с югом (Киев в былине — результат поздней переработки); 2) Волх — не богатырь, его занятия — охота и рыбная ловля новгородские. Самый поход Вольги полон красок фантастического «размалевывания». Вольга — оборотень. Это сказочный элемент. В. Ф. Миллер указывает некоторые параллели в восточных — тюркских и монгольских сказках. Наличие в былине грошей (исторически с 15 века) и сохи (14 век) дают В. Ф. Миллеру основание к суждениям о времени сложения былины. — Из двух былин хронологически более ранней нужно считать ту, которая представляет Волха героем (ловы, поход); уже впоследствии сделалось возможным усвоение другой роли Волху — не героической. — В особой заметке, в качестве особого приложения к книге (№ 196, с. 443 и сл.) В. Ф. Миллер дает былине параллель из персидской поэмы Низами «Счастье Искандера».

В. Ф. Миллеру возражал Н. И. Коробка (№ 105). Н. И. Коробка приводит сказания об урочищах Овручского уезда. Все сказания говорят о Вольге — Юльге — Ольге, о поисках ею мужа. Коробка сопоставляет этот материал с летописными сказаниями об Ольге и древлянах. Далее привлекает былинку о Вольге и находит, что «сказания... были одним из образующих элементов в создании былин о Вольге». Полемизируя с Вс. Ф. Миллером указывает, что 1) картина пашни (камни, соха) «столько же картина Олонецкой губернии, как и Киев-

ско-Волынского Полесья»; 2) рожь — преимущественный продукт Полесья, пшеницу и до сих пор там не сеют по неблагоприятным условиям почвы; 3) соль — «при отсутствии путей сообщения соляной вопрос был хроническим для Полесья до самого недавнего времени»; 4) гроши — «те же гроши в XV веке были в употреблении и в русских землях, подчиненных Литве»; 5) северная природа, звери: — «тур совсем не северный зверь, а вместе с зубром являлся отличительной чертой западно-русских лесов»; соболи, медведи, куницы водились и в Полесье, встречаются и теперь; «барс чужд Полесью, но в такой же мере чужд и новгородской области»; семжинки-белужинки нет и в новгородских водах. «Вс. Миллер останавливается на осетрине, но она встречается и в Днепре»; 6) топография: Гурчевец может быть и Овруч (ср. Безсонов) — Гуричев Черниговский (ср. Халанский), Крестьяновец Квашнин-Самарин считал Искоростенем, Ореховец в былинах заменяется Туринцем, это, может быть, Туров, Волхов встречается только в одной былинах, а Киев гораздо чаще. «Нет никаких оснований считать (былины о Вольге — А. С.) поздними и Новгородскими, наоборот, есть много оснований считать их ранними и Киевскими. Сходство между Вольгой летописной и Вольгой былин: 1) оба ведут борьбу с мужиками, 2) Вольга — князь, а эта — княгиня, 3) отчество Вольги Святославьевич, — Ольгу в походах сопровождал Святослав, 4) мудрость Вольги — мудрость Ольги. — Орест Миллер сопоставлял былинку со сказаниями Эдды о рождении и юности Гельги. Совпадающие эпизоды былин о Вольге и сказаний об Ольге с эпизодами германской поэзии, по мнению Н. Коробки, «представляют собой варианты всемирно распространенных народно-поэтических сюжетов, иногда обнаруживающих свой мифический характер» Наши сказания, это — международные поэтические формулы

Вс. Ф. Миллер еще раз вернулся «к крестьянству Микулы Селяниновича» (№ 221, с. 173—177). Он снова, после статьи Н. Коробки, все же настаивает на новгородском происхождении былинны Идеализация крестьянина Микулы могла иметь реальную основу в быте только в древней новгородской области, где существовал класс земцев, или своеземцев, землепашцев, владевших землей на правах собственности и имевших значительное количество десятин земли Наличие земцев указывает

ся (в XV веке) как раз в Ореховском уезде. Былинное выражение *выволочу рожь* точно выражает способ вывозки снопов в новгородских местах посредством волокуши. В дополнение к прежним особенностям былины отмечается «характерное для новгородца» независимое отношение к князю.

Совершенно иначе объясняет былину С. К. Шамбинаго (№ 347). Анализируя варианты былины, С. К. Шамбинаго делит их на три группы. Первая группа — эпизод о встрече Вольги с Микулой: «герой (только Вольга) едет в города без всякой цели, на пуги встречается с удивительным пахарем, оказавшимся значительно более сильным, чем он». Вторая группа — разработанный мотив о встрече Вольги с Микулой. «Герой (только Вольга) едет в города собирать дань, которую горожане отказались платить; по дороге он встречается с удивительным пахарем, неожиданно оказавшимся богаче и умнее, хитрее и сильнее его; этот пахарь — крестьянин; жители городов покоряются после боя, но скорее силе крестьянина, а не героя; собрав дань, герой уезжает». Отличие этой группы от первой только в зачине, а зачин этот (о рождении Вольги) не соединен органически с рассказом. Вторая группа прославляет пахаря Микулу, на котором и сосредоточено главное внимание. Отсюда вытекает, что в старинах второй группы слито два разных мотива. И первая и вторая группа разрабатывают мотив о Микуле, встретившемся с каким-то княжеским дружинником, ехавшим за получкой дани. В третьей группе две редакции. Первая редакция в первой своей части представляет законченную песню об идеальном охотнике. Здесь автор отмечает, что черт оборотничества и чародейства нет у Вольги, как нет их и в образе Всеслава в Слове о полку Игореве. В обоих случаях фигура сравнения: Вольга ловит их, не обернувшись зверем, птицей, рыбой, а так ловит, как ловит зверь и пр. Буквальное понимание фигуры сравнения потом, позже заставило Вольгу быть оборотнем и послужило основанием для внесения этого образа в совершенно иной сюжет. Этот сюжет находится во второй части первой и второй редакции третьей группы. Он трактует о походе героя-оборотня в чужеземное царство. Имя Волх присутствует только в этой группе. Здесь дается детская биография героя, и рассказывается о походе на Индийское царство. Здесь дается ясно выраженный образ ча-

родея, и былинный герой здесь, несомненно, сказочный персонаж (автор дает параллель из сказок). Такое на-слоение на Вольгу явилось результатом неправильно по-нятого сравнения (влияние песен об охотнике).— В бы-лине сначала место Вольги занимал какой-то «безцвет-ный и недогадливый князь», отправляющийся на по-людье. На него и давалась песня-памфлет, где Микула и должен был являться подлинным героем. Лишь потом, может быть, под влиянием преданий об Олеге, измени-лась фигура князя. Песня о Вольге охотнике отражает ассимилировавшиеся сказания об Олеге — Ольге. Об Оле-ге в летописях и былинах см. еще у *Туандера* (№ 322, с. 230 и след.).

Б. М. Соколов (№ 299) предполагает в сюжете Микула-пахарь апокрифический источник: компиляция попа Иеремии о древе крестном, эпизоды — как Хрис-тос плугом орал и как Пров Христа братом назвал. Он же находит соответствие чудесной сошке Микулы из «Иного жития св. Николая Чудотворца». Отчество Ми-кулы — Селянинович вышло из Селевкинович от имени Селевкин, лица этого апокрифа.

Г. Н. Потанин (№ 265, с. 171) указывает как на па-раллель былине встрече Карла с Гугоном у Солуни, от-сюда прозвание Микулы — Селянинович (т. е. Солуни-нин) (ср. об этом ранее у А. Н. Веселовского «Южно-русские былины». Сборник Академии Наук, т. 36, с. 248 и сл.).

А. В. Марков (№ 176, с. 52—54) сближает Микулу Селяниновича с Миколой Можайским.

Глеб Володьевич

Вс. Миллер, в статье 1903 года (№ 204) считал, что былина до XVII века существовала в иной редакции, чем теперь. След этой дрезней редакции остался в одной из песен приблизительно того же сюжета, записанной на Терееке. В XVII веке женская личность былины получила имя Марины (Мнишек) и присобрела все свойства, свя-занные с этим именем в нашем эпосе. Имя князя Глеба Володьевича восходит к князю Глебу Владимировичу. Былина сохраняет отголоски своеобразно переработан-ного предания о походе Владимира под Корсунь и его женитьбе на греческой царевне.

А. В. Марков. (№ 152) основу былины возводит к

походу двух князей (Владимира Мономаха и Глеба Святославича) на Херсонес в 1077 году. Отчество былинного героя, Глеба Володьевича, усвоено было позднейшими пересказами песни, которые отвлекли это отчество от имени другого участника похода, Владимира Мономаха — Володьевич, т. е. Всеволодович. Героиня былины Марина отчество получила в эпоху татарского нашествия, от имени хана Кайдара (Кайдаровна) Поэтический сюжет былины восходит к неизвестному византийскому сказанию, остатком которого является переделанная с греческого повесть о Басарге (автор дает сличение) Былина сложилась на юге; она сохранила следы прежней географии (иноземной) в названии Ильи Муромца («Муромец» здесь вместо «Мурин», т. е. арап) и в упоминании Арапской земли. Записанная у терских казаков песня о Марине Кайдаровне представляет собою искаженное начало былины о Глебе Володьевиче; эта песня более точно сохранила отчество Марины, искаженное во всех других былинах, упоминающих Маринку

Вс Ф. Миллер (№ 219, с 294) готов согласиться с А В Марковым в вопросе об исторической основе былины, но остается при мнении, что и в обоих беломорских вариантах и в Терской песне Маринка Кайдаловка одно и то же лицо — Марина Мнишек

Данило Ловчанин

Былина подвергалась пересмотру со стороны Б М Соколова (№ 294) Исследователь указывает, что география бытования былины проходит в центральных губерниях. Еще Орест Миллер указывал в былине следы «более позднего времени, чем время Владимирово» Б М Соколов видит в былине отражение эпохи Ивана Грозного Суровость кн Владимира сближает его с Иваном Грозным На это же указывает приниженная роль бояр в былине Былинный Мишаточка Путятин, это — ближайший приспешник великого князя Василия Ивановича и Ивана Грозного На ту же эпоху указывают в былине следы местничества На сблик былинного Мишаточки повлиял Малюта Скуратов Сюжет былины отражает брак Ивана Грозного на вдове Василисе Мелентьевой. Сюда же контаминировался брак его на княгине Марье Долгоруковой (смерть жены на другой день

после брака). Былина носит на себе литературные влияния: библейский Давид и жена Урия (ср. Миллер, № 294, стр. 158). Сказочные наслоения, напр., сказка о Даниле Бесчастном; но здесь нет ни влюбленности, ни погубления, ни трагической развязки.

Вс. Ф. Миллер в очерке к былине о Батыге указал на сходство былины о Даниле Ловчанине с эпизодом о смерти Федора и Евпраксии в «Повести о приходе Батыевой рати на Рязань». (№ 196, 317). (Раньше об этом *М. Г. Халанский* — Великор. былины Киевского цикла с. 82; *Вс. Миллер* в «Экскурсах», с. 26).

Добрыня

В исследованиях былин о Добрыне выделялись следующие моменты: 1) Добрыня-змееборец, 2) Добрыня-сват, 3) Добрыня и Марина, 4) Добрыня и река Смородина.

Еще в «Экскурсах» (гл. II) *Вс. Миллер* посвятил Добрыне-змееборцу большой очерк. Позднее (см. № 196) он к своим соображениям об отражении в былине крещения Новгорода историческим Добрыней прибавил ссылку на Новгородское Перюньское предание о змийке (записано Якушкиным). Предание отождествляет змияку с Перуном, это *Вс. Миллеру* дает недостающее звено к отождествлению былинного змея с язычеством.

Добрыне-змееборцу посвящено исследование *А. В. Маркова* (см. № 152, вып. II). В первой половине исследования *А. В. Марков* устанавливает взаимоотношение вариантов былины, различает между ними три типа: 1) Олонецкий, 2) Зимнего берега и 3) Восточный. Вторая половина исследования посвящена вопросу о происхождении былины *А. В. Марков* исходит от воззрений *Вс. Ф. Миллера* (Экскурсы) и со своей стороны ставит задачей точнее и глубже установить его предположения и осветить некоторые иные стороны, не вошедшие в кругозор *В. Ф. Миллера*. Особенное внимание исследователь посвящает рассмотрению связи былины с агиографической византийской литературой и сопоставляет отдельные эпизоды былины с апокрифами о св. Георгии и девице, с проложным житием Тимофея Прусийского, с проложным житием Федора Тирона и больше всего с апокрифическим житием св. Никиты. Омовение, купанье Добрыни автор считает символом крещения. Купанье

Добрыни, по его мнению, составляло предмет отдельной былины, здесь рассказывается о детстве героя. Приблизительный прототип такой былины указывается в эпизоде Девгениева Десяния. Исследователь думает, что многое из эпической биографии Добрыни, бывшее раньше, не дошло до нас, хотя отдельные следы остались. Таким отголоском прежнего самостоятельного эпизода собственного крещения Добрыни в детстве и является в современной былине момент купанья Добрыни. Известное теперь описание детства Добрыни принадлежит другому Добрыне, Златому Поясу, подвиги которого летопись относит к первой четверти XIII века (Добрыня-Рязанич). В древнейшее описание детства Добрыни входила песня о звере-скимне. Миллер считает скимна символом врага Добрыни. Марков считает его прообразом героя. Хотя в некоторых вариантах скимен называется вором, собакой, иногда Добрыня даже убивает его, но это позднейшее искажение. Певцы забыли подлинный смысл скимна, поняли его как противника Добрыни и стали примечать его механически и к сюжетам, не имеющим отношения к змееборству (Добрыня в отъезде) — А. В. Марков отмечает два эпизода при крещении Новгорода, получившие отражение в былине: 1) память о свержении истукана Перуна и 2) гибель новгородского главного волхва (по его мнению, Богомил — высший жрец). Второе отголоском сохранилось в былине о *Добрыне и Невеже* — Представители как язычества, так и христианства высоко ставят знание. Для христианина язычник — невежа. В подтверждение этого соображения А. В. Марков, на основании одной легенды, предполагает, что в Новгородской области некогда употреблялся термин «невежа» для обозначения язычников-финнов. Добрыня же в противоположность Невеже — знающий, он отличается «вежеством» — Сложение былины А. В. Марков приурочивает к Новгороду. Основанием для этого ему служит, во-первых, то, что героем ее является «новгородский помещик», т. е. Добрыня Якимовской летописи, во-вторых, то, что в былине упоминаются волхвы, которые, по Маркову, известны только Новгородской области, в-третьих — то, что героиней в былине является та же Забава Путятишна, что и в былине о Соловье Бутимировиче, несомненно, по его убеждению, новгородской. Само имя Забавы, это — урочище, ему соответствует Забавская улица в Новгороде. (О

статье А. В. Маркова о Добрыне змееборце см. еще в первом очерке).

А. В. Рыстенко (№ 281) былин о змееборстве Добрыни объясняет из Георгиевской легенды. Доказательства: возникновение былины в Новгородской области и популярность Георгиевской легенды именно здесь же (о кн. Рыстенко см. № 131).

С. В. Шувалов (№ 366) замечает слабость аргументации исследования А. В. Рыстенко и указывает, что вообще нет основания Добрыню змееборца обязательно прикреплять к Георгию. Есть и другие змееборцы, напр., Федор Тирон. Федоровская легенда для сближения с Добрыней имеет столько же оснований, как и Георгиевская. И на то, ни другое не обязательно. Представление о змееборстве у народа существовало и независимо от христианства. Автор былины мог взять этот мотив из прежних дохристианских представлений народа, и это С. В. Шувалову кажется более естественным: в самой былине тоже нет ничего христианского.

Добрыня-сват. Вс. Миллер (№ 196, с. 148 и сл.) видит здесь механическое соединение двух сюжетов. Можно думать, что когда-то существовала первая половина как отдельная былина. Былина, по его мнению, является глухим отголоском исторического события, рассказанного Лаврентьевской летописью под 1128 годом: насильственное добывание жены Владимиру.— В былине роль Добрыни аналогична Дунаю (см. о Дунае. Там же см. статью А. М. Лободы).

В состав былины о Добрыне свате часто входит эпизод о женитьбе самого Добрыни. Иногда женитьба вставляется вслед за освобождением полонянки Змея (Забавы Путятишны и др.). Об этом эпизоде женитьбы Добрыни отзывался А. М. Лобода в исследовании о былинах о сватовстве (№ 128). Похождение Добрыни, заканчивающееся свадьбой, сближает былин о женитьбой Дуная. Столкновение Добрыни с Поленицей развивается по типу былин о Святогоре. Соединение этих элементов произведено механически, и в данной женитьбе Добрыни мы встречаем мозаичное воспроизведение знакомого сюжета по готовым былинным и сказочным мотивам. См. об этом же упомянутую выше (об Алеше) книгу И. Созоновича (№ 293).

Добрыня и Марина. Вс. Ф. Миллер (№ 196, с. 153 и сл.) останавливается на историческом имени Мари-

ны — это ведет былину к исторической Марине Мнишек. Сходство между обеими Маринами: обе красавицы, у обеих любовные похождения, оборотничество Добрыня — обычный былинный противник змея (Горыныча), а последний — любовник Марины, отсюда прикрепление к Марине Добрыни. Стрелянье в голубей имеет себе талмудическую параллель (о Давиде и Уриевой жене — Вирсавии) там птица — сатана, в былине — Добрыня попадает в Змея Горыныча, и в былине и в апокрифе девица во время стреляния умывается, Добрыня — музыкант (Возражения В Ф Миллеру у И. Мандельштама, № 145) Профессор Сумцов в статье «Былины о Добрыне и Марине и родственные им сказки о жене волшебнице» (Этн Об, кн XIII—XIV, № 2—3 1892 года) на основании обращения Добрыни в тура предполагал очень давнее хронологическое приурочение былины «В очень давнее время, когда тур был на Руси еще обыкновенным животным, в эпоху расцвета былевого творчества, сказка о жене волшебнице вошла в былины Владимирова цикла с приурочением к исторической личности Добрыни» (с 168) Эта деталь, по мнению Вс Миллера, наоборот, свидетельствует о позднем сложении былины, ведь в ней образ тура совершенно искажен (№ 196, с 153) — Обзорение вариантов былины Добрыня и Марина имеется в кн В Н Андерсона «Роман Апулея и народная сказка» (№ 7) сюжет превращения человека в животное (рец о кн см № 389)

Добрыня и река Смородина В этом эпизоде былин о Добрыне В Ф Миллер (№ 196, с 159 и сл) обращает внимание на гибель Добрыни на р Смородине в единственном варианте в записи Языкова и Сызрани В песню, где герой называется просто «добрым молодцем», имя Добрыни, по мнению В Ф Миллера, проникло впоследствии Здесь наблюдается процесс историзации первоначального измышления

Добрыня Никитич и Василий Казимирович Вс Ф. Миллер (№ 219, с 186—210) указывает на неправильность отождествления трех былинных Василиев, допущенную Безсоновым (2-ой выпуск песен Киреевского, с XXV) и Ор Миллером («Илья Муромец», с 692) И. Лось смешивает двух Василиев Казимировича и Долгополого (Энци слов Брокгауза, т V, 603) Вс Миллер указывает отличия этих богатырей Останавливает-

ся на Московских элементах в былине (дани-выходы не вносят, это обозначает прекращение выплаты денег татарам при Иване III, XV ст.) — Главный герой былинны Добрыня (ср. былину Добрыня и Дунай). Былинный Василий Казимирович — отголосок преданий о Василии Казимире, новгородском посаднике, современнике Ивана III (В летописи 1471—1481 гг.).

Дунай

Содержанием былины является добывание Дунаем невесты для Владимира. Это дает аналогию между Дунаем и Добрыней — сватом. Былина о Дунае, по мнению *Вс. Миллера* (№ 196, с. 128—142), состоит из двух механически соединенных между собою: в одной — главный герой Добрыня, он избивает силу и везет Опраксу, в другой — главный герой Дунай, добывающий себе невесту и пр. *Вс. Миллер* в соответствии былинному Дунаю указывает исторического Дуная, воеводу Владимира Ваенльковича, волынского князя (Ип. лет. под 1281, 1282, 1287 гг.) Дунай был популярным лицом: краковский князь Конрад для авторитета пред поляками просит у Владимира Дуная. В пользу связи с былиной *Вс. Миллеру* говорит: совпадение имен, у обоих служба у Владимира, оба в близких отношениях к польскому («ляховинскому») властителю. — Сказание о происхождении реки перешло к Дунаю и Настасье либо от Дона и Непры, либо прикрепилося к имени богатыря вследствие совпадения с его именем названия реки. — Разбывая мнения *М. Г. Халанского* о былине, *Вс. Миллер* упрекает его в отступлении от научных приемов и в произвольности сближений между былиной и германскими сказаниями о женитьбе Аттилы. *Вс. Миллер* допускает, что на обработку сюжета могли повлиять какие-нибудь западные (германские) аналогичные сказания, но думает, что это иноземное отложение имело под собою старинный субстрат — местное волынское сказание, в котором уже даны были имена Дуная, князя Владимира и поминалась польско-литовская земля. Основа былины — галицкое древнее сказание должно было восходить к правлению сыновей Романа (XIII в.).

Былины о Дунае получили особенно подробное рассмотрение в труде *А. М. Лободы* (№ 128). Повествование о женитьбе Дуная, по мнению этого исследователя,

является в значительной степени случайным распространением и дополнением основной темы (сватовство князя Владимира). Возможно, что былина превращалась в биографическую хроннку Дуная. А. М. Лобода пересматривает вопрос об отношении былины к летописным сказаниям 1128 г. и 980 г. (Владимир и Рогнеда). Он считает летописное повествование не вполне достоверным изложением действительных событий. Летопись отразила здесь то, что рассказывалось или пелось когда-то об этом. Но князь стал героем песни о сватовстве не случайно. Это явилось отголоском женитьбы Владимира на царевне Анне. Правдивость летописного рассказа и об этой женитьбе вызывает сомнения. Исследователь подвергает все летописные заметки исторической критике. В летописном рассказе Рогнеда уже не историческое лицо, а типичная героиня легенды. И до этой женитьбы Владимир мог быть героем подобных сказаний (о взятии Корсуня и женитьбе Владимира на Анне). Вся ситуация сказаний о Рогнеде относится к Анне. Позднее религиозное чувство, связанное с Византией и крещением, изменило колорит сказания: то, что можно говорить о Рогнеде, нельзя было говорить об Анне. Мотив о добывании города вошел в былинку из сказаний об Анне. Вообще былинная схема скорее подходит к сказаниям об Анне.—Далее А. М. Лобода пересматривает возможные параллели «поэтической формулы» былины (германские сказания, сказочные соответствия и пр.), входит в пространное изложение и обсуждение мнений прежних исследователей (Ор. Миллер, Кирпичников, особенно Халанский) и приходит к выводу, что «здесь как и в других подобных случаях, мы имеем дело с повторением на русской почве популярного мотива с обще-эпическими приемами и подробностями; но для более точного решения вопроса, откуда и как появился у нас этот мотив, мы не имеем достаточных данных» (279).

Дюк Степанович

Былинку о Дюке *Вс. Миллер* считает одним из отголосков Галицко-Волынских сказаний. За возможность галицкого происхождения былины ему говорит, с одной стороны, зависимость былины от «Сказания об Индейском царстве» и, с другой стороны, наличие га-

лицко-волынских черт в ее содержании. Византийское произведение, каким является «Сказание» (ссылка на исследование В. Истрина «Сказание об Индейском царстве» М., 1893), могло скорее всего проникнуть в южную Русь. Наибольшая популярность этого произведения должна относиться к XII веку (период новизны), как раз к этому же времени относится наибольшая интенсивность общения Галиции с Византийской империей. Вс Миллер дает историческую справку об отношениях между Византией и галицкими князьями (кн Роман, Ярослав). За южное происхождение былины говорит и имя былинного героя — имя Дука популярно в византийской истории и сказаниях, оно, должно быть, было и в византийском источнике былины. Стефанович находит соответствие во множестве южнославянских и венгерских Стефанов. В основной былине Дюк приезжал в Галич, следы киевского прикрепления оказались в былине позднее. Независимая роль Дюка соответствует соперничеству южных бояр с князьями.

Иван-Гостинный сын

В былине два сюжета: 1) состязание на конях и 2) продажа Ивана.

Вс Ф. Миллер (№ 196, с 233—262) обращает внимание на «купецкий элемент» в былине: гости, корабельщики, герой — гостинный сын, конь куплен за морем, пошлина провозов, письменный договор, решительная роль черниговского владыки (свободное духовенство в Новгороде), жаткая роль Владимира, прославление богатства и общий купеческий элемент. Владимир, Киев, Чернигов, это — общие эпические черты. Все это указывает на новгородское происхождение былины.

В эпизоде *продажи Ивача* Вс Миллер обращает внимание на дурные нравственные свойства Ивана: его грубое обращение к матери. Начало былины сходно с песнями о Горе-Злочастии. Песня о продаже Ивана — законченное целое, смысл ее в нравственном вопросе о неповиновении родителям, наказании и исправлении. Связи с былиной о состязании не имеется никакой. И здесь налицо новгородские элементы: властная мать, купецкий сын, кутила, продажа детей была известна в Новгороде. Возникла эта песня без иноземных источников — Вс. Миллер дает критический разбор воззре-

ния А. И. Веселовского, соединяющего дух Иванов (Ивана былины и Ивана удовкина сына) и объясняющего былинную связь с повестью об Ираклии. Миллер все построение А. Н. Веселовского считает искусственным (ср. А. Н. Веселовский. Южнорусские былины, 49 и сл.).

Илья Муромец

Сводку ранних (до 1896 года) мнений об Илье Муромце находим отчасти на некоторых страницах общего библиографического обзора А. М. Лободы (№ 122), кроме того, у него имеется об этом особый этюд (№ 123). После 1896 года появился целый ряд новых мнений по разным вопросам, касающимся Ильи Муромца. Здесь устанавливаются следующие группы: Об исцелении Ильи, Первая поездка Ильи: Освобождение города Себежа, Чернигова и др., Илья Муромец и Соловей Разбойник, бой Ильи Муромца с сыном (сюда же отнесем и бой И. М. с Добрыней). О прозвище, возрасте и казачестве Ильи Муромца. Илья и восточный эпос, Илья и западный эпос.

1. *Об исцелении Ильи* находим этюд *Вс. Миллера* (см. № 196, с. 362—391). Статья относится к 1894 году, в первый раз была напечатана в XXII книге *Этногр. Обзор*. *Вс. Миллер* приходит здесь к заключению, что мотив об исцелении Ильи вошел в былины из сказок и довольно поздно, по-видимому, не ранее XVII ст. Мотив исцеления известен не только сказкам об Илье, но и другим, напр., сказке об «Иване крестьянском сыне». Это — бродячий сказочный мотив и к былинной он прикрепился сначала в виде общего мотива о богатырях-сиднях, затем в легендарной окраске исцеления нищими каликами.

Уже Миллер отмечал в былинной передаче этого эпизода наличие не народных, а книжно-церковных слов и выражений, что указывает, по его мнению, на близость этого мотива к какой-то церковной легенде. *М. Г. Халанский* в параллель этому мотиву приводил некоторые примеры из житий святых (исцеление Мартына Борисом и Глебом, чудо над Авраамием Ростовским), но, как справедливо заметил *Б. М. Соколов*, указанные примеры дают, однако, повод только к самым общим сближениям их с былинным исцелением Ильи-

сидня (см № 300, с 13) Этот последний исследователь указывает новую параллель из церковной литературы — об исцелении отрока-сидня старцем из монастыря св Иосифа Волоцкого, (см в рукописи Московского Гл Арх Мин Ин Дел, № 841—1047, XVII в), содержащей особую редакцию жития св Иосифа Волоцкого (Указ № 300, с 14—15) Отмечаются следующие моменты его сходства с былинным исцелением Ильи 1) сходство исцеленного чудом сидня Димитрия с сиднем Ильей, 2) приход старца, исцеление через принятие пищи или питья (в «Чуде» исцеление хлебом), 3) отсутствие родителей при приходе старца, 4) изумление их (в былине — отца, матери, в «Чуде» — бабки) при виде сидня исцеленным Чудо относится к царскому периоду Московской истории и, таким образом, подтверждает предположение В Ф Миллера о позднем возникновении этого мотива в применении к Илье сидню

2 К первой поездке Ильи, в которой он освобождает город от басурманской рати и побеждает Соловья Разбойника, относятся а) статья В Ф Миллера «Илья Муромец и Себеж» (см № 196, с 391—401) б) статья Н И Петрова «Историко-географическая основа быliny о победе Ильи Муромца над Соловьем Разбойником» (№ 255), с) статья В Ф Миллера «К былинам об Илье Муромце и Соловье Разбойнике» (№ 223), d) Некоторые замечания А В Маркова в его обзоре трудов В Ф Миллера (№ 175)

а) В первой статье В Ф Миллер ставит вопрос чем объяснить освобождение Ильей Себежа, ныне уездного города Витебской губернии? Исследователь обращается к истории города Себежа, отмечает общую тревожную жизнь его в XVI—XVII вв, и, главным образом, громкое событие 1536 года — истребление литовско-польского войска на льду озера, сопоставляет с этим известное обращение Кмиты Чернобыльского к оршанскому старосте Остафию Воловичу в 1574 году, свидетельствующее об известности Ильи на юго-западе По мнению исследователя, Соловей Будимирович Кмиты, это былинный Соювен Разбойник В подтверждение этого он приводит следующие факты во первых, Соловей Разбойник в былинах иногда (сб Миллера и Тихомирова, I, с 10) называется Будимировичем или Мировичем (там же, с 40), во вторых, в Кмиты Илья не Муромец, а Муровец, Кмита его не связывает с чужим для него

Муромом, в-третьих, в некоторых былинах Илья отпускает Соловья без враждебности, а в одной былине даже просит Соловья помочь ему выручить город Кряков из неволюшки. Из этих фактов В. Ф. Миллер делает вывод, что Кмите Илья и Соловей Разбойник представляется иначе, чем нам: «Илья не был ему, вероятно, известен, как крестьянский сын из села Карачарова; Соловей не представлялся ему чудовищем — не то человеком, не то птицей — убитым Ильей заслушание при дворе киевского князя». Такое представление Кмиты как раз соответствует краткой редакции сказания об Илье Муромце, существовавшей в XVII в. (ср. Русск. был. стар. и нов. зап., 1, приложение, с. 68), где к тому же, вместо Чернигова Илья в поездке освобождает Себеж.

в) *Н. И. Петров*, отыскивая историко-географическую основу былины о победе Ильи над Соловьем Разбойником, приурочивает ее к Орловской губернии, точнее, к окрестностям города Карачева. Былинное выражение «конь окарачился» он ставит в связь с Карачевом, деревню Девятодубы, Карачевского уезда — с теми девятью дубами, на которых сидел Соловей Разбойник.

с) Коренной пересмотр и новую постановку весьма многих вопросов, связанных с былинной об Илье и Соловье Разбойнике, находим в позднейшей обширной и обстоятельной статье *В. Ф. Миллера* (№ 223). Исследователь рассматривает личные имена, географические названия, сопоставляет время и место отдельных записей, анализирует варианты, разбивает их на группы, привлекает для сличения большой исторический материал. Вот его главные положения:

Нужно различать Илью древнейшего и Илью более позднего образования.

Древнейший Илья, раньше прикрепления к Мурому был прикреплен к Черниговщине и выезжал для освобождения Чернигова не из Мурома, а из Моровска.

В XII или начале XIII века в бассейне реки Десны существовали какие-то предания об Илье. Из них дошли до нас два: одно о спасении Чернигова, другое — о пленении Соловья. Сначала они существовали порознь, а в конце XVI или начале XVII века слились в один рассказ.

Вместе с выходцами из Чернигова предания об Илье

проникли в Муромо-Рязанскую землю. Здесь Илью Моровленина прикрепили к Мурому (муромец), подвиг же его остался при Чернигове — произошла путаница, какая теперь наблюдается в наших былинах: в Киев из Мурома Илья ехал через Чернигов!

Существовала особая редакция былин на этот сюжет — *северо-западная*, многим отличающаяся от северо-восточной. В этой редакции Илья не был крестьянином, не был прикреплен к Мурому, Соловей представлялся богатырем. Отголосок этой редакции дошел до немцев (Тидрек-Сага). Северо-западный Илья получил силу от Святогора.

Прозвание Соловья — Рахматович дает В. Ф. Миллеру ключ к раскрытию исторического прототипа Соловья. Рахматович — Вор-ахматович. Здесь, по его мнению, сказывается отголосок имени того самого хана Ахмата, который был известен на Руси походом на Москву, в 1480 году долго стоял на реке Угре.

Некоторые поправки и возражения к этой статье Миллера были сделаны А. В. Марковым (№ 175, с. 314 и сл.).

По мнению В. Ф. Миллера, польский подданный Кмита Чернобыльский, враг Москвы, не мог бы себя сравнивать с «московским мужиком». Следовательно, когда писал Кмита, Илья не был крестьянином из села Карачарова, не был прикреплен к Мурому. А. В. Марков замечает, что былины изображают не мужика, а воина и напоминает, что в XVI веке в Муроме было известно предание о муромском богатыре («Богатырева гора», «Скокова гора»). Наименование Ильи *Муровец* не обязательно предполагает Моровийск: в Киеве в XVI веке и в Сербии в XIV произносили вместо Мурома — Муров (Ср. А. И. Соболевский, № 289).

В. Ф. Миллер признает основой былины северские народные предания, но где они, каково их содержание, какой исторический факт вызвал их? Не установлен самый факт существования преданий, без этого, казалось бы, бесполезны и излишни дальнейшие суждения о географическом передвижении этих преданий, о их сюжетах и взаимном слиянии, о переработке в бытны, между тем, исследователь к этим предполагаемым преданиям притягивает весь процесс возникновения, распространения и изменения былины. Целый ряд предположений В. Ф. Миллера о хронологии былины,

о прямоезжей дороге из Мурома в Киев, о существовании двух разрозненных преданий об Илье, о последующем их соединении в одной былине построены без всяких фактических подтверждений (см. указ. № 175, с. 314 и сл.).

4. К былине об Илье и Идолище относятся статьи: а) Вс. Миллера «Илья Муромец и Алеша Попович» (№ 211 и № 219), в) статья Б. М. Соколова «Былины об Идолище Поганом» (№ 300).

а) Анализируя варианты былин об Илье и Идолище, Вс. Миллер делит их на три группы: в вариантах первой группы встреча Ильи с Идолищем происходит в Царьграде, во второй группе — в Киеве, варианты третьей группы представляют столкновение Ильи с Идолищем, как эпизод, вставленный в былинку другого содержания. Наиболее древнюю редакцию хранят варианты первой группы. Царьград, как Иерусалим, часто является целью эпических калик, отсюда вероятность и естественность переодевания Ильи каликой в вариантах первой группы (с Царьградом). Илья переодевается, чтобы туда проникнуть. Бусурманское насилие под Царьградом уже известно на Руси. При перенесении действия в Киев (2 группа вариантов) для смысла богатыри должны отсутствовать, иначе не случилось бы бусурманское засилье. Мотивировка отсутствия богатырей безразлична. Дальше необходимо должна была произойти перемена имен князя и княгини: бессменные Царьградские царь и царица Константин и Елена были заменены такими же несменяемыми киевскими князем и княгиней Владимиром и Апраксией. Самый сюжет об Илье и Идолище в своей истории связан с сюжетом об Алеше Поповиче и Тугарине. А. Н. Веселовским было высказано мнение (Южно-р. б., II, 356), что былины об Илье и Идолище и об Алеше и Тугарине — продукты разложения более древнего сказания в роде Барсовского и Буслаевского «Сказания о киевских богатырях». В. Ф. Миллер с этим не соглашается: невозможно разделение одной былины на две, скорее могло произойти обратное. В «Сказании о киевских богатырях» он и видит позднейшее объединение двух былин об Алеше с Тугарином и об Илье с Идолищем. «Сказание», несомненно, носит в себе признаки Московского периода (образ Ильи-холопа, царственность Владимира и пр.). Былина об Алеше с Тугарином более древнего происхож-

дения, чем былина об Илье с Идолищем. Последняя и развилась всецело за счет первой. Алеша — это летописный Алексей Попович, герой XIII века. До настоящего времени в значительном районе нашей былинной традиции заметно благосклонное отношение к Алеше Поповичу, как герою-богатырю. Это — более древнее представление об Алеше. Оporочение его образа могло быть вызвано его происхождением и было «особенно на руку» Илье. Илья Муромец, вместо Алеши, выдвинулся на первое место в XVI столетии. Выдвинули его сословные отношения и классовая борьба того времени. Илья — представитель низов — получил наибольшую симпатию в народной среде, как протестант против бояр толстобрюхих и независимый защитник вольности. Такому образу Ильи противоречит «Сказание», но это уже произведение книжника. Илья-мятежник был не угоден официальной образованности, чем, между прочим, очевидно объясняется его замалчивание летописями.

Б. М. Соколов (№ 300), разобрав предварительно все имеющиеся варианты былины об Илье и Идолище, сравнивает этот сюжет с былиной об Алеше Поповиче и Тугарине, отмечает, вместе с А. Н. Веселовским и В. Ф. Миллером, большое сходство между этими былинами и их генетическую связь. Он признает, что «борьба с Идолищем поганым первоначально была приурочена к Алеше Поповичу, или — что то же — славному ростовскому богатырю XIII века Александру Поповичу» (с. 20). Далее автор сопоставляет былину об Идолище с «Житием св. Авраамия Ростовского» и находит, что «былины и житие — отзвук одного и того же местного ростовского религиозного сказания о борьбе с Идолом» (с. 30). Сходство между ними автор указывает прежде всего в схеме рассказа: описание Идолища и Идола, бессилие всех перед ним и пр., встреча с каликой и странником. В былине богатырь, а в житии Авраамий отправляются в Царьград. Один потом сокрушает Идолище, другой Идола. Роль Калики в «Житии» соответствует роли Ивана Богослова. Их сближает имя, место, откуда они пришли, в обоих Царьград, сходно и описание встречи их с героем, по житию, с Авраамием, по былине, с Ильей. Как и Иван Богослов, так и Иванище имеют в руках трость, клюку калицкую. Былинный Идолище, это — ростовский идол, которого когда-то, согласно легенде, Авраамий Ростовский «пзбоде тростию».

Первоначально легендарный поступок Авраамия Ростовского был приурочен «знаменитому ростовскому богатырю XIII века Александру Поповичу». Это приурочение «произошло, думает автор, еще на местной ростовской почве, прежде чем ему уйти из ростовской области и слиться с обширной рекой русской эпической поэзии» (28 с.). «...Для русского эпоса присвоение каким-нибудь богатырем чужих подвигов и поступков — факт в высшей степени обычный» (с. 29). Впоследствии этот сюжет был прикреплен к имени Ильи Муромца. Таким образом, прежнее мифологическое понимание Идолища, как олицетворения «языческого начала» (О. Миллер), находит в статье Б. М. Соколова новое признание, но уже в совершенно ином освещении.

5. О былине «Бой Ильи Муромца с сыном» писали:

а) А. В. Марков (№ 161) и в) В. Ф. Миллер (№ 208).

а) По мнению А. В. Маркова, эта былина сложилась в Полоцкой земле в I половине XIII в. Главная его аргументация состоит в следующем: 1) Застава в истории упоминается преимущественно на литовской границе, в былинах она помещается на «Латынской дороге»; 2) Национальность противника Ильи (его мать — Латыгорка) соответствует летописному племени Летьгола (латыши), Латыгола, Латыгора. Вариант былинный — Семигорка тоже находит себе соответствие здесь же — Зимигола (semigallia, terra semgalue). Все эти имена хорошо известны Полоцкой земле; 3) Время употребления наименования Латыгола в летописях — XIII век, после оно уже не упоминается; 4) Илья западный (Ilias в Тидрек Саге) тоже приурочивается к XIII веку. Вольдемар — Владимир, упоминаемый там как брат Ilias'a, — это исторический Владимир, Полоцко-Смоленский князь, умерший в 1215 году.

в) По поводу статьи А. В. Маркова высказался об этой былинке и В. Ф. Миллер. Он не согласен с А. В. Марковым. Помещение заставы «на Латынской дороге», это — эпическое шаблонное указание места заставы. Из сопоставления с историческими заставами определенно поместить былинную заставу нельзя. Племя Латыгола — Латыгора народу русскому не было известно. Также и Зимигола. Нет никаких оснований думать, что название матери противника Ильи Латыгоркой, Семигоркой является основным. На наименование ее Семигоркой могла скорее повлиять Пятигорка, истори-

ческая Мария Темрюковна. Латыгорка, вероятно, от камня «Латырь», Сиверьянична, это — северянка, т. е. из враждебной «прежде погибшей» Сиверской Украины. По-прежнему Миллер (см. его «Экскурсы»...) считает этот сюжет вышедшим с востока из Рустемиады. В основе его случайный, ходячий обрывок, систематизированный Фирдоуси. Точно установить исходную основу и время нельзя. Идея этого сюжета в передаче русской былины: грех грехом и кончился.

К уяснению вопроса о матери Подсокольника Вс. Ф. Миллер обращается в связи с исследованием об отголосках Смутного времени в былинах (см. № 219 и № 209, с. 295 и сл.).

Одна былина с сюжетом боя Ильи Муромца с сыном называет последнего сыном Маринки, прижитым с нею Ильей Муромцем (см. № 219, с. 290). Это не есть простое измышление сказителя. И в других былинах имеются указания на знакомство Ильи с какой-то Маринкой. С именем Маринки соединяются два исторические образа: одна Маринка, это Марья Темрюковна, жена Грозного, другая Маринка — Марина Мнишек. «Обе исторические женщины были перенесены в былины из исторических песен и преданий, но в такое время, когда реальные личности, носившие эти имена, уже значительно, почти до неузнаваемости, исказились народной молвой, «пройдя через несколько поколений сказителей» (с. 301). От Марьи Темрюковны отложилось в измененном виде ее название (Пятигорка, былинная Семигорка, Златыгорка и пр.), повлиявшее на представление ее богатыршей. От Марины Мнишек возникло общее представление какой-то прелестницы, обольстительной, но коварной женщины. Память о ней звучит и в приурочении местожительства случайной любовницы Ильи где-то на западе, или на юго-западе. Былина отражает «глухое воспоминание о том, что у Марины был какой-то сын, и, конечно, столь же злокачественный, как его мать. В этом изверге-сыне, покушающемся коварно убить спящего отца, несмотря на то, что отец признал его и обласкал, нельзя ли видеть народную размазку, «воренка», сына исторической Марины, казачьего кандидата на престол того *мальчика*, который был повешен в Москве и о котором в свое время немало говорили в народе» (с. 297).

К этому же сюжету, как его весьма небольшую пе-

ределку, Вс. Миллер относит и былинку о бое Ильи Муромца с Добрыней (см. № 226). Временем сложения этой быliny он считает XIII век. Зачин с Рязанью (слобода стала городом) отзывается стариной. В этой былинке он не искажен, заимствован из быliny о Добрыне-Змееборце.

6. Не один раз по разным поводам и отдельно поднимались вопросы о прозвище, о возрасте и о казачестве Ильи Муромца. Отдельная заметка по вопросу о прозвище Ильи Муромца дана А. В. Марковым (см. № 160). От мнений, высказанных в этой заметке, А. В. Марков впоследствии сам отказался. (См. Этн. об., 1904, 3).

Казачество Ильи рассмотрено В. Ф. Миллером в ст. «Отголоски смутного времени в былинах» (см. № 209). Казачество в смутное время играло особенно важную роль. Сюжеты, связанные с Ильей, сильно восприняли окраску этой эпохи. Ссора Ильи с Владимиром, Илья и голи, Илья и сын, Илья и Соловей Разбойник, Илья на Соколе-корабле,— все эти мотивы осложнились элементами разгульной среды казаков. Резкие черты характера, грубые выходки против князя Владимира, ненависть к князьям, боярам, стрелянье по церковным маковкам, якшанье с голями, разгром «царевых» кабаков и др.— получены Ильей в казацкой среде. Тогда же он и сам стал казаком (с. 352—355. Ср. его «Эккурсы», где казачество Ильи было отодвинуто в дотатарскую эпоху).

Усваивая черты грубости и резкости Ильи влиянию смутного времени, В. Ф. Миллер столкнулся с мнением А. В. Маркова, который причины столкновения Ильи с князем Владимиром видел «в социальном неравенстве» «старшей и младшей дружины» (см. № 151, с. 52—53). Это могло быть в XII—XIII в. В. Ф. Миллер, опираясь на Иловайского, отклоняет такое мнение тем соображением, что былинный эпос всецело отражает склад Московской Руси, об удельных князьях в нем нет и помину. «Земля русская представляется в нем цельною и единою, а богатырская дружина пирует и служит только единому ее представителю» (Д. И. Иловайский. Ист. соч. II, с. III. В. Ф. Миллер, Очерки, II, с. 326).

Здесь же попутно В. Ф. Миллер высказался по поводу отождествления Д. И. Иловайским Ильи Муромца с Лже-Петром (см. № 87). В. Ф. Миллер находит воз-

можным видеть былинные отголоски исторического Лже-Петра Илейки в былине об Илье разбойнике (Илья — кум темный) и кн. Карамышевском (с. 338—344) и в былине об Илье Муромце на Соколе — корабле (с. 346). Но в первом случае Илья совсем не то лицо, какого имеет в виду сам Д. И. Иловайский, а во втором, возможно, имя Ильи внесено «при атамане Разине, или вместо него». «Поэтому, быть может, связь Ильи Муромца с историческим Илейкой здесь сомнительна». «Казачество» Ильи Муромца, его отношения к князю Владимиру, князьям, боярам, голи кабацкой и некоторые другие черты этого народного богатыря могут быть объясняемы, как отложения Смутного времени, независимо от допустимого, но не вполне доказанного, влияния личности исторического Илейки» (с. 352). Впоследствии В. Ф. Миллер еще раз вернулся к казачеству Ильи, на этот раз в связи с его возрастом (№ 224). Илья раньше не был ни старым, ни казаком. Сюжеты, где по смыслу фабулы, он, действительно, является стариком, получили обработку в позднее время (не позже первой четверти XVII века). В выражении «старый казак» речь идет не о возрасте, а о звании некоторого особого рода казаков. Северные певцы не поняли этого термина и отнесли его к возрасту.

В заметке «Стрелянье Ильи Муромца по церквам» (см. № 221, с. 177—179) В. Ф. Миллер связывает этот эпизод с преданием о том, что один из муромских князей во время осады Новгорода Андреем Боголюбским попал стрелою в образ Богородицы. (Ср. А. В. Марков, № 175, стр. 318: «нет ничего общего»).

Из русских соответствий, указываемых былинному Илье, еще отметим глухо заявленное П. В. Владимировым сближение его с упоминаемым в Новгородской летописи сыном Ярослава I (№ 52, с. 221).

7. К вопросу о взаимоотношениях Ильи русских былин и Ilias'a германских саг относится доклад Н. П. Дашкевича в заседании Общ. Нестора Летописца «Центральные герои русского былевого эпоса (кн. Владимир и Илья) в древне-северной саге» (см. № 68, с. 73—75), статьи М. Г. Халанского (№№ 334 и 335), статья А. Н. Веселовского «Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском» (см. № 48) и Б. И. Ярхо № 377).

И у того и у другого речь идет об Ilias'e и Владимире Тидрек-саги. Исследователи пытаются ответить на

вопрос о путях и о времени проникновения Ильи русского на запад. По мнению Н. П. Дашкевича, сага могла иметь в виду лишь былевого Владимира, как сложился его образ в нашем эпосе в начале XIII века. Европа ознакомилась с нашим эпосом через отношения ганзейских городов с северною Русью, с Новгородом. Передали его торговые люди или *Spielleute* в период от 30-х годов XIII в. до начала XVI в.

Н. П. Дашкевич находит возможным сближать с германскими сагами «тот остов русского былевого эпоса, который может быть восстановлен на основании русских литературных памятников XII—XIII в. и «Богатырского слова». Илья «Богатырского слова», по его мнению, принадлежит XII веку (ср. выше исследование Вс. Ф. Миллера «Илья Муромец и Алеша Попович»).

О торжестве *Ilias'a von Reussen u jarl'a af greca* с Ильей Муромцем писал М. Г. Халанский (см. №№ 334 и 335). М. Г. Халанский отождествляет *Ilias'a*, Вольгу и Илью с личностью исторического Олега. Призвание Микулы Селяниновича М. Г. Халанский отождествляет с призванием князей. В истории князя Щек и Хорев разбойничали, Олег их удаляет; это, по Халанскому, отразилось в мотиве освобождения русской земли от разбойников в былине Илья и Соловей-Разбойник. Летописец XVII века присваивает великому князю Олегу государственную устроительную деятельность. Такую же деятельность усматривает М. Г. Халанский у Вольги Святославовича во встрече его с Микулой Селяниновичем и совместной с ним поездке за получкой дани в разные города. В одном варианте былин о Вольге и Микуле Вольга имеет роль пахаря — это Халанский считает отражением идеализации новгородского князя Олега. В одном из вариантов Вольга умирает как Васька Буслаев — от камня (скачет, ушибается), это — отражение смерти Олега от коня. Олег когда-то подделал колеса под корабли и пустил их по суше, в былине это отражается как «хитрость, мудрость» Вольги. Сказания о походе Ортнита на Судерс, в котором ему помогает *Ilias*, и сказания о походе Бравлина на Сурож (в житии Стефана Сурожского) соответствуют сказаниям о походе Олега на Константинополь. Бравлин же, это — мурманин, т. е. норманец, следовательно — Олег, а с другой стороны это — моровленин, мравлин, т. е. Илья

Муромец Так и Илья Муромец отождествляется с Олегом

К этому же вопросу о соотношении западного *Ilas'a* и русского Ильи Муромца относится ст *А Н Веселовского* «Русские и вильтины в саге о Дитрихе Бернском» (№ 48) Эта статья развивает догадки и соображения, которые были высказаны автором в ст «Уголок русского эпоса в саге о Дитрихе Бернском», напечат в Ж М Н П, 1896 г авг Автор пытается разрешить вопрос о проникновении русского элемента в западные саги В долине З Двины скучены некоторые названия урочищ с привязанными к ним преданиями Велтам отвечают здесь парные формы волт и велт, в значении исполин, *gigas* Исследователь отмечает множество урочищ с названиями Волотово, Велетов, Волотя и другими подобными По преданиям, там жили богатыри « волоты, велетни — великаны, исчезнувшие, ушедшие под землю» (отд изд с 19) «Не представляется ли Вильтин, *Wiltinus*, не только эпонимом велетов, но и исполином, велетнем, волотом русских преданий?» (с 21) Приведя исторические свидетельства о связях между русскими и немцами в Двинской области в 12 и 13 веках, исследователь приходит к выводу «Немецкие люди, явившиеся в Двинскую область, застали там «великую сагу», какое-то предание о вильтинах, еще и теперь доживающие в волотах местного поверья; могли слышать и сказы — песни о «старом» Владимире и Илье, заходившие вверх по долине Днепра < > Позже явились и местные усвоения приурочение одного из подвигов Ильи перед поимкой Соловья Разбойника к городу Себежу отразило, б м, память о разгроме под Себежем польско-литовского войска в 1536 году < > Такие же предания застали в Двинской области немецкие купцы, или шпильманы, и дали им окраску недавних местных событий, в которых Владимир Полоцкий, Полоцк и Смоленск стояли на первом месте Так получился рассказ о Вильтине и вильтинах и их борьбе с Русью, «которой так же дали княжескую родословную » (с 25—26) Судерс поэмы об Ортните, во взятии которого участвовал Илья русский, не был первоначально Судерсом (с 42) Византийцы называли племена, поочередно являвшиеся на Юге России Мирмидонами, и вот Мирмидон превращается в Мравлина и потом Бравлина жития Стефана Сурожского. Здесь А Н Веселов-

ский в своем понимании Ильи Мравлина — Бравлина сталкивается с М. Г. Халанским (см. выше). Веселовский возражает против отождествления Ильи — Вольги — Олега: типы богатырей не отвечают этому обобщению. Как и Халанский, в Бравлине он видит Илиаса поэмы, но он далек от сближения этих имен, лиц и событий с Отегом и его походом на Константинополь. Исследователь отличает разницу в представлении Ильи в поэме об Ортните и в Тидрек-саге. Поэма об Ортните «представляет его еще вне связи с Владимиром, к эпическому циклу которого он позднее потянул вместе с другими богатырями, в сравнении с Ильей саги о Тидреке, где он назван братом Владимира, это своего рода дата. Важно и то, что тогда, как в саге, он зовется Греческим, здесь он русский князь».

Сближение с былинами весьма общее и отдаленное; в его характеристике есть и какие-то личные черты: Иля суров и неистов, «пестун молодых витязей и такой же мощный старик: руководит племянником Ортнитом, как и в былинах Илья — типический богатырский дядя» (с. 65).

Б. И. Ярхо (№ 377) еще раз пересмотрел вопрос об отношении былины об Илье Муромце и Сокольника к чужеземным мотивам на сюжет «бой отца с сыном».

Ход рассуждений автора и его выводы очень удобно представить, пользуясь его собственными формулами (сказание об Илье Муромце обозначается буквами ИМ., Илиасе Русском — И, Хильтебранте и сыне старшая версия — х, младшая версия — Х, о Рустеме и Зорабе — Р).

1) Личность Илиаса Русского сходна с Ильей Муромцем: а) по имени, б) по внешнему облику, в) по географическому и циклическому приурочению, г) по функции (бой с сыном) (с. 328).

2) Все, чем Х в обработке общих моментов отличается от х, приближает Х к былинам об Илье Муромце (ИМ) (с. 331).

3) Х — ближе к ИМ, чем к х (с. 332).

4) Русская версия есть нечто среднее между иранской и младшей германской (с. 333).

5) Все сходства Х с ИМ легко объяснимы из русских эпических отношений и не имеют никаких корней в германском эпосе (с. 335).

6) Заимствование сюжета «боя отца с сыном» шло из России в Германию (с. 335).

7) «Х» является переделкой остатков х путем приращения соответствующего русского материала (с. 335).

8) В основу *Х* и *И* легло немецкое сказание об Илнase, непосредственно восходящее к *ИМ* (*И*) (с. 336).

Г. Н. Потанин (№ 265, гл. XXVIII: «Илья Муромец», с. 692 и сл.) через сказку о Борме Ярыжке, в которой он находит общее с былинами об Илье Муромце, — сближает былины с восточным эпосом. Муромец — это Бурьма (Борма), Идолище это — Ландарма, убийство Идолища — убийство Аттилы и пр.

Камское побоище

Под таким заглавием *А. В. Марков* напечатал былинку, записанную им в Архангельской губернии и подвергнув ее специальному рассмотрению в особой статье (№ 159 с. 150—162). Выделив эпические мотивы, вошедшие в былинку, Марков видит в основе былины рассказ об историческом событии из новгородского прошлого, о походе Новгородцев в Югру, предпринятом в пол. XIV века и окончившемся поражением новгородской дружины и убиением ее предводителя Самсона Колыванова. В названии «Камское побоище» можно видеть указание на речку Каму, левый приток Конды. «Побоище было жестокое, и хотя былина в теперешнем своем виде рассказывает о победе дружины над ордой, можно думать по некоторым признакам, что в первоначальной ее версии говорилось о поражении: 1) Камское побоище называется *сильным и грозным*; 2) былина сохраняет рассказ о гибели трех богатырей: Добрыни, Алеши и Гаврилы Долгополого; 3) описание битвы далеко не жизнерадостное: богатыри бьются шесть суток без питья и пищи; устали у них руки; они чуть сидят на утомившихся конях, которые еле передвигают ноги; 4) если бы былина оканчивалась победою дружины, то она не преминула бы рассказать о торжестве в Киеве по этому случаю, что действительно мы находим в былинах о Калине» (с. 159).

Вс. Ф. Миллер (№ 219, с. 32—59), с комментарием *А. В. Маркова* не согласен. Былина, по его мнению, едва ли могла быть отголоском похода на Югру, в таком

случае в былине должны были бы, кроме имен, сохраниться и другие детали: речной поход и пр. Самсон Кольванов, может быть, был известен, как богатырь, но вошел в былину в перечне богатырей случайно, как и в другие былины: он здесь не совершает ничего исключительного. Против Югорского похода говорит и нарушение основного плана былины через введение в нее Ильи Муромца, как главного действующего лица. Сам В. Ф. Миллер исторической основой былины считает Калкскую битву 1223 года. Приводя летописные известия о Калкской битве, В. Ф. Миллер находит соответствия с былиной. Свое предположение он оправдывает между прочим и именами Алеши и Добрыни. В XV веке Илья в народных сказаниях не был еще первым русским богатырем, тем народным идеалом, каким он является в XVIII и XIX вв. Во главе русских богатырей, погибших при Калке, стоит ростовский богатырь Алеша Попович, упоминается и Добрыня Рязанич; они еще не были младшими богатырями. Илья поживился за счет Алеши. Название битвы «Камское» вышло от «Калкское» через «Калцкое». Внесение Ильи повлекло за собой умаление Алеши и Добрыни и вызвало влияние на былину других сюжетов, связанных с Ильей (возможность производства «Камское» от «Калкское» Марков оспаривал. № 175, с. 298).

Козарин

Наиболее полные и обстоятельные очерки к былине о Козарине принадлежат А. С. Якуб (№ 370) и В. С. Миллеру (№ 219, с. 1—31). А. С. Якуб приходит к следующим выводам: 1) Былина о Козарине и былина об Алеше Поповиче, освобождающем из плена сестру, являются близкими редакциями одной и той же былины. 2) Былина эта сложного состава и представляет собою соединение нескольких самостоятельных мотивов. 3) Основным ядром, из которого развилась песня, послужил рассказ о татарском набеге и плене. 4) Подробности о дележе добычи, причитания полонянки и утешения ее татарами представляют самостоятельные мотивы, параллели к которым находятся в великорусских, малорусских и других славянских песнях. 5) С появлением в песне любовных отношений между освободителем и полонянкой в нее вплетаются новые подробности о воору-

жении, охоте и вороне, заимствованные из свадебных и величальных песен. 6) Мотив о близком родстве мог возникнуть при прикреплении песни к имени Алеши Поповича. 7) Былина о Козарине является более поздней редакцией, чем былина об Алеше Поповиче (с. 112).

Самый поздний очерк, посвященный былинам о Козарине, принадлежит *Вс. Ф. Миллеру* (№ 219, с 1—31). Вот его выводы: 1) Прототип быliny был сложен на юго-западе Руси в дотатарский период; 2) Историческим субстратом предания, положенного в основу быliny, является событие 1106 года: поражение половцев одним из киевских воевод — Козарином и освобождение захваченных им русских пленных; 3) К имени исторического Козарина прикрепился сюжет освобождения сестры полонянки; 4) Имя и отчество Козарина (Михаил Петрович) находится в связи с тождественными именами и отчествами героев, действующих в некоторых других былинах, восходящих по происхождению к юго-западной Руси (быliny о Потоке, о королевичах из Крякова, о Дюке); 5) Имя Путяты Вышатица является историческим: принадлежало оно современнику воеводы Козарина и м. б. его сотоварища в событии 1106 года; 6) Предосудительная роль коварного княжеского советника, данная былинами Путяте (Вышатичу), объясняется нелюбовью киевского населения к князю Святополку II и к его тысяцкому и советнику Путяте Вышатичу, проявившуюся в народном бунте и разгроме двора Путятина в Киеве после смерти Святополка в 1113 году.

Соображения *Вс. Миллера* вызвали некоторые замечания *А. Маркова*: 1) Летописный Козарин носит прозвище Ивана Захаровича, былинный же Козарин не называется ни в одном варианте ни Иваном, ни Захаровичем; 2) Петровичем Козарин назван только в малограмотном известии Архангелогородского летописца и ни в каком случае не может восходить ко времени ранее XVII в. Следовательно, летописец взял его из быliny; 3) Имена «Дунай» и «Ян», которыми в своей аргументации пользовался *Вс. Миллер*, *А. В. Марковым* интерпретируются иначе.

С. К. Шамбинаго (№ 350, с. 25—114) в песнях о Кострюке видит два сюжета: песню о царской женитьбе и песню об отбитом наезде. Участники песни о царской женитьбе: царь Иван Грозный, царица Мария Темрюковна, князь Матрюк Темрюкович — лица исторические. Отношения между ними правдоподобны, в этом убеждает рассказ Гваньини. (Маленький Потаня,— это Малюта Скуратов. Сложилась песня после господства «пятигорцев».) Автор выражает в ней неприязненное отношение к басурманским родственникам царя — Далее С. К. Шамбинаго выделяет из вариантов песен о Кострюке девять таких, в которых говорится о приезде на Русь крымской царицы Купавы татарской. Разбор этих вариантов приводит автора к выводу, что они представляют особую песню об отбитом наезде. Песня рассказывает о том, как крымская поляница (имени нет) с войском и богатырем Кострюком подходят к Москве и располагаются станом. Крымцы держатся вызывающе, выставляют грозные требования. В Москве ужас. Но в конце концов дело оборачивается так, что крымцы уходят со срамом. В Москве радость. По мнению Шамбинаго, эта песня представляет отголосок набега крымского хана Девлет Гирея в 1572 году; она существовала прежде отдельно, потом контаминировалась с песней о царской женитьбе, чем и объясняется в ней имя Кострюка. В имени одного из борцов, поборовших Кострюка, Михалка, Михаила Ивановича, С. К. Шамбинаго находит отголосок имени воеводы, прославившегося поражением Девлет Гирея,— князя Михаила Ивановича Воротынского.

Вс. Ф. Миллер (№ 228) не находит достаточно оснований видеть в эпитете «Маленький», прилагаемом к одному из борцов, изменение имени Малюты Скуратова. Возражает он и против объяснения имени Кайдаровны через Айдаровича, отца царицы. В вариантах с крымской царицей он видит не отдельную песню, контаминировавшуюся с песней о царской женитьбе, а дальнейшую эволюцию последней, воспринявшую, действительно, некоторые отголоски крымских набегов 1571—1572 гг. Для Миллера сомнительна связь имени Михалка с именем Михаила Ивановича Воротынского.

В перепечатанной книге С. К. Шамбинаго (№ 351)

Внес изменения. Он пополнил сведения об историческом лице, соответствующем песенному Мамстрюку. С. К. Шамбинаго, вопреки Б. М. Соколову (см. ниже), в песенном Мамстрюке видит не исторического брата Марьи Темрюковны Мамстрюка, а другого ее брата Сакунтала, при крещении Михаила. К возражениям Вс. Миллера ни опровержений, ни новых аргументов не дано.

Б. М. Соколов (№ 297) дает историческую справку о шурине Грозного Мамстрюке Темрюковиче. В песне «об отбитом наезде» (которая, по мнению Б. М. Соколова, как и по мнению Вс. Ф. Миллера, является позднейшим развитием песни о «женитьбе», а не контаминированной с нею иной особой песни), С. К. Шамбинаго считает Кострюка иным лицом, чем Мамстрюк песни «о женитьбе», однако, Б. М. Соколову, «сходство, во многих же пересказах тождество и параллельное употребление имен... и полное сходство в описании борьбы» говорит за их единство. «Во время нашествия Девлет Гирея Мамстрюк находился под его властью и, таким образом, мог невольно представляться на Руси союзником крымцев против Москвы» (40).

Михайло (Иван) Данилович

Вс. Ф. Миллер (№ 196, с. 345) считает былинку о Михайле Даниловиче дальнейшим приурочением восточного сюжета в былинах о Сауре. Это, по его мнению, та же былина, что о Сауре, приуроченная к Киевскому циклу. Изменилась ситуация: рать враждебная подходит уже к Киеву, отец должен был стать богатырем у Владимира, отлучку его нужно было придумать, чтобы объяснить выступление малолетки сына Саура — отца нельзя отделить от Саула и старого Данилы Игнатьевича; Сауловича нельзя отделить от Суроги, Суровца, Суровена, Михайла (Ивана) Даниловича. — Миллер соглашается с мнением Халанского, сближающего по именам былинного Ивана Даниловича и летописного, убитого при Супое (Никоновский свод 1136 г.) Параллель для имени Михайло В. Ф. Миллер указывает в Михайле Юрьевиче, ростовском князе (1175). Сначала существовала песня об Иване Даниловиче, рядом существовали дружинные песни о Михаиле Юрьевиче; затем к имени Ивана Даниловича прикрепился сюжет о юном богатыре, здесь произошло влияние востока, да-

лее тюрьма Саура заменилась монастырем и, наконец, результатом взаимодействия между Иваном и Михайлом получился Михайло Данилович.

Поток

Вс. Ф. Миллеру (№ 196, с. 122—128) былина о Потоке напоминает сложную сказку на тему о неверной жене. Содержание ее стоит ближе к западно-европейским сказкам, хотя есть элементы и восточные. Основной сказкой для былины, по-видимому, было спасение жены от змея; для этого параллелей больше на Западе. На Запад тянут и имена в былине (Подоленька, политовский король). Вохрамей, Кощей пришли из сказок. Имя Потока наводит на сравнение былины с житием Михаила из Потуки. Сближает их распространенное имя Потока — Михайло-Поток Иванович, оба они храбрые витязи, оба около воды находят девицу. Все же сходства мало, но основной мотив — змееборство — однако, здесь налицо: к нему потом пристали сказки. В 1206 году было перенесение мощей из Потуки в город Трнов. Были чудеса (по житию). Это подновило память, вынесло имя за пределы родной страны (Болгария), пришло на Русь, южную, соседнюю с Болгарией, в первой четверти XIII века.

А. Н. Веселовский рассматривает былину в соотношении ее с былинной о сорока каликах со каликою (№ 47). Вот его выводы (формулированы им самим): 1) Былина о Потоке — сказка, примкнувшая, быть может, к имени и некоторым положениям (озеро, змей, девица) повести о Михайле из Потуки, и в этом виде к былинному циклу Владимира. 2) Один из эпизодов былины утрачен и выделился в былину о сорока каликах со каликою; либо последняя сложилась самостоятельно, тогда как сходный мотив первой был забыт, и былина досказана мотивами песни об Иване Годиновиче. 3) Та и другая гипотеза одинаково допускают влияние на былину о сорока каликах со каликою жития Михаила Черниоризца и какой-нибудь легенды (вернее жития), сходной с повестью о паломнике к св. Иакову Компостельскому. 4) Образ жены Потока сложился по образу Марины в былинах о Добрыне. Не оттуда ли и замена имени Авдотьи Лиховидьевны, знакомого ста-

рым записям, другим: Марья (Лебедь белая), Маринка, Марфа? (с. 312—313).

А. М. Лобода (№ 128) представляет былинную о женьтибе Потока комбинацией разных черт. Тесно соприкасаясь с некоторыми былинными образами (былины про королевичей из Крякова) и с обрядовой символикой (лебедь и пр.), она входит в круг общеевропейских представлений полумифического, полусказочного свойства (очеловечивание лебеди), поскольку невеста Потока приняла черты вещей девы лебеди (107).

Б. И. Ярхо (№ 368) прослеживает эпические элементы, приуроченные к имени Михайла Потыка, устанавливает наличие циклизации, приводит отдельные параллели к мотивам змеи, Белой Лебедушки, сорок королей, сорок королевичей, освобождение из камня и друг.

Б. М. Соколов (№ 299) к мотиву обращения Потока в камень указывает параллель седьмого чуда из «Иного жития» Николая Чудотворца. По некоторым пересказам былин, Микола Можайский, подняв камень, бросает о землю, и из него выскакивает Михайло; в «чуде» св. Николай отваливает камень, которого не могли отвалить пятнадцать (или 75) человек (с. 16).

К былинам о Потоке см. еще в книге А. В. Рыстенко (№ 281) рассмотрение отношения к ним Георгиевской легенды (с. 344—364).

Рахта Рагнозерский

Единственный очерк об этой былине принадлежит Вс. Ф. Миллеру (№ 219, с. 256—264). Былина, по его мнению, представляет собою обычное приурочение к местному силачу мотивов народных сказок. Имя Рахты, по Миллеру, идет в соответствие летописному Рагдаю (Никоновский летописный свод под 1000—1004 г.), упоминаемому рядом с Яном Усмошвецом и Алешей Поповичем. Имя Рагдая (Рахдай) привлекало раньше внимание Н. Квашнина-Самарина, удивлявшегося, почему в летописях рядом с Алешей Поповичем не оказывалось имени Ильи Муромца и предлагавшего, в объяснение своего недоумения, в Рагдае видеть славянское языческое имя Ильи. Это не имело никаких подтверждений. Вс. Миллер хочет Рагдая утилизировать для объяснения имени рагнозерского силача. В свое время

Рагдай имел популярность, но потом был заслонен другими богатырями. «...Можно предположить, что какая-нибудь былина с именем Рагдая попала в северный былевой эпос... и его имя в незначительно измененном виде прикрепилося, быть может, сначала как прозвище, к местному силачу, которого собственное имя могло впоследствии забыться... Старинные имена, некогда связанные со сказаниями или песнями, сохраняются в какой-нибудь одной местности, совершенно исчезнув из народной памяти в других областях». Пример тому имя знаменитого Боляка и имя Кончака, сохранивших о себе память в Архангельской губернии (с. 263—264).

Князь Роман

А. В. Марков (№ 152) считает былину о князе Ромane отражением столкновения брянского (Сребрянск-Дбрянск Брянск) князя Романа с литовцами в 1203 году. В 80-х годах XIII столетия выработалась былина, изображавшая Романа старым, но полным энергии предводителем дружины. В первой половине XIV века в эту былину, вместо имени Романа, было вставлено имя брянского князя Дмитрия, княжившего в Брянске после 1214 г. Во второй половине XIV века с переходом Брянска в руки литовцев (после 1356 года) былина переключивается на север; название г. Брянска начинает забываться и заменяется названием Москвы; является московский рубеж и «московская пшеница». В начале XV века былина продвигается далее на север, и в области, лежащей между Москвой и Псковом, происходит новая ее переработка: имя князя Романа заменяется именем сына Дмитрия Донского, Константина, отчество последнего переносится и в те старые пересказы, в которых князь продолжал именоваться Романом; сестра князя, похищаемая литовцами, воспринимает имя сестры Константина Дмитриевича Настасьи (см. об этой статье А. В. Маркова наши соображения в главе о методах).

Садко

Вс. Ф. Миллер (№ 196, с. 283—304) в былинном Садке усматривает две личности: эпического гусяра и новгородского купца. Он вспоминает историческое

лицо — Садко, строителя церкви Бориса и Глеба (в летописи под 1167 годом). Сходство между тем и другим Садко: 1) имя, 2) построение церкви, 3) богатство, 4) внешняя торговля. Садко — гуслиар находит аналогию в финских преданиях. Имя озера Ильмень — *Ilmaja* — озеро погоды. Указывается предание, где выступает «дядюшка Ильмень». Аналогию водяному царю видит в царе финских преданий Ахти, властителя рыб: он любит песни, загоняет рыбу в сети Вайнемайнена. Садко это — Вайнемайнен (их общая музыкальность). — Фабула былины коренится в международных бродячих сюжетах. — Культ Николы, как защитника на водах, развит особенно на севере. — Близко по фабуле к былине чудо блаженного Исидора Ростовского (раньше указывалось М. Г. Халанским и А. Н. Веселовским). Много к былине имеется параллелей из сказок: киргизское сказание о властителе вод Уббе (указано ранее А. Н. Веселовским в Ж. М. Н. П., 1890, март), сказка о скрипаче в аду. Сильной параллелью былине является французский роман «Sadoc» из *Fristan le Leonois* (указано А. Н. Веселовским, Ж. М. Н. П., 1886, № 12). Имя Садок еврейского происхождения, очевидно, известное Новгороду, где особенно была развита ересь жидовствующих (Вс. Миллер о Садко см. еще № 233).

В. Ф. Миллеру возражал И. Э. Мандельштам (№ 145). В. Ф. Миллер отождествляет морского царя былины с финским морским богом *Achto*. Против этого И. Э. Мандельштам выставляет следующие доводы: 1) богатство того и другого совершенно различного качества, происхождения и назначения; и в содержании своем оно не имеет ни единой сходственной черты с морским царем былины. Кроме того, стихи о богатстве, состоящем из кусков драгоценности Сампо, которые с лодки упали на дно морское — эти стихи присочинены Ленротом (по показанию проф. Крона). 2) Несостоятельно у В. Миллера уподобление жены морского царя финской *Wellamo*. Морская царица встречается в одном варианте былины и, несомненно, заменяет Миколу; о ее доброжелательности былина ничего не знает, ничего неизвестно подобного и о жене *Achto*. Кроме того, у *Achto* преданий жены нет, она присочинена Ленротом (Крон). 3) *Achto* и морской царь охотники до музыки. Но в финском эпосе это место присочинено Ленротом (Крон). Не из русского ли эпоса Ленрот взял этот образ? Водяных

В. Ф. Миллер отделяет от морского царя былины без основания. 4) Морской царь залучает себе Садко — Achto завладевает арфой Вейнемейнена. Таким сближением устраняется основной мотив былины — жертва искупления. Кроме того, Садко — не арфа, а морской царь — не дети Achto. Да и самые условия опущения на дно и там и здесь совершенно различны. И опять: все это место сочинено Леиротом (Крон). Садко ничего общего с Вейнемейненом не имеет даже и в сопоставлениях самого В. Ф. Миллера.

А. В. Марков (№ 172) ставит вопрос, как Николая появился в былине, и объясняет это влиянием на былинную легенду о построении новгородским князем Мстиславом Георгием в 1113 году в Ярославском дворе церкви в честь св. Николая. Марков считает, что церковь является центром, около которого разыгрывается своеобразное состязание в богатстве с попами и на этом основании считает, что былина возникла в среде, близкой к церкви и духовенству.

В. Н. Крохин (№ 111) считает, что былина о Садке богатым госте ведет начало из рассказов о морских предприятиях героев карельских сказок о столкновении славян с западными финнами, славянами (с. 743—757). Дается параллель карельской сказке «Три совета».

К. Тиандер (№№ 321 и 322) указывает некоторые скандинавские параллели к былине о Садко (с. 125 и сл.).

Саул, Суровцы, Суздальцы

А. Н. Веселовский (Южно-русские былины, очерк III, с. 1—35) в былинах о Сауле (Сауре) видел захвативший сюжет о враждебной встрече отца с сыном (повесть об Армури). В. Ф. Миллер (№ 196, с. 328—361) не соглашается с А. Н. Веселовским. Источников былины о Сауре он ищет на востоке. Саур — царь Астраханский, Саул — царь Алыберский, это — восточные люди. Отчество Леванидович — это случайный эпический занос, раньше, должно быть, было Ванидович. Былина не введена в киевский цикл (нет Владимира, есть восточный царь). Записаны былины в восточных частях Руси. Имя Саур восточное, оно и до сих пор употребляется у татар. И теперь есть курганы Саура, напр. в Донской области, Екатеринослав. губ. и др. Суровец, Сурович —

Саурович. Содержание былины — пересказ восточного сюжета о встрече отца с сыном. Ср. татарскую сказку об Ак-хане, киргизскую сказку о Сайдыльде. Общий эпизод у них — подкопы и махание татаринном. Ср. также из Рустемиады гибель Рустема, подкоп, убийство Шехада, смерть. Былинных Суровцев никак нельзя считать Сурожцами (ср. обратное у А. Н. Веселовского). Суровец перевернуто из Саурович. «Суроженин» после прибавлено. Суровец, хоть и назван богатым, но ничем не оправдывает купецкого происхождения. — Дальнейшее развитие сюжета связано с былиной о Михайле Даниловиче. Имя Константин Вс. Миллер объясняет соответствием с рязанским тысяцким Константином, побившим в 1148 году много половцев. Елена Александровна могла возникнуть без связи с греческими Еленами (ср. Елена Азвяковна).

Братья Суздальцы, которых А. Н. Веселовский объединял с Суровцами, по мнению В. Ф. Миллера (№ 219, с. 69—86), стоят от былины о Сауре совершенно особняком. Упоминание братьев Суздальцев в эпизоде неудачной похвальбы в былине о Комском побойце, Мамае и Калине является, по Миллеру, отголоском ушибыцы в Суздальской земле между сыновьями кн. Всеволода (хвастанье Юрия и Ярослава перед Липецкой битвой 1216 г.). Вс. Ф. Миллер вспоминает и другие летописные отголоски преданий об этих событиях ростовской земли (Никоновск. летоп., Тверск. лет.), приводит к выводу о наличии связи между Калкской битвой и Липецкой («гнило слово похвальное»).

В построениях В. Ф. Миллера А. В. Марков видит ошибку: «Вместо того, чтобы сближать с восточными сказаниями подлинную былинку о Сауре, он строит довольно искусственную схему сюжета, в которую входят также варианты (не все) былины о Суровце-Суздальце, между тем как связь этих двух былин между собою весьма проблематична» (№ 175, 1914, 2, с. 148—149).

Святогор

И. Н. Жданов (№ 76) сопоставляет былины о Святогоре с повестью о королевиче Валтасаре. Повесть о Валтасаре представляет соединение нескольких рассказов, сходных по основной теме. Женская неверность и хитрость иллюстрируется в повести рядом примеров:

жена Валтасара изменяет своему красавцу мужу; царица любит какого-то уродливого «поползня»; сожительница Валтасара и царя (общая) прячет своего любовника в сундуке; «женщина, которую носит в кольце лев, готова отдаться первому встречному». Автор приводит параллели: 1) повесть из «Тысячи и одной ночи» о Шахриаре и Шахзенане; 2) новелла Джiovани Серкамби, итальянского писателя XV века «De ingenio mulieris adultera»; 3) рассказ об Астольфе и Жоконде в XXVIII песне поэмы Ариосто «Orlando furioso»; 4) сказка смоленской губернии, запис. Добровольским; 5) сказка венгерская и др. Повесть о Валтасаре представляет пример проникновения к нам рассказов восточного происхождения через западно-европейскую литературу.—Статья автором не закончена.

Статья С. К. Шамбинаго (№ 345) сопоставляет былинку с поэмой о Калевипоэге: 1) имя Калевипоэга обозначает гору — Горыныч — Святогор, 2) Калевипоэга, как Святогор, исполнен непомерной силы; под ним гнется земля и пр., 3) меч Калевипоэга только он в силах поднять, ср.: меч Святогора Ильи не может поднять; 4) Калевипоэга почти всегда находится в отдыхе, спит и пр.—ср. то же у Святогора, 5) Калевипоэга и Святогор кладут человека в сумку, 6) над ними сбивает рок: Калевипоэга погиб от своего меча, Святогор — от гроба, 7) Калевипоэга — сын Калева, ср. Святогор *Колыванович*. Вывод: былинный Святогор только в незначительной степени обруселый финский или эстонский богатырь. Место проникновения этого сюжета на Русь автором определяется местом смерти Калевипоэга: близ Чудского озера (русская территория).

Об отношении былин о Святогоре к финскому эпосу высказался и В. Ф. Миллер (№ 222). К финско-эстонскому эпосу былины прикрепляются уже именем Колывана. К этому В. Ф. Миллер присоединяет соображения, высказанные С. К. Шамбинаго (см. выше). В 1891 году В. Ф. Миллер в статье «Кавказско-русские параллели» сближал былины о Святогоре с Кавказскими сюжетами. Это сближение одобрили *Махаль* (O Bohatyrskem epose slovanskem) и *Перетц* (Энцикл. словарь Брокгауза, т. XXIX, 268), но сам Миллер теперь отказывается от своих прежних соображений: совпадения былин о Святогоре с Кавказскими могли быть от общности природных условий (горы, камни и пр.). Отчество

Колыванович говорит за северное происхождение, за это же говорит и имя *Святогор* — Святые горы, это имеет соответствие с монастырем Псково-Печерским успенским Псковского уезда в гор. Печерах, основ. в XV в. (на Святых горах) и с другим монастырем Святогорским успенским в Опочецком уезде Псковской губ. (основ. около 1580 г.).

А. В. Марков (№ 175, 1915 г. 1, с. 320) не согласен со сближением имени Колыван с именем финского богатыря Калева: Владимиров указывал Самсона и Александра Колывановых в новгородских летописях; имя Колывана употреблено в былине только раз и то в плохой; оно отвлечено от отчества Колыванович; произошло то прозвище от Византийского Калоианна (в русской передаче — Калуян, Калоан, Калоиван).

А. Н. Веселовский не согласен с С. К. Шамбинаго в его отождествлении Святогора с Калеви-поэгом (см. выше № 345), 1) смерть Калеви-поэга — заслуженная (убийство сына ковача), не роковая, как у Святогора; 2) что касается сумочки земной тяги, то параллель этой подробности былии о Святогоре (Самсоне, Колыване) А. Н. Веселовский указывает в народной сказке о Самсоне («Русские и Вильтины», см. № 48, с. 100).

Соловей Будимирович

Былину о Соловье Будимировиче Вс. Ф. Миллер (№ 196, с. 201—219) считает принадлежащей к северному репертуару. Вот его аргументы: 1) былина известна только на севере; 2) Соловей-богатырь — мореход, собственник кораблей с богатыми товарами (ср. Садко); это могло произойти только из местности, где процветало судоходство и торговля; 3) украшения корабля составляют пушные богатства северного края; 4) былина обнаруживает хорошее знакомство с судоходным делом (щупанье луд); 5) Соловей гусяр (ср. Садко); 6) Соловей строит при теремах «гостиный двор» (торговля Новгорода); 7) корабли бегут по морю Вирянскому (Варяжскому); иногда едут по Днепру, но в таких случаях в былине всегда путаница; 8) отводя южную географию былинного города Леденца (см. мнение М. Г. Халанского, отождествляющего Леденец с сербским и болгарским Ледяном — «Южнослав. сказ. о кр. Марке», II, 327—336), Миллер считает его северным

городом; 9) облик матери Соловья напоминает ему свободную суровость и решимость новгородской женщины. Источником фабулы Вс. Миллер считает иностранную повесть о Василии Златовласом (ср. М. Г. Халанский, там же, стр. 327). Через Новгород легче всего могло произойти знакомство с повестью. Временем создания былины Миллер считает XV—XVI в.

П. Н. Миллюков (№ 236), в соответствии к статье В. Ф. Миллера дает справку с топографии былины. Море «Виряньское» или «Веряйское» искажение имени «Варяжское», есть не что иное, как море Балтийское или, точнее, Финский залив «Славный город Леде-нец», это — древняя эстонская столица Линданиса, замок, стоящий на месте теперешнего города Ревеля. Остров Кодольский — остров Котлин. Временем создания был тот момент, когда старинный эстонский замок — Линданиса еще имел о себе память, а это автор считает вероятным в первой половине XIII века.

А. М. Лобода в исследовании о былинах о сватовстве (№ 128) посвятил главу сватовству Соловья Будимировича (гл. III). Большую часть главы занимает обзор предшествующих изучений этого сюжета. Соловья считает он «заморским» лишь в том смысле, как вообще жених в песнях называется «чужим чуженином». «Купечество» Соловья, это — обычная черта свадебного обряда. Сад Запавы — ср. в песнях у невесты сады, поле не ораное. Постройка теремов тоже входит в свадебную символику. Соловей Будимирович — в песнях жених приходит *будить*. Украшения терема: месяц, солнце, звезды — параллельны колядкам и соответствуют общей средневековой символике. Гусли и свирель в песнях обозначают символический призыв невесты к удовольствиям, которые ждут ее в обществе молодежи и жениха. Шахматы, шашки обычная принадлежность свадебной символики: проигрыш невесты обозначает помолвку. Отлучка Соловья и история с Давидом Поповым или Грубиянником является придатком, перенесенным из былины о Добрыне в отъезде. К иноземным параллелям, указанным ранее (Ягич, Халанский), автор прибавляет параллели: 1) добывание Гильды в Кудруне, 2) женитьба Освальда, 3) сказки о Кошее, о семи Семионах. Со Всев. Миллером А. М. Лобода не соглашается: с торговым и судоходным делом были знакомы не только новгородцы (ссылка на свидетельство

Константина Багрянородного «De administrando Imperio»); известность былины на юге свидетельствуется грамотой Кмиты Чернобыльского. Отвергает автор и топографические разъяснения Н. П. Милюкова (с. 43 и сл.). Ср. А. З. Вольтер «Что такое Линданиса» (№ 56).

А. Лященко былинку о Соловье Будимировиче ставит в связь с сагой о Гаральде (см № 138) Автор приходит к следующим выводам (формулировано автором):

1) Наша былина отражает исторический факт пребывания на Руси Гаральда, впоследствии короля Норвегии и мужа Елизаветы, дочери Ярослава

2) Былина появилась в дружинной среде, окружавшей князя Ярослава; составитель ее знал, по всей вероятности, сагу о Гаральде, которая рассказывалась еще при жизни Гаральда. Она отразилась некоторыми чертами на былинке; но, при всем том, былина не переделка и не перепев скандинавской саги, а оригинальное по сюжету (по сравнению с сагой) произведение.

3) Древнейшая редакция былины должна была заключать в себе описание приезда с севера в Киев Гаральда, его сватовства, отъезда в Византию, возвращения и свадьбы. Вполне возможно появление уже в древней редакции драматического элемента: борьбы с соперником

4) Установление факта двойного приезда героя былины в Киев — с севера и с юга — помогает разобраться в кажущейся спутанности географических имен былины.

5) Чертами, общими в былинке и саге, являются: мотивировка отсрочки свадьбы, собирание героем богатств, его паломничество в Св. Землю, заключение царем заморским в тюрьму за скрывание богатств, прибытие, отъезд и возвращение в Киев на кораблях, описание корабля. Сага отмечает службу Гаральда у Ярослава по охране государства против «язычников», что составляет идейное содержание русского былевого эпоса.

6) На родине Гаральда (в Норвегии) существовал рассказ о нем и невесте, ждавшей его по условию 15 лет

7) Нормандско-английские поэтические произведения о Горже и о Гереварде и Гаральде известны в редакциях XII—XIV веков; вполне вероятно предположе-

ние, что в них отразилась история любви Гаральда и Елизаветы.

8) Имя Соловей могло быть придано герою былины, как певцу и поэту; отчество Будимирович — «строитель» — указывает на его чудесные постройки в саду Запавы.

9) Наиболее ярко скандинавское влияние отразилось на нашей былине в описании корабля Соловья.

Соломон и Василий Окулович

В более ранних трудах *А. Н. Веселовский*, занимаясь изучением цикла сказаний о Соломоне, выяснял положение в этом цикле и русской былины. В 1896 году он напечатал (см. № 46) статью, где отмечаются связи этого сюжета с шведской балладой об увозе Соломоновой жены. Анализируется баллада о Сольфаре, жене Давида, о похищении ее новгородским конунгом. Шюк (Shück) считает возможным происхождение баллады из русского песенного утраченного пересказа. *А. Н. Веселовский* против этого возражает: в балладе насильственное похищение, в русской былине о Василии Окуловиче и других русских пересказах этого сюжета обычно происходит добровольное соглашение изменницы. В балладе конунг сам похищает, в русских редакциях похищают почтенные люди. Отдельно стоит английская баллада о Джоне Томсоне; она сохраняет развязку о похищении *неверной* жены, представляет Томсона ищущим и проникшим к противнику, жена его выдает. Происходит сцена, подобная легендам о Соломоне (под виселицей Соломон, трубящий в рог). Автор сопоставляет с этим Смоленскую повесть того же сюжета и заключает: «не пришли ли к нам некоторые редакции соломоновского сказания с Запада, обогащая сходные, раньше воспринятые византийские темы?» (с. 80; предположение было высказано раньше, см. его «Славянские сказания», с. 292).

Вс. Миллер (№ 230) ставит на разрешение вопрос о месте и времени сложения былины. В упоминаемом в былине Васье Торосканове он видит историческую личность новгородского купеческого старосты Василия Торосканова. Это ему служит основанием к отнесению былины к Новгороду и к 1-й половине XVI века. Это подтверждается еще указанием на известность в Новгоро-

де легенды, послужившей источником старины. Старина, по его мнению, сложена в то время, «когда в новгородском населении еще жила «недобрая» память о Василии Тороканове, о Московском «царе» Василии (Ивановиче) и помнилось имя царицы Соломонии, отразившееся в этой форме в имени Соломоновой царицы» (136) Совпадение в именах цариц «случайное, т к легендарная Соломония получила свое имя от Соломона» (с 132) Имена царя или короля Василия и добывателя невесты Василия—явились в былине как припоминания «Повести о короле Василии Златовласом» (с 128) Таким образом, совпадение в именах царей (Василий Окулович и московский великий князь Василий Иванович) случайное. Отчество Окулович сопоставляется с именем царя Василия Окульевича в одном из вариантов стиха о Голубиной книге (с 128)

А В Марков (№ 175) делает дополнения и замечания к статье Вс Миллера Отчество Окулович он производит от северно-великорусского Оквля (значит «плут», от финского *okkela* — хитрый) О Василии Тороканове-новгородском Вс Миллер указывает, что он был купцом уважаемым, и презрительное отношение к нему в былине объясняет тем, что он в свое время являлся сторонником политики московского правительства и был поставлен судьей не по выбору, а по усмотрению правительства А В Марков появление в былине Васьки Тороканова — сводника и жены Соломона — распутницы ставит в связь с любовником правительницы Елены, князем Иваном Федоровым Оболенским, казненным по приказу бояр в 1538 году (в некоторых вариантах имя Васьки заменено Иваном) Имеются у А В Маркова и другие дополнения и замечания более мелкого характера (И О Р Я и Сл, 1915, I, 326—27)

Г Н. Потанин (№ 267) приводит восточные материалы и параллели к вопросу о происхождении саги о Соломоне (по этому поводу см № 339)

Сорок калик со каликою

Былина о сорока калчках со каликою вызывала интерес со стороны многих исследователей Хронологически в перикле, входящем в охват нашего обзора, прежде других стоят две статьи Н М Мендельсона (см №№ 184 и 188) 1) Н М. Мендельсон припоминает

«Слово о св патриархе Феостирикте» Во второй редакции «Слова» место Феостирикта занимает Касьян Пересказывая эпизод чудесного освобождения от бесов, автор предполагает связь между этим памятником и житием Касьяна и Варвара или Христофора Из сочетания разных элементов этих источников и явилось проникновение имени Касьяна в былин. 2) Во второй статье Н М Мендельсон указывает в параллель былинному Касьяну Касиана Авнежского (15 июня) и Касьяна Спасо-Каменского. И тот и другой связаны с былиной районом Ефимьевского монастыря, упоминаемого в былинах.

К 1899 году относится статья *Вс. Миллера* об этой былине (№ 198), но впоследствии он, при напечатании ее в «Очерках», подверг большой переработке, и о ней будет речь ниже.

А В Марков (164) одним из источников былины считает «Житие св Михаила Черноризца» (IX в.). По житию Михаил «леп взором», — Касьян в былине — красавчик Михаил отказывается от прельщений царицы Сеиды и после отказа имел клевету на себя, ср подобное в былине с Касьяном и Апраксией Прежде чем казнить, св Михаила мучат — ср мучения Касьяна И в житии в былине играют роль сосуды «На основании сравнения былины с житием Михаила-черноризца можно сказать, что первоначальный вид былины соответствовал известным нам кратким пересказам и оканчивался или смертью Михаила, или его воскресением» (с 114) Для создания бытины слагатель «пользуется преданием о хождении сорока новгородских калик в Иерусалим (это предание известно нам в записи XIV века), искусно сливает с ним фабулу жития, усиливает фантастический элемент, присоединяет к этому некоторые эпизоды из церковной литературы и все это заключает в рамки былины Владимиров цикла» (115)

Вс Ф Миллер (№ 219, с 211—255) основу сказания о 40 каликах возводит к XII веку. В своих соображениях он исходит из легенды о хождении калик в Иерусалим, записанной в Торжке Время хождения новгородских калик в Иерусалим определяет между годом возведения Иоанна (о котором говорит запись) на архиепископскую кафедру (1163) и годом смерти Ростислава Мстиславича (1168) Запись легенды была сделана во 2-й половине XIV столетия каким-то лицом, почерпнув-

шим ее из летописи, ведшейся при Спасо-Преображенской церкви в Торжке. Эта легенда и положена в основу былины. Сложена она в пределах новгородского культурного влияния. Групповое паломничество, как коллективное предприятие, должно было быть в новгородских нравах. Былина обнаруживает близость к былинам о Садко (спасение, Николай Можайский, храм). За новгородскую территорию говорит и картина северной охоты на р. Череге. Наконец, об этом говорит близость к новгородской легенде. Былина представляет редкий пример консервативности темы (XII в.). Она дает пример обработки в былинную Владимирову цикла популярной народной легенды. Она подтверждает мысль, что былина «киевского» цикла могла слагаться в XV—XVII вв. и в пределах былин так называемого новгородского цикла и все таки прикрепляться к Владимиру и Киеву.

А. В. Марков (№ 175) не принимает «буйства» и «богатырства» калик. Вывод Миллера, что калики — люди с буйным прошлым, — основан только на 2-х вариантах. А. В. Марков упрекает Миллера в том, что он не дает себе труда опровергнуть диаметрально противоположное мнение, высказанное Тихонравовым и Веселовским. Не прав, по его мнению, В. Ф. Миллер и в том, что игнорирует мысль о церковном характере каличьей дружины (мысль Л. Майкова и А. Маркова). Мнение В. Ф. Миллера о позднем (позднее XV в.) происхождении былины «не подтверждается равно никакими доказательствами» (с. 295).

Б. М. Соколов (№ 296), не соглашаясь с ак. В. Ф. Миллером в хронологическом определении исторического события, отголоском которого явилась легенда Новоторжской записи, принимает взгляд Миллера на происхождение самой записи. «Неизвестный автор летописной заметки изложил народную легенду, быть может, сократив ее, но сохранив однако народно-эпические черты, которые предание о 40 каликах приобрело в устной передаче» (Р. Ф. В., LXIX, 95). Б. М. Соколов указывает далее на легенду о русских каликах в «Страннике Стефана Новгородца» (ок. 1350). Этот рассказ признается им за «начальную часть» несохранившейся легенды о 40 каликах (431). — Былина была сложена на севере, в Вологодском крае, об этом свидетельствует географическая номенклатура былины. Источником для имени и личности Касьяна послужил ме-

стный Вологодский святой Касьян Авнежский. Здесь же был привлечен мотив о соблазнении целомудренного красивого святого прельстившейся им женщиной (ср. житие современника Касьяна Дмитрия Вологодского и Кирилла Новоозерского). Эпизод с чашей привел к соединению указанного рассказа с мотивом Иосиф и Вениамин (подложенная чаша). В былине отразились и другие сходные сказания (житие св. Михаила Чернорица). В дальнейшем произошла эпическая переработка: прикрепление к киевскому циклу, Владимир, Апраксия, богатыри и пр. (Мнение А. Н. Веселовского о связи былины о Сорока каликах со каликою с былинною о Потоке см. в главе о Потоке).

Ставр Годинович

Вс. Ф. Миллер (№ 196, с. 263—282), рассматривая варианты былин о Ставре, устанавливает в них две группы: Сибирская — здесь жена Ставра — грозный посол — требует дани, побеждает богатырей, вынуждает выдавать пленного Ставра; другая группа — Олонечкая — здесь жена сватается за дочь Владимира, как и в первой группе происходит испытание пола, но к прочему прибавляется испытание постелью и баней. По мнению Миллера, баня, постель, сватовство включены в былинную из скоморошского репертуара для комизма. Разбирая параллели, какие раньше указывались к этой былине И. П. Созоновичем, А. Н. Веселовским, В. Стасовым и Г. Потаниным, Вс. Миллер не находит близких и, останавливаясь на некоторых чертах состава былины, указывает соответствие с особенностями новгородской жизни. Ставр был заключен в Новгородской области. В нем нет черт богатырства, в нем наблюдаются купеческие замашки. Роль Владимира в былине типично новгородская. — К этому указывается летописный новгородский сотский Ставр, который в 1118 году был заключен князем. Отголоском преданий об этом событии, по его мнению, и является былина.

Сухман

А. С. Якуб (№ 369) сближает былины о Сухмане с повестью о Демьяне Куденевиче (Никон. Лет. 1148 г.). Сближение производится в следующих пунктах. Повесть рассказывает о нападении Глеба Юрьевича с половцами на переяславского князя Мстислава Изяслави-

ча, в былине происходит нападение на Киев с князем Владимиром Мстислав Изяславич обращается к Демьяну богатырю Куденевичу — в былине обращение Владимира к Сухману Демьян со слугой Тарасом отражает врага — Сухман отражает татар Глеб Юрьевич с половцами снова нападает, берет город Дегин — в былине Сухман, встреченный недоверием, снова уходит Демьян один, изнемогает от ран — Сухман тоже Мстислав Изяславич благодарит, обещает почести, Демьян все называет суетой — в былине Владимир раскаивается, сожалеет о Сухмане, Сухман кончает самоубийством А С Якуб считает былину переработкой этого народного сказания

С К Шамбинаго (№ 346) выделяет в былине две редакции Первую редакцию делит на две части 1) пир, хвастовство, обещание привезти лебедь, 2) сборы на охоту, охота, татары, поранение Сухмана, победа, возвращение, немилость Владимира, самоубийство — Добывание белой лебеди обозначает символику добывания невесты Сказитель позабыл символику «В основе первой редакции сказания о Сухмане лежит мотив опалы князя на победителя и смерти последнего» (с 508) К этому особенно близок эпизод с князем Михайлом Воротыньским, отразившим перекопского царя и вероломно преданным мучению и смерти царем Иваном Грозным «Не являясь отражением именно этого факта, сказание о Сухмане все же является более близким отголоском подобного рода поступков Ивана Грозного, чем того летописного известия о Демьяне Куденевице, с которым сближал Сухмана сначала проф Халанский и потом А С Якуб» (см выше) — Вторая редакция былины представляет Сухана раненого, удалившегося с побоища на «болото зыбучее» Его находит кн Владимир и приветствует его Эту редакцию С К Шамбинаго сближает с русскими военными повестями Многочисленность рати, выступление реки из берегов — мотивы, постоянные в повестях (Мамаево побоище, на пример) Общий характер старины книжный Более близкую параллель былине автор видит в эпизоде о поражении Дмитрия Ивановича в бою с татарами (Мамаево побоище) В былине имеются элементы сказок (напр, Афан № 182)

Вс Ф Миллер (№ 222) признает мнения Ореста Миллера («Илья Муромец и Богатырство Киевское»,

1869 г.) и С. К. Шамбинаго о наличии в былине черт эпохи Ивана Грозного достаточно обоснованными, но в отчестве Сухана Довмонтъевича видит следы местной псковской памяти о псковском князе-герое Домвонте (XIII ст.).

А. Марков (№ 175) на мнение Вс. Миллера о связи Сухмана с псковским князем Довмонтом замечает, что по былинам Сухан не связан ни с каким княжеским родом и не имеет никакого отношения к псковской области (И. О. Р. Я. и Сл., 1915, кн. 1, с. 310).

Б. М. Соколов (№ 295) оспаривает сходство былины с повестью о Демьяне Куденевице и ставит былину в связь с воинскими повестями: сходство Сухана с Дмитрием Донским (отдых в бою), мотив поранения, общий образ помутневшей реки.

П. П. Миндалев (№ 237), разбирая повесть о Меркурии Смоленском, нашел в ней общее с былиной о Сухмане и с повестью о Демьяне Куденевице. Автор оспаривает соображения С. К. Шамбинаго и других о несостоятельности сближения былины с повестью о Демьяне Куденевице: недоверие в былине явилось результатом позднейшего наслоения и стилизации; в народной памяти эпоха Грозного рисуется не так, как у Курбского; эпизод с князем Михаилом Воротынским имеет мало общего с сюжетом былины. Указывая на сходство былины с повестью о Меркурии Смоленском, автор приходит к выводу, что «еще до XIII века — времени, к которому повесть и житие относят деятельность Меркурия, на юге ходило сказание, былина, основной сюжет которой, отдельные подробности, последовательность рассказа вполне совпадают и дают содержание смоленской легенде о Меркурии, конечно, если мы удалим из последней все заимствованное, т. е. странствующий мотив об усекновении главы мученика и детали, взятые из жития Меркурия Кесарийского» (15). Былинное предание легло в основу повести.

К литературной истории повести о Меркурии Смоленском, по поводу статьи П. П. Миндалева, обращался Л. Белецкий (№ 17).

Хотен

Вс. Ф. Миллер (196, с. 220—232) имя Хотена производит от слова хотеть, значит — желанный, единственный сын. Чайна от «чаять», желать. Былина, по его

мнению, сложилась в Новгороде. На это указывает роль князя Владимира, попустителя скандала (ср. его роль в былинах о Дюке и Чуриле). Имя Владимира в былинку прихвачено случайно общим зачином через пир. Разгул Хотена новгородский (ср. Васька Буслаев). Панюточка парубок — не Потанюшка ли? Герой, как и в былинке о Ваське Буслаеве, слушается одной матери. Часова вдова — купчиха. В одном пересказе былина совсем не приурочивается к Киеву (Рыбн. II, 207). Хотен нигде не назван богатырем. Не упоминается дружина хоробрая. Историческая основа былины, вероятно, какой-нибудь скандал в Новгороде. В былинку памфлет был переработан скоморохами.

А. М. Лобода (№ 128, гл. IV) указывает былинке историческую параллель: Рогнеда, дочь Рогволода, чванливая невеста. Имя Хотена производит от Горден (гордиться). Сопоставляет это с песнями о «гордене», русскими, малорусск., белорусскими. Из иностранного и русского литературного творчества указывает параллели к мотиву горделивой похвалы недоступностью, более всего сходства находит с повестью о Василии Златовласом (еще: в греч. пов. о Дигенисе, в сказании Вилькина саги о Самсоне и др.). Роль братьев Чайны обычная в свадебных обрядах. Грозность Хотена — обычная шаблонная свадебная поездка.

Чурило Пленкович

Вс. Миллер (№ 196, с. 119 и сл.), соглашаясь с принадлежностью имени Чурилы южной области (мнения М. Г. Халанского, А. И. Соболевского, А. Н. Веселовского) и относя его популярность к очень древнему времени, находит возможным говорить о происхождении сюжета независимо от имени. — В особом очерке, посвященном специально былинам о Чуриле (№ 196, с. 187—200), он после ряда соображений приходит к заключению о новгородском происхождении их. Вот его доводы: 1) по своему общественному положению Чурило не князь, не боярин, он сын богача; это — особенность торгового Новгорода; 2) Владимир является в былинке князем, лишенным всякого значения; это — новгородское представление о князе; 3) дружина Чурилы — артель промышленников, занимающихся охотничь-

им и рыбным промыслом; 4) звери и природа былины — северные («печерские» лисицы, сорога-рыба — финское название); 5) жеребцы — «латынские», т. е. купленные вне Руси, в Остзейском крае; 6) костюм Чурилы обнаруживает следы новгородского щегольства; 7) Пленко в былине Сарожанин называется так лишь по реке Сорог, где стоял двор Чурилы (это не южный Сурож, как указывал А. Н. Веселовский); 8) Апраксия порезала палец, это деталь, вошедшая из раввинских апокрифов, с которыми Новгород скорее всего мог быть знакомым по особому развитию там ереси жидовствующих. По времени исследователь считает возможным приурочить происхождение былины в XV веку.

А. С. *Архангельский* в отзыве о первом томе «Очерков» Вс. Миллера (№ 12, с. 913 и сл.) возражал против необходимости приурочения былины к Новгороду. И около Москвы могли быть частные лица с большими дружинами, могли владеть большими богатствами, а равно могли при случае и совершать насилия безнаказанно. Примером этому А. С. *Архангельский* приводит содержание повести о Луке Колоднике (Никоновск. Летопись, 1413). Лука имел двор «яко некий князь» и «слуг много собра, предстоящих и предтекущих ему отроков» «и на ловы ездяше», княжеских «сокольников бняше и грабаше, и ястребы и соколы себе взимаше». Князь же «терпяше вся сия, иногда ж и посылаше к нему, он же к нему жестоко и сурово отвещеваше»... В убранстве жилища Луки и в собственном его костюме А. С. *Архангельский* указывает на те же черты, что у былинного Чурилы (кони, седла, серебро, золото, бархатные узоры, шелковые узды, сапоги с особой красотой, любовь к пуговицам, перстням и пр.; к этому ср. подтверждающие соображения *И. Н. Жданова* № 76, с. 2—4).

П. В. Владимиров Чурилу возводит к летописному образу Кюрилы плененного и видит в былине мотивы славения свата Чюрина боярина на свадьбе сына Рюрика с дочерью Всеволода в 1187 году (№ 52, с. 232—233).

К. Ф. Тиандер (№ 320) указывает западные параллели к былинам о Чуриле и Катерине: исландские баллады, шотландская баллада о Clark Sanders'e, французские песни, иберийские романсы и др.

И. П. Созонович (№ 293) в одной из деталей своей

книги указывает свидетельство польского писателя Рея об известности имени Чурилы в Москве.

Г. Потанин по отдельным подробностям и мотивам сближает былинку с восточными преданиями и легендами (№ 265, глава XXX «Чурила Пленкович»): дочь монгольского хана и Бохак, рассказ о Наран Гарэль, Греттирова сага и др.

5. Быт в былинах. — Имена и названия. — Разное.

Быту в былинах посвящено специальное исследование А. Маркова «Бытовые черты русских былин» (№ 151). А. В. Марков рассматривает вопросы о времени и месте сложения былин (с. 2—10), об отражениях в былине экономического быта (с. 10—38), о быте общественном (№ 38—71), семейном (71—75), религиозном (75—96). — О древнерусском жилище по былинам писал С. Шамбинаго (№ 348). Автор приходит к выводам о наличности в былинах элементов, принятых в живом обиходе русского человека в XVI ст. В былинных картинах древнерусского жилища автор видит следы скомошьей обработки. В другой статье С. Шамбинаго (№ 349), рассматривая былинную «заставу богатырскую», сопоставляет ее с организацией сторожевой пограничной службы в Московском государстве в XVI веке. Богатырская застава, по его мнению, является отголоском исторической бытовой действительности XVI века. — П. Н. Мрочек-Дроздовский (№ 238) рассматривает былины «относительно одного из крупных вопросов истории русского государственного права — вопроса о дружине» (в его соображениях критика отметила немало фантазерства, см. Этногр. Об., 1897, № 3, с. 198—201; ср. А. С. Архангельский «Введ. в ист. р. сл.», с. 608). Некоторые пользуются былинной для истории и характеристики русской женщины. Н. В. Шеметова (№ 356) усматривает большое значение былин, как источника для бытовой истории народа, и в частности женщины (с. 1—5) и изучает быт русской женщины по эпической народной поэзии (с. 13—90). Автор устанавливает женские типы былин: тип поленицы — «представительницы архаического уклада жизни» (с. 13—23), тип хитрой и коварной женщины (24—28) и указывает «переходные» женские типы между древ-

ностью и «новым временем», выбирает из былины свидетельства о формах брака, о состоянии семьи и пр В тех же целях пользуется былинной *Е Н Щепкина* в кн «Из истории женской личности в России» (№ 367) О женских типах в былинах см статью *Н А Янчука* «К истории и характеристике женских типов в героическом эпосе» (№ 374)

Имена и названия Внимание исследователей иногда останавливалось на отдельных терминах и названиях, употребляемых в былинной *Вс Миллер* указал на литературность (ненародность) происхождения термина «былина» (№ 196, с 27—29) *А С Архангельский* напечатал по этому поводу особую заметку «Два слова о слове «былина» (№ 13) Вопреки Миллеру, он считает, что термин «былина» был известен народу и дает по этому поводу собранные им справки 1) Предисловие П И Савваитова при «Вологодских песнях» 1841 говорит о «былинах» и указывает таким образом на употребление этого слова в Вельском уезде, В И Срезневский в записке об ученых трудах Савваитова подчеркивает это и подтверждает, 2) целый ряд словарей русского языка свидетельствуют о живом народном употреблении этого слова (Словарь Русск Яз, изд Ак Наук, Словарь областного архангельского наречия—Подвысоцкого, 1885 г, Опыт областного великорусского словаря, 1852 г, Толковый словарь жив великор яз и др)

А В Марков дает свидетельства о термине «старина» (№ 173) 1) из поучения, озаглавленного «Сравнения дел бога и дьявола», изданного В И Срезневским в 1904 году, 2) из рукописи Кирилло-Белозерского мон, писанной игуменом Евфросимом Его вывод термин «старина» в применении к былинам (эпическим песням) древнее XV столетия

С Рожнецкий в ст «Из истории Киева и Днепра в русском эпосе» (№ 277) указывал, что былиничью форму «*Непр*» на основании сведений языка невозможно вывести из «*Днепр*» и что форма «*Непр*» вне былевого эпоса неизвестна Форма «*Киев*» в подавляющем большинстве случаев в былинной заменяется формой «*Киевград*» («стольный Киевград») В скандинавском словоупотреблении в соответствии этому указывает «*Kaenugardr*», выведенное из формы *Кья* и город, что соответствует русскому *Кьян город*, а это последнее является древней-

шим названием центра варяжской крепости в славянском Киеве. Кьян — город военный, в противоположность гражданскому Киеву, место варяжского князя. Впоследствии с ославянением варягов эта разница в словоупотреблении стерлась. «Кьян город» в лингвистическом отношении несомненно русское слово, но в литературном отношении скандинавское понятие и находится в самой тесной связи с Непром, а это название Днепр получил тоже от скандинавов; возможно существование скандинавских песней, упоминающих Кьян город, эти передались русским, они и послужили образцом для русских былин (с. 75). — С. Рожнецкому возражал Б. М. Соколов в ст. «Непра река в русском эпосе» (№ 295). Он ссылается на такие народные формы, как «положить на «ино» (дно) и др.» и приводит примеры с формой «Непр» из старинных памятников (из текста Ундольского XVII века и друг.). Кроме того, по его мнению, форма Непра могла образоваться из контаминации с Непрядвой. Повести (с Непрядвой) повлияли на возникновение былинной формы Непра (пример: сравнение былины о Сухане с повестью о Мамае). С. Рожнецкий отмечал Б. М. Соколову (№ 278): 1) фонетически НН, — говорит он, — не ровно Н; 2) летописные примеры Б. М. Соколова находит недостаточными; 3) сходство былин о Сухмане с повестью о Мамаевом побоище подводится, по его мнению, искусственно; сам он такого сходства не находит.

П. Милюков напечатал заметку о том, что такое «море Вирянское» и «город Леденец» (№ 236). См об этом к былинам о Соловье Будимировиче (ср. № 56).

М. Р. Фасмер писал о «шапке земли греческой» (№ 329). По его убеждению, «колокол новгородских былин и шапка земли греческой в киевских былинах — одно и то же: куколь калик переходящих». Соединяя оба названия, он приходит к заключению, что слово колокол является народно-этимологическим изменением более древнего кукуль или куколь, заимствованного из греческого *koikollion* (колпак, капюшон).

Бодуэн де Куртэнэ-Фасмер выясняет упоминающийся в былинах камень Латырь и город Алатырь (№ 27). Автор не соглашается с мнением А. Н. Веселовского, что камень Латырь есть след предания о чудесном камне — алтарный камень, алтарь, на котором была принесена бескровная жертва. («Разыскания в обл. дух. ст.»,

гл. III, с. 23). Фонетическим путем из слова алтарь не могла получиться форма алатырь. Предполагать же искажение формы ввиду каких-либо семасиологических причин трудно при выведении значения слова из его «алтарности», потому что связывающиеся с нею представления должны были бы скорее содействовать ее сохранению, чем уклонению в совершенно неосмысленную в данном случае форму (91). Латарь (Латырь)-камень — такой же отголосок христианской символики, как и остров Буян. В русскую народную словесность он проник с северо-запада в XII и XIII в. или после ввиду постоянных многовековых сношений России с Германским севером. Черты его «алтарности» в заговорах получились главным образом путем контаминации его с Сионским камнем. В былинах он применяется в смысле топографического обозначения. Форма Алатырь получается путем таких сочетаний, как *на латыре*, и поддерживается названием города (Алатырь). Название города Алатыря — след тюрко-татарский или во всяком случае инородческий в русской номенклатуре. Лат — камень, английский loadstone, младший брат Латыря — камня. Название камня на распутье в былинах — Латырь — Алатырь — отражение камня на морском пути, магнита. Город Алатырь и «баба алатыгорка» в русском эпосе — отражение столкновений русских с инородцами на восточных границах государства. (О латыре камне см. еще: *Н. И. Коробка* № 106; ст. *А. Маркова* — Энцикл. Словарь «Гранат», т. II, с. 67; «Алатырь»; *Н. Познанский* «Заговоры». Петр. 1917, с. 264 и сл.).

Еще в «Экскурсах» *Вс. Милер* указал на имя былинной Опраксы, Опраксии, как на «отголосок имени рязанской княгини Евпраксии XIII в.; повторил он это и в Очерках, I, 305—327. Впоследствии он еще раз вернулся к этому в особой заметке (№ 219, с. 359—367). Он дает сводку всем вариантам этого имени в былинах, останавливается на формах «Апраксейна», «Опраксимья», «Афросинья» и последней форме указывает соответствие в лице Евфросинии Полоцкой, дочери князя Георгия, одного из сыновей полоцкого князя Всеслава Брячиславича (XII в.). — *А. В. Марков* (№ 169) имя былинной княгини сближает с княгиней Евфросинией XIII в., дочерью полоцкого князя Рогволода Борисовича и супруги псковского князя Ярослава Владимировича. Княгиня постриглась под именем Евпраксии. Указание

Вс Миллера А В Марков считает несостоятельным ввиду малой известности указанного им лица — В ст. «О некоторых былинных именах» (№ 219, стр 368—384) *Вс Миллер* пытается выяснить имена *Пересмет*, *Кончак*, *Арта*, *Лука*, *Моисей*, *Фома* По поводу его соображений см замечания А В Маркова (№ 175, 1915, I, стр 299—311) Об именах еще см *А. И. Соболевский* № 289 и 291

Из других заметок и наблюдений укажем *T. Maretic* «Die typischen Zahlen in der russischen volksepik» (№ 147); *R. Abicht* «Die russische Heldeusage» (№ 2), даны переводы былин на немецкий язык, *S. Machal* «Novè vykladu guskuch bylin» (№ 139); о пребывании сказительницы Н С Богдановой в Петербурге (№ 387), о пребывании сказителя И Тр Рябина в Софии, Белграде, Вене и Праге (Этн Об 1905, № 2—3, смесь, Жив Ст 1906, в VI, отд III); *Нетушил*, И Отчет о диспуте М Г Халанского Диспут о сочин «Южнослав сказ о кр Марке в связи с произведениями русского эпоса». Оппоненты Н Ф Сумцов и М. С. Дринов (№ 242), в кн *С В Савченко* «Русская народная сказка» (№ 283, с 10—11) имеются замечания о соотношении былин и сказок

6. Общие обзоры

Общие обзоры всего состава былинного творчества в целом имеем в курсах истории русской словесности и в сборниках былин, предназначенных для широкой публики

В «Истории русской литературы» А Н. Пылина (№ 273) былины занимают довольно незначительное место Былина, как элемент народной поэзии, рассматривается более в истории ее изучения, чем сама по себе Очерк автора имеет преимущественно историографический интерес, да и в этом отношении сильно устарел

В «Истории русской литературы», изд Сытина, под ред Е В Аничкова, в томе втором имеются две главы о былинах, написанные проф А Бороздиным (№ 29) В главе 9-й (с 221—241) дан очерк истории изучения былин В главе 10-й (с 242—281) помещены комментарии к отдельным сюжетам и персонажам (не ко всем) Историографический очерк составлен кратко, но довольно ясно определяет основные перемены научных мнe-

ний. Комментарии к былинам большею частью сводятся к указанию нескольких данных из летописей (если таковые кем-либо указаны), к перечислению производившихся сопоставлений данной былины с другими литературными памятниками и к пересказу сюжета былины. Автор не умалчивает о противоречиях, в каких часто находятся взгляды исследователей, иногда указывает на несостоятельность или недостаточную обоснованность высказанных предположений.—Признать в статьях проф. Бороздина завершающую сводку накопленных знаний о былине нельзя. Книга предназначена для широкой публики. Этим, может быть, объясняется сдержанность автора в применении научной эрудиции.

В «Курсе истории русской литературы» В. А. Келтуялы (№ 101) былинам посвящены довольно обширные отделы. В комментариях автор опирается на исследования ак. И. И. Жданова, ак. Дашкевича, ак. А. Н. Веселовского, ак. Вс. Миллера и др. В. А. Келтуяла принимает положение, что былина является поэтическим отголоском исторических событий, и он широко пользуется указанными кем-либо историческими сопоставлениями (Вс. Миллер и др.). В то же время В. А. Келтуяла не отрицает и возможность заимствований, и он обильно приводит параллели, отмеченные А. Н. Веселовским, И. И. Ждановым, Вс. Миллером (по «Экскурсам») и др. В тех случаях, когда мнения сталкиваются в явном противоречии, В. А. Келтуяла произвольно останавливается на каком-либо из них, не упоминая о существовании иного противоречащего предположения и ничем не мотивируя свой выбор (см. напр., комментарии к былине о Святогоре, о Добрыне Никитиче). По широте охвата все же обзор В. А. Келтуялы выгодно выделяется и по сравнению с очерком А. Н. Пыпина и с очерком А. Бороздина.

Книга А. Сиротинина «Беседы о русской словесности» (№ 286) не претендует на строгую серьезность. «Книга эта, говорит автор,— не история русской словесности и не пособие для ее изучения. Это простые и непринужденные о ней беседы». (Предисловие, с. V). В «предварительных замечаниях» (с. 1—42) живо и ясно рассказывается история изучения былин, характеризуются отдельные научные школы. Книга ценна отделом «Красота в былинах» (с. 213—288). А. Н. Сиротинин делает попытку дать былине широкий эстетический ана-

лиз. Здесь применяются к былине общие эстетические положения, выработанные (на другом материале) проф. Потебней. Большим пробелом книги является отсутствие в ней огромного большинства былинных сюжетов. После ее прочтения читатель, в конце концов, узнает только кое-что о Святогоре, о Микуле Селяниновиче, о Вольге, об Илье Муромце, о Василии Буслаевиче и о Садко. Множество других былин как будто и не существует. — Из общих очерков отметим еще *Н. В. Васильев* «Пронзв. нар. слов». (№ 42).

Среди общих обзоров выделяются обзоры проф. *М. Н. Сперанского* в кн. «Русская устная словесность» (№ 316), и в сборнике «Былины», изданном под его редакцией (№ 315), и обзор *Б. М. Соколова* в сборнике «Былины», изд. «Задруга» (№ 301). Оба автора стоят на высоте современных научных достижений. Оба широко пользуются своей богатой эрудицией, привлекают весьма обширный и разнообразный материал, накопленный наукой за целое столетие вплоть до наших дней. Кроме того, и тот и другой из них известны как самостоятельные и авторитетные исследователи в этой области, и в разных местах внесли ценные результаты собственных изысканий.

Во время печатания этой книги вышел III том «Очерков русской народной словесности» *Вс. Ф. Миллера* (см. № 235). Новостью в печати здесь является «Очерк истории русского былинного эпоса», гл. I—II (с. 3—90), ранее отчасти известный лишь в литографированных студенческих изданиях (см., напр., указ. № 218). *Вс. Ф. Миллер* здесь имел в виду дать обобщающий опыт «построения полного и прочного учения о былевом эпосе». Пользуясь трудами разных исследователей и, главным образом, результатами своих прежних изысканий, автор дает общую картину исторического процесса возникновения и изменения отдельных былинных мотивов и сюжетов. В охват напечатанных двух глав вошли века от XI до XVI. Былинные эпизоды и мотивы рассматриваются в глубоком погружении в соответствующий исторический фон, применительно к тому хронологическому приурочению, какое для автора является наиболее очевидным. Рассмотрены следующие моменты и сюжеты: о Вольге, о змееборчестве Добрыни, о сватовстве невесты для Владимира, о Козарине, о Ставре, об Иване Гостином, об Алеше и

Тугарине, о Чуриле, о Дюке, о Михаиле Потоке, о Дунае, о кн Романе, о царе Калине и Камском побоище, о Даниле Ловчанине, об Илье и Соловье В общей исторической интерпретации каждого из этих моментов конспективно формулируются взгляды, высказанные Вс. Миллером в специальных статьях.

7. Библиография и историография

Указания на литературу о былинах имеются в общих библиографических трудах по русской словесности, этнографии, антропологии и археологии Среди таких трудов наиболее ценным представляется «Библиографический указатель литературы по народной словесности на русском языке», издание Комиссии по народной словесности при Этнографическом Отделении Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии Пока вышло три выпуска. Первый выпуск (Москва, 1913 г.) указывает литературу за 1911 год, второй (М., 1914 г.) — за 1912 год и третий (М., 1915) за 1913 год (см. № 380).

Прекрасным библиографическим пособием служит «Обозрение трудов по славяноведению», сост В Н Бенешевичем, В И Срезневским, М Р Фасмером и А. А Шахматовым, под ред В Н Бенешевича В выпуске 2-м дана литература до 1 января 1913 года (см. № 20).

Отдельные подробные указания имеются у Б Э Петри «Библиография за 1911 г по этнографии, религии, языкознанию и фольклору Книги и журнальные статьи, вышедшие в России» Жив Стар, 1913 (см № 253);— у Д. К. Зеленина «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России 1700—1910» СПб, 1913 (см № 86) Здесь немногие указания, касающиеся былин, имеются в IV отделе книги, в главе о народной музыке (с. 255 и след) Вопреки ожиданиям, в пятый отдел книги, озаглавленный «Народное искусство», литература о народном театре и поэзии не вошла — См еще Л. С Багров «Список библиографических указателей по общей географии и этнографии России» СПб, 1913 (см № 15) В «Живой Старине» (см № 261) напечатана статья Н. Познанского «Обзор русской этнографической лите-

ратуры за 1914 г. Великороссы». Некоторые указания обзора имеют отношение и к былинам

Указания на литературу по былинам даются в соответствующих главах общих курсов по истории русской словесности (отмечаем в хронологическом порядке): *А. С. Архангельский* «К лекциям по истории русской литературы» Программа лекций с указателем источников и пособий (см. № 11); *А. Н. Пыпин* «История русской литературы», (№ 273); «История русской литературы», под ред. *Е. В. Аничкова*, том II «Народная Словесность», главы 9, 10 и библиогр. см. стр. 279—280 (см. № 29); *Вс. Миллер*. Лекции по русской народной словесности. О былинах стр. 63—284 (см. № 218); *В. А. Келтуяла*. «Курс истории русской литературы» (см. № 101), проф. *И. А. Шляпкин* «История русской словесности (Программа университетского курса, с библиографией)» (№ 365); проф. *А. М. Лобода* «Лекции по народной словесности» (№ 130); проф. *И. И. Замотин* «Русская народная словесность» (№ 81), *Н. И. Ефимов* «Народная словесность (программа и конспект)» (№ 74), пр. *А. С. Архангельский* «Введение в историю русской литературы» (№ 14); профессор *М. Н. Сперанский* «Русская устная словесность» Глава Из литературы по устной словесности. II Былина (№ 316, с. 459—461), *Б. М. Соколов* «Былины» (№ 301, с. 228—231 и др.) Кроме того, см. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. V, *И. Лось* «Былины», в «Большой энциклопедии» — ст. *Е. А. Ляцкого* «Былины», в «Новом энциклопедическом словаре», т. VIII, ст. *Вс. Миллера* «Былины», в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона, т. IV, ст. *И. Лось* «Богатыри», в «Новом энцикл. слов.», т. VII, ст. *Н. Коробки* «Богатыри», в Энцикл. сл. «Гранат» ст. *А. Маркова* «Богатыри» и «Былины» /т. VI, т. VII/.

История собирания и изучения былин до 1896 года представлена в кн. *А. М. Лободы* «Русский богатырский эпос» (№ 122), автор дает критико-библиографический обзор изучения былин с самых первых моментов пробуждения интереса к ним и до времени появления его книги (1896 г.) Несколько лет более позднего времени (1900—1912) охвачены небольшим библиографическим очерком *В. В. Буша* (№ 37).

По историографии былин имеют значение, кроме книги *А. М. Лободы* (№ 122), прежде всего общие ис-

ториографические обзоры по народной словесности Они в том или ином виде существуют в каждом общем курсе истории русской литературы Здесь мы отметим только наиболее значительные обзоры — *П. В. Владимиров* «Введение в историю русской словесности» (см № 52), *А. С. Архангельский* «Введение в историю русской литературы» т I, П, 1916 (см № 14) — *М. Н. Сперанский* См его обе книги (см №№ 315 и 316) — *Б. М. Соколов* «Былины» (см № 301) — *Н. В. Васильев* «Произведения народной словесности и их собрание в России» М, 1914 (см № 42) — *Н. Трубицын* «О народной поэзии в обществ и литер обиходе первой трети XIX в» (см. № 326)

Далее отметим литературу, касающуюся отдельных моментов истории изучения былин *С. Абакумов* «Об отношении Державина к народной поэзии» (см № 1; есть об отношении Державина к былинам), *О. Кириш Данилове* см ст *П. Н. Шеффера* (№ 359, предисловие), ст проф *М. Н. Сперанского* (№ 312), ст *Вс. Миллера* в Нов. Энц. Слов., XV (№ 232), о *Полевом* как собирателе былин — статья *В. Каллаша* «Одна из ранних записей былин» (см № 94), — о *Рыбникове* — его биографию и письма см в новом издании его сборника, под редакц. *А. Е. Грузинского* (№ 280), о *Гильфердинге* — ст *А. Л. Погодина*, Энц. Словарь «Гранат», XIV и статью о нем же в Новом Энциклоп. Слов. (т XIII), — о *Киреевских* — кн *В. Ляковского* «Братья Киреевские» (см № 133), *М. Гершензон* «Образы прошлого» (см № 60 о Киреевском, стр. 115—117), *М. Гершензон* «П. В. Киреевский. Биографический очерк» (см № 59); *М. Н. Сперанский* «П. В. Киреевский и его собрание песен» (см № 313), *Б. М. Соколов* «Собиратели народной песни» (см № 304), — *О. К. Аксаков* — *Н. М. Петровский* Библиографические мелочи XI К истории книги *К. С. Аксакова* «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (см № 256, есть об отнош. Аксакова к былинам), о *Белинском* — Собрание сочинений Белинского, под ред. *С. Венгерова*, т VI (см № 18, об отношении Белинского к былинам см его статью о «Древних Российских Стихотворениях, собр. Киришю Даниловым», и примечания к ней редактора), о *Ф. И. Буслаеве* *Д. Д. Языков* «Библиографический указатель трудов Ф. И. Буслаева» Отч. Моск. Универс. за 1897 г., *А. И. Кирпичников* «Ф. И. Буслаев» Критико-биографич. словарь, V (см

№ 101а) *С А Венгеров* Источн словаря русских писателей, 1, 1900 (№ 45), *С К Булич* «Буслаев Ф И — Нов энц слов Бр и Эфр (см № 34а), *П Н Сакулин*, «В поисках научной методологии Буслаев» (см № 283а), *А Н Веселовском* «Указатель к навчн трудам А Н Веселовского, 1859—1895», изд 2, П 1896 *П К Симоны* «К LX-летию учено-литерат деятельн А Н Веселовского» П 1906 (см 284а) Перепеч с дополн и попр в кн «Памяти акад А Н Веселовского по случаю десятилетия со дня его смерти» Изд Ак Наук П 1921 (см № 3876), *Ф А Браун* «А Н Веселовский Некролог» (см № 30а), *Д К Петров* «А Н Веселовский и его историч поэтика» (см № 254) *Н Н Трубцын* «А Н Веселовский» (см № 325а) *Е В Аничков* «Истор поэтика А Н Веселовского» (см № 9а) *С В Венгеров* «Источники слов русск пис», т I, П, 1900, *Б М Энгельгардт* «А Н Веселовский» (367а) — о *Н С Тихонравове* *А Г Руднев* «Ак С Тихонравов и его труды по изучению памятников древнерусской литературы» (см № 279), *П Н Сакулин* «В поисках научной методологии Н С Тихонравов» (см № 283а), — о *Мельникове (Печерском)* *А В Марков*, «Мельников (Печерский) как собиратель былин» (см № 171)

Откликом на кончину *Вс Ф Миллера* в 1913 году явился целый ряд статей о нем ак *А А Шахматов* «В Ф Миллер» (см № 353), проф *М Н Сперанский* «В Ф Миллер» (№ 314), *Б М Соколов* «Ак Вс Ф Миллер, как исследователь русского эпоса» (№ 298), *Е Н Елеонская* «В Ф Миллер» (см № 72); весь выпуск «Этнографич Обозрения» № 3—4, 1913 г посвящен памяти В Ф Миллера и заполнен статьями и воспоминаниями о нем *В В Богданов* «Всеволод Федорович Миллер, Краткий очерк его жизни» С портретом и библиографией, стр I—XLII, *Гр Уварова* «В Ф Миллер, как исследователь Кавказа», стр 1—10, *М М Ковалевский* «Памяти В Ф Миллера», с 11—20, *В В Богданов* «В Ф Миллер как председатель Этнографического Отдела», с 21—54, *А Н Максимов* «Научные методы В Ф Миллера», с 35—46, *В А Гордлевский* «Памяти В Ф Миллера Силуэт», с 47—49, *Н В Васильев* «В Ф Миллер как исследователь народной словесности» Кроме того, здесь перепечатан ряд статей, посвященных памяти В Ф Миллера (статьи *Д Н Анучина*, *А А Шахматова*, *М М Ковалев-*

ского, Н. Ф. Сумцова, П. А. Кулаковского, А. Н. Максимова, В. В. Богданова — см. соответствующие фамилии в указателе). — Из литературы о В. Ф. Миллере по полноте и обстоятельности выделяется статья А. В. Маркова «Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности» (см. № 175). А. В. Марков последовательно излагает развитие взглядов В. Ф. Миллера и сопровождает изложение собственными критическими замечаниями, подчас его критика очень сурова. Особенно обильны его поправки при обзоре статей В. Ф. Миллера, помещенных во втором томе его «Очерков», и тех, которые появились в разных изданиях после 1910 года (год издания II тома «Очерков»).

В заключение обзора трудов В. Ф. Миллера по былинам А. В. Марков указывает в его исследованиях «те прочные результаты, к которым они приводят науку и которые заставляют видеть в лице его одного из важнейших руководителей в исследовании русского былевого эпоса» (с. 328—329). Таковыми он считает: 1) указание В. Ф. Миллера на непосредственную связь между наличным запасом былинных записей XVIII и XIX вв с былинной традицией в старой Новгородской земле; 2) указание на профессионально певческую группу, из которой являлись слагатели и исполнители былин до начала XVIII века; 3) указание на длительность процесса сложения и переработки былин (начиная с XI в. и кончая XVIII ст.) и на трудность их изучения через истолкование всех вариантов; 4) указание на особую роль XVI века в сложении и переработке былин; 5) указание на сложение некоторых былин «Киевского цикла» в Новгородской области.

Еще о Вс. Миллере см. Отчет отд. р. яз. и сл. Ак. Н. за 1911, приложение, с. 3—11: «Список трудов орд. акад. В. Ф. Миллера» (Список трудов В. Миллера имеется еще при указанном выше очерке М. Н. Сперанского — см. № 314; ср. № 22, очерк В. В. Богданова); и еще статья в Новом Энцикл. словаре, т. XXVI «В. Ф. Миллер».

Историографический материал к былинам см. еще в «Словаре членов Общества Любителей Российской Словесности при Московском Университете» (№ 397); здесь даны краткие биографии и библиогр. трудов А. В. Маркова, Н. М. Мендельсона, Н. А. Янчука и др.); в «Русском биографическом Словаре» (см. № 396; име-

ется о Гильфердинге и др.); в «Материалах для биографического Словаря действительных членов Академии Наук» Ч. I. А — Л. П. 1915 г., ч. II. М — Я. Петр, 1917 г. (см. 383); имеются краткие автобиографические и биографические очерки со списками научных трудов Бестужева-Рюмина (с. 37), Ф. И. Буслаева (с. 78), А. Н. Веселовского (с. 156), Н. П. Дашкевича (с. 263), И. Н. Жданова (с. 291), Ф. Е. Корша (с. 346), Л. М. Майкова (II том, с. 1), Вс. Ф. Миллера (с. 34), А. Н. Пыпина (с. 72), И. В. Ягича (с. 251); в «Источниках словаря русских писателей», проф. С. А. Венгерова, соответствующие томы; в последнем IV томе, вышедшем в 1917 году, дана библиография трудов Ореста Миллера (с. 305—307) и Вс. Миллера (с. 301—302); библиография доведена до 1900 г. — Укажем еще к историографии: о Г. Н. Потанине — статья В. А. Гордлевского. «Г. Н. Потанин как народословесник». (см. № 64), С. Ольденбург. «Не довольно» (см. № 244а): о митрополите Макарии — ст. «Олонекская былина и митрополит Макарий» (№ 387а).

8. Алфавитный указатель к «Обзору» *

1. Абакумов С. Об отношении Державина к народной поэзии. (К вопросу о развитии идей народности в конце XVIII — начале XIX в.) Вестник Образования и Воспитания. 1916, № 5—6, с. 367—381. (Есть об отношении Д. к былинам) ¹.

* Алфавитный указатель печатается в том виде, как его составил автор. Далее сноски автора — ред.

¹ В начале нашей работы по изучению былин проф. Н. К. Пиксановым было любезно предоставлено нам имевшееся у него к тому времени собрание карточек по библиографии былин. Время от времени его компетентные указания продолжались и впоследствии. Все номера, входившие в состав собрания проф. Н. К. Пиксанова или лично указанные им, отмечены в настоящем указателе знаком (П).

Кроме того, наша библиографическая работа была облегчена обзором В. В. Буша за годы с 1900 по 1912-й («Среди новых исследований былин. Библиографические наброски 1910—1912»). Номера, вошедшие в обзор В. В. Буша, мы сочли своею обязанностью тоже выделить особым знаком (Б).

Из литературы, появившейся в печати до 1896 г., регистрируется в этом указателе только то, что случайно не было охвачено обзором А. М. Лободы.

2 Абиxт Р (Rudolf Abicht) Die russische Heldensage (год не указан) (Б).

3 Абрамович Д И Рец на «Юбилейный сборник в честь Вс Ф Миллера, изданный его учениками и почитателями» М, 1900 Ж М Н П, 1900, № 12, с 440—444

4 Александров А Песни, записанные в Енисейском округе Ж, ст 1897, вып 1, с 101—105

5 Александров Н О Добрыне Никитиче Богатырская песня XI ст Спб, 1911 (П) 3 с с нот

6 Александровский Г Критико-библиографический обзор трудов по русскому богатырскому эпосу Ревель 1898 (изд «Гимназия»)

7 Андерсон В Н Роман Апулея и народная сказка Т I Казань, 1914, 652 с (Имеется обозрение вариантов былины «Добрыня и Маринка») Рец см № 389.

8 Аничков Е В Из прошлого калик перехожих Ж Ст, 1913, № 1—2, с 185—200 (П)

9 — Язычество² и древняя Русь Спб, 1914, гл 7—9 (О скоморохах, певцах, сказителях)

9а — «Историческая поэтика» А Н Веселовского Вопр теории и психол творч Т I Изд 2 Харьков, 1911, с 84—139

10 Анучин Д Н Памяти В Ф Миллера Русск Вед, 1913, № 257 (7 ноября) Перепечатано в Этн Об, 1913, № 3—4, с 124—128

11 Архангельский А С Из лекций по истории русской литературы Программа лекций с указателем источников и пособий Казань, 1898 (Дана библиография былин) (П)

12 — Всеволод Миллер Очерки русской народной словесности Былины I—XVI (см № 196) Изв О Р Я С, 1898, т III кн 4, с 905—923 и отдельно (П)

13 — Два слова о слове «былина» Изв О Р Я С, 1898, т III, кн 4, с 1331—1332. (П).

Укажем здесь главнейшие допускаемые нами сокращения в обозначении журналов Ж Ст — Живая старина, Ж М Н П — Журнал Министерства Народного Просвещения, И О Р Я и Сл — Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук, Р Ф В — Русский Филологический Вестник, Этн Об — Этнографическое обозрение

² Тире здесь и далее обозначает повторение фамилии автора — ред

14 — Введение в историю русской литературы Т. I, П., 1916. (О былинах с. 438—690).

15 Багров Л. С. Список библиографических указателей по общей географии и этнографии России. Спб., 1913. 16 с.

16 Баранов Ф. Н. (Собрал и положил на ноты) Песни оренбургских казаков с напевами В 3-х выпусках. Вышли 2 выпуска Оренбург, 1913.

17 Белецкий Л. К. К литературной истории Повести о Меркурии Смоленском Ж. М. Н. П., 1914, № 12, с. 355—370. (По поводу ст. Миудалева, см. № 237).

18 Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Под ред. С. А. Венгера. Т. VI (См. ст. Белинского о Древних Российских Стихотвор., собр. Киришей Даниловым, и примечания к ней редактора) (Б).

19 Белорецкий Г. «Сказитель» — гусли в Уральском крае. Русское Богатство, 1902, № 11, с. 33—35. (П).

20 Бенешевич В. Н. (Редактор) Обзорение трудов по славяноведению, сост. А. Л. Бемом, В. Н. Бенешевичем, В. И. Срезневским, М. Р. Фасмером и А. А. Шахматовым. Вып. II (до 1-го янв. 1913 г.). Содерж.: 1) Языкознание, 2) Русск. лит., ист. и древн. Спб. 1913, с. 146—472. Печаталось в Изв. О. Р. Я. и Сл. с 1909 года.

21 Бицилли П. Новгородское сказание о IV крестовом походе. Ист. Известия, 1916, № 3—4 (О Леденце-Веденце) (П).

22 Богданов В. В. В. Ф. Миллер. Краткий очерк его жизни, с портретом и библиографией. Этн. об., 1913, № 3—4, с. I—XLII (П).

23 — Миллер как председатель Этнографического отдела. Этн. Об., 1913, № 3—4 (кн. ХСУШ—ХСІХ), с. 21—34.

24 — Из воспоминаний о В. Ф. Миллере. Этн. Об., 1913, № 3—4 (кн. ХСУШ—ХСІХ), с. 154—157.

25 Богораз В. Г. Колымское русское областное наречие. Сб. II. Отд. О. Р. Я. С., 1901, т. 68, № 4 (Есть тексты). Его записи былин см. № 200 (П).

26 Богословский Б. А. См. № 149.

27. Бодуэн-де-Куртенэ-Фасмер И. А. Камень Латырь и город Алатырь. Изв. О. Р. Я. и Сл., 1914, т. XIX, кн. 2, с. 90—107 (П).

28. Болдырев Д. Рец. на кн. Сперанского «Былины». См. № 315. Русская Мысль, 1917, № 7—8, с. 1—3.

29. Бороздин А. К. Русская народная словесность и древняя русская письменность. (Очерки по истории русской литературы). СПб., 1913. 268 с.

30.—Былины. См. История русской литературы под ред. Е. В. Аничкова. Изд. Сытина. Т. II. М., 1908. Гл. 9 и 10, с. 221—281

30а. Браун Ф. А. А. Н. Веселовский (1838—1906). (Некролог). Ж. М. Н. П., 1907, № 4, с. 74—78.

31. Брянчанинов А. Старины и былины Печорского края (в стихах). Харьков. 1911. 155 с. Рец. Ив. К. Изв. Арханг. Общ. изучения Русского Севера, 1911, № 23, с. 903—904. (П), (Б).

32. Будде Е. Рец. на сб. Кирши Данилова, изд. Публичной библиотеки (см. № 359). Ж. М. Н. П., 1902, № 4, с. 502—521. (Б).

33.—Отзыв о сочинении студ. С. И. Абакумова на тему «Богатырское слово» в списке Барсова и Буслаева и его влияние на научную теорию объяснения былинных сюжетов». Уч. Зап. Каз. Унив., 1911, кн. 11, с. 3—5. (П).

34.—Отзыв о сочинении на ту же тему студ. Портнова. Там же, с. 5—8. (П).

34-а. Булич С. К., Буслаев Ф. И. Нов. Энц. сл. изд. Ф. И. Брокгауза и А. И. Эфрона, т. 8, 1912.

35. Бурцев А. Е. Сборник материалов по этнографии. СПб., 1913. (Есть сказка Илья Муромец, записанная Шустиковым, с. 175—187).

36. Буслаев Ф. И. Сочинения. Т. I. СПб., 1908; Т. II, СПб., 1910; Изд. Отд. Р. Я. С.

37. Буш В. В. Среди новых исследований былин (1900—1912). Р. Ф. В., 1913, № 3, с. 144—150. Отдельно: Варшава, 1913, с. 1—25. (П).

38. Васильев Л. Язык «Беломорских былин». Изв. О. Р. Я. С., 1902, т. VII, кн. 4, с. 1—42. (П), (Б).

39. Васильев Н. В. Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах. Изв. О. Р. Я. С., 1907, т. XII, кн. 2, с. 170—196. (П), (Б).

40.—Указатель к «Онежским былинам» Гильфердинга. Сб. О. Р. Я. С., 1909, т. LXI, вып. 2.

41.—В. Ф. Миллер как исследователь народной словесности. Этн. Об., 1913, кн. 108—109, № 3—4, с. 70—87.

42. — Произведения народной словесности и их соби-
рание в России. М., 1914. Лекции, прочитан. на Моск.
Педаг. Курсах.

43. — Рец. на сб. В. Миллера «Исторические песни».
(См. № 234). Этн. Об., 1915 (кн. CV—CVI), № 1—2,
с. 147—149.

44. Вейсберг П. И. Русские народные песни об
Иване Васильевиче Грозном. Изд. 2. СПб., 1908. 206 с.

45. Венгеров С. А. Источники словаря русских
писателей. I. СПб., 1900. О Буслаеве, о Веселовском;
Т. IV. СПб., 1917. В. Миллер. (Библиография его тру-
дов до 1900 г.) Ор. Миллер (То же). (П).

46. Веселовский А. Н. Шведская баллада об
увозе Соломоновой жены. Изв. О. Р. Я. С., 1896, т. I, кн. I,
с. 66—80.

47. — Былины о Потоке и о сорока каликах со кали-
кою. Ж. М. Н. П., 1905, № 4, с. 303—313.

48. — Русские и вильтины в саге о Тидреке Берн-
ском (Веронском). Изв. О. Р. Я. С., 1906, т. XI, кн. 3,
с. 1—90. (Б).

49. — Собрание сочинений. Т. I. Под ред. Ф. Батюш-
кова. Историческая поэтика, эпитет, эпические повто-
рения, психологический параллелизм. Т. II. СПб., 1913.
В. I. Поэтика сюжетов.

50. Виноградов Н. Рец. на сб. Шайжина (см.
№ 344). Изв. О. Р. Я. С., 1906, т. IX, кн. 4, с. 406—408.
(П.), (Б).

51. В—в Н. Рец. на сб. Шайжина (см. № 344). Ж.
Ст., 1906, вып. IV, с. 61.

52. Владимирцов П. В. Введение в историю рус-
ской словесности. Киев, 1896.

53. Водарский В. А. Символика великорусских
народных песен. (Материалы). Р. Ф. В., 1914, № I, с. 1—
25.

54. Волков Н. Особенности языка олонекских бы-
лин, сказанных И. Т. Рябининым. Ж. Ст., 1893, в. I,
с. 128—133. (П), (Б).

55. Вологодский П. Былина «Царь Борис Ми-
хайлович и царица Марья Юрьевна». Записки Уральск.
Общ. Люб. Ест., т. I, вып. I. Текст былины перепеча-
тан, см. № 344.

56. Вольтер Э. А. Что такое Линданиса. Изв.
О. Р. Я. С., 1900, т. V, кн. 4, с. 1326—1331.

57.— Материалы для сводного списка периодических

изданий по этнографии, антропологии, фольклору и археологии в Петроградских библиотеках. Ж. Ст., 1913, № 3—4, с. 409—471.

58. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. I. Харьков, 1916, 376 с.

59. Гершензон М. О. П. В. Киреевский. Биография. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Под ред. акад. В. Ф. Миллера и проф. М. Н. Сперанского. Вып. I. М., 1911, с. XLII—LXXIII.

60.—Образы прошлого. М., 1912 (с. 85—147 о Киреевском, с. 115—117: к ист. собир. нар. песен).

61. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. Т. I. Сб. Отд. Р. Я. и Сл. Ак. Н.; Т. LIX. СПб., 1894; Т. II. Там же; Т. LX. СПб., 1896; Т. III Там же; Т. LXI. СПб., 1900.

62. Голубинцев Н. Н. Песни донских казаков (с музык. мотив). 1911.

63. Гордлевский В. А. Памяти В. Ф. Миллера. Силуэт. Этн. Об., 1913, № 3—4 (XCV), с. 47—49.

64.—Г. Н. Потанин как народословесник. Этн. Об., 1915, № 3—4, с. 68—76.

65. Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. Т. I. М., 1904; Т. III. Изд. Ак. Н. СПб., 1906. Рец. см. №№ 127, 179. (Б).

66. Гринченко Н. Литература украинского фольклора. 1777—1900. Опыт библиографического указателя. Чернигов. 1901. 317 с. (П).

67. Данилов В. В. Отзвук былины о змееборстве Добрыни Никитича в украинском фольклоре. Киевск. Стар., 1905, № 9, с. 104—105. (П).

68. Дашкевич Н. П. Центральные герои русского былевого эпоса (кн. Владимир и Илья) в древне-северной саге. Чтения в Ист. Общ. Нестора Летописца, кн. 14, вып. III. Киев, 1900. Отд. I, с. 73—75.

69.—Олексий Попович, думы про «бурю на Черному морі». Сборник в честь Антоновича. 1905 (Имеется об отношении их к былинам об Алеше Поповиче). (П).

70. Добровольский Л. Михайло и золоти ворота. Записки Українського Наукового Товариства в Києві. 1913, XI, с. 25—52.

71. Догадин А. А. Былины и песни астраханских казаков. Астрахань, 1911—1913. (П), (Б).

72 Елеонская Е Н В Ф Миллер (1848—1913) (Некролог) Ж М Н П, 1914, № 2 (П)

73 Ерофеев Ив Украиньски думи і їх редакцій Записки Украинського Наукового Товариства в Києві 1910 VII

74 Ефимов Н И Народная словесность Программа и конспект лекций, читанных на Юрев высш жен курсах в 1914—1915 гг Юрьев, 1915 40 с

75 Жаков К Ф О методах изучения северного народного эпоса Доклад в собрании Архангельского О-ва изучения русского севера Сев Утро, 1911, № 56, Арх губ вед, 1911, № 182, Архангельск, 1911, № 189, о докладе см Арх губ вед, 1911, № 181

76 Жданов И Н Повесть о королевиче Валтасаре и былины о Самсоне Святогоре I—II Ж М Н П, 1901, № 5, с 1—24 (не кончено)

77 — Разбор сочинения И П Созоновича «К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию» Отчет XLII нагр гр Уварова Зап Ак Н по истор-филол отделению Сер 8 1902, 2 Отдельно СПб, 1902

78 — Сочинения Т I СПб, 1904 (П)

79 Железновы Александр и Владимир Песни уральских казаков СПб, 1899 (С напевами и форт сопроводж)

80 Жирмунский В М Рифма, ее история и теория Изд «Academia» Петербург, 1923 Глава «Рифма в былине», с 263—296

81 Замотин И И Русская народная словесность Лекции, читанные в Варшавском унив в 1913—14 году Ростов н/Д

82 Зачиняев А И Об эпических преданиях Орловской, Курской и Воронежской губ Изв О Р Я С, 1906, т XI кн I, с 147—171 (П) (Б)

83 — Об эпических приемах былины «Взята Казань» Ж Ст, 1906, № 3—4, с 255—276 (Б)

85 Зеленин Д К Воронежская былина о богатыре Мишуте Даниловиче «Памяти кн Воронежск губ на 1907 г», с 64—71 Воронеж, 1906 (П) Перепечатано, см № 215

86 — Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России 1700—1910 СПб, 1913 XXXIX, 3—733, Записки Русск Географ Об щ по Отд Этнографии Т XL, вып I Рец см № 258 (П)

87 Иловайский Д. И. Богатырь — казак Илья Муромец как историческое лицо. Собр. соч. Т. II. М. 1897 (Перепечатаны статьи из «Русск. Архива», 1893, № 5, с. 33—58) (П)

88 Ильинский Г. А. Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. Изв. О. Р. Я. С., 1900, т. IV, кн. 2, с. 718—721.

89 Истомин Ф. М., Ляпунов С. М. Песни русского народа, собранные в Вологодской, Вятской и Костромской губ. в 1893 г. Спб., 1899

90 Истрин В. М. Сказание об индийском царстве Древности. Труды Славянской Комиссии Моск. Археол. Общ. Т. I. М., 1895, с. 1—75 (К был о Дюке)

91 К. А. Былина «О Василисте Микуличне». Изв. Арх. Общ. изучения Русского Севера, 1911, № 7, с. 572—577

92 Кагаров Е. Г. Мифологические очерки. Харьков, 1913. То же напечатано в «Вопросах теории и псих. творчества» (Т. V Харьков, 1914, с. 293—371) под заглавием «Очерк современного состояния мифологической науки» «Материальная сторона мифа. Формальная сторона мифа, формы мифотворческого процесса» (Иллюстрации былинным творчеством)

93 — Мифологические заметки. Бог. Вестник 1913, № 6—7, с. 533—563

94 Каллаш В. Одна из ранних записей былин. Этн. Об., 1900, кн. 44, № 1, с. 156—159 (Б).

95 Каманин Ив. Українські богатири козацької доби. Зап. Укр. Наук. Тов., 1913, № 11, с. 53—72.

96 Карпинский М. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXVII. Тифлис, 1900. Гребенские казаки и их песни (Помещенные здесь тексты былин перепечатаны в сб. «Былины новой и недавней записи» См. № 215) (П)

97 Карский Е. Ф. Рец. на изд. сб. Кирши Данилова (см. № 359). Р. Ф. В., 1901, № 3—4, с. 299—301. (Б)

98 — Два новых сборника белорусских сказок. Ж. М. Н. П., 1902, № 9—10, с. 410 (П) (Редкий отголосок былин об Илье Муромце у белорусов) Ср. «Белорусы» Т. III М., 1916, с. 485 и сл.

99 — Отзвук богатырского эпоса в белорусской народной поэзии. Сборник в честь Ягича, 1908 (П), (Б)

100 — Белорусы Т III Очерки словесности Белорусского племени I Народная поэзия М., 1916 — См главу «Следы богатырского эпоса», с 485—495

101 Келтуяла В. А Курс истории русской литературы Ч I, кн 1 СПб., 1906 То же ч I, кн 2 1908 (О былинах см с 114—164)

101-а Кирпичников А. И Ф И Буслаев С В Венгеров Критикобиографический словарь русских писат и ученых Т V Спб., 1897, с 291—328

102 Кирша Данилов См № 359

103 Ковалевский М М Памяти В Ф Миллера Этн. Об., 1913, № 3—4 (кн ХСVIII—ХСIX), с 11—20.

104 — В Ф Миллер Речь, 1913, 6 ноября Перепечатано в Этн об., 1913, № 3—4

105 Коробка Н И Сказания об урочищах Овручского у и былины о Вольге Святославиче Изв О Р Я С., 1909, т XIII, кн 1, с 292—328 (П), (Б)

106 — «Камень на море» и камень алатырь Ж Ст., 1908, № 4, с 409—426 (П)

107 — Богатыри Нов Энц Слов изд Ф А Брокгауза и И Я Эфрона Т VII Спб 1912 (П)

108 Корш Ф Е, акад О русском народном стихосложении В I Былины Сб II Отд А Н Т IХVII, № 8, 1901, с 1—121, Изв О Р Я С., 1896, т I, кн 1, с 1—45, 1897, т II, кн 2, с 429—504 (П)

109 — Памяти В Ф Миллера Утро России, 1913, № 262

110 — Косвинцев Е Н Былины, записанные в Пермской губ I Буян богатырь II Чурила Пленкович III Дюк Степанович Этн Об., 1899 № 4 (кн XLIII), с 89—94 Перепечатано, см № 215, см № 158

111 Крохин В П Откуда ведет начало наша былина о Садке — богатом госте Русск Старина, 1908, № 12, с 743—754

112 Крылов С Д Библиографический обзор русского былевого эпоса Русск Обзор., 1894, № 8, с 869—878 (По поводу об был Тихонравова и Миллера)

113 Крымский А В В Ф Миллер (Некролог) Гол Мин., 1913, № 12, с 210—323 (П)

114 Кулагин Н Памяти В Ф Миллера Русск Вед., 1913, 8 ноября (№ 258) Перепечатано в Этн Об., 1913, № 3—4, с 148

115 Кулаковский П А Памяти акад Вс Ф

Миллера. Нов. Вр., 1913, 26 ноября (№ 17546). Перепечатано в Этн. Об., 1913, № 3—4, с. 139—147.

116. Kuusik T. Sadko ja Buslajew Nowgorodi kangelased. Piltidego Kaunistatud muinasludu lastele. Ревель, 1912, 32 с.

117. Лесков А. Женитьба Соловья Будимировича, Василий Буслаевич, с. 123—129. Ж. Ст., 1906, № III, отд. II (Тексты былины перепечатаны, см. № 215).

118. Линева Е. Великорусские песни в народной гармонизации. Записаны Е. Линевой. Изд. Имп. А. Н. Тексты под ред. ак. Ф. Е. Корша. Вып. II. Песни Новгородские, Спб., 1909.

119. Листопадов А. (О пении былины на Дону). Донская Речь, 1902, № 198.

120.— Донская казачья песня: Донская Речь, 1907, № 198.

121.— Песни донских казаков, собранные в 1902—1903 гг. А. М. Листопадовым и С. Я. Арефиным. Вып. I. Обработан для печати А. М. Листопадовым. Изд. Войска Донского. Нотопечатня П. Юргенсона. М., 1911. 152 с.

122. Лобода А. М. Русский богатырский эпос. (Опыт критико-библиографического обзора трудов по русскому богатырскому эпосу). Киев, 1896. 237 с. (Первоначально в Унив. Изв. 1896, г.). (П).

123.— Былины про Илью Муромца. Пробная лекция. Киев, Унив. изв., 1898, № 10, с. 1—17.

124.— Песня о Соловье Разбойнике, слышанная в Васильковском уезде Киевской губ. Чтения в Историч. Общ. Нестора Летописца, 1900, Кн. XIV, вып. III, отд. V, с. 25—38.

125.— Современные методы изучения былин. Чтения в Историч. Общ. Нестора Летописца, 1901, 10 дек. Сокращ. изложение в протоколах — Чтения в Историч. Общ. Нест. Летоп., кн. 15, вып. I. Киев, 1901, с. 24—26. (Напечатано впоследствии, см. № 128, гл. 1).

126. Сноска не заполнена автором (*ред.*).

127.— Новейшие записи былин. (По поводу сборников Ончукова и Григорьева). Ж. М. Н. П., 1905. № 9, с. 161—179. См. № 65, 248. (Б).

128.— Русские былины о сватовстве (диссертация). Киев, 1904. 293 с. Рец. см. № 250, 325. (П), (Б).

129.— По поводу рецензии Н. Н. Трубицына. «Пересмотр русских былин о сватовстве». Ж. М. Н. П., 1905, № 12, с. 435—439.

130 — Лекции по народной словесности Изд студен-
тов ист филол фак-та Унив Св Владимира На пра-
вах рукописи Киев, (1909) 119 с

(О былинах, с 71—103) То же в изд 1912 и 1914 (П).

131 Лопарев Х Новейшая литература о Св Ге-
оргии Победоносце Византийский Временник 1913,
т 20, вып I, с 33—42 (О работах Крумбаха, Ауфгау-
зера, Рыстенко, Голста (Hulst) Работу Рыстенко см
№ 281

132 Лось И Былины Энц Слов Бр и Эфр Спб,
1891, т VII, с 147—157, Богатыри Там же, т IV (П),
Василий Буслаев Там же, т X, с 603—604

133 Лясковский В Братья Киреевские Жизнь
и труды их Изд Общ Ревн Русск Ист Просв Вып
III Спб, 1899 99 с

134 Ляцкий Е А Восточные мотивы в средневе-
ковом европейском эпосе (Исследование Г Потанина
Изд геогр отд Общ люб естеств М 1899) Русское
Богатство, 1899, № 5, с 42—57 (см № 265)

135 — Поездка на Печору Из путевых заметок I—
VII Вестн Евр, 1904, кн II, с 236—286, Окончание
Вестн Евр, 1904, кн 12, с 683—727

136 — Былины Больш Энцикл словарь

137 — Сказители Энц сл изд Ф И Брокгауза и
А И Эфрона Спб, 1900, т 59, с 161—162

138 Лященко А И Былина о Соловье Будимпро-
виче и сага о Гаральде Sertum bibliologicum в честь
проф А И Малеина Пб, 1922, с 94—136

139 Machal J Nove vyklady ruskych Bylin Casopis
pro moderni filologii 1913, № 3, 97—102, 210—215

140 Макаренко А Сибирский Народный кален-
дарь в этнографическом отношении Восточная Сибирь
Енисейская губерния Зап Русск Геогр Об-а по Отд
этногр т XXXVI Спб, 1913, 293 с (П)

141 Максимов А Н Научные методы В Ф Мил-
лера в этнографии Этн Об, 1913, № 3—4 (кн XCVIII—
XCIX), с 35—46

142 — В Ф Миллер Этн Сб, 1913, № 3—4 (кн
XCVIII—XCIX) с 149—153

143 Максимов А Отзыв о книге Г Н Потанина
«Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе»
Этн Об, 1899, № 3 (кн XLII), с 188—189

144 Малинин М Песня про князя Владимира

Киевского Ж Ст, 1906, вып I, отд II, с 1—4 Текст былин перепечатан (см № 215)

145 Мандельштам И С Садко Вейнемейнен Заметка по поводу «Очерков народной словесности» Вс Миллера Ж М Н П 1898, № 2, с 328—338 (П)

146 Мансикка В П Алеша Попович и Иван Годинович в Финляндии Этн Об, 1907, № 3 (Кн LXXIV), с 28—41 (П), (Б)

147 Märetic T Die typischen Zahlen in der russischen Volksepik Arsh f Н Philof 1913 (Б)

148 Марков А В, Григорьев А Д Былинная традиция на Белом море (Из отчетов о поездках А В Маркова и А Д Григорьева) Изв О Р Я С Ак Н, 1900, т V, кн 2, с 641—647—653 и отд с 1—13 1 На зимнем берегу А Марков (с 641) 2 На Поморье А Григорьев (с 648) (П), (Б)

149 Марков А В, Маслов А Л, Богословский Б А Матернацы, собранные в Архангельской губ летом 1901 года Часть I Зимний берег Белого моря I Духовные стихи II Былины и исторические песни III Причитания М 1906 144 с Часть II Терский берег Белого моря Духовные стихи Былины и исторические песни Лирические песни и причитания М, 1911 116 с (см Труды Муз-Этн Комиссии, т I, с 11—158, былины и ист песни — всего № 6—41, из них № 22—41 перепечатаны из «Беломорских былин», см там же, т II, с 43—101, былины и истор песни — № 22—58)

150 Марков А В Беломорские былины, записанные А В Марковым С предисловием проф В Ф Миллера М, 1901, с XIII—618 Из оглавления Предислов проф В Ф Миллера, с VII От собирателя — с XV Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря — с 1. Список сказителей — с 23 Роспись дней записи — с 25 Нижняя Зимняя Золотица (тексты) — с 27—472 Верхняя Зимняя Золотица (тексты) — с 473—564 Словарь местных и старинных слов — с 565 Указатели — 579—610 Список былин по содержанию, с указанием параллелей — с 611 Напевы былины — с 618 (П), (Б)

151 — Бытовые черты русских былин Оттиск из «Этн об», кн 58—59 М 1904 Содержание Введение, с 1 I. Время и место сложения былин — с 2 II Экономический быт — с 10 III — Общественный быт — с 38 IV Семейный быт — с 71 V — Религиозный быт — с 75. Заключение — с 96

152 — Из истории русского былевого эпоса Вып I (Оттиск из LXI и LXII кн Этн Об, 1905 г) Содержание Предисл о задачах изуч былины — с 1 I Один из источников былины о сорока каликах со каликою — с. 2—6 II Историческая основа былины о князе Романе и литовских королевичах — с 6—30 III К былине о князе Глебе Володьевиче — с 30—66 Вып II (Оттиск из LXVII и LXX—LXXI кн Этн Об, 1907) Содержание IV Добрыня-змейборец Взаимоотношение различных версий былины — с 1—53 V Добрыня-змейборец Происхождение былины — с 54—92 (П), (Б)

153 — Рец на кн М Е Соколова «Былины, исторический, воечные, разбойничьи и героические песни, записанные в Саратовской губ» Этн. Об, 1899, № 1—2 (кн. XL—XLI), с 362—365

154 — Рец на кн Ончукова «Новые былины Из записей на Печоре» (см № 247) Этн об, 1904, № 1, с 138—140

155 — Рец на кн Ончукова «Печорские былины» (см № 248) Этн об, 1904, № 2, с 195—197

156 — Рец на ст Халанского «Материалы и заметки по истории древнерусского героического эпоса 1 Сказание о взятии в кн Ольгой Царя-града 2 Плач в кн Юрия Всеволодовича» Этн об, 1904, № 3 (кн LXII), с 97—98

157 — Рец на кн «Песни русского народа» записи Истомина и Ляпунова Этн об, 1899 № 3, с 185—188

158 — Былины, записанные Е Н Косвинцевым Этн Об, 1899, № 4 (кн XLIII) (см № 110)

159 — Беломорская былина о походе новгородцев в Югру в XIV в «Камское побоище» Труды Этногр Отд Общ Люб Ест Антроп и Этн т XIV М, 1900 Юбилейный сборник в честь Вс Миллера, с 150—162

160 — К вопросу о прозвище Ильи Муромца Этн Об, 1900 № 1, (кн XLIV), с 64—65 (Б)

161 — К былине о бое Ильи Муромца с сыном Этн Об, 1900, № 3 (кн XLVI), с 73—95

162 — Забытая старая запись одной былины и начало стихотворной «Повести о Феодоре Тироне» Этн Об, 1900, № 3 (кн XLVI), с 130—133

163 — Рец на кн «Сборник Кирши Данилова» Изд Публ 6-ки Этн Об, 1902, № 1 (кн LII), с 118—119 (см № 359)

164 — 1) Предание о сорока новгородских каликах

Этн об, 1902, № 2 (кн LIII), с 144—148 2) Один из источников былины «О сорока каликах со каликою»
Этн об, 1904, № 2 (кн LXI), с 110—115

165 — Еще к вопросу о прозвище Ильи Муромца Этн Об, 1904, № 3 (кн LXII), с 64—65

166 — К вопросу о национализации иноземных поэтических сюжетов Сказание о молодце и девице Этн Об, 1904, № 2 (кн LXI), с 167—169

167 — Рец на сб Н Ончукова (см № 245 и 248) Этн Об, 1904, № 1, с 138—143 (кн LX), № 2, с 195—197 (кн LXI) (П)

168 — К вопросу о методе исследования былины Этн Об, 1907, № 1—2 (кн LXXII—LXXIII), с 24—38 (П) (Б)

169 — Еще об имени былинной киевской княгини «Чтения в Общ Ист и Древ российских при Моск унив », 1908, № 2, с 5—6 (смесь)

170 — Рец на кн Леже Л «Славянская мифология» Пер с франц В А Пасенко Этн Об, 1908, № 3 (кн LXXVIII), с 140—146

171 — Мельников (Печерский) как собиратель былин Этн Об 1908, № 4 (кн LXXIX), с 134—135 (Б)

172 — Поэзия Великого Новгорода и ее остатки в се верной России Сб Харьк ист фил О ва, т 18, 1909, с 440—471 В честь проф Н Ф Сумцова Отдельно Харьков, 1909 32 с

173 — Свидетельство о термине «старина» (былина) Этн Об, 1912, № 1—2 (кн 92—93), с 219—221

174 — Статьи в Энц Слов изд бр Гранат Изд 7 е Алеша Попович — т 2 М, 1910, с 225—226, Алатырь-Камень, т 2, с 67 Богатыри — т 6 М, 1911, с 92—94 Былины — т 7 М, 1911, с 282—288

175 — Обзор трудов В Ф Миллера по народной словесности Памяти дорогого учителя Изв О Р Я С, 1914, т XIX, кн 2, с 120—149, 1915, т XX, кн 1, с 291—349 Ср «Древности Труды, слав комисс Моск археол о ва», 1911, т 5, протоколы, с 57—58 (Доклад А В Маркова о кн В Ф Миллера Очерки, т II) (П)

176 — Микола Угодник и св Николай Спб, 1892

177 Маслов А Л Калики переходящие и их напевы Русск Муз газета, 1904

178 — Стихи, старины и песни для одного голоса с фортепьяно М, 1904 Изд Юргенсона

179 — Рец на кн «Архангельские былины» Григорье-

ва (см № 65) Труды муз Этноком Т. I М., 1906, с 524—525

180 — Рец на кн «Песни русского народа» Дютша и Ляпунова Труды Муз Этноком Т. I М., 1906, с 520

181 — Былины, их происхождение и мелодический склад С музык прилож Изв Общ Люб Ест, Антроп и Этно Материалы и исслед по изучению народн песни и музыки Труды Муз Этноком Т. II, М., 1911, с 299—327 (П)

182 — Кирша Данилов и его напевы Русск Музгазета, 1902, № 43

183 — Запись и художественная обработка былины «О трех богатырях», записанной в Смоленской губ Труды Музык Этноком Т. IV М., 1913

184 Мендельсон Н. М. К поверьям о св. Касьяне Этно Об., 1897, № 1 (кн XXXII), с 1—21

185 — Былина о Ставре Этно Об., 1897, № 4, с 129—131 Текст былины перепечатан (см № 215)

186 — Из наблюдений в Зарайском уезде Рязанской губ Этно Об., 1899, № 1—2, с 385—391

187 — К истории собирания русских былин Этно Об., 1897, № 4, с 128—131

188 — К былине о сорока каликах со каликою Этно Об., 1900 № 3 (кн XLVI), с 124—129

189 — Новгородские былины Эпизодическ чтения для самообразования Серия I Изд 2 1914

190 Миллер Вс. Ф. Статьи в Энц сл Бр и Эфр СПб 1893 Горыныч — т 17, с 358—352, Данила Ловчанин — т 19, с 80—81, Данилов Кирша, т 19, с 84, Добрыня — т 20, с 832—833, Дунай Иванович — т 21, с 237—238, Дюк Степанович — т 21, с 373—374, Евпатий Коловрат — т 21, с 422—423

191 — Статьи в Энц сл изд Ф. И. Брокгауза и А. И. Эфрона СПб, 1894 Еруслан Лазаревич — т 22, с 679, Иван Голинович — т 24, с 766—767, Иван Данилович — т 24, с 767, Иван гостиный сын — т 24, с 768—769; Илья Муромец — т 24, с 919—957

192 — Статьи в Энц сл изд Ф. И. Брокгауза и А. И. Эфрона СПб, 1895 Калевала — т 27, с 9—11, Калеки — т 27, с 27—28, Калин-царь — т 27, с 35, Колыван — т 30, с 775—776, Колывань — т 30, с 776; Микула Селянникович — т 37, СПб, 1896, с 284—285

193 — Новые записи былин в Якутской области Этно Об., 1896, № 2—3 (кн XXIX—XXX), с 72—106. (По-

мещенные тексты былин, записанные Богоразом, перепечатаны в сб «Былины новой и недавней записи», см № 215)

194.— Добрыня и река Смородина (Материалы для истории былинных сюжетов XVI) Этн Об, 1896, № 1 (кн XXVIII), с 121—128

195.— Былины о Батыге «Почин». II Сб. О Л. Р. С М, 1896

196.— Очерки русской народной словесности. Былины. I—XVI М 1897 Отзыв см № 12, 175 (П), (Б)

197.— Материалы для истории былинных сюжетов XVII Этн Об, 1898 № 4 (кн XXXIX), с 38—46

198.— К былине о сорока каликах со каликою. Ж М Н П, 1899, № 7, с 464—500

199.— Новые записи былин в Архангельской губ. Изв. О. Р. Я С, 1899, т IV, кн 2, с 661—725.

200.— Новые записи былин в Якутской области. Изв. О Р Я С, 1900, т. V, кн 1, с 36—78

201.— Предисловие к «Беломорским былинам» А. В. Маркова (см № 150), с VII—XIII

202.— К былине о Камском побоище. Изв. О Р. Я. С., 1903, т VII, кн 2, с 1—31 Перепечатано (см № 219)

203.— К новым записям былин из Донской области. Этн Об, 1902, № 2 (кн LIII), с 125—129

204.— К былине о князе Глебе Володьевиче. Ж М Н П, 1903, № 5, с 304—321

205.— Имя былинной киевской княгини. Этн. Об, 1903, № 1 (кн. LVI), с 70—77. Перепечатано (см. № 219)

206.— К песням об Иване Грозном. Этн. Об., 1904, № 3, с 38—50

207.— Исторические песни из Сибири. Изв. О. Р. Я. С., 1904, т. IX, кн I, с 1—79

208.— К былине о бое Ильи Муромца с сыном. Этн. об., 1905, № 4 (кн. LXII), с. 79—94.

209.— Отголоски смутного времени в былинах. Изв. О. Р. Я С., 1906, т. XI, кн. 2, с 155—258. Перепечатано (см. № 219) Рец Н В В-ва, Этн Об, 1906, № 3—4, т. LXX—LXXI, с 328

210.— О былинном царе Калине Этн Об, 1907, № 4 (кн LXXV), с 68—77 Перепечатано (см № 219).

211.— Илья Муромец и Алеша Попович Изв. О Р Я С, 1909, т XIII, кн 1, с. 1—90. Перепечатано (см. № 219).

212 — К былине о Добрыне и Василии Казимировиче. Ж М Н П, 1908, № 4, с. 296—318. Перепечатано (см. № 219)

213. — К былине о Казарине Этн Об, 1908, № 3 (кн. LXXVIII), с. 49—77 Перепечатано (см. № 219).

214. — О братьях Суздальцах Ж М Н П., 1908, № 9, с. 77—92 Перепечатано (см. № 219)

215 — (Ред.). Былины новой и недавней записи Из разных местностей России Под ред В. Ф Миллера при ближайшем участии Е Н Елеонской и А В Маркова Изд Московск высш женских курсов М, 1908, с. 5—312 Рец см № 390 (П), (Б)

216 — О некоторых былинных именах Зап. Рус. Геогр. Общ. по Отд этногр, т. XXXIV, 1909, с. 243—260.

217. — Датский комиссар как герой русской былины. (К печорской былине о Петре Великом и Бутмане Колыбановиче) Вестн Европы, 1909, кн 10, с. 680—698

218. — Лекции по русской народной словесности, читанные на Высших женских курсах в 1908—1909 годы М, 1909, Литогр О былинах, с. 63—284. (П) Ср. то же изд 1911

219 — Очерки русской народной словесности Былины. Т II. М, 1910 (П), (Б)

220. — Две сибирские былины из записей С И Гуляева. Ж Ст 1911, в 3—4, с. 445—452

221. — Материалы для истории былинных сюжетов. К крестьянству Микулы Селяниновича Стрелянье Ильи Муромца по церквам Елена Королевична литовская. Этн Об, 1911, № 3—4 (кн ХС—ХСІ), с. 173—182 (П), (Б)

222 — О некоторых местных отголосках в былинах. Изв О Р Я С, 1911, т XVI, кн. 4, с. 243—263 (П), (Б). Перепечатано (см № 235, с. 159—173)

223. — К былинам об Илье Муромце и Соловье разбойнике Изв О Р Я С, 1912, т XVII, кн 4, с. 162—227 (П) Перепечатано (см № 235, с. 91—135)

224. — К вопросу о возрасте и казачестве Ильи Муромца. Ж М Н П, 1912, № 2, с. 193—208 (Б) Перепечатано (см. 235, с. 136—147)

225 — Былины и исторические песни в качестве обрядовых Русск Мысль, 1912, № 8, с. 1—10 (П), (Б), Перепечатано (см № 235, с. 344—351).

226.— К былине о бое Ильи Муромца с Добрыней. Ж. М. Н. П., 1912, № 8, с. 247—261. (Б). Перепечатано (см. № 235, с. 148—158).

227.— Отзыв о сборнике А. И. Мякутина (см. № 239). Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Российской АН (Отчеты за 1912 г.), с. 376—384.

228.— Песни-памфлеты XVI в. (Исследов. С. К. Шамбинаго). Вестн. Европы, 1913, № 5, с. 370—380 (П), см. № 350.

229.— О некоторых песенных отголосках событий царствования Ивана Грозного. Ж. М. Н. П., 1913, № 7, с. 1—19. Перепечатано (см. № 235, с. 235—248).

230.— К былине о Соломане и Василии Окуловиче. Ж. М. Н. П., 1913, № 3, с. 99—136. (П). Перепечатано, (см. 235, с. 174—204).

231.— Былины. Нов. Энци. Слов. изд. Ф. И. Брокгауза и А. И. Эфрона, т. 8, с. 802—809. Вольга Всеславьевич, или Волх Всеславьевич. Там же, т. 11, 1913.

232.— Горыныч. Там же, т. 14, с. 350—351, 1913. Данилов Кирша. Там же, т. 15, с. 500—501. Добрыня Никитич. Там же, т. 16, 1914. Колыван-Колывань. Там же, т. 22, 1915. Морской царь. Там же, т. 27. (П).

233.— Казацкие эпические песни XVI и XVII в. Ж. М. Н. П., 1914, № 5, с. 102—139 и 6, с. 155—261. (П). Перепечатано, см. № 235, с. 249—336.

234.— Исторические песни русского народа XVI и XVII веков. Сб. Отд. Р. Я. и Сл. 1915. Т. ХСIII. 793 с.

235.— Очерки русской народной словесности. Т. III. Былины и исторические песни. М.—Л., 1924, с. 336.

236. Милюков П. Что такое «Море Вирьянское» и «город Леденец»? Тр. этногр. отд., 1900. Т. XIV. Изв. Общ. люб. ест., антр. и этн., с. 314—315. (П), (Б).

237. Миндалев П. П. Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос. Сб. статей в честь Д. А. Корсакова, с. 258—280. Отдельно: Казань, 1912/1913, 23 с. (П).

238. Мрочек-Дроздовский П. Н. О древнерусской дружине по былинам. (Речь, произнесенная в торжественном собрании Москов. универ. 12 января 1897 г.) М., 1897. Ср.: Этн. Об., 1897, № 3, с. 198—201.

239. Мякутин А. И. Песни Оренбургских казаков. Оренбург, 1905. Т. I. Песни исторические. Т. II. Песни былевые. Перепечатаны в сб. «Былины новой и недавней записи» (см. № 216).

240. Мякушин Н. Г. Сборник уральских песен. Спб., 1890.

241. Н. В. В. Рец. на сб. Маркова (см. № 150). Этн. Об., 1901, № 4, (кн. LI), с. 138—144.

242. Нетушил И. Отчет о диспуте М. Г. Халанского. (Перечисл. труды Халанского. Диспут о соч. «Южнослав. сказ. о Кралевице Марке в связи с произведениями русск. эпоса». Оппоненты Н. Ф. Сумцов и М. С. Дринов).

242-а. Озаровский М. Эпическая традиция в Сибири. 1922.

243. Озаровская О. Е. Бабушкины старины. П. 1916. 116 с.

244. Ольденбург С. Ф. В. Ф. Миллер. Рус. Мысль, 1913, № 12, с. 39—41 (П).

244-а.— Не довольно. К восьмидесятилетию Г. Н. Потанина 21. сент. 1915 г. Русск. Мысль, 1915, № 11, с. I—II.

245. Ончуков Н. Е. Печорские былины. Изв. О. Р. Я. С. А. Н. 1902, т. VII, с. 277—355.

246.— Былинная поэзия на Печоре. Ж. Ст. 1902, вып. I, с. 358—384. (Б).

247.— Новые былины из записей на Печоре. Изв. О. Р. Я. С., 1903, т. VIII, кн. 3, с. 298—326. Рец. см. № 154.

248.— Печорские былины. Записки Имп. Рус. геогр. об-ва по Отд. этногр. Т. XXX. Спб., 1904 — I. От собирателя; II. Былинная поэзия на Печоре, с. I—XXXV; III. Заметки о языке печорских былин. В. Чернышев, с. XXXVI—XLIV. Старины Устьцылемской вол., с. 5—284. Старины Пустозерской волости, с. 285—402. V. Словарь местных слов, с. 403—415. VI. Указатель имен, с. 416—424 (П), (Б). Рец. см. № 127, 155.

249. Первов П. Д. Эпитеты в русских былинах. Филол. зап., 1901, вып. 1—2, с. 1—8; вып. 4—5, с. 9—28; вып. 6, с. 29—36; 1902, вып. 1, с. 37—47 (П), (Б).

250. Перетц В. Рец. на кн. А. Лободы «Былины о сватовстве» (см. № 128). Киевск. Унив. Изв. 1904, № 11, с. 20—29. (П), (Б.).

251.— Рец. на «Сборник в честь В. Ф. Миллера». Ж. ст., 1901, вып. 1, с. 102—106. (Б).

252.— Украинский список «Сказания про Индийское царство». Зап. Укр. Наук. Т-ва, 1912, кн. IX, с. 1—12.

253. Петри Б. Э. Библиография за 1911 г. по этно-

графии, религии, языкознанию и фольклору. Книги и журн. статьи, вышедшие в России. Ж. Ст., 1913, вып. 3—4, с. 441—465.

254. Петров Д. К. А. Н. Веселовский и его Историческая поэтика. Ж. М. Н. П., 1907, № 4, с. 89—106.

255. Петров Н. И. Историко-географическая основа былин о победе Ильи Муромца над Соловьем разбойником. Изв. О. Р. Я. С., 1900, т. V, кн. 2, с. 624—630. (Б). Древности. Труды импер. Моск. арх. общ. М. 1909, т. XXII, вып. 1, с. 137—138. (Б). («Заметка об имени и жилище былинного Соловья-разбойника»).

256. Петровский Н. М. К истории книги К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». И. О. Р. Я. С. 1917, т. XXII, кн. 1, с. 133—143: Аксаков о былинах.

257. Пивоваров Б. Собрание песен. Этн. Об., 1902, кн. 2. Помещенные здесь былины перепечатаны в сб. «Былины новой и недавней записи», см. № 215.

258. Пиксанов Н. К. Рец. на кн. Зеленина «Библиографический указатель русской этнографической литературы» (см. № 86). Русск. Мысль, 1914, № 1, с. 23.

259. Погодин А. Л. Гильфердинг А. Ф. Энц. слов. бр. А. и И. Гранат. Т. XIV. М., 1912, с. 552—553.

260.— Из области русско-финских отношений. I. Волх. Кургун. И. О. Р. Я. С., 1911, т. XVI, кн. 4, с. 37.

261. Познанский Н. Обзор русской этнографической литературы за 1914 год. Великороссы. Ж. Ст., 1915, вып. 1—2, с. 173—216.

262. Полозов П. Отражение национальной идеологии в героическом эпосе враждующих стран Европы. Екатеринослав, 1917. 29 с.

263. Попруженко М. Указатель статей, помещенных в I—XXXII кн. «Записок импер. общества Истории и Древностей». 1914.

264. Поржезинский В. Преподавательская и ученая деятельность В. Ф. Миллера в области языковедения. (Отчет о состоянии и действиях Импер. Моск. у-та за 1913 г. Ч. I. М., 1914, с. 40—51). (П).

265. Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. Рец. см. № 134. (П).

266.— Здунай-то, Здунай сын Иванович. Ж. Ст., 1901, вып. 1, с. 126—128. Перепечатано, см. № 215.

267.— Сага о Соломоне. Томск, 1912. 186 с. (Вост.

материалы к вопросу о происхождении саги). Рец. см. № 339. (П).

267-а. Потебня В. В. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. 619 с.

268. Пришвин М. В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края. Очерки. Т. 2. Спб., 1913. (Есть певец былин. (П)).

269. Простосердов Г. Махович-Мацкович А. И. Разбойничьи песни. Этнограф. сборник. Вып. 6. СПб., 1864, с. 12—16.

270. Прохоренко И. Де-що про Илью Муромца. Сб. Харьковск. Ист.-Филол. Общ. Т. XVIII. 1909, с. 560—563. (П).

271. Пруссак А. Былина, бывальщина и три песни, записанные в Иркутском у. Иркутской губ. Ж. Ст., 1915, вып. 3, с. 038—041.

272. Пыпин А. Н. Народная поэзия в ее историко-литературных отношениях. Вестн. Европы, 1896, № 4, 5, 6.

273.—История русской литературы. Т. I, II, III. Изд. 1, Спб., 1897. Изд. 2, пересмотр. и дополн. Спб., 1902. Изд. 3, 1907. Изд. 4, 1911.

274. Пятницкий М. Е. Старинные песни Воронежской губ. в народной гармонизации, записанные М. Е. Пятницким. Издание Роберт Кенц. «Концерты М. Е. Пятницкого с крестьянами». М., 1914. Старинная русская песня, с. 5—7. Статья В. Пасхалова.—Обзор музыкальной конструкции записанных М. Е. Пятницким воронежских песен в связи с характерными особенностями великорусского песенного склада, с. I—XVI. Старинные песни Воронежской губернии в народной гармонизации. Ноты и тексты — с. 1—16. (Есть былины).

275. Р. А. Рецензия на сб. песен Рыбникова, см. № 280. Ж. Ст., 1914, вып. 1—2, с. 213—214.

276. Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. Спб., 1910. (О былинном речитативе в опере «Садко»), с. 318.

277. Рожнецкий С. Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе. И. О. Р. Я. С., 1911, т. XVI, кн. 1. с. 28—76. (Отзыв см. № 295). (П). (Б).

278.—Ответ г. Б. Соколову (см. № 295). И. О. Р. Я. С., 1914, т. XIX, кн. 1, с. 345—349.

279. Руднев А. Г. Академик Н. С. Тихонравов и его труды по изучению памятников древне-русской лите-

ратуры. Опыт историко-литературной характеристики. Изд. под ред. и набл. проф. А. В. Михайлова. Варшава, 1914.

280. Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2. Под ред. А. Е. Грузинского. В 3-х томах, с биографией, портретом и указателем. Изд. «Сотрудник школы». М., 1909—1910. Вып. I—II.—Былины. Вып. III.—Песни. Приложения: 1) Письма Рыбникова. 2) Об особенностях Олонецкого поднаречия. 3) Словарь непонятных и областных слов. 4) Указатели. Рец. см. № 275, 391, 393. (П), (Б).

281. Рыстенко А. В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. Одесса. 1909, V—536. (Есть глава: «Георгий и былинные сюжеты»). То же напечатано в «Записках Новорос. унив.», т. 112. Одесса, 1909, с. 1—538. Отзыв см. № 131. (П).

282.— Ответ г. Хр. Лопыреву. К вопросу об исследовании легенд о св. Георгии. Одесса. 1913, с. 34 (см. № 131).

283. Савченко С. Русская народная сказка. Киев, 1914. 543 с. (П).

283-а. Сакулин П. М. В поисках научной методологии. Голос минувшего. 1919, № 1—4, с. 5—37. (О Ф. И. Буслаеве и Н. С. Тихонравове).

284. Симони П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса. Памяти старин. рус. яз. и словесн. XV—XVII ст. Вып. 2.1. (Сб. О. Р. Я. С. Т. LXXXII, № 7. СПб. 1907).

284-а. К сорокалетию учено-литературной деятельности А. Н. Веселовского. 1859—1902. П. 1906. Перепечатано с доп. попр. (см. № 387-б).

285. Сиповский В. В. Рец. на книгу А. Н. Сиротинина «Беседы» (см. № 286). Ж. М. Н. П., 1909, № 5, с. 106—107.

286. Сиротинин А. Беседы о русской словесности. Спб., 1909. Изд. 3. 1913. 336. с. Рец. см. № 285.

287. Скафтымов А. П. Рец. на книги М. Н. Сперанского «Былины» (см. № 315) и Б. М. Соколова «Былины» (см. № 301). Родной язык в школе, 1919, № 1.

288. Соболевский А. И. Великорусские народные песни В 7 томах. Спб., 1895—1902. Помещенные в первом томе тексты былин перепечатаны, см. № 215.

289.— Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Спб., 1910. 286 с. См.: Имена в великорусских былинах, стр. 228—249. Ср.: Ж. Ст., 1890, в. 2, с. 93—107. (П), (Б).

290.— Былина о Ставре Годиновиче по списку половины XVII века. И. О. Р. Я. С., 1911, т. XVI, кн. 1, с. 1—4. (П), (Б).

291.— Три личных имени. 1) Тугарин, 2) Бравлин, 3) Шельг. Р. Ф. В., 1913, № 2, с. 389—394. (П).

292. Созонович И. П. К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию. Варшава, 1898. (П), (Б).

293.— Тип амазонки в европейской литературной традиции и поляница русских былин. Научно-лит. сборник. Львов. 1902. Т. П., кн. 4. с. 137—153.

294. Соколов Б. М. Исторический элемент в былинах о Даниле Ловчанине. Р. Ф. В., 1910, т. 64, № 3—4, с. 193—231. (П), (Б).

295.— Непра река в русском эпосе. И. О. Р. Я. С., 1912, т. XVII, кн. 3, с. 198—214. (По поводу статьи Рожнецкого, см. № 277). (П), (Б).

296.— История старин о 40 каликах со каликою. Р. Ф. В., 1913, № 1, с. 84—95; № 2, с. 426—441; № 3, с. 134—143. (П).

297.— Шурин Грозного, удалой борец Мамстрюк Темрюкович. Ж. М. Н. П., 1913, № 7, с. 20—40. (П).

298.— Вс. Ф. Миллер, как исследователь русского былевого эпоса. Ж. Ст., 1913, в. 3—4, с. 318—336. Отдельно: Спб., 1914. (П).

299.— О житийных и апокрифических мотивах в былинах. Р. Ф. В., 1916, № 3, с. 97—119.

300.— Былины о Идолище поганом. Ж. М. Н. П., 1916, № 5, с. 1—31.

301.— Былины. Исторический очерк, тексты и комментарии. Изд. «Задруга». Сокровища родного слова. Предисловие III—VI. Русский национальный эпос (Исторический очерк) — 1—40. Былины (с пояснительными замечаниями) — 41—227. Библиография, с. 228—231. Рец. см. № 287 и 395.

302.— Сказания и истории о богатырях (Шесть неизданных текстов). Древности. Тр. Слав. Ком. Москв. Арх. общ., т. IV. Вып. 2 (печатается).

303.— О былинах, записанных в Саратовской губер-

нии «Культура» Научное приложение Саратов 1922, № 1, январь

304 — Собиратели народных песен М, 1923 (О Киреевском)

305 — Эпические сказания о женитьбе князя Владимира Ученые записки Саратовского университета 1923, т 1, вып 3, с 69—122

306 Соколов М Е Великорусские песни, записанные фонетически Тр Сар Уч Арх Ком, 1908, вып XXIV, ч 1 (П), (Б)

307 Соколов Ю М Из тридцатых годов (письма Киреевских к Шевыреву) Голос минувшего 1914, № 7, с 212—224

308 Соколовы Б и Ю Живая старина в Белозерском крае Отчет о командировке Тр Москв предводит комиссии по устройству XV Археологического съезда 1911, т 1, с 1—20

309 — Остатки былин и исторических песен в Новгородской губернии Изв О Р Я С, 1910, т XV, кн 2, с 1—40 Перепечатано в сб «Сказки и песни Белозерского края» (См № 310) (П), (Б)

310 — Сказки и песни Белозерского края (с вводными статьями, фотографическими снимками и географической картой) Изд Отд Р Яз и сл А Н М, 1915, т VII, CXVIII, 666 с Рец см № 394

311 Сперанский М Н Южно-русские песни и современные ее носители По поводу бандуриста Т М Пархоменка Киев, 1904

312 — К истории сб песен Кирши Данилова Р Ф В 1911, вып 1, с 198—211

313 — П В Киреевский и его собрание песен Песни, собранные П В Киреевским Новая серия Под ред В Ф Миллера и М Н Сперанского М, 1911, вып 1, с XLIII—LXXIII

314 — Всеволод Федорович Миллер Отчет о состоянии и действиях Московского ун-та за 1913 г Ч 1 М, 1914 с 11—39

315 — Русская устная словесность Т I Былины Под ред с вводными статьями М Сперанского «Памятники мировой литературы», изд М и С Сабашниковых 1916 LXXI, 454 с (П) Т II 1919 Рец см № 28, 287, 319, 360

316 — Русская устная словесность Введение в историю

устной словесности. Устная поэзия повествоват. характера. М., 1917. 474 с.

317. Срезневский В. И. Отчет отделению Р. Яз. и сл. А. Н. о поездке в Олонецк., Вологод. и Пермск. губ. И. О. Р. Я. С., 1904, т. IX, кн. 2, с. 96—161.

318. Сумцов Н. Ф. Памяти В. Ф. Миллера. Южный край, 1913, 8 ноября (№ 11724). Перепечатано в Этноб., 1913, № 3—4, с. 135—138.

319. Сурмин П. Рец. на кн. Сперанского «Былины» (см. № 315). Утро России. 1917, 21 янв.

320. Тиандер К. Ф. Западные параллели к былинам о Чуриле и Катерине Ж. М. Н. П., 1898, № 12, с. 271—305. (П).

321.—Поездки норманов в Белое море. I—III. И. О. Р. Я. С., 1902, № 3, с. 127—155.

322.—Поездки скандинавов в Белое море. Спб., 1906, 450 с.

323. Ткаченко-Петренко Е. Думы в изданиях и исследованиях. Киевск. ст., 1907, т. 7—8, с. 144—185. (П). (К вопросу о соотношении велик. и малорус. эпоса).

324. Торбин. Былины про Вышеслава и Гельгу (Ольгу). 1916, 46 с.

325. Трубицын Н. Н. «Пересмотр» русских былин о сватовстве. (По поводу кн. Лободы см. № 128). Ж. М. Н. П., 1905, № 6, с. 400—438.

325-а.—А. Н. Веселовский. Изв. О. Р. Я. С. Ак. Н., 1907, т. XII, кн. 3, с. 1—50.

326.—О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX ст. (Очерки). Спб., 1912, с. XV—593.

327.—Несколько мыслей об итогах изучения русского эпоса. Р. Ф. В., 1915, № 1, с. 42—57.

328. Фарфоровский С. В. Из фольклора терских казаков. (Остатки былевого эпоса). Вестник Харьковского ист.-филолог. о-ва, 1912, вып. 2, с. 39—44. Отдельно: Харьков, 1912. 5 с.

329. Фасмер М. Р. Шапка земли греческой. Сб. в честь 70-летия Г. Н. Потанина. Спб., 1909, с. 243—260. Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отд. этн., т. XXXIV. (П). (Б.).

330. Филатов В. В. Новгородцы-путешественники. Ист. очерк. Природа и люди, 1913, № 30, с. 472—476; № 31, с. 491—494.

331. Филиппов Т. И. 40 нар. песен Спб., 1882.
- 331-а Финнагин А. Русская песня. Изд «Academia». Пг., 1923 96 с
- 332 Халанский М. Г. Город Ледян, Леденец в славянской народной поэзии. Слав обозр., изд. проф. Будиловичем 1892 № 2
- 333 — К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем. Ж М Н П, 1902, № 8, с 287—356; 1903, № 11, с 1—40
- 334 — Материалы и заметки по истории др. русск. героич эпоса И О Р Я С, 1903, т VIII, кн 2, с 169—176. (П), (Б).
- 335 — Ilias von Reussen und Iliu Muromec. Arch. f. Sl Phil. 1903, XXV. (П), (Б).
- 336 — Отношение былин об Илье Муромце к сказаниям об Олеге Вещем Ж М Н П, 1911, № 9, с 40—62. (П), (Б).
- 337 Харламов В. А. Былины из Донской области. Этн Об, 1902, № 2 (кн LIII), с 130—143 (См № 215)
- 338 Холмский С. А. Казацки думы Ермак Былины, песни и сказания о донском герое Ермаке Тимофеевиче с историческим очерком Е. П. Савельева Вып. 1 Новочеркасск, 1911 55 с
- 339 Царенов Г. Восточная гипотеза происхождения средневекового европейского эпоса (по поводу саги о Соломоне Г. Н. Потанина, см № 267) Сибирь, 1913, № 3, 4 янв; № 4, 5 янв
340. Чеканинский И. А. Об Илье Муромце. (Сказка Енисейск. губ.) Этн об, 1912, № 3—4 (кн XCIV—XCV), с 110—113
- 341 — Енисейские старины и исторические песни. (Этнографические материалы и наблюдения по реке Чуне) Сб рис в тексте Этн об, 1915, № 1—2 (кн CV—CVI), с 81—112
- 342 Чернышов В. Заметка о языке Печорских былин См об Н Ончукова «Печорские былины» (№ 248). с. XXXVI—XLV
343. Ш. Е. По поводу одного музыкального издания Русск Об, 1897, № 6, с 646—648 (О сб Кирши Данилова)
- 344 Шайжин Н. С. Олонецкий фольклор (Критико-библиографический обзор былин и 14 новых былиновых записей) Петрозаводск 1906, с. XIV—176 (Изд «Олоонецк. губ. вед.», 1906). (П). (Б). Перепечатаны в

разных местах сборника «Былины новой и недавней записи», см. № 215.

345. Шамбинаго С. Старины о Святогоре и поэма о Калевипоэге. Ж. М. Н. П., 1902, № 1, с. 49—73. (Б).

346.— Исторические переживания в старинах о Сухане. Сб. статей, посвящ. В. О. Ключевскому. Ч. 2. М., 1909, с. 503—515. (П), (Б).

347.— К литературной истории старин о Вольге Ж. М. Н. П., 1905, № 11, с. 131—149. (Б).

348.— Древнерусское жилище по былинам. Юб. сб. в честь В. Миллера. М., 1900, с. 129—149 (П), (Б).

349.— Застава богатырская. Сборник статей в честь М. К. Любковского. 1917. С. 347—360.

350.— Песни-памфлеты XVI в. Исследование. Зап. имп. Моск. археол. ин-та. 1913, т. 28, с. 1—266. Содержание: Вступление. С. 1—24. Песни о Кострюке Мастрюке. С. 25—114. Песни о Василии Буслаеве, с. 115—266. См. отзыв Миллера, № 228.

351.— Песни времени царя Ивана Грозного. Серг. Посад. 1914. XII—303 с.

352. Шаровольский. О Тидрек саге. В сб. *Sert'a Borysthenica* 1911. (Унив. изв.). (П).

353. Шахматов А. А. Некролог академика В. Ф. Миллера. Отчет о деятельности Отд. Р. Яз. и Сл. А. Н. за 1913, с. 2—29. (П).

354.— В. Ф. Миллер. Русск. вед., 1913, № 256 (3 ноября). Перепеч. в Этн. Об., 1913, № 3—4, с. 129—131.

355. Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1., вып. 1. Изд. АН. Спб., 1898, с. XXVIII—833.

356. Шеметова Н. В. Русская женщина в народном эпосе и лирике. Отгиск из «Филол. Зап.» за 1900—1902 г. (Воронеж. 1903, с. 1—224).

357. Шереметев П. С. Зимняя поездка в Белозерский край. М. 1902. 180 с. Стр. 71—79: былины о Тюхмене Адихмантьевиче — Даниле Ловчаине. (П).

358. Шеффер П. Н. Заметка о сборнике Кирши Данилова. И. О. Р. Я. С., 1897, № 1, с. 34—53.

359.— (Ред.) Сборник Кирши Данилова Изд. Публ. библиотеки по рукописи, пожертв. в библ. кн. М. Р. Долгоруковым. С фот. снимками. Спб., 1901. Оглавление. Предисловие Публ. Б-ки, с. III—XLVI. — Предисловие редактора. Сборник Кирши Данилова, с. 1—192. При-

ложения, с. 193—220. Указатели, с. 221—283. См. отзывы № 32, 97, 163. (Б).

360. Шилов Л. Рец. на кн. Сперанского, «Былины» (см. № 315). Речь, 1917, № 122, 7 мая.

361. Шишков С. Рец. на кн. «Былины новой и недавней записи». См. № 215. «Родопски Напредъкъ», VI, с. 136—137.

362. Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. Спб., 1912. В. 1. Олубочной картинке, изображающей «Бой Ильи Муромца с Соловьем Разбойником» (Схоже с лицом Петра Великого), с. 37—38. (П).

363. Шляпкин И. А. Былины на братчинах. Этноб., 1904, № 3, с. 65. (Б).

364.—П. Н. Рыбников и иное издание его сборника Ж. М. Н. П., 1912, № 6, с. 305—321. (Здесь же новые мат. для издания). (Б).

365.—История русской словесности. (Программа Унив. курса с подробн. библиограф.). Спб., 1915. 167 с.

366. Шувалов С. В. К вопросу о Добрыне-змееборце. Доклад в Общ. Ист. Литерат. «Беседы». Сб. Общ. Ист. Литературы в Москве. 1. М., 1915. Протокол заседания, с. 57—58.

367. Щепкина Е. Н. Из истории женской личности в России. Спб., 1914. 307 с.

367-а. Энгельгардт Б. М. А. Н. Веселовский. Пг. 1924.

368. Ягич И. В. Заметка об Илье Муромце. Arch. f. Sl. Phil, 1903, XXV.

369. Якуб А. С. К былине о Сухмане. Этноб., 1904, № 1 (кн. LX), с. 43—66. В сб. в честь В. О. Ключевского 1909 г. (П), (Б).

370.—К былине о Михаиле Козарине. Этноб., 1905, № 2—3 (кн. LXIV), с. 96—126.

371.—Современные народные песенники. И. О. Р. Я. С., 1914, т. XIX, кн. 1, с. 47—92.

372. Янчук Н. А. Народная песня и ее изучение. Ж. М. Н. П., 1914, № 6, с. 33—47.

373.—Вступительная записка об изучении народной песни и музыки. Тр. муз.-этногр. комиссии, 1906, т. 1, с. 1—10.

374.—К истории и характеристике женских типов в героическом эпосе. Юб. сб. в честь Миллера. 1909, с. 348—367. (П), (Б).

375.— К вопросу об отражении апокрифов в народном творчестве. И. О. Р. Я. С., 1907, т. XII, кн. 1, с. 126—143.

376.— О музыке былин в связи с историей их изучения. См. в кн. М. Н. Сперанского «Былины», т. II (см. № 315), с. 527—550.

377. Ярхо Б. И. Илья. Илиас, Хильтебрант. И. О. Р. Я. С., 1917, т. 22, кн. 2, с. 326—337.

378.— Эпические элементы, приуроченные в имени «Михайла Потыка». Этн. Об., 1910, № 3—4 (кн. 86/87), с. 49—79.

379.— Сказания о Сигурде Фафнисбани и его отражение в русском эпосе. Р. Ф. В., 1914, № 3, 4, с. 331—379, 1915, № 1, с. 105—115, № 2, с. 350—378. (П.).

380. Без обозначения автора. Библиографический указатель литературы по народной словесности на русском языке. Изд. Ком. по нар. слов. при Этн. Отд. И. О. Л. Е. А. Э. Вып. 1, 1911. М., 1913; вып. 2, 1912. М., 1914; вып. 3, 1913. М., 1915.

381. Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиографическое описание. Т. II. Библиография. М., 1913.

382. Материалы для биографического словаря действительных членов Академии Наук. Ч. 1 А-Л. Пг. 1915. Ч. II. М-Я. Пг. 1917. (Книга вышла в 1920 г.). (П.).

383. Миллер В. Ф. Новый энцикл. словарь. Т. 26. Пб. (1915), стб. 516—519

384. Некрологи В. Ф. Миллера. В газ. «Утро России» (1913, 7 ноября, № 257, 258); «Нов. Время» (1913, 6 ноября, № 136); «Раннее Утро» (1913, 7 ноября, № 257); «Русск. Слово» (1913, 6 ноября, № 256); «Болгарска Сбирка» (1914, № 2.)

385. 50 русских народных песен, переложенных для трехголосного и четырехголосного смешанного хора для употребления в учебных заведениях А. А. Петровым. Спб., 1901. 56 с.

386. Олонецкая сказительница и воплоенница Н. С. Богданова в Петербурге. Олонец. неделя, 1911, № 27, с. 8—10. (П.).

387-а. Олонецкая былина и митрополит Макарий. Олонецкие губ. ведомости, 1913, № 2, 3 янв.

387-б. Памяти академика А. Н. Веселовского. По случаю десятилетия со дня его смерти. Изд. Ак. Н. Пг., 1921.

388. Повесть о скоморохе именем Вавила, спасшемся

с двумя женами См Ф Мартинсон «Указатель к каталогу собрания П Д Богданова» Пб, 1916 128 с

389 Рец на кн В Н Андерсона «Роман Апулея» См № 7 Этн Об, 1914, № 3—4 (кн СIII—CIV), с 196—197

390 Рец на «Былины новой и недавней записи» (см № 215) Н В В Этн Об, 1908, № 4, (кн LXXIX), с 162—166

391 Рец на сборник Рыбникова, см № 280 Русск. Ст, 1914, № 10 (2-я стр обложки)

392 Рец на сборник Рыбникова, см № 280 Ж Ст, 1914, вып I—II, с 213—214

393 Рец на сб Рыбникова, см № 280 Р Ф В, 1914, № 2, с 634—635

394 Рец на сб Б и Ю Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» См № 310 Этн Об, 1914, № 3—4 (кн СIII—CIV), с 195

395 Рец на кн Б Соколова «Былины» (см № 301) Газета «Наша Родина», 1918, № 19

396 Русский биографический словарь М 1916 (О Гильфертинге и др)

397 Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете 1811—1911 М, 1911 342 с (Биограф и библиогр трудов А В Маркова)

398 Список трудов ординарн акад В Ф Миллера Отчеты О Р Я С за 1911 Приложение, с 3—11

399 Тридцать пять песен русского народа Сборник СПб песенной комиссии

400 Юбилейный сборник в честь В Ф Миллера Под ред Н А Янчука М, 1900 Библиогр перечень печатных трудов В Ф Миллера, с XIII—XVII

ПРИЛОЖЕНИЕ

Некоторые особенности в композиции повести О Еруслане Лазаревиче

Композиционная обработка ратных эпизодов в авантюрных сказках и повестях вообще близка к былинной. Укажем на повесть о Еруслане Лазаревиче, как на наиболее яркий пример такой близости.

В состав повести входит ряд подвигов героя (столкновение с царем Даниилом Белым два раза, состязание с князем Иваном, русским богатырем, столкновение с Феодулом-Змеем, с Ивашкой-Белой епанчей (белой поляницей), с Зеленым (волным, царем Огненным щитом (у Штюттина града), с чудищем на озере, и, наконец, с сыном). Связь между отдельными эпизодами геройских походов Еруслана чисто внешняя, они не имеют внутреннего, взаимно обуславливающего и объединяющего интереса; поэтому, как и в былинах сводного содержания, отдельные эпизоды здесь без ущерба свободно могут быть переставлены, как это действительно и наблюдается в имеющихся списках повести последовательность картин и эпизодов неодинакова¹.

Повесть не имеет единой связанной интриги, которая бы сама внутренне влекла и направляла все движение рассказа как непрерывающаяся основа. Однако внутренняя концепция каждого эпи-

¹ Ср. «Сказание и похождение о храбрости, о младости и до старости его бытия, младого юноши и прекрасного русского богатыря, зело послушати дивно, Еруслана Лазаревича» по списку XVII века из Погодинского собрания, изданного под ред. Н. Костомарова Г. Кушелевым-Безбородко в «Памятниках старинной русской литературы» (СПб., 1860, вып. 2, с. 325—339) и «Сказание о некоем славном богатыре Еруслане Лазаревиче» по списку рукописи из собрания В. М. Ундольского, изданного под ред. Н. Тихомирова в «Летописях русской литературы» (1859, т. II, кн. 4, с. 100—128).

зода в отдельности носит печать явного устремления соответствовать некоторому определенному назначению. Каждый из них дан в одной и той же тенденции к выделению и прославлению героя, и приемы для этого здесь те же, что в былинах.

1. Эпизод с царем Даниилом Белым

1 Подготовка славного момента а) Трудность предстоящего состязания, подавляющий и устрашающий образ противника, подавленность резонирующей среды «И говорит князь Лазарь Лазаревичъ «Дитятко мое милое, Еруслонъ Лазаревичъ! Как быть мнЕ веселу? ПриЕхал подь наше царство князь Данило БЕЛый, а с ним войска 90 000 конныхъ и вооруженныхъ, и похваляется царство наше защитомъ взять, а царя Картауса и 12 богатырей хощетъ къ себЕ взять» (с 330)² Ср Тих, 105.

в) Недооценка героя, сомнения в возможности его успеха. Еруслан изгнан Картаусом он «во царствЕ ненадобен,—лутчи его вонъ выслать изъ царства» (с 352) — Пред выступлением на врага увещание отца «Дитятко мое милое, Еруслонъ Лазаревичъ! Ты дитятко молодое, не бывалъ на дЕлЕ ратиномъ, и услышишь свистъ татарской, и ты устроишься ихъ, и они тебя убьютъ» (с 330).

2 Баталия, легкость преодоления врага «И выехалъ Еруслонъ Лазаревичъ въ чисто поле гулять, и учалъ побивать рать силу князя Данила БЕлого, и прибилъ рать силу татарскую» (с 330).

3 Слава, признание героя со стороны резонирующей среды, ее раскаяние в прежних сомнениях «И говоритъ царь Картаусъ «Виновать я, Еруслонъ Лазаревичъ, предъ тобою, что велЕлъ тебя изъ царства вонъ выслать, и нынЕ ты живи у меня въ царствЕ, и емли города съ пригородками и съ красными селами» и пр (с 330).

II. Эпизод с Иваном русским богатырем

1 Подготовка а) Предупреждение о силе Ивана картиною побитой им рати силы великой (с 327).

в) Еруслан нашел следы Ивана «И нашель ступь коневью и копыть—скакано зъ горы на гору, доли и подолки вонъ выметываны» (с 327)

с) Заносчивость противника Слова Ивана Еруслану «Не ведаеши, что не по себЕ тварища избираешь За то рано изпрасною смертию умрешь!» (с 328)

2 Обстоятельства столкновения и баталии по рукописям перебиты (Ср Тих, 108)

3 Удовлетворение героя «И князь Иван молвит «Не пригоже мнЕ, господине Ерусланъ, быти радъ тобою большимъ братомъ; буди ты мнЕ большой братъ» (Тих, 109)

III. Эпизод с Ивашкой Белой Епанчей

1 Подготовка а) О силе Ивашки предупреждает царевна Проидора «Мимо его никакой человек не прохаживалъ, ни богатырь

² Цитаты даются, кроме особо оговоренных случаев, по тексту, изданному под редакцией Н. Костомарова

Буква «ять» заменена Е по техническим условиям (ред.).

не проЕзживаль, ни звЕрь не прорыскиваль, ни птица не пролЕ-
тызала, никакой богатырь не проЕзживаль» (с 331)

в) Заочисловость врага слова Ивашки Еруслану «ты от меня
не можешь живъ быти живою мнЕ тебя отпустить — и мнЕ честь
свою потерять» (Тих, с 121, у Кост повторяются слова Прои-
доры)

2 Баталии «И удари Еруслонъ Лазаревичъ Ивашка прогивъ
срѣца ретиваго копьемъ, тупымъ концемъ, и вышибъ из седла
вонъ» (с 331)

3 Покорность врага Ивашка просит пощады (с 331) Удив-
ление резонирующей среды недоверие и страх царя Далмата
(с 332)

IV. Второй эпизод с Даниилом Белым

1 Подготовка а) Картина запустения разоренной Даниилом
страны царя Картауса (с 332)

в) Описание силы Даниила (арифметическая картинность)
«собралъ войска 120 000», «ратныхъ людей побилъ, храбрыхъ витя-
зей 80 000, а честныхъ людей 300 800» и пр (с 332)

2 Баталия «И не ясенъ соколъ напускается на гуси и на ле-
бяди, напускаетъ Еруслонъ Лазаревичъ на мурзы и на татары
прибилъ, и присЕкъ, и конемъ притопталъ мурзъ и татаръ 170 000»
и пр (с 336)

3 Признание и благодарность резонирующей среды «царь Кар-
таусъ и отец его князь Лазаръ много слезами унимали живи ты
у насъ прочь не отъЕзжай» (с 336)

V. Эпизод с Огненным царем

1 Подготовка в предупреждающих словах головы «Не видить
его предъ собою мертва, хочешь отъ него самъ умрети» «И язъ
былъ человекъ, да и богатыри многие меня, цари и князи восточ-
ные и западные знали, не только меня боялись, но и имени моего
страшились, а как мати меня породила, и я былъ полторы сажени
человЕческия, а толстота моя была въ объемъ человеку, и какъ я
былъ летъ 3, и у меня въ чистЕ полЕ ни звЕрь не прорыскиваль, и ни-
каковъ человекъ не прохаживаль, и никаковъ богатырь противъ
меня не ставиваль, а иныЕ мнЕ 20 лЕтъ Ты самъ видишь, воз-
растъ мой каковъ И тотъ царь силенъ велми и войска у него много,
и мечь его не сЕчетъ, и сабля его неиметъ, на водЕ онъ не тонетъ
а на огнЕ не горитъ» (с 334)

2 Одоление врага помощью хитрости, храбрости, удачи и неко-
торых элементов волшебства Это Еруслану не мешает быть ге-
роем

3 Признание героя осуществляется в удивлении и благодар-
ности герою со стороны Картауса, Лазаря и всех излеченных жел-
чью Огненного царя

VI. Эпизод с чудищем из озера

1 Подготовка Засилье «лютого чюда» «иа всякъ день выходитъ
наберегъ и поЕдаетъ многія люди» Общая беспомощность «Царь
ВарфоломЕй велитъ на всякъ день кличь кликать, чтобы Богъ
послалъ такого человекѦ, кой бы в езерЕ чюдо извел» (с 336)

2 Баталинные перипетии необычны и обусловлены особыми

свойствами противника (живет в воде, о трех головах и пр) (с 336)

3 Общее признание героя «и архиепископъ того града со всемъ соборомъ и со кресты, и со иконами стречали съ князи, и съ бояры, и со всеми своими православными христианы, поклоняетца весь миръ и малыя младенцы возыграли, и стари возтрепетались, и бысть во градЕ радость великая И царь ВарфоломЕй на радости пиры сотворилъ многы» и пр (с 337)

В повестях и авантюрных романах мотивы ратного героизма осложняются элементами волшебства и любовных радостей и страданий, которые часто собою совершенно подавляют очарование боевых схваток и ликующих побед Поэтому не всегда представляются очевидными те тенденции и приемы, которые так обнажено выступают в повести о Еруслане Лазаревиче Однако, при наличности известных ситуаций, стремление к неожиданным эффектам, к яркому контрастному выделению главной фигуры, очевидно, само собою приводило к использованию одних и тех же форм в разных и по происхождению иногда весьма далеких произведениях

Может быть, поэтика повести о Еруслане Лазаревиче вообще испытала на себе воздействие былиного стиля³ и в ней генетически связаны с былинной общие композиционные приемы, но все же едва ли такое подобие вызывалось лишь непосредственным соприкосновением и влиянием, тут скорее всего и больше всего действовала общая внутренняя логика одинаковых стремлений

Трудно предполагать непосредственное соприкосновение между русскими былинами и авантюрно рыцарскими поэмами Ариосто («Неистовый Роланд», Боярдо «Влюбленный Роланд») или Тассо («Освобожденный Иерусалим»), однако и в этих последних герой не сразу дан во всем великолепии и славе, и ему для большего обаяния нужно пережить периоды неизвестности и наоборот, всякие драконы, великаны, людоеды, или заезжие рыцари, с которыми ему приходится вести схватки, всегда выступают уже с прочно определенной и подавляющей репутацией неприступности и неодолимости, они презирают малый рост рыцаря, его внешность, грубо насмеваются и заносчиво пренебрегают дерзостью нового противника, от которого идет к ним гибель⁴ Очевидно, самое сочетание перемешающихся красок возбуждения, подъема и ожидания, антитезы тревоги и ликования, радость играющего чувства горделивого торжества — сами собою вызывали одинаковые положения и создавали одни и те же приемы чарующего рассказа («зело послушати дивно»)

³ Ср обилие повторений, отрицательные сравнения, постоянные «народные» эпитеты (буйну голову, конь добрый, меч острый, сыра земля и пр), тождество отдельных речений («и говоритъ таково слово» — Кост, 326 «како на тебе у меня не затворена», а место тебе подлЕ меня, а другое противъ меня, а третье, гдЕ тебе любо» — Кост, 337, «или тебе у царя мЕсто было не по обычаю, или тебе от царя было слово кручинное?» — Кост, 325, «берет за руку правую, целует в уста сахарные» — Кост, 337), общий рисунок некоторых одинаковых положений (Еруслан молодой шутки шутит «кого хватить за руку — у того рука прочь, кого хватить за голову — у того голова прочь» и т п — Кост, 325)

⁴ Ср Ситовский В В Очерки из истории русского романа Спб, 1910 Т I Вып 2 С 38

ОГЛАВЛЕНИЕ

Классический труд по русскому эпосу (А. К. Архангельская) .	5
1 Современные методы изучения былины	35
2. Архитектоническое соотношение внутреннего состава былины о богатырских подвигах	92
3. К вопросу о соотношении вымысла и действительности в былинах	155
4 Материалы и исследования по изучению былины с 1896 г. по 1923 г. Библиографический обзор	192
Алфавитный указатель к «Обзору»	286
Приложение	316

Научное издание

Скафтымов Александр Павлович

ПОЭТИКА И ГЕНЕЗИС БЫЛИН

Редактор *М. П. Ларина*

Художник *Е. И. Бочаров*

Технический редактор *Т. Н. Крючина*

Корректоры *Г. А. Рогова, Е. А. Митенева*

ИБ № 2941

Сдано в набор 8 07 91 Подписано к печати 4 02 94 Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2 Печать высокая Гарнитура «Литературная».
Усл. печ. л. 16 80(10 0) Уч. изд. л. 17 3 Тираж 500 Заказ 628 С. 66

Издательство Саратовского университета.
410601, Саратов, Университетская, 42.

Малое предприятие «Полиграфист», 410730,
Саратов, пр. Кирова, 27